

**ИСТОРИЯ БОРЬБЫ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА**

СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К^О),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРЪ.

1867.

Сканирование и обработка

Bewerr

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1866 г., кн. 3 и 4-я.

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462 — 1508.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Князья.

Завѣщаніе Василія Васильевича Темнаго. — Отношенія Ивана III къ Князьямъ Удѣльнымъ и своимъ братьямъ. — Возстаніе Князей Андрея Большаго и Бориса Васильевичей противъ Ивана III изъ за Новгорода. — Уничтоженіе Верейскаго Княжества и паденіе независимости Твери; участіе во всѣхъ этѣхъ событіяхъ Короля Казимира. — Поиманіе Андрея Васильевича Углицкаго. — Положенія договора Василія Васильевича Темнаго съ Казимиромъ о Князьяхъ вообще и служебныхъ въ особенности. — Служебные Князья, ихъ занятія и отношенія къ своимъ Государямъ. — Отѣзды Князей съ отчинами изъ Литовской службы въ Московскую; сношенія Ивана Васильевича съ Казимиромъ по поводу отѣздовъ Князей. — Княжеская война. — Отѣзды Князей Шемячича, Можайскаго, Семена Бѣльскаго и другихъ. — Положеніе Князей отѣзчиковъ въ Московскомъ подданствѣ и ихъ занятія во время войны и мира съ Литвою. — Способы, которыми Московскіе Государя удержали въ своей службѣ Князей. — Исторія вражды Шемячича и Можайскаго и судьба ихъ. — Заключеніе.

Государствованіемъ Ивана III блестящимъ образомъ заканчивается средневѣковая Русская Исторія и еще блестяще открывается новая. Препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію Русской общественной жизни въ XV столѣтіи была, такъ называемая, Удѣльная система. Московскіе Государя, сооружая одною рукою Государственное зданіе, въ то же время другою, подъ вліяніемъ старыхъ

понятій, клали препятствіе къ дальнѣйшему развитію своего дѣла, посредствомъ поддержанія въ своей семьѣ Удѣльныхъ порядковъ. Ко времени Ивана III лицъ, заинтересованныхъ въ укрѣпленіи этѣхъ порядковъ, въ сѣверной Россіи было много; на первомъ планѣ здѣсь являются братья Великаго Князя, потомъ Князя не изъ семьи Василя Темнаго, владѣвшіе независимыми Княжествами, каковы: Тверской, Верейской, Рязанской, далѣе огромная масса Князей служебныхъ, и наконецъ, опора старины, Новгородъ, а за нимъ, младшій его братъ, Псковъ.

Къ концу великокняженія Василя Темнаго система Московскихъ Князей восторжествовала надъ ихъ врагами; но умирая Василій Васильевичъ оставилъ завѣщаніе, старинное по формѣ и почти по сущности. Приказывая своимъ дѣтямъ жить за одинъ и слушаться своей матери, а младшимъ сыновьямъ — и своего старшаго брата, въ отца мѣсто, завѣщалъ старшему своему сыну, Ивану, держать братьевъ меньшихъ въ братствѣ безъ обиды, и, въ заключеніе всего, Василій Васильевичъ раздѣлил свои владѣнія между всѣми дѣтьми, хотя старшему, при этомъ дѣлежѣ, досталась наибольшая часть. Ко всему этому, какъ препятствіе дѣлу всей своей жизни, Василій Васильевичъ поручилъ блюсти свою вдову и своихъ дѣтей, представителю всякихъ старыхъ порядковъ, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Казимиру.¹

Вскорѣ послѣ смерти Василя Темнаго, его сыновья, Иванъ Васильевичъ съ братьями, заключили, въ подтвержденіе прежняго, договоръ съ Тверскимъ Великимъ Княземъ, Михайломъ Борисовичемъ, и Тверскими Князьями. Иванъ Васильевичъ и Михаилъ Борисовичъ, какъ равные, обязались взаимно вездѣ другъ другу добра хотѣть и подъ владѣнія не подыскиваться, а быть вездѣ за одинъ, на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и на Нѣмцевъ; Князей враговъ одного Великаго Князя другому не принимать, а при отъѣздѣ служебныхъ Князей въ ихъ отчины не вступаться; Боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля; съ Новгородомъ Великимъ жить по старинѣ.² Въ то же время Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ братьями, заклю-

¹ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 86 и 87.

² Тамъ же, №№ 88 и 89.

чилъ договоръ съ Верейскимъ Княземъ, Михайломъ Андреевичемъ, который, по родовой лѣстницѣ, приравнивался къ третьему брату Московскаго Великаго Князя и обязывался держать Великое Княженіе честно и грозно, безъ обиды, а его Московскіе Князья обязывались держать въ братствѣ, любви и чести, безъ обиды же; всѣ вышнія отношенія, къ Ордѣ, къ Великимъ Князьямъ и такъ далѣе, лежатъ на Московскомъ Великомъ Князѣ, который съ этой стороны долженъ заботиться объ интересахъ Верейскаго Князя, а этотъ обязывался, если съ кѣмъ находится въ крестномъ цѣлованіи, то его сложить; Боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля, но Князей служебныхъ другъ отъ друга договаривающіеся не должны принимать.³ Только съ Рязанью у Московскихъ Князей не было заключено договора, по тому что Иванъ Васильевичъ, какъ было при его отцѣ, оставался опекуномъ Рязанскаго Великаго Князя, который въ 1464 году поѣхалъ въ свои владѣнія и въ томъ же году женился на сестрѣ Ивана Васильевича. Спустя около трехъ лѣтъ послѣ договора Московскихъ Князей съ Верейскимъ, съ послѣднимъ Иванъ Васильевичъ заключилъ еще два новые договора. По одному изъ нихъ Михайло Андреевичъ поступался самъ Ивану Васильевичу Вышгорода съ волостями, путями и селами и обѣщался въ него не вступаться. Этотъ Вышгородъ былъ пожалованъ Верейскому Князю Васильемъ Темнымъ, и потомъ самимъ Иваномъ Васильевичемъ. По другому договору Верейскій Князь долженъ былъ по старшинству считать себѣ старшими не только двоихъ сыновей Василья Васильевича, но всѣхъ пятерыхъ.⁴

Относясь къ каждому самостоятельному Князю отдѣльно, Иванъ Васильевичъ сталъ относиться точно также и къ своимъ братьямъ. Второй изъ нихъ, Андрей Васильевичъ Большой, Князь Углицкій, былъ въ постоянномъ соперничествѣ съ Великимъ Княземъ, начиная особенно со времени походовъ на Новгородъ. Лѣтописецъ, въ числѣ неправдъ Андрея Углицкаго противъ старѣйшаго своего брата упоминаетъ, что онъ думалъ наліхо Великаго Князя съ своими братьями, Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ, и для этого приводилъ ихъ къ крестному цѣлованію. Очень можетъ быть, онъ что

³ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 90 и 91.

⁴ Тамъ же, №№ 92 и 93.

ни будь задумывалъ послѣ перваго похода Ивана Васильевича на Новгородъ, и вотъ до насъ отъ этого времени дошелъ договоръ (въ копіи) съ нимъ. Въ этомъ договорѣ мы не видимъ ни какихъ особенностей относительно владѣній договаривающихся, и онъ какъ бы составляетъ середину между договоромъ съ Тверскимъ Великимъ Княземъ и Княземъ Верейскимъ.⁵ Но вскорѣ послѣ этого явился случай, еще болѣе разстроившій миръ между братьями. Въ 1472 году, въ Сентябрь мѣсяцъ, скончался второй сынъ Василія Васильевича, Юрій. Подъ влияніемъ, должно быть, обстоятельствъ, онъ, въ своей духовной грамотѣ, точно распорядился о своей движимости, о поминовеніи своей души, но ничего не сказалъ опредѣленнаго о своемъ Удѣлѣ. Братья разсорились за Удѣлъ Юрія Васильевича, по тому что старшій все взялъ себѣ. Иванъ Васильевичъ пошелъ на сдѣлки: самому младшему своему брату далъ Тарусу; съ Борисомъ заключилъ договоръ, въ Февралѣ слѣдующаго 1473 года, по которому Удѣлъ Юрія Васильевича остался за Иваномъ Васильевичемъ, а онъ пожаловалъ брату Вышгородъ. Но съ Андреемъ такой же договоръ былъ заключенъ только въ Сентябрь этого же 1473 года: его за Удѣлъ Юрія Васильевича вознаградила мать, Великая Княгиня Марья, давши Романовъ на Волгѣ. Въ предшествующемъ договорѣ Андрея Васильевича съ старшимъ братомъ, сынъ послѣдняго, Иванъ, назывался просто Княземъ, а теперь братья Великаго Князя называютъ Ивана Ивановича Великимъ Княземъ и обязуются его имѣть себѣ старшимъ братомъ.⁶

Окончательное подчиненіе Новгорода снова разсорило братьевъ. Недовольными оказались Андрей Большой и Борисъ Васильевичи, Андрей же Меньшой не принималъ участія въ ихъ дѣлѣ. Поводъ къ ссорѣ подалъ отъѣздъ отъ Великаго Князя Князя Оболенскаго-Лько. Оболенскій, не стерпѣвши излишне строгаго суда за взятки, отъѣхалъ къ Борису Васильевичу. Иванъ Васильевичъ приказалъ силою схватить Оболенскаго среди Княжескаго двора, но когда его отняли изъ рукъ Великокняжескаго чиновника, то Великій Князь приказалъ сказать брату, чтобы тотъ выдалъ

⁵ С. Г. Г. и Д. т. I, № 95.

⁶ Тамъ же, №№ 96—100; Типогр. Лѣт. стр. 284.

Оболенскаго головою, тотъ же отвѣчалъ предложеніемъ суда о дѣлахъ отвѣзчика. вмѣсто этого Иванъ Васильевичъ приказалъ Боровскому Намѣстнику схватить Оболенскаго тайно; приказаніе было исполнено, и Оболенскаго закованнаго привезли въ Москву. Услышавъ это, Борисъ Васильевичъ послалъ къ Андрею Углицкому, жалуясь на Великаго Князя, что онъ вотъ какую силу надъ ними чинить, что невольню никому отвѣхать къ нимъ; что они молчали, когда князь Юрій умеръ, Великому Князю вся его отчина досталась, а онъ имъ изъ той отчины не далъ ни какого надѣла; Новгородъ Великій вмѣстѣ съ ними взялъ, и ему все досталось, а имъ жеребья изъ него не далъ; а нынче и здѣсь силу чинить: кто отвѣдетъ отъ него къ нимъ, и тѣхъ безсудно хватаетъ; ужь ни за Бояръ началъ считать свою братью; а духовные отца своего забылъ, какъ тотъ написалъ, по чему имъ жить, да также забылъ и докончанья, что на чемъ кончали послѣ отца своего.

Борисъ Васильевичъ разсердился на старшаго брата собственно по поводу дѣла Оболенскаго, и при этомъ припомнилъ всѣ другія обиды. Но въ это время готовилось противъ Ивана Васильевича общее возстаніе всѣхъ его враговъ. Новгородъ, подчиненный въ 1478 году, хотѣлъ подняться снова; помощь ему обѣщаль Казимиръ, вступившій для этой цѣли въ сношенія съ Ахматомъ, Ханомъ Золотой Орды. Во всѣхъ этѣхъ замыслахъ участвовалъ Андрей Васильевичъ Углицкій, и въ этомъ его обвиняетъ летописецъ, пересчитывающій его неправды предъ Великимъ Княземъ; по этому жалобы Бориса Васильевича были для враговъ Московскаго Государя весьма кстати, и Андрей началъ съ нимъ уговариваться о возстаніи. Объ общихъ замыслахъ противъ себя Иванъ Васильевичъ не зналъ; онъ только узналъ, что Новгородцы приготавливаются къ возстанію, и по этому, пріѣхавши, въ самомъ началѣ 1480 года, въ Новгородъ, началъ свой страшный розыскъ. Здѣсь крамольники сказали, что они имѣли ссылки съ Князьями Андреемъ и Борисомъ; Иванъ Васильевичъ не сказалъ объ этомъ никому, но скоро скрывать было нечего, по тому что въ Новгородъ пришла вѣсть, что братья отъ него отступили. Порѣшивъ Новгородское дѣло, Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ въ Москву; сюда онъ пріѣхалъ предъ великимъ заговѣнемъ, и его пріѣзду всѣ были рады, по тому что люди въ страхѣ отъ возстанія Князей

бѣжали по лѣсамъ и отъ стужи многіе мерли; города же были въ осадахъ; но возстаніе не было въ полномъ разгарѣ. Около тѣхъ же дней, когда Иванъ Васильевичъ прибылъ въ Москву, Борисъ Васильевичъ изъ своего удѣла, Волока, пришелъ къ брату Андрею въ Угличъ (на Масленой недѣлѣ). Изъ Углича Князья, побросавши свои города, направились чрезъ Тверскую область къ Ржевѣ, куда прежде, изъ Волока, была отправлена жена Бориса Васильевича вмѣстѣ съ дѣтьми. Иванъ Васильевичъ послалъ къ Князьямъ въ Ржеву Боярина, приглашая ихъ возвратиться, но они не возвратились и пошли изъ Ржевы въ верхъ по Волгѣ, къ Новгородскимъ волостямъ. Войска Князей сопровождали ихъ жены и дѣти, такъ же жены и дѣти ихъ Боярѣ и Дѣтей Боярскихъ. На дорогѣ въ Новгородъ, въ Молвятицахъ, догналъ Князей другой посланный изъ Москвы, Ростовскій Владыка, Вассіанъ. Въ Новгородскихъ областяхъ Князья могли убѣдиться, что они пришли сюда поздно, по тому что все было погромлено и, можетъ быть, по этому повернули, съ дороги въ Новгородъ, къ Литовскому рубежу, и, въ то же время, по Архіепископскимъ рѣчамъ, послали, для переговоровъ со старшимъ братомъ, двухъ своихъ Боярѣ, Князей Оболенскихъ, вмѣстѣ съ Архіепископомъ. Вассіанъ, вмѣстѣ съ Княжескими Боярами, пріѣхалъ въ Москву на Страстной недѣлѣ; Великій Князь отпустилъ Княжескихъ Боярѣ къ ихъ Князьямъ, и при томъ отправилъ къ нимъ опять Архіепископа Вассіана, вмѣстѣ со своими Боярами, наказавъ сказать братьямъ: «Идите въ свои отчины, а я васъ во всемъ хочу жаловать!» Кромѣ этого, Бояре должны были предложить Князю Андрею прибавку къ его отчинѣ и къ тому, что ему дала мать, города Калугу и Алексинъ. Въ слѣдствіе весеняго пути посланные къ Князьямъ ѣхали долго, а когда прибыли въ Великіе Луки, то всѣ ихъ предложенія были отвергнуты. Мать Великаго Князя, Архіепископъ Вассіанъ и многія другія лица хлопотали о примиреніи братьевъ, и Иванъ Васильевичъ, стѣсняемый другими обстоятельствами, вступилъ съ ними въ переговоры. Онъ много сердился на свою мать, подозрѣвая, что она потакала его братьямъ, такъ какъ особенная ея любовь къ Андрею Большому была извѣстна, но она, прося Великаго Князя за младшихъ своихъ сыновей, посылала въ то же время къ нимъ, чтобы они не ходили къ Королю. Но дѣла Князей не были въ блестящемъ положеніи: вѣроятно, въ надеждѣ на помощь Казимира, они отвергали предло-

женія Ивана Васильевича, но Король имъ не помогъ. Когда они пришли въ Великіе Луки, то послали къ Королю бить челомъ, чтобы онъ управилъ ихъ въ обидахъ съ Великимъ Княземъ и помогаль, но Король отомвилъ имъ, а только Книгинямъ ихъ далъ на прожитокъ городъ Витебскъ. Приготовляясь защищать берегъ Оки противъ Татаръ, Иванъ Васильевичъ оставилъ братьевъ въ Новгородскихъ областяхъ, но видя, что изъ ихъ бунта ни чего не выходитъ, отказалъ и тогда имъ, когда они прислали и къ нему своихъ дьяковъ бить челомъ, и не принялъ ихъ челобитья. Большую часть лѣта Иванъ Васильевичъ стоялъ на берегу въ Коломнѣ, ожидая нашествія Ахмата, а Князья ходили по Новгородскимъ и Псковскимъ областямъ, гдѣ отъ ихъ людей былъ грабежъ, точно какъ отъ невѣрныхъ. Когда Ахматъ пришелъ подъ Угру, то Иванъ Васильевичъ пріѣхалъ изъ Коломны въ Москву, 30-го Сентября, для того, чтобы сдѣлать различныя распоряженія: въ это время пришли послы отъ Князей о мирѣ. Говорятъ, будто бы этѣ послы предложенія своихъ Князей высказали не въ формѣ челобитья, а слѣдующимъ образомъ: «Если справишься къ намъ и силы надъ нами не почнешь чинить, а будешь держать насъ какъ братью свою, то мы придемъ къ тебѣ на помощь.» И будто бы Иванъ Васильевичъ, подъ вліяніемъ страха Татарскаго, дался во всю волю Князей, и они поѣхали къ нему на помощь, давши сначала помощь Псковитянамъ на Нѣмцевъ; хотя, впрочемъ, этой помощи они и не давали, и Псковитяне именно и говорятъ, что Князья грабили ихъ какъ невѣрные, и они на силу могли подарками привести ихъ къ тому, чтобы они ушли назадъ въ Новгородскія земли. Невраждебная лѣтопись къ Ивану Васильевичу говоритъ, что онъ пожаловалъ свою братью, по печалованью своей матери, Архіепископа Вассіана и Верейскаго Князя, отпустилъ ихъ пословъ, приказавъ Князьямъ ити къ нему быстро. Князья пришли къ Великому Князю, когда онъ былъ въ Кременцѣ, и потомъ пошли къ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ, примирившись съ братьями, далъ Андрею Васильевичу не Калугу и Алексинъ, какъ прежде предлагалъ, а Можайскъ; говорятъ, что и Борису Васильевичу при этомъ примиреніи даны села, но въ заключенныхъ вскорѣ послѣ этого примиренія (2 Февраля, 1481 года) договорахъ, Можайскъ укрѣпленъ за Андреемъ Васильевичемъ, а о Борисовыхъ селахъ ни чего не сказано. Вскорѣ послѣ этѣхъ договоровъ умеръ млад-

шій сынъ Василя Темнаго, Андрей, не принимавшій участія въ замыслахъ старшихъ братьевъ; онъ отдалъ свой Удѣль Ивану Васильевичу, при чемъ возложилъ на него и всѣ свои долги; остальнымъ своимъ братьямъ завѣщалъ по селу и нѣкоторыя вещи.⁷

1480 годъ во многомъ разъяснилъ, кто чему сочувствуетъ. Иванъ Васильевичъ примирился съ братьями и покуда не трогалъ ихъ. Но первой Удѣльной Князь, который потерялъ окончательно свои владѣнія, былъ Михайло Андреевичъ Верейскій. Этотъ примиритель Князей уступилъ, въ 1482 году, Ивану Васильевичу часть своихъ владѣній, Бѣло Озеро, послѣ своей смерти; Иванъ же Васильевичъ обязался за себя и за своихъ потомковъ, которые будутъ владѣть Бѣлымъ Озеромъ, помянуть душу Михайла Андреевича.⁸ Спустя нѣкоторое время послѣ этого, тотъ случай, что Иванъ Васильевичъ хотѣлъ дарить вещами свою сноху, родившую ему перваго внука, а этѣ вещи оказались отданными, безъ его спроса, Софьею Ѳоминачною въ приданое за ея племянницею, вышедшею замужъ за сына Михайла Андреевича, Василья, повелъ къ тому, что Иванъ Васильевичъ разсердился на Верейскихъ Князей. Онъ послалъ къ Василью Михайловичу взять у него приданое его жены и грозился при этомъ посадить его въ заключеніе. Василій Михайловичъ побѣжалъ въ Литву, а посланная за нимъ погоня не догнала его. Отецъ Василя Михайловича заключилъ съ Иваномъ Васильевичемъ договоръ (12 Декабря, 1483 года), по которому обязался не ссылаться съ своимъ сыномъ ни каторою хитростію, и если тотъ, кого пришлеть къ нему, то онъ долженъ былъ отослать присланнаго къ Великому Князю; Верея съ волостями была отобрана у Князей, и Иванъ Васильевичъ отдавалъ ее во владѣніе Михайлу Андреевичу до его живота, и послѣ его смерти общался, какъ и прежде, помянуть душу Михайла Андреевича. Михайло Андреевичъ дѣйствительно скоро скончался, завѣщавъ своему Господину и Государю свою душу помянуть и долги платить.⁹

⁷ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 106—112; Лѣтописи Никоновская, Софійская, Архангельская и Татищевъ.

⁸ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 113 и 114.

⁹ Тамъ же, №№ 118, 121 и 122.

За Верею очередь наденія наступила для Твери. До восьмидесятихъ годовъ оба Великіе Князья жили мирно; обстоятельства, при которыхъ они заключили первый свой договоръ, къ послѣднему времени совершенно перемѣнились: уже почти кругомъ Тверскихъ владѣній находились Московскія. Съ другой стороны, Казимиръ, не помогшій въ 80-мъ году ни одному врагу Московскаго Великаго Князя, готовялъ теперь новое нашествіе Татаръ на Москву. Но это дѣло пошло къ тому, что двѣ Орды, Крымская и Золотая, начали между собою воевать, а въ Ордахъ случился голодъ, въ слѣдствіе чего всѣ степныя дѣла перепутались. Этого Казимиръ не могъ, конечно, предвидѣть; но въ связи съ Татарскимъ нашествіемъ, для полнаго вреда Московскому Государю, при ничтожныхъ волненіяхъ въ Новгородѣ, было полезно возстановить на него Князя, могшаго при этомъ нанести ему вредъ. Около того времени, когда Иванъ Васильевичъ порѣшилъ съ Верею, между Тверскимъ Великимъ Княземъ и Казимиромъ былъ заключенъ договоръ, по которому, если Тверскому Великому Князю прійдется съ кѣмъ ни будь быть немирнымъ, то Казимиръ обязывался пособлять ему думою и помощью безъ хитрости, и стоять имъ вездѣ за одно на всѣхъ враговъ, не исключая никого. ¹⁰ Это нарушеніе предшествующаго договора съ Московскими Князьями со стороны Михайла Борисовича, естественно, вело къ тому, что Казимиру необходимо было скоро исполнить свой договоръ. Этотъ союзъ на всѣхъ, хотя безъ имени, не укрылся отъ Ивана Васильевича, и онъ, зимою 1484—85 года, послалъ въ Тверь сложить съ себя крестное цѣлованіе и приказалъ порубежной рати воевать Тверскія области. Помощь изъ Литвы не приходила, Татары не нападали на Московскія Украйны, и Михайло Борисовичъ прислалъ къ Ивану Васильевичу Тверскаго владыку бить челомъ о мирѣ. Миръ былъ данъ на всей волѣ Московскаго Государя: Михайло Борисовичъ отказывался отъ союза съ Казимиромъ, долженъ былъ сложить къ нему крестное цѣлованіе предъ Московскимъ посломъ, во всѣхъ виѣшнихъ отношеніяхъ слѣдовать политикѣ Московскаго Государя; вмѣсто прежняго равенства Михайлъ Борисовичъ приравнивался брату Ивана Васильевича, Андрею Углицкому. ¹¹ Лѣтописецъ рассказываетъ, что

¹⁰ Ак. З. Р. т. I, № 79.

¹¹ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 119 и 120.

послѣ этого мира Московскіе Бояре и Дѣти Боярскіе, гдѣ ихъ рубежи сходились съ Тверскими, позволяли себѣ обижать Тверитянь, и этѣ ихъ дѣла оставались безнаказанными, а гдѣ обидятъ Тверичи, то Великій Князь посылаетъ въ Тверь съ поношеніями и угрозами, отвѣтамъ не вѣритъ и на своихъ обидчиковъ суда не даетъ. Такое состояніе дѣлъ вело къ тому, что сначала двое служебныхъ Князей, а потомъ и всѣ Тверскіе Бояре отъѣхали на службу въ Москву. Отъѣзчикамъ такое дѣло было выгодно,—въ Москвѣ ихъ наградили: такъ, одному служебному Князю, Дорогобужскому, Великій Князь далъ Ярославль, а другому, Микулинскому, Дмитровъ. Нашествіе Татаръ должно было произойти лѣтомъ 1485 г., но, какъ уже сказано, въ Ордахъ произошелъ голодъ, а между тѣмъ въ Москвѣ узнали, что Тверской Князь не прекратилъ своихъ связей съ Литвою: былъ схваченъ гонецъ Тверскаго Князя, и у него вынаты грамоты, посланныя съ нимъ въ Литву. Михайло Борисовичъ на угрозы изъ Москвы послалъ туда къ Великому Князю опять своего Владыку съ челобитьемъ, но теперь челобитье не было принято, а явившійся съ тѣмъ же изъ Твери, послѣ Владыки, Князь Михайло Холмскій не былъ пущенъ на глаза Великому Князю. Въ это лѣто, кромѣ возможности нашествія Татаръ изъ степей, у Ивана Васильевича было на рукахъ еще Казанское дѣло. Къ 20 Юлію съ Казанью было порѣшено, и послѣ этого Иванъ Васильевичъ приговорилъ походъ на Тверь. Въ Августѣ большое Московское войско пошло къ Твери; Бояре отъ Михайла Борисовича уѣзжали, помощи не являлось ни откуда, и когда Москвичи осадили Тверь, то ея Великій Князь, оставивъ свой родной городъ, побѣжалъ въ Литву, къ Казимиру.¹²

Какъ Новгородомъ, такъ и Тверью Иванъ Васильевичъ овладѣлъ вмѣстѣ съ своими братьями, но и изъ Тверскаго прибитка онъ не подѣлился съ ними. Въ слѣдующемъ году (1486), послѣ взятія Твери, Иванъ Васильевичъ заключилъ сначала договоръ съ Борисомъ Васильевичемъ, 20 Августа, а потомъ, 20 Ноября, съ Андреемъ Васильевичемъ. Оба этѣ договора отличались одинъ отъ другаго: оба Князя обязались не вступаться во владѣнія старшаго своего брата и его прибитки: Тверь, Кашинъ, Новгородъ, Псковъ,

¹² Разряды; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 236—237.

Верю; но въ договорѣ съ Борисомъ Васильевичемъ враги Ивана Васильевича названы по именамъ, именно: «съ недругомъ нашимъ, Королемъ и Великимъ Княземъ Казимиромъ, съ Великимъ Княземъ Михайломъ Борисовичемъ, Литовскими панами и ни съ кѣмъ не ссылатся ни какою хитростію, а быть вездѣ за одинъ и неотступнымъ отъ Великаго Князя»; въ договорѣ же Ивана Васильевича съ Андреемъ Васильевичемъ враги не упоминались по именамъ, а говорилось только вообще о союзѣ.¹³ Подобная выгода свободы дѣйствій Андрея Васильевича имѣла свои опасности. Прошелъ послѣ этого договора только одинъ годъ, и Андрею Васильевичу случилось быть въ Москвѣ. Здѣсь его Бояринъ сказалъ ему, что Великій Князь хочетъ его схватить и заключить. Андрей Васильевичъ испугался и хотѣлъ тайно бѣжать съ Москвы. Но когда его мысли отъвернулись отъ этого, то онъ послалъ къ Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, велѣвши ему объявить то Великому Князю, и спросить, за что онъ хочетъ это сдѣлать надъ нимъ. Князь Патрикѣевъ отрекся отъ порученія, и тогда Андрей Васильевичъ самъ пошелъ къ брату и объявилъ все. Князь Великій началъ клясться ему небомъ, и землею, и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всея твари, что и въ мысли у него того не бывало. По обыску оказалось, что Боярскій Сынъ, служившій Великому Князю, Мунтъ Татищевъ, пришелъ къ Боярину Образцу и пошутилъ, а Образецъ новоротилъ то въ правду и сказалъ объ этомъ Князю Андрею, желая прислужиться ему, по тому что тотъ не держалъ его въ любимцахъ. За эту шутку Татищевъ былъ подвергнутъ торговой казни. Великій князь хотѣлъ ему велѣть и языкъ вырѣзать, но Митрополитъ выпечаловалъ то. Въ 1491 году Ивану Васильевичу необходимо было послать своихъ Воеводъ противъ Татаръ: онъ послалъ и къ братьямъ, чтобы и тѣ послали такъ же своихъ Воеводъ. Борисъ Васильевичъ исполнилъ требованіе, но Андрей Васильевичъ не послалъ своихъ Воеводъ. Въ этомъ отношеніи Андрей Васильевичъ поступилъ не по договору, по тому что и въ договорѣ съ нимъ условіе, о посылкѣ Воеводъ вмѣстѣ съ Великокняжескими, было помѣщено. Иванъ Васильевичъ въ это время начиналъ войну съ Литвою, по этому существованіе въ Сѣверной Россіи такого Князя, который не хочетъ дѣйствовать съ нимъ

¹³ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 123—126.

заодно, было опасно. И вотъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ этого событія, Андрею Васильевичу опять случилось быть въ Москвѣ. Великій Князь его принялъ съ почетомъ. На другой день Иванъ Васильевичъ послалъ къ брату своего Дворецкаго и велѣлъ пригласить къ себѣ хлѣба ясти. Андрей Васильевичъ хотѣлъ за эту честь челомъ ударить своему брату старѣйшему, и когда онъ пришелъ къ Великому Князю въ комнату, называемую западнею, и билъ челомъ Великому Князю на чести, то послѣдній, не много посидѣвъ съ нимъ и мало поговоривши, вышелъ въ другую комнату, приказавши ему подождать себя, а Боярамъ Князя Андрея приказалъ ити въ Грядню. Когда Бояре вышли сюда, то были здѣсь пойманы и разведены розно. Князя Андрея Великій Князь велѣлъ поймать Князю Семену Ряполовскому. Князь Семень со многими Боярами и Князьями вошелъ въ западню, остановился предъ Андреемъ Васильевичемъ, но отъ слезъ не могъ ни чего выговорить и наконецъ, уже рыдая, сказалъ: «Государь, Князь Андрей Васильевичъ! пойманъ еси Богомъ да Государемъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ.» Князь Андрей всталъ и сказалъ: «Воленъ Богъ да Государь, братъ мой старѣйшій, Князь Великій, Иванъ Васильевичъ, а судъ мнѣ съ нимъ предъ Богомъ, что меня неповинно имаеть». Это было въ первомъ часу дня; до вечеренъ сидѣлъ Андрей Васильевичъ въ западнѣ, послѣ его свели на казенный дворъ и приставили стеречь многихъ Князей и Бояръ. Кромѣ этого, Иванъ Васильевичъ послалъ въ Угличъ, подъ начальствомъ двухъ Князей, тысячу человекъ Дѣтей Боярскихъ, схватить сыновей Андрея Васильевича, Ивана и Дмитрія; они были схвачены и посажены въ Переяславль въ желѣзахъ. Дочерей Андрея Васильевича оставилъ въ покоѣ, на самого его, на первой недѣлѣ послѣ поиманья, надѣты были оковы, а сторожа, охранявшіе его темницу, были приведены къ крестному цѣлованью. Андрей Васильевичъ скончался въ темницѣ, младшій же его братъ, Борисъ, спокойно дожидъ свой вѣкъ, по тому что главнымъ заводчикомъ смутъ былъ наслѣдникъ владѣній Шемяки и всѣхъ его наклонностей, Князь Андрей Васильевичъ Углицкій. Лѣтопись высчитываетъ его вины предъ Великимъ Княземъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ думалъ на Великаго Князя лихо вмѣстѣ съ своими братьями, Князьями Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ, и для этого приводилъ ихъ къ крестному

цѣлованью; кромѣ того, грамоты посылалъ въ Литву къ Королю къ Казимиру, одиночасъ съ нимъ на брата своего старѣйшаго; отъѣзжалъ отъ Великаго Князя вмѣстѣ съ Княземъ Борисомъ; посылалъ грамоты свои къ Царю Ахмату Большія Орды, приводя его на Великаго Князя Русскую землю ратію, да съ Великаго Князя ратію на Ордынскаго Царя своихъ Воеводъ не посылалъ, и всѣмъ тѣмъ чинилъ измѣну Великому Князю, преступая крестное цѣлованье.»¹⁴

Поиманьемъ Князя Андрея Васильевича дѣятельность сильныхъ Удѣльныхъ Князей Сѣверной Россіи прекратилась, и всѣ средства, которыми они распоряжались, сосредоточились въ рукахъ одного Великаго Князя. Это дѣло уничтоженія Князей при Иванѣ Васильевичѣ продолжалось почти тридцать лѣтъ. Какъ ни была подкопана всею предшествовавшею исторіею Удѣльная система, но этотъ тридцатилѣтній срокъ не былъ длиненъ, если вспомнимъ, что въ это же время Ивану Васильевичу приходилось имѣть постоянно множество другихъ дѣлъ: съ Степняками, съ Новгородомъ, не говоря уже о томъ, что нужно было имѣть постоянно въ виду и отношенія къ Литвѣ.

Мы видѣли, что Князья, притѣсняемые Великимъ Княземъ, надѣялись на Литву, и въ крайнемъ случаѣ бѣжали туда. Это вело къ тому, что въ договорныхъ грамотахъ Великаго Князя съ Князьями имя Казимира Короля упоминается почти постоянно, какъ врага Ивана Васильевича, и особенно въ этомъ прямомъ смыслѣ начинается оно упоминаться послѣ нашествія Ахмата подъ Угру, или, лучше сказать, послѣ 1482 года. Основой опредѣленій всякихъ отношеній Москвы къ Литвѣ служилъ союзный договоръ Василя Васильевича Темнаго съ Казимиромъ, заключенный въ 1449 году.¹⁵ О Князьяхъ, значительныхъ по своей силѣ, въ этомъ договорѣ было сказано, что Казимиръ обязуется не принимать Дмитрія Юрьевича Шемяку. Но послѣ смерти Шемяки это условіе теряло значеніе, а союзники Шемяки, или подозрѣваемые въ томъ, бѣжали все таки въ Литву. Объ Рязанскомъ Великомъ Князѣ въ этомъ договорѣ было сказано, что если онъ захочетъ слу-

¹⁴ Лѣтописи: Архангельская, Соловѣйская и Новгородская четвертая подлѣ 7000 годомъ.

¹⁵ Ак. З. Р. т. I, № 50.

жить Казимиру, Московскій Великій Князь не долженъ за это гнѣваться на него и не мстить ему за то. Но мы выше видѣли отношенія Ивана Васильевича къ Рязанскому Князю, а въ 1483 году съ новымъ Рязанскимъ Княземъ былъ у него уже заключенъ договоръ, по которому послѣдній обязывался быть съ Московскими Великими Князьями на Казимира и вездѣ за одинъ, а если Великіе Князья будутъ дѣлать докончанье съ Королемъ, то и его, Рязанскаго Великаго Князя, въ немъ помѣститъ.¹⁶ О Тверскомъ Великомъ Князѣ въ договорѣ Казимира съ Василиемъ Васильевичемъ сказано, что его считать на сторонѣ Казимира, а съ Великимъ Княземъ Василиемъ онъ въ докончаньѣ. Но послѣ паденія Твери такое условіе тоже почти ни къ чему не вело, какъ увидимъ сейчасъ.

Участіе Казимира въ дѣлахъ Князей Сѣверной Россіи мы видѣли выше, а какъ объ этѣхъ дѣлахъ объяснялися между собою Иванъ Васильевичъ съ Казимиромъ, это можетъ намъ указать дошедшее до насъ посольство Казимира въ Москву, по случаю дѣла Тверскаго Князя. Въ посольскихъ рѣчахъ Литовцевъ говорится отъ имени Казимира: «Я уже посылалъ къ тебѣ о Тверскомъ Великомъ Князѣ, а съ чѣмъ посылалъ, то тебѣ вѣдомо; теперь же говорю о томъ; извѣстно, что Михайло Борисовичъ съ нами въ докончаньѣ и крестномъ цѣлованьѣ, и теперь онъ пріѣхалъ въ Литву, мы его приняли, онъ билъ намъ челомъ, чтобы мы ему помогли, а мы думали, какъ бы онъ до своей отчины дошелъ мирно, безъ кровопролитья, и по докончанью нашему съ твоимъ отцомъ, которое мы заключили и на дѣтей, мы Михайлу Борисовичу помощи на васъ не дали, хлѣба же и соли ему не бороили, и покуда была его воля, до тѣхъ поръ онъ у насъ и былъ, и какъ добровольно пріѣхалъ въ нашу землю, такъ мы добровольно его и отпустили.»¹⁷

Отъѣзжая изъ Сѣверной Россіи въ Литву, Князья уносили туда съ собою только одни притязанія; Казимиръ, какъ видимъ, не хотѣлъ имъ помогать въ желаніи возвратить ихъ прежнее

¹⁶ С. Г. Г. II Д. т. I, №№ 115 — 116.

¹⁷ Ар. З. Р. т. I, № 89.

значение, а только не отказывалъ въ хлѣбѣ и соли. Эту хлѣбъ соль давали имъ въ видѣ владѣній, и при этомъ Князья изъ самостоятельныхъ превращались въ служебныхъ. Самыми важными изъ нихъ, сыгравшими роль въ Исторіи, были потомки старыхъ отѣзчиковъ изъ Сѣверной Россіи, Шемяичи и Можайскій. Ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ въ Удѣль Черниговъ, Стародубъ и другія мѣста, подъ бокомъ у Московскаго Государства и на границѣ степей. Къ этимъ отѣзчикамъ Иванъ Васильевичъ относился такъ, что почти во всѣхъ своихъ союзныхъ договорахъ поставлялъ условіемъ не принимать этѣхъ Князей и не ссылаться съ ними.

Служебныхъ Князей, находившихся въ службѣ у Московскаго Великаго Князя и у значительныхъ Удѣльныхъ Князей, было весьма значительное количество. Разрядныя книги ¹⁸ показываютъ намъ, что въ Сѣверовосточной Россіи почти весь верхній слой общества состоялъ изъ Князей. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли цѣлыми городами, съ окружающими этѣ города мѣстами. Верховная власть надъ владѣніями служебныхъ Князей принадлежала Великому, или Удѣльному, Князю, и по этому въ договорныхъ грамотахъ время Ивана III встрѣчаемъ постояннымъ условіемъ, что Князей служебныхъ съ ихъ отчинами на службу не принимать и въ отчины ихъ не вступаться. Это условіе было необходимо не только по тому, что Князья имѣли особенную способность переходить изъ службы отъ одного Князя къ другому, но и по тому, что верховные Князья областей, принимая на службу Князей, давали имъ во владѣнія свои города, и, такимъ образомъ, послѣ такого пожалованья, если не было бы вышесказаннаго условія въ договорныхъ грамотахъ, Князь, переходя въ службу, переходилъ бы съ чужими отчинами.

Какъ этѣ Князья жили въ своихъ отчинахъ, намъ извѣстно очень мало. У каждаго изъ этѣхъ служебныхъ Князей была своя дружина или, по крайней мѣрѣ, дворня. Основная спеціальность этѣхъ Князей была война. Родовые счеты и споры за границы давали поводъ къ борьбѣ между ними, но съ усиленіемъ одного Великаго Князя этѣ рѣшенія споровъ мечемъ должны были пре-

¹⁸ Я пользовался Разрядами, находящимися въ Архивѣ Министерства Иностран-
ныхъ Дѣлъ.

кратиться, по тому что онъ не могъ допустить въ своихъ владѣнiяхъ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Но, съ другой стороны, сосредоточенiе огромной массы безпокойныхъ служебныхъ Князей подъ властiю одного Великаго Князя, ставило его въ такое положенiе, что онъ, для водворенiя въ своемъ Государствѣ покоя, не имѣлъ возможности и средствъ постоянно разбирать ихъ дѣла, и по этому долженъ былъ дать имъ занятiе. Съ этой стороны отношенiя Московскаго Государства къ сосѣдямъ были таковы, что для этѣхъ военныхъ спеціалистовъ было много дѣла. На границахъ со степью была постоянная война: отъ Галича Костромскаго по Московскимъ границамъ, на юго-востокъ до Калуги, по нѣскольку разъ въ году перемѣнялись войска, и все большею частiю подъ начальствомъ Князей; съ другой стороны на западъ и сѣверо-западъ шла почти безостановочно война съ Нѣмцами и въ Финляндiи. Давая занятiе и упражненiе своимъ служебнымъ Князьямъ, по собственному усмотрѣнiю, Великiй Князь вмѣстѣ съ тѣмъ и развивалъ ихъ силы и въ то же время, возможностью имѣть занятiе и вознагражденiе за него, привлекалъ ихъ отъ другихъ. Исполнять волю Московскаго Государя и воевать, гдѣ онъ укажетъ, Князья готовы были съ великою ревностiю, по тому что они знали, что за свои подвиги будутъ вознаграждены. Такъ, послѣ голодныхъ войнъ съ Татарами, Иванъ Васильевичъ задавалъ Князьямъ, какъ пиръ, самые прибыточные походы, каковыми были два Новгородскiе похода, въ которыхъ Князья значительно обогатились; а когда силы Сѣверной Россiи положительно всѣ сосредоточились въ рукахъ Ивана Васильевича, то онъ началъ безконечныя Польско-Литовскiя войны. Но и этѣ войны начались по поводу все тѣхъ же служебныхъ Князей.

Отношенiя Князей Сѣверной Россiи къ своему верховному господину, Московскому Государю, остались навсегда неопредѣленными. Но мы несравненно болѣе знаемъ объ опредѣленiи отношенiй къ верховному господину тѣхъ Князей, которые жили въ Литовскихъ владѣнiяхъ. Граница Московскаго Государства съ Литвою при Иванѣ III до девяностыхъ годовъ XV столѣтiя была опредѣлена договоромъ Василiя Темнаго съ Казимиромъ. Такъ какъ тогда Новгородъ и Тверь не были подчинены Москвѣ, то Московская граница съ Литвою соприкасалась не во многихъ мѣ-

стахъ: не входя въ подробности, ее можно опредѣлить такъ, что она шла отъ города Калуги и рѣки Угры почти прямою линіею къ городу Ржеву. На юго-западъ отъ этой границы къ Днѣпру находились владѣнія многочисленныхъ Князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило офиціальное названіе страны Князей. Одни изъ этихъ Князей имѣли родовыя владѣнія, а другіе пожалованныя имъ Литовскими Великими Князьями. Тѣ Князья, которые имѣли родовыя владѣнія опредѣляли, свои отношенія къ своему Верховному Господину посредствомъ договоровъ; договоры съ Князьями Новосильскими, Одоевскими и Воротынскими показываютъ, что они заключались такъ, что въ нихъ стояли, съ одной стороны, Великій Князь Литовскій, а съ другой нѣсколько Князей вмѣстѣ. Этѣ договоры въ сущности сходны одинъ съ другимъ; вотъ ихъ содержаніе: «Били мы челомъ Королю Казимиру, Государю Великому Князю, чтобы принялъ онъ насъ въ службу по докончанью дяди своего, Великаго Князя Витовта. Намъ ему служить вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и во всемъ быть послушнымъ, а ему насъ въ чести держать и въ жалованьѣ и въ докончаньѣ, какъ держалъ дядя его, Великій Князь Витовтъ. Поступать намъ по Королевской волѣ, и съ кѣмъ онъ будетъ миренъ, съ тѣмъ и мы мирны, и съ кѣмъ онъ немиренъ, съ тѣмъ и мы не мирны. Королю и Великому Князю насъ защищать, какъ и своего. Намъ безъ Королевской и Великаго Князя Казимира воли ни съ кѣмъ въ докончаньѣ не вступать и никому не помогать. Послѣ смерти Королевской намъ и нашимъ дѣтямъ служить тому, кто будетъ на Литовскомъ престолѣ; если послѣ насъ не будетъ потомковъ, то нашей землѣ отъ Великаго Княжества Литовскаго не отступить. Королю, или кто по немъ будетъ на Литовскомъ престолѣ, въ наши земли, которыя за нами, ни у насъ, ни у нашихъ потомковъ, не вступаться. Когда мы помремъ, то нашимъ дѣтямъ Король, а потомъ и его дѣти, должны дать такое же доканчанье, какъ теперь, и держать по немъ; если же при нашей жизни Божья воля станется надъ Королемъ, то его дѣти, что будутъ на Литовскомъ Великому Княжествѣ, должны дать намъ такое же докончанье. Если докончанье не будетъ дано, или по немъ насъ не будутъ держать, то съ насъ крестное цѣлованіе долой и намъ воля. Судъ намъ съ сосѣдями по

старинѣ; а сопременя въ судѣ, то положить все дѣло на Короля.»¹⁹ Князь, вступающій въ службу къ Литовскому Великому Князю, уже кромѣ того, что, само по себѣ разумѣется, давалъ присягу въ вѣрности, за вотчину, которую ему жаловали, и обязывался служить вѣрно съ того Удѣла, еще долженъ былъ управлять вотчиной по старинѣ, а жителямъ ея приказывалось служить своему Князю и быть ему послушнымъ, какъ самому Великому Князю.²⁰ Но такъ какъ въ докончаньяхъ служебныхъ Князей съ Великимъ Княземъ, кромѣ ясныхъ опредѣленій, когда они освобождаются отъ присяги, было и то, что если Великій Князь не будетъ ихъ держать въ чести, жалованъ, защищать ихъ отъ всякаго, то подобныя условія давали Князьямъ возможность очень часто перемѣнять своего Господина.

Но такъ какъ въ девяностыхъ годахъ XV столѣтія такими Верховными Господами были только двое, Московскій и Литовскій Великіе Князья, то могли ли они принимать къ себѣ изъ службы другаго Князей? Въ договорѣ Василя Ивановича съ Казимиромъ о Князьяхъ служебныхъ было сказано только: «которые Князья служатъ тебѣ, Казимиру Королю, съ своихъ отчинъ и мнѣ, Великому Князю, и моей братьѣ младшей, блюсти ихъ и не обижать, точно также и тебѣ, Королю, блюсти и не обижать Князей, которые мнѣ служатъ.» Такое неопредѣленное условіе давало возможность многое дѣлать, и Казимиръ постѣнилъ исправить эту ошибку относительно Князей: въ договорѣ его съ Тверскимъ Великимъ Княземъ, заключенномъ въ одинъ годъ съ договоромъ съ Василюемъ Темнымъ, о Князьяхъ было сказано, что которой изъ нихъ отъѣдетъ, отъ одного Великаго Князя къ другому, тотъ своей отчины лишенъ.²¹ Но это обязательно было только въ отношеніяхъ къ Твери, а въ отношеніи Московскаго и Литовскаго Государя было то, что каждый изъ нихъ, не нарушая договора, могъ принимать служебныхъ Князей и съ отчинами, хотя это могло вести къ запутаннѣйшимъ спорамъ. Впрочемъ, когда Государи были въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ и при томъ равной силы, то Князья не могли

¹⁹ Ак. З. Р. т. 1, №№ 42 и 63.

²⁰ Тамъ же, № 52.

²¹ Тамъ же №№ 50 и 51.

имѣть особеннаго значенія въ ихъ отношеніяхъ, но совсѣмъ другое могло произойти, если Государя изъ друзей превратятся въ враговъ и силы ихъ не будутъ равны.

Литовскій Великій Князь и въ то же время Король Польской, какъ Государь двухъ Государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особенные интересы, естественно долженъ былъ быть Государемъ слабымъ по своей силѣ, по тому что каждое изъ его Государствъ относилось къ другому враждебно и притомъ ни одно изъ нихъ не было на столько слабо, чтобы съ разу вполне подчиниться другому. Занятый постоянно этой внутренней борьбой, своихъ насильственно склеенныхъ вмѣстѣ Государствъ, Литовскій Великій Князь по этому не имѣлъ возможности, подобно Московскому Государю, сдавливать способности Князей враждовать между собою; но къ этому еще Литовскій Государь, обремененный своими семейными дѣлами, необходимо долженъ былъ поставить себя ихъ на первомъ планѣ, такъ какъ Государственныя дѣла его Государства не были въ его въ рукахъ, по этому и не направлялъ способностей Князей въ ту или другую сторону. Тѣ Вельможи и тѣ Князья, владѣнія которыхъ находились внутри Литовско-Русскаго Государства, то есть, на западной сторонѣ Днѣпра и на южной сторонѣ Западной Двины, ссорами между собою могли вредить Государству только съ той стороны, что нельзя было ожидать внутри его порядка и покоя; но тѣ Князья, которыхъ владѣнія находились на другихъ сторонахъ выше сказанныхъ рѣкъ, могли быть опасны и другимъ образомъ.

Что дѣлали этѣ пограничные Князья и чѣмъ занимались, мы подробно узнаемъ только съ конца 80-хъ годовъ XV столѣтія, по тому что съ этого времени начинаются записанныя дипломатическія сношенія Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, и начало этѣхъ Государственныхъ бумагъ все поглощено этѣми Княжескими дѣлами. Оказывается, что Князья ссорились между собою какъ за границы своихъ владѣній, такъ и за владѣнія своими городами по роду и по старѣйшинству. Этѣ Князья въ своихъ ссорахъ за рѣшеніемъ дѣлъ обращались, на основаніи своихъ договоровъ, къ своему Верховному Господину. Какъ занимались Литовскіе Государя этѣми Княжескими дѣлами, объ этомъ одинъ

изъ служебныхъ Князей хотѣлъ высказать Великому Князю, Александру Казимировичу, слѣдующее: «Тебѣ, Господине, вѣдомо, что отецъ твой за мою отчину не стоялъ и не оборонилъ, и мнѣ противъ той отчины городовъ и волостей не измыслилъ. И къ тебѣ, Господине, я посыламъ бити челомъ, чтобы ты меня пожаловалъ, въ dokonчанье принялъ, городовъ мнѣ измыслилъ противъ моей отчины, чѣмъ бы могъ я тебѣ служить: и твоя милость меня не жаловалъ, городовъ не далъ, въ dokonчанье не принялъ, а за отчину мою не стоялъ, Бояръ моихъ не жаловалъ и не чтилъ. Ино, Господине, не я выступилъ, а твоя милость, Государь, и по этому, на основаніи dokonчанья съ твоимъ отцемъ, крестное цѣлованіе съ меня долой.»

Почти чрезъ годъ послѣ того, какъ Андрей и Борисъ Васильевичи поднялись противъ своего старшаго брата, въ 1480 году, и обратились за помощію къ Королю Казимиру, въ лѣтописи мы читаемъ, подъ 1482 годомъ, слѣдующее извѣстіе: «Былъ мятежъ въ Литовской землѣ: захотѣли вотчичи Ольшанской, Омельковичъ да Князь Ѳедоръ Бѣльской отсѣсти Литовской земли по Березыню на Великаго Князя; ихъ обговорили и Король Ольшанскаго да Омельковича схватилъ, а Князь Ѳедоръ прибѣжалъ къ Великому Князю, и онъ его пожаловалъ, далъ ему городъ Демонъ въ отчину да Мореву со многими волостями.»²² Это дѣло Князей было со стороны Ивана Васильевича месть и вмѣстѣ съ тѣмъ проба, на сколько можно разчитывать на Литовскихъ служебныхъ Князей.

Король не обращалъ вниманія и не вступался въ дѣла своихъ служебныхъ Князей, и по этому Князья рѣшали свои дѣла посредствомъ собственной силы. Отъ этого въ странѣ Князей,

²² Далѣе лѣтописецъ рассказываетъ, что Князь Ѳедоръ Бѣльской прибѣжалъ въ Москву и не успѣлъ захватить съ собой жену, на которой только что женился и едину ночь спалъ съ нею. Король захватилъ Княгиню и послѣ въ теченіи около двадцати лѣтъ происходила между Государями пересылка объ этой Княгинѣ Бѣльской. Иванъ Васильевичъ требовалъ отпуска ея къ мужу, но дѣло кончилось тѣмъ, что, при Великомъ Князѣ Александрѣ, прямо объявляли, что свободныхъ людей не держать въ Литвѣ, но Княгиня сама не хочетъ ѣхать къ своему мужу.

на восточной сторонѣ Днѣпра, происходила постоянная война. Въ ссоры и дѣла Литовскихъ служебныхъ Князей вмѣшивались сосѣдніе имъ Московскіе служебные Князья. Въ 1487 году Королевскій посоль въ Москвѣ говорилъ, что Одоевскіе Князья, служащіе Москвѣ, предъ Успеневымъ днемъ приходили на отчину Князей Мезецкихъ, городъ осадили, но не взяли; потомъ, захвативъ много плѣнныхъ, ушли, пограбивши волость; Князья Мезецкіе, чтобы отнять этотъ плѣнъ, погнались за Одоевскими, но тѣ противъ нихъ бои поставили. Въ Москвѣ отвѣчали, что Князья Одоевскіе сами жаловались на Князей Мезецкихъ, что этѣ нападали на ихъ отчину и много лиха сдѣлали, женъ и дѣтей головами въ плѣнъ повели, а Князья Одоевскіе не могли того стерпѣть, послали за ними погоню, и съ этого у нихъ начались ссоры.

Ссоры Князей Литовскихъ не разрѣшаль ихъ Государь, и за это дѣло взялся Иванъ Васильевичъ. Когда Сѣверная Россія была объединена окончательно около Москвы, когда тамъ не поднималось ни какого шума, все было тихо, а извнѣ спокойно, Литовскій же Великій Князь, по прежнимъ своимъ дѣламъ, сдѣлался настоящимъ врагомъ Московскаго Государя, который уже называлъ себя «Государемъ всея Руси,» то начались такія дѣла: къ ссорящимся Литовскимъ служебнымъ Князьямъ являлся Московскій посланецъ и объявлялъ, что Государь хочетъ ихъ жаловать, взять ихъ къ себѣ въ службу съ ихъ отчиною и ихъ беречи, они могутъ воевать за свою обиду своихъ враговъ, и которые города возмутъ, на тѣхъ городахъ имъ сидѣть; въ этѣ завоеванные города и въ ихъ собственные Великій Князь не будетъ вступаться, а будетъ только защищать. Соглашавшимся Князьямъ на этѣ предложенія, въ подтвержденіе этѣхъ словъ, посланецъ Великаго Князя давалъ правду; эту правду потомъ подтверждали Бояре. Князья при этомъ обязывались иногo Государя, кромѣ Московскаго Великаго Князя, себѣ не искать, и надъ Воеводами, которыхъ къ нимъ пошлютъ, ни какого лиха и хитрости не учинить. Для пріѣзда въ Москву Князьямъ давались опасныя грамоты. Эту Боярскую присягу и опасныя грамоты сами Князья считали въ уровень съ тѣми договорами, которые они заключали прежде съ Великими Князьями Литовскими; Московское же Правительство ко-

нечно на это смотрѣло другими глазами. Обѣщаніе, что тѣ города, которые Князья завоюютъ, будутъ имъ принадлежать, исполнялось Московскимъ Правительствомъ: этѣми городами Князей жаловали.²³

Съ конца восьмидесятихъ годовъ XV столѣтія начинаются отѣзды Князей изъ Литовской службы въ Московскую. Князья отѣзжали при этомъ съ своими отчинами, Московскій Государь ихъ принималъ, и этѣмъ, какъ уже сказано, не нарушалъ договора. Первый, начавшій это дѣло, былъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій. Послѣ отѣзда онъ послалъ къ Королю своего чело-вѣка сложить за себя свое крестное цѣлованіе. Король Князя Воротынскаго изъ крестнаго цѣлованія не выпустилъ, а еще жаловался Ивану Васильевичу, что Князь Иванъ Михайловичъ, передъ отѣздомъ, пограбилъ Смоленскихъ мѣщанъ (впрочемъ, этотъ грабежъ былъ не совсѣмъ удаченъ, по тому что Королевскіе Воеводы пришли на Князя Воротынскаго изгономъ и захватили многихъ въ плѣнъ). Отвѣчая на жалобы Короля по поводу дѣла Воротынскаго, Иванъ Васильевичъ говорилъ: «Король Казимиръ напрасно называетъ Князя Ивана Михайловича своимъ слугою и не хочетъ его выпустить изъ присяги; этѣ Князья и прежде служили на обѣ стороны.» За отѣздомъ Ивана Михайловича пріѣхалъ служить къ Московскому Государю другой Князь Воротынскій, Дмитрій Ѳедоровичъ (въ 1490 году): онъ перешелъ служить своими отчинами. Послѣ этого еще пріѣхалъ служить Князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій. Король не выпускалъ и этѣхъ Князей изъ своей службы и объяснялъ Московскому Государю, что это онъ дѣлаетъ на основаніи dokonчанья Князей съ нимъ; тѣмъ болѣе онъ не признавалъ права отѣзда съ отчинами по тому, что по dokonчанью этѣ отчины, если и родъ Князей прекратится, должны принадлежать Литовскому Великому Княжеству, да наконецъ у Князей владѣнія не всѣ родовыя, а многія пожалованы Королемъ имъ и ихъ отцамъ за службу. Королевскій посолъ кончалъ это объясненіе слѣдующими словами отъ Короля къ Ивану Васильевичу: «Самъ того посмотри, гораздо ли такъ дѣлаешь:

²³ С. Г. Г. и Д. т. 2, №№ 28 и 29; Рус. Врем. ч. 2, стр. 216 — 217; Ак. Арх. Эк. т. I, № 289 стр. 339, и Стрѣльковскій т. 2, стр. 308, изд. 1846 года.

слугъ нашихъ принимаешь съ ихъ отчинами и нашими городами и волостями, а мы отъ тебя твоихъ слугъ не принимаемъ по докончанью съ твоимъ отцомъ, которое мы кончали и на васъ.» На этѣ слова послѣдовалъ отвѣтъ, подобный отвѣту, по поводу отъѣзда Князя Ивана Михайловича Воротынскаго: «Этѣ Князя прежде служили, какъ нашимъ предкамъ, такъ и Королевскимъ, и теперь они пріѣхали служить намъ съ своими отчинами, и по этому теперь они наши слуги.»

Когда отъѣзжалъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, то Королевской посоль жаловался, что онъ произвелъ грабежи; теперь же, по поводу отъѣзда послѣднихъ Князей, Королевскій посоль говорилъ: «Князь Дмитрій Оедоровичъ Воротынскій, замятовавши свое крестное цѣлованіе, билъ тебѣ челомъ въ службу со всею своею отчиною и съ удѣломъ брата своего, Семена Оедоровича Воротынскаго; онъ казну его всю взялъ, а Бояръ и слугъ его поималъ и къ присягѣ привелъ насильно, приказавши имъ служить себѣ. Да кромѣ того онъ нашихъ пановъ и слугъ города и волости за себя побралъ и Намѣстниковъ своихъ посажалъ; этѣ города: Серенекъ, Бышковичи, а волости Лычино, Недоходово.» На эту жалобу въ Москвѣ отвѣчали, что «не знаютъ того, точно ли это владѣнія чужія, а сначала опытають, а потомъ отвѣтъ дадутъ.»

Опираясь на обѣщаніе Московскаго Государя, Князя, отъѣхавшіе изъ Литовской службѣ, вмѣстѣ съ Князьями, давно служившими Московскому Государю, и при помощи пограничныхъ Московскихъ войскъ, начали мстить своимъ врагамъ и родственникамъ въ Литовскихъ владѣніяхъ. Князь Воротынскій, со многими Татарами и людьми Калужскими и Перемышльскими, ограбилъ волости Брянскіе. Князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій когда убѣжалъ изъ Литвы, то тайно напалъ со многими людьми на отчину своего брата, Андрея Васильевича, и изловилъ тамъ третьяго своего брата, Князя Василья, привелъ его силою къ крестному цѣлованію, чтобы онъ не служилъ Королю, а отчину Андрея за себя забралъ и заставилъ Бояръ и слугъ присягнуть себѣ. Кромѣ жалобъ на этѣхъ Князей, и о Князьяхъ Одоевскихъ посоль Казимира въ Москвѣ говорилъ, въ 1492 году: «Билъ намъ челомъ слуга нашъ, Иванъ

Федоровичъ Одоевскій, что когда онъ уѣхалъ съ Одоева, то его братья, которые тебѣ служатъ, захватили его матеръ, засѣли его отчину, половину города Одоева, волости и казну побрали, а Бояръ къ цѣлованью привели, такъ ты бы ихъ сказнилъ за ихъ дѣла, и чтобы они матеръ ихъ освободили и въ отчину нашихъ слугъ не вступались, предоставляя имъ владѣть подлугъ давнаго обычая.» На это въ Москвѣ отвѣчали: «Наши слуги, Князья Одоевскіе, сказываютъ намъ, что они ничего не дѣлали, на что жалуются ихъ родственники, а есть у нихъ слово о вотчинѣ, о большомъ Княженіи по роду и старшинству, пригоже, сказываютъ, быть на Княженіи нашему слугѣ, Ивану Семеновичу Одоевскому, и они посылали къ брату своему, Князю Федору, чтобы онъ о большомъ Княженіи съ ними смолву учинилъ. По этому Король приказалъ бы Князю Федору смолву учинить и выслать для рѣшенія дѣла своего Пана, а Великій Князь вышлетъ своего Боярина.»

Такъ Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ о Князьяхъ Одоевскихъ, о другихъ же прямо требовалъ, чтобы Король разрѣшилъ ихъ отъ присяги, а своимъ людямъ приказалъ бы не дѣлать обидъ отчинамъ этѣхъ Князей. Король отвѣчалъ, что не выпуститъ ихъ изъ присяги, что Князья грабятъ, а Великій Князь беретъ земли, принадлежащія Великому Княжеству Литовскому. Король упирался въ свое, но силою не поддерживалъ своихъ словъ, тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ нему настоящій вызовъ. 18 Мая, 1492 года, поѣхалъ Московскій посоль, Берсень, къ Королю; посоль долженъ былъ говорить ему отъ имени Великаго Князя: «Мы не знаемъ, какіе кривды дѣлаются отъ нашихъ земель твоимъ землямъ, и гдѣ наши люди начали твоимъ людямъ лихо чинить; а волостей, земель и водъ твоихъ за собою не держимъ, а съ Божіею помощію держимъ земли и воды, которые намъ далъ Богъ. Ты говоришь, что отъ нашихъ земель дѣлаются тебѣ кривды, а того не памятуешь, какіе кривды дѣлаются нашимъ землямъ отъ твоихъ людей: наши города, волости и земли за собою держишь, такъ ты бы намъ нашихъ земель поступилъ, а обиднымъ дѣломъ далъ управу.» Берсеню дана была память, что если взмолвятъ: «Которые волости Великаго Князя за собою держитъ Король?» то отвѣчать: «Городъ Хлѣпень съ волостями, да Рогачевъ и иные волости.» Какія это инья волости?

Наказъ Берсеню не говорить, да и Казимиру не пришлось слышать словъ этого посольства, этѣхъ тайныхъ намековъ. Берсень Короля не заѣхалъ, по тому что Короля не стало, ²⁴ и онъ воротился, а къ Королевичу Александру не поѣхалъ. Этому Королевичу когда отправилось къ нему первое посольство изъ Москвы, то посоль въговорилъ уже прямо, и Иванъ Васильевичъ такъ же въ вѣрующей грамотѣ писалъ, что Московской Государь есть Государь всея Руси. Въ послѣдствіи объяснили значеніе этого титула, что города Кіевъ, Смоленскъ и другіе Русскіе города суть отчина Московскаго Государя.

Послѣ смерти Казимира Москвичи рѣшились разорвать свои сношенія съ Литвою, и Княжеская война пришла въ полный разгаръ уже при помощи Московскихъ войскъ. Наши лѣтописи какъ будто бы считаютъ Ивана Васильевича въ постоянной войнѣ съ Литвою и не относятъ начала ея къ началу государственія Александра Казимировича въ Литвѣ. Но обѣ стороны смотрѣли на это дѣло такъ: Литовцы относили всѣ этѣ враждебныя дѣйствія къ пограничнымъ ссорамъ и не хотѣли признавать существованія войны, Иванъ же Васильевичъ хотѣлъ представить дѣло такъ, что у него съ Литвою война, хотя, впрочемъ, онъ ея не объявлялъ и не посылалъ, какъ бы слѣдовало по обычаю, сложить съ себя крестное цѣлованіе къ Литовскимъ Государямъ, а это было необходимо, такъ какъ договоръ Василя Темнаго съ Казимиромъ былъ заключенъ и на дѣтей. Ивану Васильевичу нужна была война, по тому что за войною долженъ слѣдовать миръ, а этѣмъ миромъ Литва должна утвердить не только теперешнія пріобрѣтенія отъ нея, но признать за Москвою и многія другія права.

Эта Княжеская война, со времени вступленія на Литовской престолъ Александра Казимировича, шла слѣдующимъ образомъ. Осенью 1492 года отѣхалъ изъ Литовской службы въ Московскую Князь Семень Ѳедоровичъ Воротынскій, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Михайловичемъ; они отѣхали съ отчинами. Князья Воротынскіе, ѣдучи въ Москву, засѣли, на

²⁴ «А Короля не стало тоя жъ весны, по Великомъ Дни на шестой недѣлѣ, въ четвергъ, на четвертомъ часу дни.»

имя Великаго Князя, города Серпейскъ да Мещовскъ. Смоленскій Воевода, вмѣстѣ съ Литовскимъ служебнымъ няземъ, Семеновъ Ивановичемъ Можайскимъ, пришедши со мною силою, заняли опять этѣ города. Тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ Воротынскимъ на помощь уже своихъ Воеводъ, вмѣстѣ съ Княземъ Рязанскимъ, возвращать разъ занятыя на его имя города: Серпейскъ и Мещовскъ были отняты, но Воеводы зашли по дорогѣ къ Опакову, городъ сожгли, жителей привели къ крестному цѣлованью на имя Великаго Князя, а Литовцевъ и Смолянъ захватили въ плѣнъ. Кромѣ Князя Семена Воротынскаго перешелъ изъ Литовской въ Московскую службу Князь Михайло Романовичъ Мезецкой; онъ захватилъ силою двухъ своихъ братьевъ, Князей Семена и Петра, и привелъ ихъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Князя Михайла Романовича его же отчиною и приказалъ себѣ служить, а его братьевъ сослалъ въ Ярославль. Но самое важное приобрѣтеніе, сдѣланное при помощи этѣхъ Княжескихъ ссоръ, была Вязма. Князь Андрей Юрьевичъ Вяземской былъ въ ссорѣ съ другими Князьями Вяземскими; онъ объявилъ желаніе поступить въ службу къ Московскому Великому Князю; Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Вязмѣ своихъ Воеводъ, и городъ Вязма былъ взятъ; Вяземскіе Князья были приведены въ Москву, ихъ пожаловали городомъ Вязмою же и приказали служить своему новому Государю. Этѣ новыя Московскія подданныя продолжали свои дѣла подъ видомъ набѣговъ, имѣ ихъ враги отвѣчали тѣмъ же, но кромѣ этого этѣ Князья дѣлали грабежи, съ цѣлію вознаграждать себя за потерянные ими имѣнія, которыя находились внутри Литовскихъ владѣній.²⁵

Всѣ этѣ дѣла Литовцы не хотѣли признавать войною Московскаго Правительства. Но, чтобы сдержать Ивана Васильевича, они начали сватовство своего Государя къ дочери Московскаго. Во время пересылокъ по этому поводу, когда отправилось изъ Москвы первое посольство къ Александру, то Иванъ Васильевичъ требовалъ отъ Литовскаго Государя признанія всѣхъ Князей, отбѣхавшихъ въ Московскую службу изъ Литовской, Московскими подданными. Но одинъ изъ этѣхъ Князей, слагая съ себя присягу

²⁵ П. С. Р. Лѣт. т. 4, стр. 161—162.

къ Александру Казимировичу, хотѣлъ объяснить предъ Литовскимъ Государемъ причину своего отъѣзда: то былъ Князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынский. Его отъѣздъ замѣчательнъ тѣмъ, что при Казимирѣ его родной братъ, отъѣзжая въ Московскую службу, ограбилъ и занялъ его Удѣлъ. Казимиръ только требовалъ у Московскаго Государя возвращенія занятаго и ограбленнаго, но самаго Семена Воротынскаго ни чѣмъ не вознаградилъ, не вознаградилъ его точно также и Александръ. Тогда Семенъ Ѳедоровичъ рѣшился искать управы уже указанною дорогою, отъѣхалъ въ Московскую службу и занялъ Серпейскъ и Мещовскъ. Грамоту Семена Ѳедоровича Воротынскаго, въ которой излагалъ онъ причины своего отъѣзда, мы выше привели, какъ указаніе общихъ причинъ отъѣздовъ Князей. Но эта грамота не попала по назначенію. Человѣкъ Князя Воротынскаго, который долженъ былъ за него сложить крестное цѣлованіе къ Великому Князю Литовскому, ѣхалъ съ Московскимъ посломъ, Дмитріемъ Давидовичемъ Загряжскимъ. Послѣдній, узнавши о существованіи такой грамоты, не дозволилъ подать ее въ руки Великому Князю, а отобралъ ее и привезъ въ Москву.²⁶ Московское Правительство не хотѣло, чтобы Князья выставляли такія причины отъѣздовъ; оно само объявляло, что Князья пріѣхали служить къ своимъ прежнимъ Государямъ.

Кромѣ выше исчисленныхъ Князей и пріобрѣтеній Москвичей при помощи ихъ, другихъ отъѣздовъ и пріобрѣтеній, въ началѣ девятинадесятихъ годовъ XV столѣтія, больше не совершалось. Когда между Москвою и Литвою былъ заключенъ миръ, то Литовскіе послы потребовали внесенія въ договорныя грамоты условія, чтобы вообще Князей служебныхъ съ отчинами не принимать. Москвичи согласились на это условіе. Но количество служебныхъ Князей, могшихъ нанести такой же вредъ своимъ отъѣздомъ,

²⁶ Эта грамота Князя Воротынскаго напечатана въ Актахъ Западной Россіи т. 1, № 106. Издатели Актовъ перепечатали эту грамоту изъ Исторіи Князя Щербатова. Въ Актахъ Западной Россіи эта грамота, какъ отрывокъ изъ цѣльнаго посольства и съ самопроизвольными объясненіями издателей, теряетъ во многомъ свое значеніе. Посольство Загряжскаго отправилось изъ Москвы 5-го Января, 1493 года; крестное цѣлованіе человѣкъ Князя Воротынскаго слагалъ за своего Господина въ 1493 году, 6 Февраля.

какъ и отъѣзчики девяностыхъ годовъ, въ Литвѣ было еще довольно значительное количество. При началѣ второй войны Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ начались тоже отъѣзды Князей. Отъѣхали: Князь Семень Бѣльской, Шемячичъ, Можайской и другіе, съ своими отчинами. Московское Правительство при началіи войны не только нарушило условіе прежняго договора съ Литвою, но и отказалось отъ старой своей вражды къ роду Шемяки и Можайскаго. Сами этѣ Князья, какъ ни выгодны были условія отъѣзда, могли опасаться, что Иванъ Васильевичъ можетъ вспомнить обиды себѣ и своему отцу, происшедшія отъ отцовъ и дѣдовъ этѣхъ Князей. Но Иванъ Васильевичъ предупредилъ это; такъ, на примѣръ, Шемячичъ получилъ такого рода опасную грамоту: «что какое лихо учинилось отъ твоего дѣда, Князя Дмитрія Шемяки, нашему отцу, Великому Князю, Василию Васильевичу, то мы тебѣ даемъ опасную грамоту, что намъ за то на тебя нелюбки не держать». Но для того, чтобы показать, что пріемомъ въ службу этѣхъ Князей Московское Правительство не нарушало условія своего договора съ Литвою, то этотъ пріемъ оно объясняло такимъ образомъ: Иванъ Васильевичъ, принявши на себя роль защитника Православія отъ притѣсненій Латинства, и начавши по этому поводу войну, объявилъ, что и Князей онъ принялъ въ службу по тому, что они пріѣхали къ нему, не стерпя гоненій за вѣру. Князь Семень Бѣльской, когда его человекъ отправился къ Александру Казимировичу слагать за своего Господина крестное цѣлованіе, послалъ съ нимъ, съ согласія Московскаго Правительства, грамоту, въ которой, какъ прежде Воротынской, объяснялъ свой отъѣздъ немилостями къ нему Великаго Князя Александра, по при этомъ говорилъ, что этѣ немилости происходили отъ того, что его хотѣли обратить въ Римскую вѣру, а онъ на принятіе Римскаго закона не согласился и въ заключеніе уѣхалъ отъ насилія, подъ покровительство Православнаго Государя. Эта грамота попала по назначенію, т. е., была подана Александру Казимировичу. На объясненія Московскаго Правительства, по чему оно приняло въ свою службу Бѣльскаго, Литовцы отвѣчали, отъ имени своего Государя: «Бѣльской лихой человекъ и измѣникъ нашъ, мы уже его третій годъ и въ глаза не видали; у насъ получше его есть Князья и Паны Греческаго Закона, и имъ ни какого принужденія нѣтъ въ вѣрѣ. Ради такого измѣнника ломать dokon-

чанье не стоитъ, а слѣдуетъ его выдать». Объ Можайскомъ и Шемячичѣ Литовцы говорили: «Отцы этѣхъ Князей пришли въ Литву, сдѣлавъ надъ самимъ Иваномъ Васильевичемъ и надъ его отцомъ извѣстно какую измѣну; ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ отчины на прожитокъ, а они, по привычкѣ, заимствованной отъ своихъ отцовъ-измѣнниковъ, измѣнили теперь и Литовскому Государю, да по той же привычкѣ навѣрно сдѣлаютъ тоже и съ своимъ новымъ Государемъ».

Князья Шемячичъ и Можайской были послѣдними Князьями съ чисто старымъ удѣльнымъ характеромъ. Ихъ отъѣзды были для нихъ весьма удачны: владѣнія ихъ остались за Москвою. Но за то отъѣзчикъ, послѣдовавшій ихъ примѣру, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ отъѣзда, — Глинскій, не много выигралъ въ свою пользу. Не будучи служебнымъ Княземъ и въ то же время совсѣмъ не народный вождь, Глинскій представлялъ собою личность, въ которой выразился переходъ отъ прежнихъ средневѣковыхъ дѣятелей къ новымъ государственнымъ людямъ. Совсѣмъ другаго характера былъ современникъ и сотоварищъ Глинскаго, Остафій Дашковичъ: онъ не былъ ни служебный Князь, ни народный вождь, ни государственный человекъ, а только Казацкій предводитель. Пока не попалъ на эту послѣднюю дѣятельность, онъ сначала управлялъ Литовскимъ городомъ Кричевымъ. Недовольный Литовскими порядками, онъ, въ 1504 году, можетъ быть, подъ вліяніемъ Можайскаго и Шемячича, съ нѣсколькими дворянами, ограбивъ прежде имъ управляемыхъ, убѣжалъ въ Московскія владѣнія, и здѣсь его приняли. Такъ какъ онъ отъѣхалъ безъ всякихъ владѣній, то Литовское Правительство требовало его выдачи, какъ измѣнника, бѣглеца и лихова человека. На это требованіе данъ былъ отвѣтъ, что, по договорнымъ грамотамъ, слѣдуетъ выдавать татя, бѣглеца, холона, раба, должника, но по исправѣ; Остафія же Дашковича вообще къ этѣмъ разрядамъ нельзя причислять, по тому что у Короля Александра онъ управлялъ значительными городами и, пріѣзжая служить, какъ говорятъ, ничего не дѣлалъ дурнаго, а служить и прежде ѣздили безъ отказа, и по этому Остафій Дашковичъ нашъ слуга. Но Остафію Дашковичу не понравились и Московскіе порядки; онъ, посланный, вмѣстѣ съ другими отъѣзчиками, помогать Глинскому, во время его бунта, снова

перевѣжалъ въ Литовскую службу, но уже послѣ этого вскорѣ сдѣлался предводителемъ Казаковъ. ²⁷

Литовцы всѣхъ этѣхъ отъѣзчиковъ называли измѣнниками и были преисполнены къ нимъ страшной ненависти, такъ какъ дѣйствительно этѣ отъѣзды обошлись чрезвычайно дорого Литвѣ. Но мы не имѣемъ права сказать, чтобы не было измѣнъ и въ Москвѣ. Когда совершились первые отъѣзды Князей, то зимою 1493 г. былъ казненъ Князь Лукомскій съ тремя товарищами за то, что пересылали вѣсти изъ Москвы къ Литовскому Великому Князю. Лѣтописецъ говоритъ, что Князь Лукомскій былъ посланъ Кородемъ Казимиромъ служить Великому Князю Ивану Васильевичу, съ тайнымъ обязательствомъ отравить послѣдняго. У Лукомскаго было вынято зелье, данное ему Кородемъ; когда Лукомскаго схватили, то онъ оговорилъ Князя, Оедора Бѣльскаго, что будто тотъ хотѣлъ бѣжать служить въ Литву; Бѣльскій былъ схваченъ и сосланъ въ заточеніе, въ Галичъ. ²⁸ Но болѣе знатный, чѣмъ этѣ люди, былъ измѣнникъ Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Онъ, взятый въ плѣнъ при Ведрошѣ, вступилъ потомъ въ Московскую службу, но во время бунта Глинскаго бѣжалъ въ Литву и сдѣлался предводителемъ войскъ въ войнѣ противъ Москвы. ²⁹

Но Острожскій бѣжалъ въ Литву, а не отъѣхалъ изъ Московской службы въ Литовскую съ владѣніями; болѣе важныхъ измѣнъ нужно было ждать отъ другихъ, а именно: Князей служебныхъ отъѣзчиковъ. По мѣрѣ того, какъ границы Московскихъ владѣній отодвигались на западъ, Князья отъѣзчики начинаютъ исчезать въ толпѣ другихъ Князей. Но изъ числа ихъ о нѣкоторыхъ остались извѣстія, могущія дать понятіе объ ихъ положеніи въ Московской службѣ и ихъ занятіяхъ. Московскій Государь предоставилъ этѣмъ Князьямъ, въ продолженіи своихъ войнъ съ Литвою, сколько угодно воевать Литовскія владѣнія. Во время бунта Глинскаго Князья,

²⁷ Ак. Э. Р. т. 1 № 192 и т. 2, № 41.

²⁸ П. С. Р. Л. т. 4, стр. 162.

²⁹ С. Г. Г. и Д. т. 1, № 146.

посланные ему на помощь, пробыли цѣлое лѣто за Днѣпромъ и дѣлали набѣги къ Вильнѣ и Гродну. Когда шли рати Московскаго Государя, то Князьямъ приказывалось приставать къ нимъ; но пока Князья не попали въ общій рядъ всѣхъ Московскихъ служилыхъ людей, то въ этѣхъ походахъ они почти и не занимали ни какого опредѣленнаго мѣста. Такъ, на примѣръ, когда пошли Воеводы выручать, прежде занятые Княземъ Семеномъ Оедоровичемъ Воротынскимъ, города Серпейскъ и Мещовскъ, то Воеводы были разряжены по полкамъ, а Князьямъ Воротынскимъ, Ооевскимъ, Бѣлевскимъ и Князю Михайлу Мезецкому, велѣно присоединиться къ Воеводамъ и быть подлѣ передоваго полку, съ правой, или съ лѣвой, стороны, гдѣ похотятъ; только старшимъ изъ нихъ Князьямъ, Дмитрію и Семену Воротынскимъ, приказано быть подлѣ большаго полка, гдѣ прихоже.³⁰ Когда не было войны съ Литвою, то этѣ Князья постоянно упоминаются въ разрядахъ и лѣтонисяхъ, какъ занимающіеся отогнаніемъ Татаръ отъ Русскихъ границъ. Въ этѣхъ дѣлахъ особенно отличался Князь Иванъ Михайломичъ Воротынскій. Заманить Татаръ внутрь страны, потомъ обойти имъ въ тылъ, и за тѣмъ гнать ихъ въ лѣса, въ болота, топтать на бродахъ рѣкъ—было обыкновеннымъ маневромъ Воротынскаго. Князья отѣзчики хорошо знали, что въ Литвѣ готовы воспользоваться ихъ измѣною, и Иванъ Михайловичъ Воротынскій употреблялъ и это въ свою пользу. Во время войны съ Литвою, въ 1516 году, Воротынскій съ своею дружиною отправился изъ своихъ владѣній къ Рославлю, объявляя, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю; Рославцы повѣрили и дали ему съ города кормъ; онъ же подъ Рославлемъ не стоялъ даже и дня, а пошелъ далѣе, притворяясь, что идетъ къ Королю; отошедши верстъ тридцать, онъ сталъ на ночлегъ, а утромъ, снарядившись, со всею своею силою воротился къ Рославлю, гдѣ его не ожидали, и ему удалось захватить городъ; послѣ этого изъ подъ Рославля Воротынскій пошелъ съ пушками подъ Мстиславль. За все этѣ подвиги Воротынскій получилъ похвалу отъ Государя.³¹

³⁰ Разряды.

³¹ Этотъ набѣгъ Воротынскаго разсказанъ въ Архангельской Лѣтописи (стр. 188—189) и въ Псковской (П. С. Р. Л.: т. 4, стр. 290); но въ обѣихъ лѣтописяхъ сказано, что все это сдѣлалъ Псковской Намѣтникъ Сабуровъ; только въ Псков-

Во время мира и перемирья всѣ посольства Литовцевъ, въ которыхъ они излагали пограничныя обиды, полны жалобами, что Князья нападаютъ на Литовскія земли, жгутъ, грабятъ, рѣжутъ, людей въ плѣнъ ведутъ и волости засѣдаютъ на свое имя, а людей приводятъ къ крестному цѣлованію. Князья были недовольны, что между Москвою и Литвою существуетъ миръ, или перемирье, и готовы были разорвать ихъ. Они постоянно слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ Литвѣ; такъ въ 1503 году было заключено перемирье между Иваномъ III и Александромъ, и Московскіе послы отправились въ Литву, для снятія присяги съ Александра на договорѣ: тамъ они были задержаны; первый, давшій о томъ вѣсть въ Москву, былъ Князь Семень Бѣльскій. Въ 1504 году Александровы послы въ Москвѣ говорили о Князьяхъ слѣдующее: «Наши измѣнники, которые къ тебѣ отѣхали съ отчинами, не перестаютъ зацѣпки чинить: грозятъ нашимъ людямъ и отповѣдныя листы къ нимъ посылаютъ; по этимъ листамъ, которые мы къ тебѣ прислали, ты можешь уразумѣть, что этѣ измѣнники, которые никогда не бывали вѣрны своимъ Государямъ, хотятъ этѣми зацѣпками перемирье взрушить до урочныхъ лѣтъ.» На этѣ слова былъ данъ отвѣтъ: «Мы тѣ листы слушали, ино которые зацѣпки чинятъ тѣми листами наши слуги?» Къ сожаленію, этѣ отповѣдныя листы не дошли до насъ.

Литовскіе Государя, разъ не умѣвшіе удержать Князей въ своемъ подданствѣ, въ слѣдствіе того, что оставляли ихъ на произволъ судьбы, готовы были принять ихъ обратно къ себѣ, не обращая вниманія на то, что сами ихъ называли образцовыми измѣнниками. Къ этѣмъ Князьямъ подсылались Литовскіе агенты, на нихъ дѣйствовали и посредствомъ Крымскаго Хана, прося его передать, на примѣръ, Шемячичу, что если онъ перейдетъ въ Ли-

---

ской лѣтописи сказано, что Сабуровъ сжегъ Друю. Псковскій Намѣстникъ могъ сжечь Друю, но подъ Рославль совершить свой набѣгъ не могъ, по географическому положенію Рославля; Воротынскому же Рославль былъ близокъ по мѣсту положенія его собственныхъ владѣній. Въ Крымскихъ дѣлахъ (№ 4), въ Наказѣ Шадрину, сказано: «Князь Воротынскій зарубилъ въ Литовской землѣ городъ Рославль, да изъ того города пошелъ подъ Метиславль съ пушками.» Въ Ист. Г. Р. т. 7, пр. 168, сказано о лѣтописяхъ: «думаю, что здѣсь говорится о разныхъ походахъ, хотя и въ одномъ году.»

товскую службу, то Король, ему дастъ еще болѣе того, чѣмъ онъ теперь владѣеть, особенно когда будетъ завоевана Москва. Но Московскіе Государи знали хорошо Польскія интриги и удерживали Князей различными средствами. Такъ какъ Князья были болѣе способны къ измѣнѣ во время мира, когда у нихъ не было занятій, то изъ Москвы старались возбуждать въ Князьяхъ патриотизмъ, потомъ привязывали ихъ къ себѣ посредствомъ родственныхъ связей. Такъ, Василій Ивановичъ выдалъ за Можайскаго свою свояченицу Сабурову. Болѣе вѣрнымъ средствомъ сдерживать Князей были Московскія войска, которыя не выходили изъ Сѣверы, подъ видомъ охраненія страны отъ Литовцевъ и набѣговъ Крымцовъ. Наконецъ, Князей постоянно окружали Московскіе шпионы; но самыми лучшими шпионами у Князей были сами же Князья. Мы видѣли что взаимныя ссоры Князей повели къ тому, что они отѣхали туда, гдѣ имъ давали возможность безнаказанно мстить своимъ врагамъ, но и этѣ враги въ заключеніе тоже переѣхали въ Москву. Московское Правительство не давало Князьямъ воевать между собою: тогда они начали постоянно слать въ Москву другъ на друга доносы, обвиняя враговъ въ измѣнѣ и ссылакахъ съ Королемъ. Такъ, на примѣръ, кромѣ Воротынскихъ, и, одновременно отѣхавшіе въ Московскую службу, Шемяичъ и Можайскій были, въ постоянной ссорѣ, и вотъ исторія вражды. Князь Семень Ивановичъ Можайскій нѣсколько разъ присылалъ къ Ивану Васильевичу доносы, что Василій Ивановичъ Шемяичъ хочетъ измѣнить. Послѣ смерти Семена Ивановича сынъ его, Василій Семеновичъ, точно также доносилъ на Шемяича. Шемяичъ просилъ Великаго Князя, Василія Ивановича, чтобы онъ дозволилъ ему пріѣхать въ Москву и оправдаться, но ему отвѣчали, что пріѣзжать не нужно, ради Государскаго и Земскаго дѣла. Въ 1510 году Шемяичъ прислалъ просьбу въ Москву, что дошли до него слухи, что Князь Василій Семеновичъ хвалится, что Государь, по его обговору, хочетъ положить опалу на него, Шемяича, по этому послѣдній просилъ опять дозволенія пріѣхать въ Москву и оправдаться, при чемъ такъ же просилъ о присылкѣ къ нему опасной грамоты, чтобы можно было ѣхать въ Москву безъ боязни. Опасная грамота была дана, и Василій Ивановичъ при этомъ объявлялъ Шемяичу, что какъ онъ обоихъ Князей жаловалъ, такъ и теперь жалуется и недюбви къ нимъ не держитъ. Шемяичъ пріѣхалъ въ

Москву, оправдался и снова былъ отпущенъ въ свои владѣнія. Но Василій Семеновичъ этѣмъ не довольствовался и въ 1517 году прислалъ двухъ своихъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ Литвѣ въ плѣну и слышалъ тамъ, что у Альбрехта Немировича, Кіевскаго Намѣстника, былъ гонецъ отъ Князя Василя Шемячича, который предлагалъ, что когда помирится Король съ Крымскими Царевичами, то Альбрехтъ шелъ бы съ Царевичами подъ города Шемячича, а онъ хотеть Королю служить съ городами. Кроме этого доноса явился еще другой изъ Стародуба: оттуда прислалъ Князь Пронскій человѣка, говорившаго то же самое, что и человѣкъ Шемячича. Великій Князь по этѣмъ доносамъ отпривилъ къ Шемячичу своихъ посланныхъ; они должны были объявить о доносахъ все и сказать потомъ: «Тебѣ хорошо вѣдомо, что и напередъ того къ намъ на тебя такіе безлѣпныя рѣчи прихаживали, и мы имъ не вѣрили, а тебя жаловали; такимъ рѣчамъ мы и теперь не вѣримъ и хотимъ тебя жаловать. Ты теперь ѣхалъ бы къ намъ, и мы тебя укрѣпимъ въ томъ, чтобы тебѣ быть безъ мысли въ нашемъ жалованѣ, и Боярамъ нашимъ велимъ тебѣ такъ же крѣпость учинить; а чтобы тебѣ ѣхать безъ всякаго опасы, то наши посланные въ томъ тебѣ правду дадутъ». Но Шемячичъ, еще не дождавшись этого посольства, а узнавши, что Василій Семеновичъ послалъ на него доносъ, отпривилъ къ Государю своего человѣка съ слѣдующими словами: «Государы! братъ мой, Князь Василій Семеновичъ, прислалъ къ тебѣ, и самъ нынѣ говоритъ: «Либо я этѣмъ своего брата, Василя Ивановича, уморю, или самъ отъ Государя буду подъ гнѣвомъ; лучше чему ни будь одному быть, а не оставаться такъ.» Государы, бью тебѣ челомъ, позволь мнѣ быть у тебя и стать очи на очи съ тѣми людьми, которые обо мнѣ говорятъ, и обыщешь, Государы, въ томъ дѣлѣ мою вину, то голова моя передъ Богомъ и передъ тобою, а не обыщешь, Государы, и ты бы меня оборонилъ, по тому что братъ мой, Василій Семеновичъ, сталъ ужъ крѣпко на мой животъ наступать. Тебѣ, Государю, вѣдомо, сколько разъ онъ меня обговаривалъ; да также и то знаешь, что какіе присылки ко мнѣ ни были изъ Литвы, и я отъ тебя ни въ чемъ не утаивалъ; а если и въ самомъ дѣлѣ кто слышалъ такую нелѣпицу про меня въ Литвѣ, такъ, Государы, тамъ вельми ради, чтобъ насъ, твоихъ холопей, на Украинѣ не было.» Князю Шемячичу было дозволено пріѣхать въ Москву, чтобы его укрѣпить и дѣло обыскать; но въ

тоже время посланные съ этѣмъ разрѣшеніемъ должны были явиться къ Князю Можайскому и сказать ему рѣчи о береженѣ, а такъ же похвальную. Когда Шемячичъ пріѣхалъ въ Москву, то его приняли съ почетомъ и сказали, что прежде отъ Князя Василья Семеновича ни какихъ рѣчей доносныхъ не слышали, а сказали это простые мужики; а такъ какъ Государь не попускаетъ такимъ рѣчамъ, то по этому ему и выдается человѣкъ Князя Пронскаго. Шемячичъ просилъ, чтобы ему выдали и человѣка Князя Василья Семеновича, но на это отвѣтили, что его выдать нельзя, по тому что тотъ человѣкъ былъ въ плѣну въ Литвѣ и слышалъ тѣ рѣчи, и по этому какъ же было ему ихъ не сказать? Послѣ этого Шемячичъ былъ приведенъ къ крестному цѣлованію, Бояре ему дали противъ его правды то же правду.

Изъ этого дѣла мы можемъ видѣть, какъ Московское Правительство нянчилось съ Князьями; но, съ другой стороны, замѣчательно то, что Шемячичъ и другіе Князья, такъ легко отѣхавшіе изъ Литовской службы съ отчинами, изъ Московской же Князь, владѣнія котораго были такъ далеки отъ Москвы, при томъ по доносу злѣйшаго его врага, могъ рѣшиться перейти на службу Королю съ отчинами только при помощи самихъ Литовцевъ, которые должны быть при томъ въ союзѣ съ Татарами. Князя Василья Семеновича хвалили за береженье, но въ томъ же году, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Шемячича въ Москву, ³² въ официальныхъ бумагахъ записано, что Князя Василья Семеновича Можайскаго не стало, и его владѣнія стали вполне принадлежать Московскому Государю. Но не долго пришлось пользоваться свободою и Шемячичу: Осенью 1522 г., между Васиіемъ Ивановичемъ и Сигизмундомъ было заключено перемиріе, а весной 1523 г. Шемячичъ «пойманъ бысть съ Княгинею его и съ дочерью.»

Воевать съ Литвою было уже не нужно, да въ Москвѣ и не желали, а съ Татарами Московскіе Государи могли управляться и безъ помощи такихъ Князей, какъ Шемячичъ. Уничтоженію Шемячича радовались многіе. Извѣстенъ рассказъ о Юродивомъ, хо-

³² Шемячичъ былъ въ Москвѣ въ двадцатыхъ числахъ Августа, а ниже приводимое извѣстіе отъ 16 Сентября.

дившемъ по Московскимъ улицамъ съ метлою, и на замѣчаніе объ этомъ говорившемъ проходящимъ, что «Государство еще нечисто, и пора изъ него вымести послѣдній соръ.» А Митрополитъ всея Руси, хотя прежде и былъ на сторонѣ Шемичича, послѣ его поиманья говорилъ: «Богъ избавилъ Государя отъ запазупнаго врага.» Около 1520 года къ Москвѣ было присоединено Великое Княжество Рязанское, Князья котораго были въ постоянной опекѣ у Московскихъ Государей, и когда послѣдній изъ нихъ захотѣлъ поднять значеніе своего Княжества при помощи Татаръ, то попалъ въ руки Московскаго Государя, а когда во время нашествія Татаръ на Москву (въ 1521 г.) бѣжалъ въ свои родовыя владѣнія, то не находя тамъ поддержки своимъ притязаніямъ, ушелъ въ Литву.³³

Въ то время, какъ часть Князей съ старымъ Удѣльнымъ пошибомъ только и знали, что воевать съ кѣмъ бы то ни было, лучшіе изъ нихъ старались тѣсниться около Московскаго Государя, чтобы принять участіе въ управленіи Русскими дѣлами. Но видимо, служить Московскому Государю было невыгодно, такъ какъ онъ безпощадно истреблялъ всѣ стремленія, похожія на восстановление старыхъ порядковъ; но мы въ то же время видимъ, что Князья и Бояре ѣдутъ служить въ Москву. Скупость Ивана III прославлена, но это была скупость домохозяина, который боится истратить напрасно лишнюю копѣйку и въ то же время бросаетъ работникамъ тысячи, въ полной увѣренности, что отъ ихъ работы, не только его преемникамъ, но и ему самому, будетъ можно собирать милліоны. Во вкусъ хозяина входили и лучшіе изъ его работниковъ: не за деньги и вотчины продавали свое старое положеніе Князья и Бояре, не за блестящій дворъ, не за улыбку Московскаго деспота соглашались они служить ему, а за то, что этотъ деспотъ руководилъ великимъ дѣломъ: введеніе внутренняго порядка въ Государствѣ, сверженіе Татарскаго ига, стремленіе истребить степняковъ степняками; потомъ великая идея, выраженная

³³ С. С. Г. и Д. т. 2, №№ 28 и 29; Переписная книга Архива Посольскаго Приказа 1614 г., л. 18; Дѣла Турецкія № 1, 1512 годъ; Разряды; Ак. Ист. т. 1, №№ 124 и 127; Ак. Ар. Эк. т. 1, № 172; Ак. З. Р. т. 2, № 116; Архан. Лѣт. стр. 190; Типогр. лѣт., стр. 378; Дѣла Крым. № 5, л. 624; Ист. Рязанскаго Княжества, соч. Иловайскаго, стр. 232 и далѣе.

въ самой простой формѣ титула «Государя всея Руси», идея еди-наго Русскаго Государства, которое нужно собрать, Государства, въ которомъ долженъ быть одинъ Государь, окруженный все́мъ Русскимъ народомъ, исповѣдывающимъ одну Православную Вѣру; собрать такое Государство, которое должно господствовать надъ потомками Чингисхана, свергнуть власть Польши съ братьевъ по вѣрѣ и народности, отобрать у Нѣмцевъ Русскія земли и не дать имъ осуществить ихъ замысловъ, превратить этѣ занятыя ими земли въ «Новую Германію;» и заимствовать у нихъ только то, что они выработали и приобрѣли изъ плодовъ цивилизаціи древняго міра; только сознаніе, что работа клонится къ осуществленію этѣхъ идей, могла собрать около Московскаго Государя всѣ силы Сѣверной Россіи. Главная роль въ этой колоссальной дѣятельности выпала на долю Русскихъ Князей и Боярѣ, а Иванъ III умѣлъ дать имъ въ этомъ отношеніи занятіе и много блестящихъ и славныхъ дѣлъ. Людей для этой работы Ивану III не нужно было искать, а только пользоваться ими; притомъ предшествующее время и смута при его отцѣ уяснили цѣль, къ которой нужно стремиться, и въ то же время выработали извѣстную, довольно точно опредѣленную, систему.

Не буду излагать подробно той борьбы, которая шла при Московскомъ Дворѣ за права и власть. По мѣрѣ того, какъ Государственный порядокъ бралъ всюду верхъ, этотъ порядокъ тронулъ и притязанія Князей, а потомъ и Боярѣ. Они главнымъ правомъ считали за собою управлять землю; Иванъ III во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ ними, они всюду на первомъ мѣстѣ; въ совѣтѣ они прямо высказывали свои мнѣнія, и Иванъ Васильевичъ любилъ и жаловалъ тѣхъ, которые и противъ него говорили. Но первымъ дѣломъ его было отнятіе у Князей права отъѣзда отъ себя; еще въ 1474 г. Князь Данило Дмитріевичъ Холмской далъ на себя запись, что онъ обязуется Государю служить вѣрно и не отъѣхать отъ него ни къ кому, и что Государь за его вину въ казни его воленъ. Чѣмъ далѣе дѣло шло, тѣмъ болѣе Князья начинали терять свое значеніе. Исторія Князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ извѣстна, а общій ходъ обстоятельствъ привелъ къ тому, что при сынѣ Ивана III начинаютъ играть важную роль Дьяки, съ которыми Государь, запершись самъ третей, у постели рѣ-

шалъ дѣла. Въ это время на государственное Ивана III указывали, какъ на образецъ стараго правленія, когда Великій Князь былъ добръ и до людей ласковъ, и куда ни посылалъ людей, то вездѣ съ ними былъ Богъ. Очень важною причиною такой переменны выставили прибытіе въ Москву Грековъ, Софїи Ѳоминичны, которая, «какова бы она ни была, говорили ея враги, а къ нестроению нашему пришла.»³⁴

Среди этой сильной дѣятельности Князей и Боярѣ, на ихъ долю выпадали иногда печальные случаи для ихъ личности, и объ одномъ изъ нихъ считаю долгомъ здѣсь упомянуть, какъ событіи, словно выхваченномъ изъ Римской Исторіи и перенесенномъ въ Русскую. Въ 1481 году, послѣ нашествія Ахмата, былъ отправленъ въ Крымъ посломъ Бояринъ Тимоѳей Скрыба. Въ Наказѣ ему, подѣ влияніемъ тогдашнихъ обстоятельствъ, было сказано, что Иванъ Васильевичъ ведетъ переговоры съ Королемъ Казимиромъ о мирѣ, и Менгли-Гирей пусть поступаетъ, какъ думаетъ. Менгли-Гирей послѣ этого объявилъ, что онъ помирился съ Королемъ, на основаніи словъ Великаго Князя. Но въ это время обстоятельства переменились, и отвѣтомъ на посольство Менгли-Гирей было слѣдующее. Юрій Шестакъ поѣхалъ въ Крымъ и везъ съ собою Боярина Скрыбу, чтобъ выдать его Татарамъ, и говорилъ именемъ Ивана Васильевича къ Хану: «Я тебѣ ничего этого не приказывалъ, а если все это наговорилъ тебѣ нашъ Бояринъ Тимоѳей, то онъ это говорилъ не по нашему наказу: — вотъ онъ передъ тобою». Какъ поступили въ этомъ случаѣ Татары, мы не знаемъ, но знаемъ, что Бояринъ былъ выданъ имъ, и послѣ этого имени Тимоѳея Скрыбы въ официальныхъ Московскихъ бумагахъ не встрѣчается.³⁵

Здѣсь должно сказать еще нѣсколько словъ о дружинахъ Княжескихъ. По мѣрѣ того, какъ Князья скучивались около Московскаго Государя, ихъ дружины необходимо должны были входить въ составъ Государственнаго войска, которое, въ слѣдствіе этого, естественно, значительно увеличивалось. Въ предшество-

³⁴ С. Г. Г. и Д. т. 1; №№ 103 и 104; Ак. Арх. Эк. т. 1, № 172.

³⁵ Д. Крым. № 1, 1481 и 82 года.

вавшее время всѣ безпокойные люди въ обществѣ собирались около Князей, которые своими усобицами давали имъ занятіе, и въ то же время этѣмъ же самымъ и создавали въ обществѣ этѣхъ безпокойныхъ людей. Этотъ воинственный духъ многихъ людей, при водвореніи Государственного порядка, не могъ скоро уничтожиться, по тому что Государственная власть не была такъ сильна, чтобы сдерживать этѣ бродящія въ низу силы. Войско времени Иванъ III отличалось какою-то отчаянною удалю, начиная съ самихъ Воеводъ: съ запальчивостію бросалось оно на непріятеля, при этомъ часто теряло всякой порядокъ, и за это молодечество иногда платилось собственнымъ пораженіемъ. Но не всѣ люди, которые прежде шли къ Князьямъ на службу, готовы были теперь вступать въ Государственное войско, въ которомъ все должно было дѣлать по заранѣе обдуманной и опредѣленной свѣше формѣ. И мы, по мѣрѣ того, какъ Государство начинаетъ подбирать подъ себя Князей, начинаемъ получать все болѣе и болѣе извѣстій о Казакахъ. Ихъ весьма много находилось на службѣ какъ у Государя, такъ и у Князей. Занятіе ихъ было развѣзды по степямъ, вывѣдываніе, не бродятъ ли гдѣ ни будь Татары, провожанье пословъ въ Крымъ. Въ числѣ Казаковъ много встрѣчается именъ Татарскихъ, и это можетъ намъ объясниться тѣмъ, что въ это время Орды ослабѣли, разбивались на ничтожныя шайки, а этѣ постоянно разгонялись, такъ что оставшіеся одни безъ предводителей, Татарскіе грабители вступали въ службу Московскаго Государя, или Князей, оставляя за собой свободу распоряжаться своею личностію, и смѣшивались съ Русскими Казаками. Людей, носившихъ имя Казаковъ, Севрюковъ, было много на службѣ Шемячича, и жили они около городовъ Путивля и Чернигова, на границѣ степи. Кромѣ того, появленію Казаковъ въ это время много способствовали Татарскіе набѣги. На Московской Украинѣ Татары останавливались у Оки, Литовская же и Польская Украинны съ юга были открыты для Татаръ. Лиговскіе Государи плохо защищали оружіемъ свои Украинны отъ Татаръ, и изъ населенія страны необходимо должны были выставиться люди для борьбы съ степняками. Для этѣхъ людей около Днѣпра скоро отыскалось мѣсто, а также и предводитель: то былъ Остафій Дашковичъ. Еще на другомъ мѣстѣ Россіи, по видимому, должны были показаться Казаки, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ постоянно шли вой-

ны, здѣсь говорится о Бѣлоруссіи. Но во время войнъ Бѣлоруссія только терпѣла опустошенія, но до того, что города стояли почти въ пустынь, народонаселеніе было подавлено и разорено; Казаковъ оно не могло выставить, такъ какъ, во первыхъ, не знали, противъ кого ихъ выставять, а во вторыхъ, здѣсь, Казаки были бы задавлены и Москвичами и Литовцами.³⁶

---

³⁶ Источниками для Исторіи Князей отъѣзчиковъ, кромѣ выше указанныхъ, служили два статейные списка: Д. Пол., № 1 и Ак. З. Р. т. 1, № 192. При составленіи этой главы о Князьяхъ я во многомъ обязанъ двумъ сочиненіямъ: Исторія Россіи, т. 5, соч. С. М. Соловьева, и Духовныя и Договорныя грамоты Великихъ и Удѣльныхъ Князей, соч. Б. Н. Чичерина.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Новгородское самоуправление и участие въ немъ Князей.—Сравненіе судьбы Новгорода съ судьбою Казаковъ.—Отношеніе Новгорода къ Великому Князю въ началѣ государстванія Ивана III.—Отступленіе Новгородцевъ отъ Московскаго Великаго Князя и союзъ ихъ съ Королемъ Казимиромъ; значеніе этого союза.—Посольство изъ Москвы въ Новгородъ, приготовленія къ войнѣ и походъ на Новгородъ.—Война и заключеніе мира.—Иванъ III судитъ Новгородцевъ.—Послы Новгородскіе называютъ Ивана III себѣ Государемъ.—Объявленіе войны, переговоры; привилегіи, пожалованныя Новгородцамъ и утвержденіе ихъ крѣпкимъ словомъ Великаго Князя.—Осада Новгорода.—Замыслы Новгородцевъ къ освобожденію себя отъ власти Московскаго Государя и розыскъ по этому поводу.—Заключеніе.—Сношенія Ивана III съ Казимиромъ по поводу завоеванія Новгорода.

I.

Главное и первое, на чемъ Иванъ Васильевичъ поссорился съ Казимиромъ, и чего никогда не могли забыть въ Литвѣ — это полное подчиненіе Новгорода Московскому Государству. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію исторіи подчиненія Новгорода Москвѣ, нужно сказать, что такое Новгородъ, и по чему онъ въ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ сыгралъ такую важную роль. Здѣсь я не намѣренъ говорить что ни будь новое, кромѣ давно извѣстнаго.

Новгородъ — средневѣковая торговая община, пользующаяся своего рода самоуправленіемъ. Точно опредѣленную грань между понятіями самоуправления и независимостію, въ отношеніи къ Новгороду, чрезвычайно трудно провести. Новгородское самоуправленіе или, пожалуй, независимость, самостоятельность, была слѣдующаго рода. Вся дѣятельность Новгородской общины была главное направлена на торговлю, остальные отправленія общественной жизни у нея были развиты несравненно въ меньшей степени, чѣмъ эта. Новгородцы, во первыхъ, постоянно нуждались въ

Князьяхъ. Пребываніе этѣхъ Князей въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ опредѣлялось тою же самою нуждою, которая заставила Новгородѣцвъ призывать къ себѣ Князей въ IX вѣкѣ: Новгородская земля была велика и обильна, порядка же въ ней никогда не было, и Князья должны были въ ней княжить. Новгородъ не могъ самъ по себѣ управляться и самъ себя защищать. Князья, вмѣстѣ съ своими дружинами, призывались въ Новгородъ княжить, судили Новгородцевъ между собою, бились съ ихъ врагами, и за все это болзовались матеріальными выгодами. Последнее было довольно точно опредѣлено Новгородцами; власть же Князей опредѣлялась почти что однимъ чисто личнымъ значеніемъ и личными отношеніями каждаго Князя къ Новгородцамъ. Съ изначала у большей части Князей проявляется стремленіе увеличить свою власть въ богатомъ Новгородѣ, но для вольныхъ Новгородцевъ всякое чрезчуръ значительное хозяйничанье у нихъ было противно; они строго наблюдаютъ за Князьями, и при малѣйшемъ недовольствѣ указываютъ имъ путь изъ Новгорода и, на мѣсто одного Князя, призываютъ другаго. Новгородцы хотѣли бы призывать къ себѣ только того Князя, который былъ имъ любъ, но въ сущности за что они Князя могли выпроводить отъ себя, это главное опредѣлялось обстоятельствами, т. е., что онъ имъ не любъ. Такъ какъ только Князь, опиравшійся на свою собственную силу, могъ сдѣлать что ни будь въ свою пользу въ Новгородѣ, то Новгородцы, для ослабленія ихъ силъ, явились опорю всякихъ смуть между Князьями, а по этому городомъ, ненавистнымъ для мирнаго населенія остальной Россіи. Но при всѣхъ хлопотахъ Новгородцевъ по этой части, къ началу новой исторіи, въ Сѣверной Россіи былъ Московскій Князь, съ прежними притязаніями относительно Новгорода, и при томъ на столько сильный, что другіе Князья подчинялись ему. Противникомъ ему, относительно Новгорода, могъ явиться другой, довольно могущественный Русскій Князь, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Великій Князь Литовскій и Король Польской. Но для Новгородцевъ здѣсь выступалъ новый вопросъ, не извѣстный имъ изъ прежнихъ ихъ отношеній къ Князьямъ; то былъ вопросъ объ Исповѣданіи: можно ли было имъ призвать къ себѣ княжить Князя Католика? Въ Новгородѣ, при концѣ его самоуправленія, по поводу этого вопроса, была поднята смута.

И такъ, Новгородъ, для полноты своей, общественной жизни, нуждался во власти, которую самъ у себя не могъ создать. Другимъ мѣриломъ полноты самоуправления и независимости всякаго общества служить Церковь. Всегда бывало, что общество, которое желаетъ быть вполне самостоятельнымъ, устраиваетъ такъ, чтобы, за рѣшеніемъ дѣлъ церковныхъ, не обращаться къ власти, находящейся внѣ его. Такъ какъ это не всегда дѣлается сразу, то, по мѣрѣ зависимости въ обществѣ церковной іерархіи отъ власти, находящейся внѣ его, можно судить о зависимости и независимости самаго общества. Новгородскій и Псковскій Архіепископъ былъ первый Епископъ въ Россіи, послѣ Митрополита всея Руси; Новгородцы сами для себя его избирали, онъ у нихъ былъ пожизненный сановникъ, принимавшій участіе и въ ихъ общественныхъ нецерковныхъ дѣлахъ. Но Новгородскій Архіепископъ, за собственнымъ посвященіемъ и за рѣшеніемъ всѣхъ важныхъ церковныхъ дѣлъ, долженъ былъ обращаться къ Митрополиту и подчиняться ему, на основаніи церковныхъ законовъ. Этотъ Митрополитъ прежде жилъ въ Кіевѣ, а потомъ переехалъ въ Москву. Такое положеніе Новгородской Церкви нельзя называть ея независимостію. Но во второй половинѣ XV вѣка явилась возможность для Новгородцевъ, если не совсѣмъ сдѣлать свою Церковь ни отъ кого и ни въ чемъ независимою, то значительно увеличить ея самостоятельность, тѣмъ, что, смотря по обстоятельствамъ, за рѣшеніемъ важныхъ дѣлъ, обращаться къ разнымъ Митрополитамъ, такъ какъ въ это время въ Россіи Митрополитовъ было два, и оба назывались Митрополитами всея Руси. Кромѣ Митрополита, жившаго въ Москвѣ, былъ еще Митрополитъ въ Литвѣ; но онъ зависѣлъ отъ Католическаго Государя, самого его подозрѣвали въ склонности къ Католицизму, по тому что онъ былъ ученикъ Исидора, прежде Митрополита всея Руси, потомъ Кардинала Римской Церкви и наконецъ временно Уніятскаго Патріарха въ Константинополѣ. Новгородцы хотѣли какъ ни будь рѣшить это дѣло, а у нихъ какъ, въ вопросѣ о Князьяхъ, такъ и въ вопросѣ о верховной церковной власти, одновременно поднялся вопросъ о Православіи.

Кромѣ неопредѣленной власти Князей въ Новгородѣ и весьма опредѣленной власти Митрополита, какія же собственно были

Новгородскія власти въ Новгородѣ? Кто, на примѣръ, могъ указывать Князьямъ путь изъ Новгорода? Историкъ, написавшій похвальное слово Новгородской свободѣ, сказавши о томъ, что вся автономія Великаго Новгорода опиралась на Вѣчь, тутъ же прибавляетъ, что это народное собраніе не было чѣмъ ни будь опредѣленнымъ юридическимъ.³⁷ Этѣ слова служатъ объясненіемъ многого въ исторіи Новгорода, но не въ его пользу. Въ то время, какъ все кругомъ Новгорода, въ общественномъ устройствѣ Сѣверной Россіи, опредѣлялось и слагалось въ извѣстную теорію, въ Новгородѣ оставались при старой своей теоріи — полного равенства, неограниченной свободы всѣхъ членовъ общины. Если дѣло касалось одного лица, или не многихъ, то они свое дѣло могли устроить, какъ имъ заблагоразсудится; если же дѣло касалось многихъ, или цѣлаго Новгорода, то заинтересованные въ немъ собираются для совѣта, гдѣ придется, или на мѣстѣ, на которомъ привыкли собираться, на Вѣчь, на Ярославовомъ дворѣ. Кто имѣлъ право созвать Вѣче, кто могъ на немъ говорить и обязанъ молчать — этого ничего точно не было опредѣлено. Когда у заинтересованныхъ въ дѣлѣ были различныя мнѣнія объ его рѣшеніи, то споръ шелъ по обычаю, сохранившемуся почти всюду въ Россіи до нашихъ дней, съ крикомъ, гамомъ, такъ что никто ни кого хорошенько не понималъ; мужики-горланы, мироѣды, здѣсь были на первомъ мѣстѣ. Если, наконецъ, стороны обозначились, то большинство не убѣждало меньшинства, а заставляло его подчиниться себѣ; если меньшинство стояло крѣпко на своемъ, то его начинали убѣждать наиболѣе чувствительнымъ образомъ — посредствомъ кулаковъ, палокъ и наконецъ отправленіемъ противниковъ въ Волховъ. Подобныя вещи выходили изъ за того понятія, что рѣшеніе только тогда дѣйствительно, когда на него всѣ согласны, а, между тѣмъ, свободный человѣкъ за тѣмъ онъ и свободенъ, чтобы думать и дѣлать, какъ ему нравится, и съ своимъ мнѣніемъ не отступать ни передъ кѣмъ. Большинство, заставивши замолчать такимъ образомъ меньшинство, и не принимая совсѣмъ во вниманіе его мнѣній, дѣйствуетъ, какъ хочетъ, но и меньшинство, если члены его остались цѣлы, не думаетъ уступать: оно собирается въ тихомолку, сговаривается, богатые подкупаютъ бѣдныхъ, и

³⁷ Сѣверно-Русскія народоправства т. 2-й, стр. 35.

наконецъ, превратившись въ большинство, поступаетъ въ дѣлахъ съ противниками точно такимъ же образомъ, какъ тѣ обращались прежде съ ними. Кромѣ этой борьбы, недовольное меньшинство, не видя средствъ побѣдить противниковъ, если захочетъ, то выдѣляется изъ общества, уходитъ и образуетъ какъ бы отдѣльный Новгородъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно. При подобномъ отправленіи общественныхъ дѣлъ первое, что бросается въ глаза, это, вмѣсто свободы, крайній деспотизмъ сильнаго надъ слабымъ. Сами вѣчники, оплакивая свою печальную судьбу, характеризовали то, какъ они управлялись сами собой, слѣдующими словами: «Злые поклепы и лихіе дѣла, увѣчья и кричанья, такъ что голова не знала, что языкъ говорилъ; неумѣнье своего дома строить и желаніе городомъ управлять; такое самоволіе и непокореніе другъ другу привело много злаго на нихъ.»

Во всякомъ случаѣ, если подобная постоянная борьба нейдетъ дальше Новгорода, то въ ней можетъ быть только дурная форма; но если меньшинство, или даже большинство, захочетъ призвать къ себѣ на помощь противъ своихъ противниковъ Князя, не захочетъ ли этотъ Князь повернуть борьбу Новгородцевъ въ свою пользу? не захочетъ ли онъ, за свою помощь, выговорить что ни будь себѣ, или наконецъ призвавшіе его, за побѣду надъ своими врагами, не выдадутъ ли Князю и всю Новгородскую свободу? Но къ этому можно еще присоединить то, что, при такомъ состояніи общества, человѣкъ, сильный характеромъ, богатствомъ, партией, защищая какой ни будь общественный интересъ, можетъ многое сдѣлать, но окончательно повести общество въ ту или другую сторону онъ не сможетъ, по тому что долженъ быть всѣхъ сильнѣе, всѣхъ богаче. Всѣхъ сильнѣе въ Новгородѣ Князь, который защищаетъ Новгородцевъ отъ ви́шнихъ враговъ и судить гражданъ; всѣхъ богаче изъ Новгородской торговой аристократіи, это Архіепископъ. Главный общественный интересъ у Новгородцевъ — торговля, и ею они занимаются и охраняютъ всѣ; другой интересъ общій—это общественный порядокъ, могущій быть нарушеннымъ, при Новгородскомъ устройствѣ, нѣсколькими сильными лицами до такой степени, что слабые изъ нихъ, бѣдные, на примѣръ, будутъ во всемъ поддерживать Князя-Судью, и тогда Князь, дѣйствуя въ свою пользу, явится еще и защитникомъ чисто Новгородскихъ интересовъ. Архіепископъ въ этомъ отношеніи, по видимому, могъ бы

состязаться съ Княземъ, но Новгородскимъ Папой сдѣлаться онъ не можетъ, по тому что церковная Иерархія Восточной Церкви есть Государственное учрежденіе, подчиненное верховной власти общества, и для Папства Архіепископу нужно уничтожить всѣ уставы Церкви, выработанные тысячелѣтнемъ и вошедшіе въ сознание массъ народа; а Новгородцы всѣ Православные, и желаютъ по этому, въ Архіепископѣ имѣть только сановника самаго уважаемаго, какъ представителя нравственныхъ началъ въ обществѣ. Самое же духовенство у Новгородцевъ, это чиновники, исправляющіе извѣстную службу, точно такую же, какую духовенство въ послѣдствіи исправляло у Казаковъ.

Были еще два лица, могшія, защищая общественные интересы, сдѣлать что ни будь и въ пользу своихъ личныхъ выгодъ. Это двое Новгородскихъ сановниковъ—Посадникъ и Тысяцкой. Но сдѣлать для себя они ни чего не могли, по тому что были представителями партій, борющихся на Вѣчѣ. Это послѣднее объ нихъ можно говорить, по тому что выбирались они, конечно, на Вѣчѣ; а какъ они выбирались, мы не знаемъ, но, судя по общему характеру Вѣча, можно думать, что выкрикомъ, какъ выбирались, на примѣръ, въ кругахъ и на радахъ Казацкіе предводители, Гетманы и Атаманы. Срокъ, на который они выбирались, не извѣстенъ; но что они не были пожизненными сановниками, то это доказывается тѣмъ, что въ Новгородѣ бывало по нѣскольку Посадниковъ, или Тысяцкихъ, изъ которыхъ только одинъ заправлялъ дѣлами. По этому можно предположить, что когда одна партія брала верхъ, то и ставила своего Посадника и Тысяцкаго; за торжествомъ противниковъ могла слѣдовать и смѣна сановниковъ. Пространство власти этѣхъ сановниковъ, какъ и все, подобное этому въ Новгородѣ, неопредѣленно и точно не отдѣлено у одного отъ власти другаго.

Заговоривши о сановникахъ, мы должны сказать еще объ одномъ Новгородскомъ должностномъ лицѣ, не по тому, чтобы оно имѣло особенную силу и значеніе, а по тому, что могло имѣть извѣстнаго рода вліяніе—это Вѣчевой Дьякъ, засѣдавшій въ Вѣчевой избѣ; онъ записывалъ рѣшенія Вѣча; на немъ, конечно, лежало извѣстнаго рода веденіе дѣлъ: имѣлъ ли онъ вліяніе на докладъ ихъ? Былъ ли онъ хранителемъ вѣчевыхъ преданій? или Нового-

родцы занимались такъ своими дѣлами, что этотъ Дьякъ былъ просто машина для записыванія рѣшеній другихъ? Но ниже увидимъ, что съ очень важнымъ дѣломъ имя Вѣчеваго Дьяка соединилось очень трагически.

Подобный вопросъ, на который выше обращено вниманіе, кто могъ повредить Новгородской свободѣ? — особенно игралъ важную роль въ половинѣ XV вѣка. Въ это время почти всюду водворялся новый Государственный порядокъ; Новгородскій Князь вмѣстѣ былъ Государемъ Московскимъ, и могъ захотѣть быть Государемъ и въ Новгородѣ. Конечно, можетъ быть (но только можетъ быть), изъ Новгородскаго общественнаго устройства, при дальнѣйшемъ его развитіи, при борьбѣ партій, могло выработаться весьма характеристичное какое ни будь новое устройство; но въ теченіи всего времени, когда Новгородъ самъ по себѣ игралъ важную роль въ Исторіи, движенія впередъ въ его общественной жизни мы не видимъ. Но при этомъ, можемъ смѣло сказать, что только уживчивымъ характеромъ и способностію Русскаго человѣка почти все переносить, можно объяснить, по чему Новгородъ, при своихъ порядкахъ и еще въ такомъ блестящемъ видѣ, могъ существовать до половины XV вѣка. Географическое же положеніе Новгорода было таково, что до него всякой сильный врагъ могъ добраться, и по тому могъ завоевать его. Болота, окружавшія Новгородъ, бывали и лѣтомъ проходимы для войскъ, а зимою къ Новгороду можно было всегда пройти. Враговъ себѣ Новгородцы необходимо должны были всегда имѣть, по тому что общественное устройство ихъ и образъ жизни дѣлали имъ враговъ изъ всякаго сосѣда. Это происходило отъ того, что тѣ же самыя причины, которыя заставили въ послѣдствіи Государство наложить свою руку на Казаковъ и нѣсколькимъ Государствамъ раздѣлить Польшу, были поводомъ къ ссорамъ Новгорода съ Государствомъ въ XV вѣкѣ.

Въ слѣдствіе этого сходства причинъ, мы должны сдѣлать сравненіе общественной жизни Казаковъ съ общественною жизнію Новгородцевъ. Какъ Казаки признавали надъ собою власть Государя, такъ Новгородцы пуждались въ присутствіи у нихъ Князя. Новгородское Вѣче, Казацкій Кругъ, Рада и наконецъ Польскій Сеймъ, это все одно и то же, разница только въ названіяхъ.

Причины, по чему Государство порѣшило съ Казаками только въ XVIII, а съ Новгородцами въ XV, были нижеслѣдующія. Казаки—военная община, а Новгородцы преимущественно торговая. Казаки свои ряды пополняютъ главнымъ бѣгущими изъ Государства, Новгородцы же признаютъ необходимымъ семью, и по этому поддерживаютъ свое существованіе не только бѣглецами изъ остальной Россіи, но главное нарожденіе у себя. Когда въ Россіи водворялся Государственный порядокъ, то люди, недовольные имъ, дѣлались Казаками и уходили въ степь, гдѣ руки Государства долго не могли достать ихъ, и по мѣрѣ расширения границъ Государственныхъ, Казаки отодвигались все дальше и дальше, по теченію рѣкъ, въ глубь степей, и такъ они уходили отъ Государства до тѣхъ поръ, пока оно не прижало ихъ къ морю. Новгородцамъ нельзя того дѣлать, что дѣлали Казаки, по тому что они прикрѣплены къ землѣ, у нихъ есть главный городъ, имъ принадлежитъ цѣлая область съ городами и деревнями, гдѣ живутъ не все торговые люди, но много земледѣльческаго населенія. Этотъ городъ съ областію не Сѣчь; нельзя ихъ, какъ дѣлали Казаки съ Сѣчью, перенести съ одного острова рѣки на другой.

Кромѣ того, что Московскому Государству нужно было дать выгодное занятіе своимъ дружинамъ, кромѣ того, что Великіе Князья всегда хотѣли попользоваться богатствомъ Новгородцевъ, были въ самыхъ порядкахъ Новгородцевъ, какъ и у Казаковъ, такія явленія, которыя не давали имъ возможности жить мирно съ сосѣдями; это, во первыхъ, существованіе ушкуйниковъ. Новгородцы вольные люди, хотятъ они торгуютъ, или дѣлаютъ что имъ угодно; человекъ, у котораго нѣтъ желанія заниматься мирными дѣлами, у котораго есть охота разгуляться, подраться, собираетъ себѣ товарищей, эту Новгородскую голудьбу, и идетъ вонъ изъ Новгорода; спускается эта дружина по рѣкамъ, нападаетъ на всякаго встрѣтившагося: удастся предпріятіе, то удалцы возвращаются въ Новгородъ богатыми, добывъ себѣ зипуновъ; не удастся, то складываютъ они свои буйныя головы на чужой сторонѣ. Умается человекъ въ такой жизни, то идетъ въ монастырь и становится строгимъ постникомъ, какъ прежде былъ страшнымъ разбойникомъ. Казацкая голудьба когда не шла противъ Государства, то нападала на невѣрныхъ, Новгородскіе же

ушкуйники, когда не воевали съ Нѣмцами, то должны были броситься на Русскія земли, гдѣ въ XV вѣкѣ на востокѣ образовалось Государство, которое не могло допустить такимъ охотникамъ безнаказанно воевать и грабить своихъ подданныхъ.

Какъ существованіе ушкуйниковъ могло сорить Новгородъ съ Государствомъ, такъ точно ссоры Новгородцевъ у себя привлекали на него Государство. Эта главная Новгородская ссора была между богатыми и бѣдными. У Казаковъ заводчиками смуть была голудьба, люди бѣдные, богатые же, владѣльцы собственности, хотя и готовы были стоять за Казацкое устройство своего общества, но были въ то же время людьми, которые за порядокъ соглашались многимъ жертвовать. Такъ было, на примѣръ, у Донскихъ Казаковъ, но въ Новгородѣ, какъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, идетъ постоянная ссора изъ за того, что бѣдные, которые не ушкуйники и не аристократы, а земледѣльцы и рабочіе, находятся въ постоянной ссорѣ съ богатыми, желающими жить на ихъ счетъ. Бѣдные не могутъ отыскать себѣ суда на Вѣчѣ, по тому что оно въ рукахъ у богачей и по этому готовы искать суда въ другомъ мѣстѣ и промѣнять, для нихъ ничего незначащую, Новгородскую свободу на Правительство, не признававшее у себя Вѣчей, но за то не допускающее давленія слабого сильнымъ на столько, чтобы перваго превращать въ раба послѣдняго, по этому бѣдные стоятъ за миръ съ мужицкимъ Государствомъ, богатые же, аристократы, по этому самому ненавидятъ подобное Государство. Эта ненависть Новгородскихъ богачей къ Государству во многомъ объясняется тѣмъ, что они на свое положеніе смотрятъ подобнымъ же образомъ, какъ смотритъ на свое Казацкая голудьба. Новгородскіе богачи по преимуществу купцы, по этому по большей части владѣльцы движимой собственности, съ которою богачь: по видимому, какъ вольный Казакъ, можетъ уйти, куда захочетъ. Ошибка подобнаго взгляда богачей на свое положеніе оказалась, когда Государство добралось до Новгорода; тогда вышло, что богачи болѣе, чѣмъ бѣдный челоуѣкъ, прикрѣплены къ землѣ въ томъ обществѣ, гдѣ земля имѣетъ значеніе.

Въ половинѣ XV вѣка Новгородскій Князь былъ Московскимъ Государемъ, и былъ на столько силенъ самъ по себѣ, что

не могъ допускать, какъ дѣятельности ушкуйниковъ въ отноше-
 ния къ его подданнымъ, такъ и того, чтобы нарушали его права,
 обижали его представителей, и что если Новгородцы обратятся
 къ нему за судомъ, то чтобы его рѣшенія теряли всякое значе-
 ние, однимъ словомъ, такой Князь, которому трудно было указать
 путь изъ Новгорода. Когда Государство прижало Казаковъ къ
 морю, то имъ приходилось или перемѣнить свои общественные
 порядки, и при этомъ стать дѣйствительно независимыми отъ Го-
 сударства, или подчиниться Государству; если Казаки не хотѣли
 ни того ни другого, то имъ оставалось или бѣжать къ Невѣр-
 нымъ, или, если можно, тряхнуть Москвою. Казаки выбрали са-
 мое послѣднее; Новгородцы, когда Государству, въ началѣ его
 образованія, пришлось столкнуться съ ними, рѣшались предупред-
 ить дѣло точно такъ же, какъ и Казаки. Въ это время, какъ
 послѣ выразились фигурно Вѣчники, налетѣлъ на Новгородъ мно-
 гокрылатый орелъ, исполнившій крылья львовыхъ когтей; Мо-
 сковскій Государь породнился съ Византiею, рѣшился принять ея
 гербъ и, изъ новыхъ рукъ, на кого выпускали этого двухглавого
 орла, тому трудно было спастись, первый же, кто попалъ подъ
 его когти, былъ Новгородъ, а жителямъ этого города некуда
 было отъ него уйти, нельзя было съ мѣста двинуться, земля же
 подъ ними не разступалась, а въ верхъ не взлетѣть, оставалось
 одно — пасть со славою, попытаться тряхнуть Москвою.

Для борьбы съ Государствомъ степные Казаки выставили
 Стеньку Разина, Булавина, Пугачева, но у Новгородцевъ, торго-
 выхъ Казаковъ, не явился предводителемъ ни Атаманъ ушкуйни-
 ковъ, ни Посадникъ, ни служебный Князь, проникнутый поня-
 тиями удалыхъ Князей XII вѣка; говорятъ, заводчикомъ смуты бы-
 ла женщина, Марфа Борецкая. Если это правда,³⁸ что женщина

³⁸ Значенiе Марфы Борецкой въ судьбѣ Новгорода не можетъ быть велико. Поли-
 тическая ея дѣятельность извѣстна главное по Московскимъ источникамъ, между
 тѣмъ Псковская Лѣтопись не говоритъ ни чего о значенiи Борецкихъ, а Новго-
 родская упоминаетъ только, что Борецкiй казненъ вмѣстѣ съ другими. Самый
 же важный источникъ для исторiи начала враждебныхъ отношенiй Новгорода къ
 Москвѣ, это посланiя Митрополита къ Новгородцамъ; во второмъ изъ нихъ,
 въ Мартѣ 1471 г., Митрополитъ придаетъ значенiе Борецкимъ, какъ важнымъ
 членамъ партiи, но все таки не главнымъ. Для Москвичей же вообще было

взялась бороться съ Государствомъ, стала на мѣстѣ Пугачевыхъ, Булавиныхъ и Разиныхъ, то противниковъ ея былъ не Польскій Король, какъ случилось у Хмельницкаго, а Московскій Государь, Иванъ III, этотъ достойный предшественникъ Алексѣя, Петра и Екатерины.

II.

Въ договорѣ Василя Васильевича съ Казимиромъ объ Новгородѣ и Псковѣ было постановлено, что Казимиру въ Новгородъ Великій и Псковъ не вступаться и не обидѣть; захотятъ они отдаться Королю, то ему ихъ не принимать; въ чемъ они Королю сгрубятъ, то онъ, обославшись съ Великимъ Княземъ, можетъ съ ними вѣдаться, а послѣдному тогда за нихъ не вступаться; Королю съ Новгородцами держать опричный миръ, и со Псковичами опричный миръ; если Псковичи и Новгородцы будутъ воевать между собою, то въ ихъ ссоры Королю не вступаться; если же въ чемъ Новгородцы и Псковичи сгрубятъ Великому Князю, и захочетъ онъ ихъ казнить, то Королю въ это дѣло не вступаться.³⁹ Здѣсь не поставлено, что въ послѣднемъ случаѣ Московскій Князь долженъ ли хотя обослаться объ этомъ съ Королемъ, и когда послѣ этого Василій Васильевичъ сказанъ Новгородцевъ, то въ мирномъ договорѣ съ ними ни чего особеннаго не упоминалось о Казимирѣ, а Новгородцы обязались держать честно и грозно великое Княженіе.⁴⁰ Но какъ смотрѣли Новгородцы послѣ этого на своего Великаго Князя, служить указаніемъ слѣдующій рассказъ лѣтописи, что когда онъ пріѣхалъ, въ 1460 году, въ Новгородъ съ двумя младшими своими сыновьями, Юріемъ и Андреемъ, то Новгородцы собрались на Вѣчѣ у Св. Софіи и совѣщались объ убійствѣ Великаго Князя вмѣстѣ съ дѣтьми, но Владыка Новгородскій, Иона, всталъ предъ заговорщиками и говорилъ: «Безумные люди! Если вы убьете Великаго Князя, то что этѣмъ приобрѣтете? Этѣмъ только большую бѣду наведете на Новгородъ, по тому что старшій сынъ Великаго Князя, Иванъ, услышавши ваше злоторенье, тотчасъ же, испросивши рать у Царя, пойдетъ

странно видѣть, что въ Новгородѣ не только въ семействѣ, но и въ обществѣ можетъ играть важную роль женщина.

³⁹ Акт. З. Р. т. I, № 50.

⁴⁰ Акт. Арх. Эк. т. I, №№ 57 и 58.

на васъ и вывоюеть всю вашу землю.» Въ 1462 году съѣлъ на Московскій престоль Иванъ III, Новгородъ же «не исполнялъ стѣснительнаго договора съ Василиемъ Темнымъ, какъ и прежде это дѣлалось, что договоры этѣ оставались только на бумагѣ;» такъ говоритъ прославитель Новгородской слободы,⁴¹ но Иванъ III былъ на столько силенъ, что могъ потребовать исполненія договора.

Между тѣмъ въ Новгородѣ было все по старому и ничтожный случай могъ повести къ волненіямъ, нѣсколько своевольниковъ могли нарушить договоръ. Страхъ предъ Московскимъ могуществомъ заставлялъ Новгородцевъ опасаться за свою самостоятельность, и они въ каждомъ поступкѣ могли видѣть покушеніе на ихъ вольности. Но дѣло началось вскорѣ тѣмъ, что слабѣйшіе Вѣчники стали выдавать сильнѣйшихъ. Псковитяне отправили грамоту къ Великому Князю (въ 1463 году) съ челобитьемъ за помощь противъ Нѣмцевъ; при этомъ въ одной грамотѣ было написано: «хотѣли слать къ тебѣ, своему Государю, бить челомъ людей честныхъ, Посадниковъ Псковскихъ и Бояръ, да за тѣмъ не послали, что не пропуститъ ихъ Великій Новгородъ.» Великій Князь выказалъ удивленіе: «Какъ это вы того опаслись отъ моей отчины, Великаго Новгорода? какъ имъ не пропуститъ ко мнѣ пословъ, будучи у меня въ крестномъ цѣлованіи?» Но, кромѣ этой жалобы, Псковитяне въ это же время просили у Великаго Князя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ бы Митрополиту поставить Владыку въ Псковъ и при томъ изъ Псковитянь. Противъ этой просьбы былъ отвѣтъ: «Это дѣло великое, и мы объ немъ хотимъ съ своимъ отцомъ, Митрополитомъ, хорошенько подумать; онъ пошлетъ за нашими богомольцами, а за своими дѣтьми, Архіепископами и Епископами, и если можно то сдѣлать, то мы вамъ отвѣтимъ, когда будутъ у насъ ваши послы.» Спустя нѣкоторое время, послѣ вторичной просьбы Псковитянь и послѣ думы съ Митрополитомъ, Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ Псковитянамъ относительно Епископа, что его поставить въ Псковъ нельзя, по тому что тамъ его искони не бывало. Такія просьбы и жалобы Псковитянь были въ слѣдствіе того, что они находились въ ссорѣ съ Новго-

⁴¹ Сѣверно-Русскія народоправства т. I, стр. 139.

родцами. Иванъ Васильевичъ такъ отказалъ имъ о Владыкѣ, а о непропускѣ къ нему Новгородцами пословъ, говорилъ: «Что моя отчина, Великій Новгородъ, вашъ братъ старѣишій, не пропустилъ ко мнѣ вашихъ пословъ, ино мнѣ было вельми досадно; но нынѣ ко мнѣ моя отчина, Великій Новгородъ, прислалъ своихъ пословъ, и жаловались мнѣ на васъ, мою отчину, о многихъ дѣлахъ, да просили у меня на васъ Воеводъ и хотѣли ити на васъ; я же Князь Великій, желая мира между вами и тишины, Воеводы имъ своего не далъ и ходить на васъ не велѣлъ; а что они не пропустили ко мнѣ вашего посла, то я на нихъ вельми помолвилъ, а они о томъ мнѣ били челомъ, и теперъ вамъ путь чистъ по старому, чрезъ нашу отчину, Великій Новгородъ.» Псковитяне помирились съ Новгородцами, но въ 1468 и 69 годахъ опять подняли дѣло объ устройствѣ у себя болѣе самостоятельнаго церковнаго правленія. Теперъ Новгородскій Архіепископъ, при помощи Великаго Князя и Митрополита, занялъ дѣло. ⁴²

Но въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ стоялъ за старину въ Псковѣ, объ ней же онъ напоминалъ и въ Новгородѣ. Туда явилась грамота къ Архіепископу слѣдующаго содержанія: «Братъ нашъ, Казимиръ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, прежде присылалъ къ намъ пословъ, чтобы мы приняли его Митрополита, Григорія; а тебѣ извѣстно, откуда Григорій пришелъ и отъ кого поставленъ. А такъ какъ Святыми Отцами утверждено, чтобы намъ съ Латинами не соединяться, то по этому отецъ нашъ, еще когда Григорій появился, писалъ къ Королю, чтобы онъ не принималъ его, по тому что никогда на Руси отъ Рима не бывало Митрополитовъ, да и самое избраніе ихъ есть право Московскихъ Великихъ Князей; но Казимиръ Григорія принялъ и подчинилъ ему у себя Русскія церкви.» Въ слѣдствіе этого Великій Князь напоминалъ Архіепископу, чтобы онъ держался обѣщаній, данныхъ имъ при своемъ поставленіи, и удерживалъ бы своихъ духовныхъ дѣтей. ⁴³ Причина такого посланія была та, что между Новгородцами явились люди, задумавшіе «ко тмѣ невѣднїя приложиться и съ Латинами соединяться.»

⁴² П. С. Р. Л. т. 4, стр. 226 — 234.

⁴³ Ак. Арх. Эк. т. I, № 80.

Посланіе Митрополита къ Новгородцамъ въ 1471 году, а за нимъ лѣтопись разсказываютъ вины Новгородцевъ предъ Великимъ Княземъ слѣдующимъ образомъ: «Новгородцы возгордились, хвалились множествомъ своего народа и стали оказывать Великому Князю въ законныхъ дѣлахъ ослушаніе; они, забывши старины, дѣль Великокняжескихъ въ отношеніи земли, не стали исполнять, а пошлинъ не отдавать, земли и воды, отъ которыхъ они отказались въ пользу Великаго Князя, за себя взяли, а людей къ цѣлованію привели на Новгородское имя; изъ Новгородскихъ волостей отчинѣ Великаго Князя и его братьи младшей и ихъ людямъ позволяли дѣлать всякія насилія, потомъ съ общаго Новгородскаго вѣча присылали на Городище многихъ людей, которые Намѣстниковъ Великаго Князя и его посла безчестовали; кромѣ того схватили на Городищѣ двухъ Князей и многихъ людей свели въ городъ и мучили за то, что были представителями имени Велякокняжескаго, и тѣмъ всѣмъ, говоритъ лѣтопись, Новгородцы грубили Великому Князю, держа у себя мысль отступить отъ Великаго Князя и задаться за Короля Латинскаго.» Какъ видно, этѣ вины были совершены въ теченіе не одного года. Далѣе, въ тѣхъ же источникахъ для исторіи этѣхъ событій, разсказывается, что благочестивый Государь нѣсколько разъ посылалъ своихъ пословъ въ Новгородъ, чтобы отчина его исправилась во всемъ, ни какого лиха не чинили, а жили бы по старинѣ, и Великій Князь отъ ихъ поступковъ терпѣлъ многія досады къ нему и непокорства, ожидая отъ нихъ къ себѣ чистаго исправленія и праваго челобитія. Подобныя неисправленія со стороны Новгородцевъ, при ихъ внутреннемъ устройствѣ, были въ сущности вещью обыкновенною, но, какъ видно, теперь въ Москвѣ не хотѣли ихъ считать такими. Новгородцы понимали это послѣднее, но помочь горю не могли, и вотъ пріѣхалъ изъ Новгорода посломъ къ Великому Князю Посадникъ, Василій Ананьинъ, и правилъ посольство о дѣлахъ земскихъ Новгородскихъ, не упоминая о томъ, что считали въ Москвѣ Новгородскими винами, и на вопросъ объ нихъ, отвѣчалъ Боярамъ: «О томъ Великій Новгородъ не мнѣ приказалъ, то мнѣ не наказано.» И Государю, Великому Князю, то вельми грубно стало, что они посылаютъ о своихъ дѣлахъ земскихъ, а объ своихъ винахъ не говорятъ; онъ положилъ на нихъ свой гнѣвъ и хотѣлъ на коня сѣсти, а съ Василюмъ

Ананьинимъ приказалъ Новгородцамъ сказать: «Исправьтесь ко мнѣ, моя отчина, сознайтесь, а въ земли и воды мои, Великаго Князя, не вступайтесь, имя мое, Великаго Князя, держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ, Великому Князю, посылайте бить челомъ по докончанью, я же Васъ, свою отчину, хочу жаловать и въ старинѣ держу.» Съ этѣмъ Ананьинъ былъ отпущенъ Великимъ Княземъ, который возвѣщаль своей отчинѣ, что ему уже не въ истерпѣ, что онъ болѣе терпѣть не хочетъ отъ нихъ ихъ досады и ненокорства.⁴⁴

Но въ Новгородѣ пошли въ своихъ дѣлахъ дальше; былъ отправленъ посоль къ Королю Казимиру, чтобы онъ далъ Князя въ Новгородъ. Казимиръ далъ имъ Православнаго Князя, Михайла Омельковича. Этотъ Князь былъ принятъ въ Новгородѣ честно, но Новгородцы Намѣстниковъ Великаго Князя не сослали съ Городища. Михайло Омельковичъ пріѣхалъ въ Новгородъ 8-го Ноября, 1470 года, и засталъ здѣсь всѣхъ въ волненіи. Кромѣ раздѣленія партій на Вѣчѣ, въ слѣдствіе отношенія къ Москвѣ, поводъ къ волненіямъ подавало то, что за два дни до пріѣзда Михайла Омельковича скончался Новгородскій Архіепископъ, Іона. По обычаю произведенъ былъ выборъ изъ трехъ кандидатовъ по жребію, и вынялся жребіи Священноинока Θεофила. Также по старому обычаю отправили посла въ Москву объ опасѣ для нареченнаго Архіепископа, чтобы ѣхать ему къ Митрополиту на поставленіе. Опасныя грамоты были даны по старинѣ отъ Великаго Князя и Митрополита. Но въ это время партія, недовольная Московскимъ Великимъ Княземъ, задумала другое дѣло. Въ числѣ этой партіи были сыновья Посадника Борецкаго; руководимые своею матерью, Марѳою. Лѣтопись, которая говорила такъ согласно съ посланіемъ Митрополита, прибавляетъ, что Марѳа Борецкая, находясь въ единомыслію съ Михайломъ Омельковичемъ, присутствіе котораго въ Новгородѣ была грубость предъ Великимъ Княземъ, думала выйти за мужъ за Литовскаго Пана и, вмѣстѣ съ нимъ, отъ имени Короля, управлять Новгородомъ. Въ единомыслію съ Марѳою былъ чернецъ Пименъ, бывшій Ключникомъ Архіепископа Іоны и потомъ въ числѣ трехъ кандидатовъ на Архіепископію послѣ его

⁴⁴ Ак. Ист. т. I, № 280; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 1 — 4.

смерти. Пименъ желалъ быть Новгородскимъ Архіепископомъ, но его жребій при выборѣ не вынялся, и онъ говорилъ послѣ этого: «Хотя меня на Кіевъ пошлите, и туда я на свое поставленіе ѣду.» Дѣлая такое предложеніе, Пименъ изъ Архіепископской казны много повынималъ золота и передавалъ его Марѣ Борецкой, для подкупка людей, чтобы тѣ помогали имъ. Преподобный же Священноинокъ Теофилъ останавливалъ Новгородскихъ людей отъ такихъ мыслей и говорилъ, что хочетъ ѣхать на поставленіе въ Москву. Но Пимену такъ дѣйствовать не удалось долго, и Псковская лѣтопись намъ рассказываетъ, что Пимена Новгородцы схватили, сильно избесчестовали, казну его разграбили и взыскали 1000 рублей.

Таково было состояніе дѣлъ въ Новгородѣ, и Московская лѣтопись рассказываетъ, что тамъ постоянно были шумныя вѣча, а когда явился туда посоль, ѣздившій въ Москву, за опасною грамотою для нареченнаго Архіепископа, и объявилъ, что Великій Князь жалуется свою отчину и даетъ опасныя грамоты, то этому нареченный Владыка и многіе обрадовались, другіе же, приходя на вѣче, кричали: «Не хотимъ зваться отчиною Великаго Князя, мы люди вольные, а Московской Великой Князь намъ обиды многіе чинить, хотимъ за Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, Казимира.» Противники подобныхъ рѣчей говорили: «Нельзя тому быть, чтобы за Короля отдаться и Архіепископа поставить въ Кіевѣ.» Въ этѣхъ спорахъ успѣху враговъ Великаго Князя помогло то, что когда въ Новгородѣ поднимались волненія, и Новгородцы не удовлетворяли требованій, шедшихъ изъ Москвы, то Великій Князь, пославъ въ Псковъ сказать: «Если мнѣ не добьютъ челомъ Новгородцы о моихъ старинахъ, тогда бы вы, моя отчина, Псковъ, послужили мнѣ, Великому Князю, на Великій Новгородъ за мои старины.» Это посольство пришло въ Псковъ, когда въ Новгородѣ пріѣхалъ Михайло Омельковичъ. Псковитяне, выслушавъ слова Великаго Князя, послали сказать въ Новгородъ: «Насъ Великій Князь поднимаетъ на васъ, а отъ васъ хочетъ себѣ челобитья, мы же за васъ, за свою братью, если вамъ нужно, готовы къ нему своего посла отправить и Великому Князю челомъ бить по миродокончальнымъ грамотамъ; а вы бы нашимъ посламъ дали путь чистъ къ Великому Князю по своей вотчинѣ.»

Въ слѣдствіе такого посольства на Новгородскомъ Вѣчѣ враги Великаго Князя взяли нѣкоторый верхъ; они кричали о томъ, что «Великій Князь даетъ опасныя грамоты для нашего нареченнаго Владыки, и въ то же время поднимаетъ на насъ Псковъ.» Псковитяне на свое предложеніе услышали слова: «Вашего посла къ Великому Князю поднимать не хотимъ, также не хотимъ и сами бить ему челомъ, а вы бы за насъ противъ Великаго Князя на конь сѣли, по своему съ нами миродокончанью.» Новгородскій посолъ получилъ въ Псковѣ отвѣтъ: «Какъ вамъ Князь Великій пришлетъ разбѣнную грамоту, то намъ объявите, и мы подумавъ о томъ, отвѣтъ дадимъ.»

На Псковъ Новгородцамъ было трудно надѣяться, и они, все идя впередъ въ своихъ дѣлахъ, наконецъ почти совсѣмъ отступили отъ Московскаго Великаго Князя къ Королю Казимиру. Казимиръ заключилъ съ вольными мужами, съ Великимъ Новгородомъ, договоръ, по которому обязывался держать Новгородъ по крестной грамотѣ: на Городищѣ держать Намѣстника Греческой вѣры; если пойдетъ на Великій Новгородъ Московскій Великій Князь, или его сынъ, или его братъ, или подниметъ онъ на Новгородъ какую землю, то Королю сѣсть на конь со всею Радою Литовскою и защищать; если Великій Князь пойдетъ на Великій Новгородъ во время отсутствія Короля изъ Литвы, то защищать его Радѣ Литовской; вѣры Греческой Король у Новгородцевъ не долженъ отнимать, церквей Римскихъ въ Новгородѣ и Новгородскихъ областяхъ не ставить; Новгородцы гдѣ захотятъ, тамъ и поставятъ своего Владыку; если умирить Король Великій Новгородъ съ Великимъ Княземъ, то взять ему за то черный боръ по волостямъ Новгородскимъ; держать Королю Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, по старинѣ и по крестной грамотѣ, и Король цѣлуется на ней крестъ за себя и за свою раду Литовскую.⁴⁵ Этотъ договоръ носилъ на себѣ, во первыхъ, печать всей неопредѣленности, какая была въ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ; Новгородцы какъ бы увѣрены, что Московскій Великій Князь, за это отступление отъ него, непременно будетъ воевать съ ними, и нанимаютъ на свою защиту Короля, отъ котораго, впрочемъ, также могутъ отступить, когда

⁴⁵ Ак. Арх. Эк. т. I, № 87.

онъ ихъ замирить съ Великимъ Княземъ; поддерживая Православіе, они оставляютъ лазейку, пожалуй, и въ пользу Литвы, по тому что могутъ поставить Владыку, гдѣ захотятъ. Говорятъ, что самое критическое время въ отношеніяхъ Московскаго Государства къ Польско-Литовскому было тогда, когда Новгородъ отдавался Казимиру, и помощи ему Казимиръ, то исторія Восточной Европы была бы совершенно другая; но Казимиръ промахнулся... Такъ говоритъ объ этомъ времени Г. Костомаровъ. ⁴⁶ Но Поляки говорятъ еще, что если бы Ягайло ударилъ въ тылъ Донскому, когда тотъ сражался съ Мамаемъ, то тоже исторія Восточной Европы была бы другая. Но такъ какъ этѣхъ если бы въ исторіи каждаго народа бываетъ много, не только каждый годъ, но и каждый часъ, то объ этомъ не будемъ говорить, а скажемъ о другомъ. Какъ Казимиръ промахнулся, объ этомъ будетъ ниже, но главное то: отдавался ли Новгородъ Казимиру? Какъ сейчасъ изъ договора видѣли, Новгородъ оставлялъ за собою всѣ старины; но старинѣ онъ перемѣнялъ у себя Князя, и занималъ его на свою защиту; послѣ онъ могъ точно также перемѣнить и Казимира на Ивана III. Чтобы подчинить себѣ Новгородъ, Казимиру нужно было еще съ большими трудами точно также завоевать его, какъ завоевалъ Иванъ III; большіе труды онъ долженъ бы былъ приложить по тому, что, кромѣ уничтоженія самостоятельности, нужно было уничтожить въ корнѣ Православіе, которое и при заключеніи послѣдняго договора, для всей массы народа было совершенно ограждено и выставлено на первый планъ. Нельзя смотрѣть на одинъ случай въ исторіи народа, какъ на главный въ его судьбѣ: если единовѣрный Московскій Государь долженъ былъ завоевать Новгородъ, то Католическому Польско-Литовскому Государю это нужно было сдѣлать тѣмъ болѣе: а завоевывала ли что ни будь прочно оружіемъ Польша со времени своего соединенія съ Литвою? До самыхъ раздѣловъ она только теряла и ничего прочно не прибрѣтала. Господинъ Костомаровъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что Московское Государство наступало на Литву въ силу самосохраненія; дѣйствительно, въ слѣдствіе оборонительныхъ завоеваній, начатыхъ изъ города Москвы, Восточная Европа превратилась въ Россійскую Имперію; въ описываемое же время,

⁴⁶ Вѣст. Евр. 1866 г., т. I, стр. 80.

въ силу этого же самосохраненія, Иванъ III былъ долженъ предупредить все, что можетъ произойти только изъ того, что хотя на время Литовскій Князь усядется въ Новгородъ. Начинать борьбу съ Новгородомъ Ивану Васильевичу теперь было можно, по тому что онъ хорошо зналъ, что въ городъ существуетъ полнѣйшій разладъ, вражда партій и чрезвычайно многіе стоятъ за союзъ съ Москвою; этотъ же разладъ увеличивается все болѣе и болѣе въ слѣдствіе посольствъ изъ Москвы.

Иванъ Васильевичъ прислалъ съ такимъ увѣщаніемъ къ Новгородцамъ: «Отчина моя, люди Новгородскіе! Изначала вы не отступали отъ нашего рода, а мы васъ жалуемъ и боронимъ; за Королемъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ вы никогда не бывали, я же надъ вами ни какой силы не чиню, болѣе того, что было при отцѣ и предкахъ; вы же отъ Православія не отступали бы и къ Латинству не прилѣплялись.» Въ началѣ 1471 года явилось уже посланіе отъ Митрополита: онъ, изложивъ всѣ обстоятельства неудовольствій Новгородцевъ на Великаго Князя, и оправдывая послѣдняго, что онъ требовалъ только исправленія Новгородцевъ по старинѣ и ихъ челобитья, и что послѣ посольства Анашина онъ гнѣвъ на Новгородцевъ положилъ, но когда явился, за опасомъ для нареченнаго Архіепископа, Новгородской Бояринъ, то онъ, по челобитью его, Митрополита, и своей матери, гнѣвъ свой отложилъ и грамоту опасную далъ; Великій Князь — Православный Государь, говоритъ Митрополитъ, а ваши предки всегда были неотступны отъ его предковъ, теперь же вы хотите заложиться за Латинскаго Государя, такъ вспомните: царствующій градъ Константинополь попалъ въ руки Невѣрныхъ, когда Царь и Патріархъ соединились съ Латинянами; такъ и вы поберегите свои души и отъ Православнаго Государя не отступайте, въ церквахъ Божіихъ у васъ неподобной новины не бывало бы: на эктеніяхъ имя Государя иной вѣры, не Православной, не поминалось бы.»⁴⁷

Читая подобныя посланія и слушая посольства Великаго Князя, приверженцы Москвы прямо указывали, что, ссорясь съ Великимъ Княземъ, Новгородцы навлекутъ на себя войну, которой

⁴⁷ Ар. Ист. т. I, № 280.

не было, а соединеніе съ Литвою есть связь съ Латинствомъ. По этому волненія продолжались и Вѣча не прекращались въ Новгородѣ; Литовская партія панимала мужиковъ Вѣчниковъ и не хотѣла слушать ни посла Митрополита, ни посла Великаго Князя, толкуя то, что Новгородъ самъ себѣ Государь; такъ говоритъ Московская лѣтопись.⁴⁸ Такъ дѣло шло до Марта мѣсяца, когда Князь Михайло Олельковичъ поѣхалъ изъ Новгорода къ себѣ въ Кіевъ. Псковскій лѣтописецъ рассказываетъ о томъ, что пребываніе Михайла Олельковича въ Новгородѣ обошлось очень дорого Новгородцамъ, какъ относительно кормовъ, такъ и даровъ, и что онъ когда ѣхалъ изъ Новгорода, то въ Русь пограбилъ оброки, да отъ Русы до Литовскаго рубежа воевалъ области, захватывая не только имущество, но и жителей въ плѣнъ, и все это привелъ съ собою въ Литву. Къ этому разсказу тотъ же лѣтописецъ прибавляетъ о Новгородцахъ: «Все это они дѣлаютъ, не исполняя старинъ въ отношеніи къ своимъ Государямъ, Великимъ Князьямъ, а помощи себѣ требуютъ отъ Литовскихъ Князей и отъ самаго Короля, и тѣмъ подвергаютъ себя такимъ убыткамъ, а отъ Великаго Князя немилосердіе и великую нелюбовь сами наводятъ на себя и на свои волости кровопролитіе.»

Въ концѣ Марта изъ Москвы было отправлено еще посланіе Митрополита въ Новгородъ. Въ посланіи говорилось, что, послѣ дачи опасныхъ грамотъ и его Митрополичьего перваго посланія, «Новгородцы великое земское дѣло отложили и по опаснымъ грамотамъ не пріѣхали; теперъ мы слышимъ, что у васъ въ молодыхъ людяхъ, которые не навыкли доброй старинъ, какъ стоять и поборать по Благочестіи, а иные изъ нихъ, не имѣя добраго наученія своихъ отцовъ, благочестивыхъ родителей, по тому что по смерти ихъ остались ненаученными, собираются въ сонмы и стремятся на многія дѣла и великое землѣ неустроеніе: не тишину, а великій мятежь, думая ввести и расколъ въ Церкви, оставивши Православіе и старину, приступить къ Латинянамъ. Ты, нареченный Владыка, ни чего ко мнѣ объ этомъ не пишешь, а вы, старые Посадники и

⁴⁸ Г. Костомаровъ говоритъ, по этому поводу что послы Великокняжескіе возвратились со срамомъ. Изъ словъ, въ добавокъ, Московской лѣтописи этого ничего не видно; но если дѣлать предположенія, то можно думать и то, что сторонники Москвы, при отъѣздѣ пословъ, поднесли имъ подарки и т. п.

Тысящїе, Бояре и купцы, и весь Новгородъ, Православїе поберегите и старшіе молодыхъ научите, а лихихъ остановите.»⁴⁹ Но ни это вторичное посланїе Митрополита, ни посылка о томъ же Великаго Князя не вели ни къ чему, и въ Новгородѣ стояла смута. Партіи, какъ видно, боролись, но окончательнаго верха никто не бралъ изъ нихъ. Московская лѣтопись говоритъ, что нареченный Архіепископъ хотѣлъ сдерживать волненїя, но ничего не могъ сдѣлать, и по этому даже хотѣлъ уйти обратно въ монастырь, но его не пустили.

Новгородцы шумѣли на Вѣчѣ, но ничего не предпринимали, Иванъ же Васильевичъ рѣшился начать дѣло. Онъ послалъ въ Новгородъ складную грамоту, прописавши въ ней неправды и измѣны Новгородцевъ къ нему и объявляя, что самъ идетъ на нихъ ратями. Предъ посылкой разметной грамоты, Иванъ Васильевичъ совѣтовался съ братьями, Боярами и другими лицами, ити ли на Новгородъ ратью лѣтомъ, или отложить походъ до зимы. Рѣшено было выступить лѣтомъ. Вопросъ о времени похода былъ весьма важенъ, по тому что Новгородъ лѣтомъ считалъ себя безопаснымъ отъ нашествїя враговъ, такъ какъ былъ закрытъ почти со всѣхъ сторонъ рѣками, озерами и болотами, непроходимыми лѣтомъ. Прежніе Великіе Князья когда ходили на Новгородъ лѣтомъ, то теряли много людей; однако же рѣшено было ити лѣтомъ. Къ этому принуждали два обстоятельство: во первыхъ, въ Москвѣ на вѣрное знали, что у Казимира было дѣло на Западѣ, а именно, избранїе его сына на Чешскій престолъ. Второе, что заставляло ити на Новгородъ лѣтомъ, это отношенїя Ивана Васильевича къ степнякамъ. Видно, что Иванъ Васильевичъ въ этотъ годъ находился въ мирныхъ отношенїяхъ къ Золотой Ордѣ; однако, въ лѣтописи записано, что Казимиръ, еще въ концѣ 1470 года, послалъ къ Царю Ахмату своего Татарина, Кирейя Криваго, со многими рѣчьми и обговорами на Великаго Князя. Кирей предлагалъ дары Царю и его Князьямъ и челомъ билъ отъ Короля, чтобы вольный Царь пожаловалъ пошелъ на Московскаго Великаго Князя со всею своею ордою, а Король пойдетъ со всею своею землею. Татарскій

⁴⁹ Ак. Ист. т. I, № 281.

Князь, Темиръ, и другіе Князья стояли за Королевское дѣло, но Царь продержалъ Кирея до осени 1471 года и отпустилъ его къ Королю ни съ чѣмъ, Лѣтописецъ говоритъ по этому случаю, что не сбывась мысль окаянныхъ, а Царь сдѣлалъ это ради своихъ зацѣпокъ. Но можно предположить, что и Ивану Васильевичу этѣ зацѣпки чего ни будь да стоили.

Пославши въ Новгородъ разметныя грамоты, Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ братьями, приготавливался къ походу и въ то же время послалъ въ Тверь къ Великому Князю, Михайлу Борисовичу, прося помощи на Новгородъ, а въ Псковъ отправилъ своего Дьяка сказать, чтобы Псковитяне сажались на конь, шли бы на своего брата, Великій Новгородъ, и послали бы туда разметныя грамоты. Дьякъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они скорѣе сажались на конь и шли бы съ нимъ въ землю Великаго Новгорода воевать. Псковитяне общались, что пойдутъ, какъ только услышатъ, что рать Великаго Князя въ Новгородскихъ земляхъ. Въ то самое время, когда въ Псковѣ былъ Московскій посоль, Новгородцы прислали къ Псковитянамъ своего незначительнаго Боярина, Подвойскаго, и не съ поклономъ, не съ челобитьемъ, но гордо говоря: «Врекаетесь ли пособить намъ противъ Великаго Князя?» Псковитяне подумали и, положивъ упованіе на Бога по здоровью Великаго Князя, послали въ Новгородъ разметную грамоту. Этѣ событія были въ концѣ Мая и началѣ Юня, 1471 года. ⁵⁰

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ дѣлалъ распоряженія къ походу: 31 Мая, отправилъ войска въ Двинскую землю и на Вятку, ⁵¹ 6-го Юня были отправлены Воеводы, Князь Данило Холмскій и Ѳедоръ Давидовичъ, съ войсками Великаго Князя и Дѣтьми Боярскими Князей Юрія и Бориса Васильевичей; Воеводамъ приказано было ити къ Русѣ; 13-го Юня былъ посланъ Князь Василій Оболенскій-Стрига съ войсками Великаго Князя и многими Татарами Царевича Дарьяна; имъ было приказано ити къ Вышнему Волочку, а потомъ по Мстѣ. Князь Андрей Васильевичъ Большой

⁵⁰ П. С. Р. Л. т. 5, стр. 35 и 36; т. 4, стр. 239 и 240.

⁵¹ Съ этого мѣста въ лѣтописи записанъ разрядъ похода. Здѣсь же я не повторяю широкаго описанія лѣтописца о томъ, какъ Иванъ Васильевичъ ходилъ по соборамъ и молился.

и сынъ Великаго Князя, Иванъ, остались охранять Москву; другимъ своимъ братьямъ и Князю Михайлу Андреевичу Верейскому Великій Князь приказалъ ити съ своихъ вотчинъ разными дорогами къ Новгороду. 20 Іюня выступилъ самъ Иванъ Васильевичъ съ главною ратью. Всѣмъ войскамъ дозволено было въ Новгородскихъ земляхъ воевать, жечь, сѣчь и въ плѣнъ вести; ограничены въ подобныхъ дѣйствіяхъ только Татары. Войска какъ только вступили въ Новгородскія владѣнія, то и начали приводить въ исполненіе данное имъ дозволеніе. Кромѣ войска, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ поражать еще другимъ оружіемъ: онъ взялъ у своей матери Дьяка, Степана Бородатаго, который хорошо зналъ лѣтониси, и по этому, когда придуть къ Великому Князю Новгородцы, долженъ былъ имъ говорить по лѣтонисямъ, какъ они измѣняли предкамъ Великаго Князя. ⁵²

Въ Торжкѣ пристали къ Великому Князю войска Тверскія, для помощи противъ Новгорода; здѣсь же встрѣтили Великаго Князя, ѣхавшіе къ нему, Псковскіе послы съ извѣстіемъ, что Псковитяне сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе и всѣ готовы къ войнѣ; Великій Князь отпустилъ пословъ съ приказомъ, чтобы Псковитяне шли немедленно воевать. Но еще прежде чѣмъ Псковскіе послы пріѣхали изъ Торжка домой, въ Петровъ день (29 Іюня) въ Псковъ пріѣхалъ съ дружиною, во 100 человекъ, Бояринъ Зиновьевъ; онъ былъ отпущенъ Княземъ Холмскимъ изъ Русы. Зиновьевъ говорилъ, чтобы Псковитяне садились на конь, по тому что онъ отпущенъ къ нимъ Великимъ Княземъ въ Воеводы, а рати Великаго Князя уже Русу извоевали и пожгли, а Великому Князю въ самый Петровъ день быть въ Торжкѣ. Какъ доказательство начала войны, Зиновьевъ привелъ 300 лошадей Новгородскаго плѣну, и всѣхъ ихъ распродавъ Псковитянамъ. Псковитяне начали собираться, и 10 Іюля выступили изъ своего города; 12 Іюля къ нимъ пріѣхали и послы, ѣздившіе къ Великому Князю и отпущенные имъ изъ Торжка, а съ ними Бояринъ Кузьма Коробинъ съ 150 человекъ. Коробинъ говорилъ: «Великій Князь въ Петровъ день былъ въ Торжкѣ, а на вторую недѣлю быть ему въ Русѣ, и вы бы, по его наказу, выступали въ Ильинъ

⁵² Ист. Р. т. 5, пр. 11.

день (20 Юля), или не болѣе, какъ недѣлю спустя.» Но Псковитяне въ этотъ же самый день (12 Юля) начали воевать Новгородскія волости.

До сихъ поръ мы имѣли источникомъ, для описанія ссоры Новгорода съ Великимъ Княземъ, Московскія официальные бумаги и лѣтописи Псковскую и Московскую. Въ Новгородскихъ же лѣтописяхъ ничего не говорится объ этѣхъ предшествующихъ войнѣ событіяхъ. Если не утрачены вполне въ Новгородскихъ лѣтописяхъ извѣстія ихъ объ этой войнѣ, то описаніе собственно событий войны, помѣщенное въ лѣтописи, носящей названіе Новгородской четвертой,⁵³ начинается именно такъ, какъ могъ описывать ихъ Новгородецъ. Въ этой лѣтописи вся причина войны выставляется только гнѣвъ Великаго Князя, а по чему этотъ гнѣвъ появился, Новгородцу было трудно объяснить самому себѣ, такъ какъ то, что вызвало гнѣвъ, это совершалось постоянно въ Новгородѣ и естественно выходило изъ всего устройства общественной его жизни. Но описаніе Новгородской лѣтописи подтверждаетъ то, что говорятъ Московскія лѣтописи о внутреннемъ состояніи Новгорода въ это время, т. е. что тамъ всё были въ ссорѣ и каждый дѣйствовалъ такъ, какъ думалъ. Такъ когда Новгородцамъ нужно было защищать самихъ себя отъ наступавшихъ на нихъ враговъ, то нареченный Новгородскій Архіепископъ приказалъ своему полку, чтобы онъ сражался только съ Псковитянами, а на войско Великаго Князя рукъ не поднималъ бы. Въ Московской лѣтописи говорится, что Новгородское войско было составлено изъ плотниковъ, гончаровъ и тому подобныхъ лицъ, которые отъ своего рожденія на лошади не бывали, но теперь были выгнаты на войну силою. Новгородская же лѣтопись подтверждаетъ это тѣмъ, что рассказываетъ, какъ во время битвы этѣ ремесленники стали кричать выгнавшимъ ихъ: «Я человекъ молодой, испотерялся конемъ и доспѣхами.» Таково было состояніе Новгорода въ то время, когда нужно было воевать; но лица, затѣявшія все это дѣло, надѣялись на Короля Казимира. Къ нему былъ отправленъ посоль съ извѣстіемъ, что пришло время исполнить договоръ и Король садился бы на конь

⁵³ П. С. Р. Л. т. 4, стр. 127—129.

для защиты Новгорода. Этотъ посоль поѣхалъ въ объѣздъ чрезъ Ливонію, но долженъ былъ возвратиться назадъ, по тому что Магистръ не далъ пути чрезъ свои земли въ Литву.

Между тѣмъ Московскія войска шли безпрепятственно по Новгородскимъ землямъ, опустошая все на пути. Лѣто было жаркое, болота просохли, и по этому не мѣшали движеніямъ Москвичей. Переднія войска, подъ начальствомъ Князя Холмскаго и Федора Давидовича, дошли до Русы, сожгли городъ и опустошили окрестныя мѣста. Отсюда они пошли къ Коростыню. Здѣсь, на берегъ Ильмена, высадились Новгородцы и тихонько подошли къ станамъ Московскихъ войскъ, но сторожа предупредила во время, и войска успѣли вооружиться, бросились на Новгородцевъ, разбили ихъ и многихъ захватили въ плѣнъ. У плѣнныхъ обрѣзывали носы и губы и въ такомъ видѣ отпускали въ Новгородъ, dospѣхи съ плѣнныхъ снимали, но себѣ ихъ Москвичи не брали, такъ какъ не нуждались въ нихъ, а бросали въ воду, или жгли. Въ тотъ же день пришла другая Новгородская рать къ Русѣ, но Воеводы бросились на нее, побили и послали съ извѣстіемъ о побѣдѣ къ Великому Князю. Воеводы пошли отъ Русы къ Демону городку, но Великій Князь приказалъ имъ ити за рѣку Шелонь, соединиться съ Псковитянами, а подъ Демономъ велѣлъ стоять Князю Михайлу Андреевичу Верейскому съ сыномъ. Такъ какъ къ Шелони шли Псковитяне, то Новгородцы, услышавши это, послали Воеводу съ войсками. Въ числѣ Воеводъ былъ Дмитрій Борецкій, сынъ Марфы. Войскъ Новгородскихъ насчитывали около 40,000; въ числѣ ихъ находился полкъ Архіепископа, а составлены они были такъ, какъ выше сказано. По этому можно судить, на чьей сторонѣ должна была быть побѣда, когда Новгородцы, вмѣсто Псковитянъ, встрѣтили войска Князя Холмскаго. Враговъ раздѣляла рѣка и они ѣхали по берегамъ другъ противъ друга. Московскія войска вдругъ бросились въ рѣку и переправились чрезъ нее. Новгородцы были разбиты и Воеводы ихъ попались въ плѣнъ. Это было 14 Юля, а 18 въ Яглобицы прискакалъ отъ Воеводъ гонецъ къ Великому Князю, объявляя, что Богъ Воеводамъ помогъ: они рать Новгородскую побили.⁵⁴ Послѣ этого пріѣхалъ къ Великому Князю

⁵⁴ Московскій лѣтописецъ, при описаніи Шелонской битвы, хотѣлъ, какъ видно,

изъ Пскова Посадникъ, извѣщая, что Псковитяне вошли въ Новгородскія земли и воюють ихъ. Въ это время Великій Князь придвигался съ своей ратью къ Русѣ, и 24 Юля былъ тамъ. Съ дороги къ Русѣ онъ отпустилъ въ Новгородъ присланнаго къ нему отъ Архiepископа и всего Новгорода за опасомъ.

По мѣрѣ дальнѣйшаго вступленія Великокняжескихъ войскъ въ Новгородскія земли, для Новгородцевъ зло войны все болѣе и болѣе увеличивалось; разореніе земель простиралось даже до Наровы. Въ Новгородѣ же и послѣ Шелонскаго пораженія по прежнему спорили на Вѣчѣ, и одни хотѣли быть за Королемъ, другіе за Великимъ Княземъ. На случай осады, около города были выжжены посады, при чемъ многіе, находившіеся тамъ церкви и монастыри, обгорѣли; множество сторожей занимали стѣны и перемѣнялись день и ночь. Много было пагубы Новгородцамъ, но наконецъ наступило горе особеннаго рода: вздорожалъ хлѣбъ и не было ржи на рынкѣ; былъ только пшеничный хлѣбъ, да и тотъ въ недостаткѣ. Теперь на лучшихъ людей встали меньшіе, упрекая ихъ въ томъ, что они привели Великаго Князя на Новгородъ. Дѣйствія Ивана Васильевича еще болѣе увеличивали эту вражду меньшихъ людей къ лучшимъ. Когда онъ пришелъ въ Русу, то, узнавъ о волненіяхъ, продолжавшихся въ Новгородѣ, велѣлъ казнить четырехъ Новгородскихъ Воеводъ, взятыхъ въ плѣнъ на Шелони; имъ была объявлена такая причина казни: «Вы хотѣли за Короля отдаться.» Доказательство ихъ передачи Королю было въ рукахъ Ивана Васильевича, по тому что Московскіе Воеводы, во время побѣды при Шелони, захватили договорную грамоту Новгородцевъ съ Казимиромъ и даже человѣка, который ее писалъ. Другихъ плѣнныхъ Новгородскихъ Воеводъ Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Москву и Коломну, гдѣ и велѣлъ посадить ихъ въ тамошнія темницы. Такъ Иванъ Васильевичъ поступалъ съ Воеводами, меньшихъ же людей онъ отпускалъ въ Новгородъ, гдѣ, такимъ образомъ, увеличивалось число голодныхъ и недовольныхъ войною.⁵⁵ Явилась въ Новгородъ и явная измѣна:

сравнить ее съ Донскою битвой, и употреблялъ, гдѣ можно, тѣ же выраженія, какія употребляются въ Лѣтописи при описаніи побѣды надъ Мамаемъ.

⁵⁵ Что же касается того, какъ говорить Г. Костомаровъ, что «Марѳа Боренкая,

перевѣтникъ Упадышь былъ казненъ за то, что пушки заколачивалъ желѣзомъ.

Все это повело наконецъ къ тому, что когда, 27 Июля, Иванъ Васильевичъ сталъ съ своимъ войскомъ на устьѣ Шелони, а Псковитяне приближались къ Новгороду съ другой стороны, то въ Шелонской станѣ явился нареченный Архіепископъ, Теофилъ, съ Посадниками, Тысяцкими и житейскими людьми отъ всѣхъ концовъ Новгородскихъ. До 11 Августа продолжались челобитныя Новгородскихъ пословъ о мирѣ, какъ самихъ лично, такъ и чрезъ братьевъ Великаго Князя и Бояръ. Сначала Иванъ Васильевичъ приказалъ прекратить войну въ Новгородскихъ земляхъ, а потомъ согласился написать договорныя грамоты, показывая, что это дѣлается въ слѣдствіе всеобщаго ходатайства и увѣщанія Митрополита, который еще на пути къ Новгороду прислалъ къ нему грамоту о милосердіи къ Новгородцамъ, если они покаются и будутъ бить челомъ о своихъ проступкахъ.⁵⁶ Великій Князь обѣщалъ сложить гнѣвъ къ Новгороду, а жалующихся лиходѣевъ на Владыку, Посадника и Тысяцкаго не слушать; Великій Князь отпускалъ плѣнныхъ безъ окупа и обѣщался держать Новгородъ по старинѣ, а все, что случилось во время войны, предавалось забвенію; Новгородцы обязывались за Короля и Великаго Князя Литовскаго не отдаваться ни которою хитростію и быть неотступными отъ Великихъ Князей; Князей изъ Литвы ни въ Новгородъ, ни въ пригороды не принимать и не просить; лиходѣевъ Великихъ Князей, которые есть и которые могутъ быть, въ Новгородъ не принимать; Владыку избирать по старинѣ, но не ставить нигдѣ въ иномъ мѣстѣ, а только въ Москвѣ, у гроба Чудотворца Петра и у Митрополита, который будетъ у Великихъ Князей.⁵⁷

Послѣ заключенія договора Великій Князь почтилъ Владыку и Новгородскихъ пословъ и отпустилъ ихъ домой, а въ слѣдъ за ними послалъ своего Боярина приводить Новгородцевъ къ крест-

---

не обращая вниманія на собственное материнское горе, ободряла народъ», то это кажется рѣшительно ни чѣмъ не подтверждается.

⁵⁶ Ак. Ист. т. I, № 282.

⁵⁷ Ак. Арх. Эк. т. I, № 91.

ному цѣлованію на договорѣ. Побѣдители возвращались домой съ прибылью. Кромѣ многихъ земельныхъ уступокъ, Новгородцы заплатили Великому Князю за свою проступу 15,000 рублей; братья Великаго Князя и Бояре были обогащены подарками за ходатайство о мирѣ, дружины же ихъ въ продолженіи войны производили страшный грабежъ, и теперь все награбленное оставили за собой. На возвратномъ пути въ Москву, Иванъ Васильевичъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Новгородцами своихъ войскъ на Двинѣ. Въ празднованіе Новаго Года (1-го Сентября) Иванъ Васильевичъ съ торжествомъ вступилъ въ Москву. Съ такимъ же прибыткомъ и торжествомъ возвратились домой и Псковитяне. Ихъ Великій Князь примирилъ съ Новгородцами по старинѣ, на всей Псковской волѣ, и даже больше того, чего хотѣли сами Псковитяне.

Что было на радость побѣдителей, то на печаль побѣжденнымъ. То же извѣстіе о Двинскихъ событіяхъ, которое радовало Москвичей, пришло и въ Новгородъ. Земля Новгородская была извоевана, а тутъ еще нужно платить огромнѣйшій окупъ за свою проступу. Кромѣ естественныхъ послѣдствій войны, были также несчастія: жители Русы, возвращаясь изъ Новгорода въ свой сожженный городъ въ судахъ Ильменемъ, въ слѣдствіе бури, потонули въ большомъ количествѣ. Въ Декабрѣ 1471 г. пріѣхало изъ Новгорода въ Москву посольство; въ числѣ пословъ былъ нареченный Архіепископъ, пріѣхавшій для посвященія къ Митрополиту: онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ послами, просить Великаго Князя объ отпускѣ тѣхъ плѣнныхъ, которые еще сидѣли въ Московскихъ темницахъ. Посвященіе Владыки совершилось 15 Декабря, относительно же плѣнныхъ Великій Князь принялъ челобитые и отпустилъ ихъ въ Новгородъ.

III.

Новгородъ былъ такъ разгромленъ, что не скоро могъ оправиться и, не смотря на свое устройство, не былъ въ состояніи скоро, дѣлами своихъ жителей, задѣть интересы Великаго Князя. Однако жъ Новгородскіе порядки вели къ тому, что хотя не сильныхъ сосѣдей, но все таки они задѣвали. Въ Сентябрѣ 1475

года скопились Новгородскіе Боярскіе ключники и ночью разбоемъ бросились на Псковскую волость Гостятино; Псковитяне успѣли собраться, отбили грабителей, нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣли захватить въ плѣнъ и повѣсили, другіе же разбѣжались. Такъ было извнѣ; внутреннія же ссоры Новгородцевъ заставили Великаго Князя вмѣшаться во внутреннія дѣла ихъ общины, и такимъ образомъ дали возможность, и то чрезъ четыре года, сдѣлать еще наступательный шагъ противъ Новгородскаго самоуправленія. Вскорѣ за нападеніемъ Новгородцевъ на Псковскую волость, 22 Октября, Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы со мноюю свитою и многими людьми въ Великій Новгородъ. Поѣхалъ онъ туда миромъ на судъ и управу, а призвали его, говоритъ Псковскій лѣтописецъ, какъ бѣдные люди, такъ и богатые, по тому что Посадники и великіе Бояре позволяли себѣ обижать другихъ, а судить ихъ никто не имѣлъ силы. Все это происходило отъ того, что Новгородская земля, говоритъ другой лѣтописецъ, много лѣтъ жила въ своей волѣ, о Великихъ Князьяхъ не заботилась и ихъ не слушалась; много въ этой землѣ было зла, происходили между ними убійства, грабежи, напрасное разореніе домовъ, каждый обижалъ того, котораго былъ сильнѣе. 5 Ноября на Волокѣ Ламскомъ встрѣтили Великаго Князя Новгородскіе жалобники на своихъ же Новгородцевъ; здѣсь же встрѣтилъ отъ Владыки Феофила посоль съ поминками. 16 Ноября опять встрѣтили Великаго Князя жалобники многіе. Иванъ Васильевичъ ѣхалъ въ Новгородъ медленно, на каждомъ стану была ему встрѣча съ подарками; встрѣчали вмѣстѣ и друзья и враги; наконецъ, 21 Ноября, онъ въѣхалъ на Городище.

22-го Ноября Владыка, Степенный Посадникъ, Василій Ананьинъ, старые Посадники, Тысяцкіе и Бояре Новгородскіе, были на обѣдѣ у Великаго Князя. Въ этотъ же день многіе Новгородскіе жалобники и всякіе люди, даже изъ ближнихъ Новгородскихъ мѣстъ, пришли бить челомъ Великому Князю: одни просить Приставовъ, чтобы не быть грабленными отъ воиновъ Великаго Князя, другіе съ жалобами на свою братью Новгородцевъ, каждый о своемъ управленіи. 23 Ноября Иванъ Васильевичъ объявилъ, что будетъ у обѣдни у Св. Софіи. Архіепископъ съ духовенствомъ, какъ указано было Великимъ Княземъ, встрѣтилъ его

съ крестами; послѣ обѣдни былъ пиръ у Владыки, на которомъ присутствовалъ Великій Князь; послѣ пира онъ отправился къ себѣ на Городище. 24 числа начали приходять Новгородцы на Городище, одни, чтобы поднести дары Великому Князю, другіе видѣть его, но въ числѣ приходившихъ было много жалобниковъ. Наконецъ, 25 числа, въ присутствіи Владыки, многихъ Посадниковъ и Бояръ Новгородскихъ, явилось множество Новгородцевъ, двѣ улицы, Славкова и Никитина; жаловались они на Степеннаго Посадника, Василья Ананьина, Ѳедора Борецкаго, Богдана Есипова, Ивана Лошинскаго и многихъ старыхъ Посадниковъ и Бояръ, что они со многими людьми напали на тѣ двѣ улицы, людей переграбили, многихъ до смерти убили, а животовъ людскихъ взяли на 1000 рублей. Въ тотъ же день явились другіе важные жалобники, Бояре братья Полинарѣины; жалоба ихъ была схожа съ предыдущей и состояла въ томъ, что нѣсколько Бояръ, въ томъ числѣ были и изъ тѣхъ, на которыхъ жаловались улицы Славкова и Никитина, наѣхали на дворъ Бояръ Полинарѣиныхъ, людей ихъ перебили, а животовъ взяли на 500 рублей. Выслушавъ жалобы, Великій Князь далъ жалобникамъ Приставовъ на тѣхъ, на которыхъ они жаловались, и при этомъ обратился къ Владыкѣ и Посадникамъ съ слѣдующими словами: «Скажите нашей отчинѣ, Великому Новгороду, чтобы дали на тѣхъ сильниковъ Приставовъ, какъ и я далъ, по тому что хочу я это дѣло рассмотреть и дать обиженнымъ управу, а ты, богомолецъ нашъ, и вы Посадники, будьте у меня тогда!» Тогда же послалъ Великій Князь своихъ Бояръ въ Новгородъ, чтобы даны были Приставы на тѣхъ обидящихъ. Приставы Новгородскіе, вмѣстѣ съ Великокняжескими, объявили отвѣтчикамъ, чтобы стали они на утро предъ Великимъ Княземъ. На утро обиженные и обидчики стали на Городищѣ и начался судъ. Великій Князь обыскавши, жалобниковъ оправилъ, а тѣхъ, которые находили, били и грабили, обвинилъ. Василья Ананьина, Ѳедора Исакова, Ивана Лошинскаго, Богдана Есипова, Великій Князь велѣлъ поимать своимъ Приставамъ, а товарищей ихъ всѣхъ отдалъ за крѣпкіе поруки въ истцевыхъ 1500 рублѣхъ; ихъ взялъ на поруки Архіепископъ. Тогда же Великій Князь выслалъ отъ себя вонъ Ивана Аѳанасьева и его сына, а велѣлъ онъ ихъ поимать за то, что они мыслили Великому Новгороду отдаться за Короля. При этомъ нужно замѣтить,

что двое другихъ Бояръ Аванасьевыхъ были въ числѣ осужденныхъ за грабежъ улицъ Славковой и Никитиной.

Этотъ судъ былъ въ Воскресенье, а во Вторникъ Посадники и Владыка явились на Городище бить челомъ Великому Князю отъ Великаго Новгорода о пойманныхъ Боярахъ, чтобъ пожаловалъ, смиловался, казни имъ отдалъ и отпустилъ бы на поруки. Челобитье не было принято, и Великій Князь отвѣчалъ: «Вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ тѣхъ Бояръ и напередъ сего лиха чинилось, а нынѣ то, что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, то все отъ нихъ чинится: ино какъ мнѣ за то ихъ лихо жаловать?» Въ этотъ же день всѣ этѣ шестеро Бояръ были отправлены въ оковахъ въ Москву съ Приставами Великаго Князя. 1-го Декабря, въ Пятницу, Владыка съ Посадниками, Тысяцкими, многими Боярами и житыми людьми явились на Городищѣ бить челомъ Великому Князю отъ Великаго Новгорода о взятыхъ Владыкою на поруки, чтобы Великій Князь пожаловалъ, казни имъ отдалъ и велѣлъ бы разыскать съ нихъ пошлины по суду и истцевы убытки. Это челобитье было принято и съ виновныхъ разыскано, что слѣдовало.

Съ 4-го Декабря въ Новгородѣ шли пиры для Великаго Князя. 26 Января Иванъ Васильевичъ поѣхалъ изъ Новгорода и 8-го Февраля прибылъ въ Москву. Дорого обошлось Новгороду это посѣщеніе его Иваномъ Васильевичемъ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ объ этомъ въ такомъ смыслѣ: «Былъ Великій Князь въ Новгородѣ девять недѣль полныхъ, самъ стоялъ на Городищѣ, а сила его по всѣмъ монастырямъ, по обѣ стороны около всего Великаго Новгорода; отъ нихъ, т. е., отъ свиты, было много насилій, много Христіанъ пограблено по дорогамъ, по селамъ, по монастырямъ; также Владыкѣ, Посадникамъ и всему Новгороду кормами, дарами и всякимъ удовлетвореніемъ убытка нанесено числа и края нѣтъ,—сколько золота и серебра повывезено отъ нихъ!» Новгородскій лѣтописецъ говоритъ о слѣдствіяхъ этого посѣщенія, что «было Новгороду много убытка съ кровію.»

31-го Марта пріѣхалъ въ Москву Владыка съ Посадниками и многими житыми людьми бить челомъ объ отпускѣ пойманныхъ Бояръ, которые были уже разосланы въ Коломну и Муромъ. Пріѣхав-

шіе привезли съ собою много даровъ; для нихъ въ Москвѣ были пиры, но Великій Князь не отпустилъ ни кого по ихъ прошенью, и они 7-го Апрѣля поѣхали назадъ въ Новгородъ. Въ теченіи слѣдующаго года между Москвой и Новгородомъ происходило что-то важное. Московская лѣтопись говоритъ, что Иванъ Васильевичъ привелъ Новгородцевъ къ тому, что они забыли старый порядокъ о томъ, что, кромѣ Новгорода, Новгородца не судить. Какъ только пріѣхалъ Великій Князь въ Москву, то началъ давать Новгородскимъ жалобникамъ Приставовъ и назначать сроки, когда стать передъ нимъ. Послѣ этого начали изъ Новгорода приходить въ Москву много жалобниковъ на своихъ обидчиковъ; Великій Князь посылалъ на обидчиковъ Приставовъ въ Новгородъ, и тѣ являлись въ Москву. Черезъ годъ послѣ послѣдняго посольства Владыки Новгородскаго въ Москву, пріѣхалъ туда Посадникъ, Захарій Овиновъ, за Приставомъ Великаго Князя, вмѣстѣ со многими Новгородцами: инымъ отвѣчать, а на иныхъ искать. Послѣ этѣхъ жалобниковъ пришли другіе: Посадники, житиѣ люди, поселяне, монахи и монахини, вдовы и всѣ обиженные, тоже одни искать, а другіе отвѣчать.

Прежде съ просьбой о помилованіи шести поиманныхъ Бояръ ѣздили Владыка, Посадники, Бояре и житиѣ люди, бѣднаго простаго народа не видно; теперь же пришли судиться въ Москву люди изъ всѣхъ слоевъ общества. Прежде Новгородцы крѣпко стояли за свою старину; теперь въ отверженіи ея пошли весьма далеко. Кажется, весьма естественно могла зародиться у Новгородцевъ мысль, и въ Москвѣ могли на нее указать, что младшій братъ Новгорода, Псковъ, живетъ мирно съ Великимъ Княземъ и его старины не нарушаются, по тому что Псковъ во всемъ угрождаетъ Великому Князю. Новгородцы пошли по слѣдамъ Псковитянь, хотя бросанье изъ одной крайности въ другую въ заключеніи оказалось еще болѣе вреднымъ для Новгородцевъ. Здѣсь можно сравнить отношенія Ивана Васильевича къ Новгороду съ отношеніями его къ Андрею Васильевичу Большому, а отношеніе къ Пскову съ отношеніями къ какому ни будь Князю Воротынскому, или Шемячичу. Андрей Васильевичъ Большой со всѣмъ не такой безпокойный Князь, какъ Шемячичъ, но онъ руководитель старыхъ идей и на нихъ опирается, и вотъ онъ толь-

ко не послалъ своихъ Воеводъ съ Воеводами Великаго Князя, и его тотчасъ же поймали; а между тѣмъ, въ это же самое время, служебные Князья, которымъ нужно только, чтобы ихъ личное положеніе оставалось по старому, да было бы имъ съ кѣмъ воевать, ѣдутъ къ Ивану Васильевичу на службу, по тому что выгодно у него служить; въ Москвѣ этѣхъ Князей оставляютъ въ ихъ старомъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока Княжеская ихъ дѣятельность полезна для Государства, а потомъ превращаютъ или въ настоящихъ подданныхъ, или уничтожаютъ. То же самое съ Новгородомъ и Псковомъ. Псковитяне называютъ Ивана Васильевича и Государемъ и Царемъ, обращаются къ нему со всѣми нуждами; подерутся, какъ разъ и случилось, они изъ за кочана капусты съ пьянымъ Намѣстникомъ Великаго Князя, Иванъ Васильевичъ побранитъ ихъ за это, Псковитяне смиряются, а онъ проститъ ихъ и перемѣнитъ Намѣстника. Псковитянамъ нужно, чтобы только ихъ община оставалась устроенною внутри по старому, и она такъ живетъ до 1510 года, когда нашли необходимымъ сдѣлать и эту общину положительно частію Государства, но все таки оставили нѣкоторыя мѣстныя привилегіи. Новгородъ—другое дѣло: онъ образецъ всякой старины во всей Россіи и руководствуется этѣми идеями старины въ приложеніи ко всякимъ отношеніямъ, и вотъ въ Новгородѣ только надѣлали какія-то насилія и обругали какихъ-то представителей власти Великаго Князя, какъ этотъ Великій Князь объявляетъ Новгороду войну, а потомъ, только что Новгородцы назвали Ивана Васильевича Государемъ, то онъ и сталъ ихъ спрашивать, какого они хотятъ Государства, и когда въ отвѣтъ послѣдовали требованія Новгородцевъ, чтобы все дѣло шло по старинѣ, уничтожаетъ Новгородскую свободу окончательно. При этомъ надо замѣтить, что всѣ этѣ непрошенные руководители Русскихъ, въ новыхъ и старыхъ идеяхъ, Новгородъ и Князья, всегда обыкновенно и начинали и кончали союзомъ съ врагами Россіи — съ Поляками. Дѣло уничтоженія Новгородской свободы было такъ: одни изъ Новгородцевъ ѣздили въ Москву только судиться, другіе же, во время своего пребыванія тамъ, давали Великому Князю присягу, что служить имъ ему, своему Государю, вѣрно и добра хотѣть; наконецъ, случилось слѣдующее (предшествующіе, обозначенные точно въ лѣтописи, пріѣзды Новгородцевъ для суда въ Москву были

въ Февралѣ 1477 года): въ Мартѣ прїѣхали въ Москву отъ Архіепископа и всего Великаго Новгорода къ Великимъ Князьямъ двое пословъ, Назаръ Подвойскій и Захаръ Дьякъ Вѣчевой;— они били челомъ отъ пославшихъ Великимъ Князьямъ и называли ихъ себѣ Государями. А напередъ того не бывало, какъ земля Новгородская стала, ни котораго Великаго Князя не называли они себѣ Государемъ, а только Господиномъ. Спусти уже мѣсяць послѣ этого посольства, 24 Апрѣля, Иванъ Васильевичъ назначилъ посольство къ Владыкѣ и всему Великому Новгороду подкрѣпить того, какого хотятъ Государства ихъ отчина. Послы ѣхали довольно медленно въ Новгородъ, такъ что туда явились только 18 Мая. Здѣсь нужно принять во вниманіе срокъ того, какъ долго тянулось дѣло, и можно предположить, что въ Москвѣ не сразу попали на мысль воспользоваться этѣмъ обстоятельствомъ. Когда Московскій посоль явился на Вѣчѣ, то говорилъ слѣдующую рѣчь: «Вы прислали къ Великимъ Князьямъ своихъ пословъ съ грамотою, называли ихъ себѣ Государями и за нихъ задались: чтобы суду его у васъ быть въ Великомъ Новгородѣ, но всѣмъ улицамъ сидѣть ихъ Тиунамъ, Ярославово дворище очистить Великимъ Князьямъ, а въ ихъ судъ не вступаться.» Вѣче поняло смыслъ этѣхъ рѣчей и, дозволивъ себѣ уже одну крайность, Новгородцы бросились назадъ въ другую. Редакція грамоты и рѣчей Новгородскихъ пословъ принадлежала многимъ лицамъ; одинъ изъ пословъ былъ Вѣчевой Дьякъ. И вотъ Новгородцы напали на Посадниковъ и Боярѣ, которые отправляли это посольство, обвиняя ихъ въ томъ, что они сдѣлали это безъ вѣдома Великаго Новгорода. У этѣхъ лицъ животы ихъ были пограблены, дворы и доспѣхи отняты, вмѣстѣ съ всею ратною приправою. Потомъ начали хватать тѣхъ, которые въ своихъ поступкахъ черезъ чуръ вдались въ новость, былъ схваченъ Захарій Овиновъ; онъ обговорилъ Василія Никифорова, который былъ тоже схваченъ и приведенъ на Вѣче, гдѣ кричали ему: «Перевѣтчикъ! былъ ты у Великаго Князя и цѣловалъ крестъ на насъ.» На это былъ отвѣтъ: «Цѣловалъ я крестъ Великому Князю, что служить миѣ ему правдою и добра хотѣть, а не на Государя своего, Великій Новгородъ, и не на васъ, своихъ господъ и братьевъ!» Оправданіе не помогло, и Василій Никифоровъ тутъ же на Вѣчѣ былъ изсѣченъ топорами на части. Захарій Овиновъ

былъ убитъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, у Владыки на дворѣ. Кромѣ трехъ упомянутыхъ лицъ, хотѣли еще казнить нѣсколькихъ Бояръ, но пощадили.

Московскіе послы присутствовали при этѣхъ волненіяхъ въ Новгородѣ; въ Москвѣ о нихъ хорошо знали, и еще послы не были отпущены изъ Новгорода, какъ 7 Іюня пріѣхалъ въ Псковъ посоль Великаго Князя, Иванъ Зиновьевъ, съ свитой, уговаривать Псковитянъ ити на помощь Великому Князю противъ Новгорода и положить послѣднему взметныя грамоты. Черезъ недѣлю Зиновьевъ поѣхалъ назадъ въ Москву съ отвѣтомъ, что Псковитяне пришлютъ обо всемъ томъ своихъ пословъ, и какъ Государи скажутъ, такъ они и будутъ дѣлать. 21 Іюля Псковичи послали въ Москву за спросомъ, какъ имъ поступать въ отношеніи къ Новгороду, и получили отвѣтъ, что будетъ отъ Великаго Князя посоль съ его наказомъ. Этотъ отвѣтъ пришелъ въ Псковъ только 27-го Августа. Въ Новгородѣ же въ это время происходило то же самое, что и въ 1471 году. Псковитяне, передъ отправленіемъ пословъ къ Великому Князю, послали сказать Новгородцамъ: «Нашъ Великій Князь поднимаетъ на васъ, и если у васъ есть какое дѣло до Великихъ Князей, то мы ради за васъ слать къ нимъ пословъ и бить челомъ.» Новгородцы отвѣтили на это, что и прежде, на подобное предложеніе: «Если вы крестъ поцѣлуете на всемъ нашемъ пригожествѣ, исключая Коростынскаго докончанья, то мы все сдѣлаемъ по крестному цѣлованію; если вы этого не сдѣлаете, то мы не хотимъ ни какого вашего ходатайства, ни челобитья, ни пословъ вашихъ къ Великимъ Князьямъ.»

Новгородцы по прежнему не двигались опредѣленно ни въ ту, ни въ другую сторону; какъ прежде, они, принявши къ себѣ Литовскаго Князя, не сослали съ Городища Великокняжескихъ Намѣстниковъ, такъ и теперь, въ продолженіи всѣхъ волненій и брани, которою они осыпали озорную Москву, держали у себя Московскихъ пословъ, честили ихъ, но не давали имъ отвѣта. Наконецъ, черезъ шесть недѣль, послы были отпущены и получили такой отвѣтъ Великимъ Князьямъ: «Мы вамъ, своимъ Господамъ, челомъ бьемъ, а Государями себѣ не зовемъ; судъ вашимъ Намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а вашему суду и вашимъ Тиунамъ у насъ не быть, и дворища Ярославова вамъ не даемъ; на чемъ мы на Коростынѣ

миръ съ вами кончали и крестъ цѣловали, по тому докончанью и хотимъ съ вами жить; тѣ же, которые тебѣ, Великому Князю, брались такъ дѣлать, то ты вѣдаешь самъ, и какъ хочешь, такъ и казни, а мы котораго изловимъ, хотимъ казнить; вамъ же, своимъ Господамъ, челомъ бьемъ, чтобы вы насъ держали по старинѣ, по крестному цѣлованію.» Послы Великокняжескіе воротились въ Москву уже въ Іюль, и рассказывали то, что видѣли въ Новгородѣ, что Новгородцы взбѣсновались, точно пьяные, и нѣкоторые говорили: «Къ Королю хотимъ.» Но такія вѣсти приносили въ Москву не одни Великокняжескіе послы, но и Новгородцы, по тому что Посадники, которые были пріятны Великому Князю, разбѣжались всѣ, когда въ городѣ стало такое волненіе.

Иванъ Васильевичъ готовился къ войнѣ. 15-го Сентября пріѣхалъ отъ него посоль въ Псковъ съ приказомъ, чтобы Псковитяне тотчасъ же послали въ Новгородъ складныя грамоты. Приказъ былъ исполненъ, и 30 Сентября Псковской посоль положилъ грамоты на Вѣчѣ, а 1 Октября были на Вѣчѣ положены грамоты Великаго Князя. Въ Новгородѣ сначала стояла смута; съ 15 Сентября начали въ Псковъ и Литву бѣжать Низовскіе Купцы съ своими товарами. Но когда стали приходить въ Новгородъ слухи о приготовленіяхъ Великаго Князя, то Новгородцы, въ противоположность предшествующимъ поступкамъ, показали всѣмъ, что теперь они перепугались: изъ Новгорода былъ отправленъ посоль въ Москву объ опасной грамотѣ для проѣзда Владыки и Новгородскихъ пословъ. Но этого опасника велѣно было задержать въ Торжкѣ. Потомъ еще послѣ того, какъ были положены на Новгородскомъ Вѣчѣ складныя грамоты, то, не обращая вниманія на объявленіе войны, въ Псковъ пріѣхалъ посоль изъ Новгорода съ просьбой, чтобы Псковитяне отправили пословъ своихъ къ Великому Князю, и что сами они тоже шлютъ своихъ; но здѣсь былъ полученъ такой же успѣхъ, какъ и въ отношеніи опасной грамоты: Московскій посоль, пріѣхавшій поднимать Псковъ на Новгородъ, схватилъ Новгородскаго посла на Псковскомъ Вѣчѣ, и только по просьбѣ Псковитянъ отпустилъ его.

Иванъ Васильевичъ жаловался всѣмъ, что въ Новгородѣ происходитъ то же, что предъ Шелонскимъ отступленіемъ, что они сами просили у него Государства, а теперь заперлись и на него ложь

положили. Онъ положилъ свой гнѣвъ на Новгородъ, сталъ вооружаться на свою отчину, на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ. Новгородцы не знали, что дѣлать, хотя у нѣкоторыхъ и вырывались крики о Королѣ Казимирѣ (что и сообщаетъ Московская лѣтопись), но, какъ видно, большинство не думало объ немъ. Теперь изъ Москвы не шли уже увѣщательныя грамоты, ни отъ Митрополита, ни отъ Великаго Князя; послѣдній рѣшился кончить Новгородское дѣло. 9 Октября Иванъ Васильевичъ пошелъ къ Новгороду ратью; еще прежде этого были разсланы требованія и просьбы о помощи на Новгородъ къ братьямъ Великаго Князя и въ Тверь, и эта помощь собиралась. 16 Октября прислали сказать Ивану Васильевичу, что въ Торжекѣ пріѣхалъ другой Новгородской посоль объ опасѣ, но и этого посланнаго велѣно было задержать до прибытія въ Торжекѣ Великаго Князя; но по прибытіи сюда, Иванъ Васильевичъ опасу не далъ, а велѣлъ опасниковъ вести за собою; только 8 Ноября, когда Иванъ Васильевичъ былъ уже у Спаса на Яглинахъ, велѣлъ позвать къ себѣ опасниковъ; тѣ явились, били ему челомъ отъ Владыки Оеофила и всего Великаго Новгорода, прося опасы для пословъ у Великаго Князя и называя его Государемъ; Великій Князь пожаловалъ — далъ опасъ. Здѣсь замѣчательно то, что какъ въ Псковѣ Новгородцы посылали о ходатайствѣ предъ Великимъ Княземъ, не обращая вниманія на то, что уже Псковитяне объявили войну Новгороду, такъ и теперь уже два опасника были у Великаго Князя и не возвращались назадъ, но Новгородцы послали еще третьяго; этотъ третій опасникъ прибылъ на другой день послѣ того, какъ данъ былъ опасъ первымъ опасникамъ; и третій опасникъ называлъ Великаго Князя Государемъ. Но какъ этотъ опасникъ, такъ и первые два, еще находились въ войскѣ Великаго Князя, и только 11 Ноября третій опасникъ испросилъ у Великаго Князя Пристава, съ которымъ пройти имъ его воинство; Приставъ былъ данъ и опасники уѣхали.

Съ 19 по 23 Октября Иванъ Васильевичъ пробылъ въ Торжкѣ; здѣсь онъ распоряжался, какъ и какою дорогою должны были ити къ Новгороду войска. Съ Торжка же его начали встрѣчать нѣкоторые Новгородцы и били челомъ въ службу. Хотя опасныя грамоты были даны, но Иванъ Васильевичъ готовился къ войнѣ.

19 Ноября онъ на Полинахъ разрядилъ войска, гдѣ кому быть ⁵⁸ и въ то же время отпустилъ Воеводу своихъ подъ Новгородъ занимать Городище и загородные монастыри, чтобы Новгородцы не успѣли сжечь ихъ. 21-го Ноября былъ посланъ приказъ въ Псковъ, выступать Псковитянамъ вмѣстѣ съ Намѣстникомъ, ити къ устью Шелони, и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій; Псковитяне исполнили приказъ. Со времени послѣдней войны Великаго Князя съ Новгородомъ, Новгородская земля должна была поправиться значительно, а теперь ее снова немилосердно разорали Княжескія дружины, Новгородцы же не выставляли даже и прежняго сопротивленія. Они все думали, что все устроится по старинѣ, если они, за свою грубость, сдѣлаютъ уступки Великому Князю. Какъ только опасчики пріѣхали въ Новгородъ, то Владыка Θεофилъ, въ сопровожденіи Новгородскихъ пословъ, прибылъ, 23 Юня, въ станъ Великаго Князя. «Господине Государь, Князь Великій, Иванъ Васильевичъ всея Руси!» говорилъ Владыка отъ себя и отъ Новгородскаго Духовенства, «бьемъ тебѣ челомъ, что положилъ ты гнѣвъ свой на свою отчину, Великій Новгородъ, и мечь твой ходитъ по Новгородской землѣ, и кровь Христіанская льется; смилуйся надъ своею отчиною, а мы тебѣ, своему Государю, со слезами челомъ бьемъ. Да восполѣлся ты на Бояръ Новгородскихъ, и на Москву свелъ ихъ въ первый свой пріѣздъ: пожалуй, Государь, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Великій Новгородъ!» Посадники и житиѣ люди отъ своихъ довѣрителей повторили по пунктамъ челобитѣ Владыки, и одинъ изъ Посадниковъ просилъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, дозволилъ говорить съ его Боярами. ⁵⁹ Послѣ рѣчей Великій Князь пригласилъ пословъ, по обыкновенію, на офиціальныи, данный для нихъ, обѣдъ. На другой день послы отправились къ брату Великаго Князя, Андрею, Меньшому съ поминками, и били ему челомъ, чтобы

⁵⁸ Съ этого мѣста начинается Разрядъ Новгородскаго похода въ разридахъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; этотъ разрядъ слово въ слово какъ въ лѣтописи, и кончается словами: «а подлинно написалъ Новгородской походъ большой лѣтописецъ.»

⁵⁹ Начиная съ рѣчи Θεофила въ лѣтописи внесенъ почти цѣликомъ Статейный Списокъ, такъ что легко можно отдѣлять пункты; изъ этого сокращенія Статейнаго Списка состоятъ почти всѣ послѣдующіе переговоры Москвичей съ Новгородскими послами.

онъ пожаловалъ, печаловался Великому Князю. Послѣ этого послы пошли къ Великому Князю съ официальной благодарностью за вчерашнее угощеніе, да били челомъ и дѣль томъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, велѣлъ съ Боярами говорить. Высланы были на говорю Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, съ двумя товарищами. Послы говорили: «Государь нашъ, Великій Князь свою отчину, Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, пожаловалъ бы: нелюбье отдалъ, а мечъ свой унялъ, поиманныхъ Новгородскихъ Бояръ выпустилъ бы и челобитье о томъ Владыки и всего Великаго Новгорода принялъ; ѣздилъ бы въ Новгородъ на четвертый годъ, и бралъ тогда по 1000 рублей; Намѣстникъ его судилъ бы въ городѣ съ Посадникомъ, и чего они не уравятъ, то управилъ бы Великій Князь, когда пріѣдетъ въ Новгородъ на четвертый годъ; позвы же въ Москву для суда Государь отложилъ бы...» и т. д. Послѣ всѣхъ этѣхъ рѣчей одинъ изъ Новгородскихъ пословъ говорилъ: «чтобы Государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ ему Богъ положить на сердцѣ, отчину свою жаловать, а отчина ему, своему Государю, челомъ бьетъ.»

Отвѣтъ должны были услышать послы на другой день, а въ этотъ день сдѣлано распоряженіе по войскамъ занять Городище и все монастыри подъ городомъ. Воеводы ночью прошли по льду Ильмена, захватили Городище и всѣ подгородные монастыри.⁶⁰ На утро послы были приглашены выслушать отвѣтъ на ихъ рѣчи. Бояре отъ имени Великаго Князя сначала изложили причины войны: «Сами вы, чрезъ своихъ пословъ, назвали себѣ Великихъ Князей Государями, и потомъ заперлись, что будто объ томъ не посылали, и возложили на насъ ложь, будто мы надъ вами силу чинимъ; да еще много иныхъ неисправленій отъ васъ къ намъ; мы же сначала поудержались васъ за это наказывать и посылали къ вамъ, чтобы перестали вы отъ золь вашихъ, а мы хотимъ васъ жаловать; вы же не восхотѣли сего, и по этому, какъ чужіе намъ сдѣлались: за все то мы положили на васъ гнѣвъ и пошли ратию.» Послѣ этого вступленія Бояре говорили: «Вы поставили въ рѣчахъ своихъ о Боярахъ, на которыхъ прежде сего я воспольлся, чтобы ихъ пожаловать, отнустить; такъ вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему,

⁶⁰ Этѣ распоряженія записаны въ Разрядахъ.

и вамъ всѣмъ, за что съ ними такъ поступлено; а судилъ я ихъ вмѣстѣ съ вами, да и нѣкоторые изъ васъ тогда были въ истцахъ; я хотѣлъ этѣхъ Бояръ тогда казнить, но по вашему челобитью казни имъ отдалъ, и вы теперь рѣчи о тѣхъ виновныхъ вставляете и коли вы намъ не по пригожу бьете челомъ, то какъ же намъ васъ жаловать?» Въ этѣхъ рѣчахъ только и состоялъ отвѣтъ; о другихъ же условіяхъ, о которыхъ послы говорили, Бояре и не упомянули. Заключение Великокняжескаго отвѣта было произнесено Княземъ Патрикѣевымъ: «Восхоцетъ намъ, Великимъ Княземъ, своимъ Государямъ, отчина наша, Новгородъ, бить челомъ, и они знаютъ, отчина наша, какъ намъ бить челомъ.»

Выслушавъ отвѣтъ, Владыка съ послами попросили себѣ Пристава проводить ихъ до города; Приставъ былъ данъ. Это было 26-го Ноября, а послѣ этого Владыка съ послами явились для переговоровъ только 4 Декабря. Въ это время Иванъ Васильевичъ почти со всѣмъ войскомъ сталъ около Новгорода; главная его квартира находилась около Юрьева монастыря. Великій Князь при этомъ дозволилъ Воеводамъ отпустить половину людей за кормами, съ тѣмъ, чтобы они по Николинѣ дни (6-го Декабря) всѣ были подъ городомъ. Когда пріѣхалъ Владыка съ послами, то на ихъ рѣчи, чтобы Государь пожаловалъ, указалъ, какъ онъ хочетъ свою отчину жаловать, данъ былъ отвѣтъ, слово въ слово какъ и прежній. Тогда послы опять попросили дозволенія съѣздить въ городъ и, воротившись на другой день, били Великому Князю челомъ, чтобы онъ смиловался надъ ними, и повинились въ томъ, съ чѣмъ посылали Назара да Захара и въ чемъ заперлись предъ Великокняжескими послами. ⁶¹ Не въ пользу послужило и это признаніе Новгородцамъ; выслушавъ ихъ рѣчи, Великій Князь приказалъ имъ отвѣчать: «Если ты, Владыка, и вся отчина наша, Великій Новгородъ, признали себя виновными предъ нами, что отъ тѣхъ рѣчей, съ которыми къ намъ посылали, отпирались, то теперь сами на себя свидѣтельствуя, спрашиваете: ⁶² «какому

⁶¹ Здѣсь, къ сожалѣнію, лѣтописецъ списалъ съ оригинала рѣчи Новгородцевъ сокращенно.

⁶² Что рѣчи послови сокращены, то это ясно и каждый можетъ видѣть, но Г. Костомаровъ, не имѣя факта, говоритъ объ этомъ словъ: спрашиваете: «хотя послы и не спрашивали.»

нашему Государству быть въ нашей отчинѣ, на Новгородѣ?» мы, Великіе Князья, хотимъ своего Государства здѣсь такого же, какъ и на Москвѣ.» Владыка послѣ этѣхъ словъ билъ челомъ Великому Князю, чтобы Государь освободилъ ихъ въ городъ ѣхать и о томъ подумать, и назначилъ бы срокъ, когда быть у него. Послы были отпущены думать и срокъ назначенъ чрезъ день, 7 Декабря. Въ назначенный срокъ послы пришли и начали предлагать на переговорахъ условія, служащія, какъ бы подробнымъ объясненіемъ тѣхъ словъ Московскихъ пословъ, которые ихъ спрашивали о Государствѣ: «Чтобы Государь пожаловалъ, велѣлъ судить Намѣстнику вмѣстѣ съ Посадникомъ въ городѣ; чтобы Государь пожаловалъ, пригороды Новгородскіе держалъ своими Намѣстниками, а судъ былъ бы по старинѣ; чтобъ вывода изъ Новгородской земли не дѣлалъ и позволю изъ Новгорода въ Москву не было бы.» При этомъ всѣ послы вмѣстѣ били челомъ о слѣдующихъ условіяхъ: «Чтобы Новгородцамъ службы въ Низовой Землѣ, на Берегу, не было, а которые рубежи сошлись съ Новгородскими землями, то они, по повелѣнію Государей, готовы защищать; да не вступался бы Государь въ вотчины и земли Боярскія.» Въ числѣ условій было то, чтобы Государь бралъ съ волостей Новгородскихъ дань съ сохи по полугривнѣ Новгородской. Выслушавъ это, Бояре пошли къ Великому Князю, и воротились съ отвѣтомъ: «Били вы челомъ, чтобы мы указали, какому нашему Государству быть въ отчинѣ нашей, въ Великомъ Новгородѣ, и я, Князь Великій, уже сказалъ, что хотимъ такого Государства, какое у насъ Государство въ Низовской землѣ, въ Москвѣ, а вы теперь указываете мнѣ и опредѣляете порядокъ нашему Государству: какое же это наше Государство?» Послы опять били челомъ, что «они своимъ Государямъ не указываютъ порядокъ ихъ Государства, но пожаловали бы они, указали бы, какъ быть ихъ Государству въ ихъ отчинѣ, по тому что отчина ихъ, Великій Новгородъ, не знаетъ Низовской пошлины, какъ Государи даржатъ свое Государство въ Низовой землѣ.» Здѣсь Новгородцы говорили не совсѣмъ правду: они, въ своихъ условіяхъ, пересчитали не только такія условія, какъ, на примѣръ, не дѣлать позволю для суда въ Москву, но всѣ тяжести, лежащія на Низовскихъ жителяхъ, а именно: стояніе на берегу Оки, а также необезпеченность права собственности высшихъ сословій и наклонности Московскаго Правительства, какъ облагать

большими податями, во время нуждъ Государственныхъ, такъ и для извѣстныхъ цѣлей, передвигать цѣлое населеніе областей на другія мѣста. Новгородцевъ остановили въ ихъ запросахъ, и когда они стали просить объясненій, то былъ данъ прямой отвѣтъ: «Наше Государство Великихъ Князей таково: «Вѣчовому колоколу въ Новгородѣ не быть, Посаднику не быть, а Государство намъ держать; волостямъ и селамъ быть, какъ у насъ въ Низовой Землѣ; а которыя земли наши Великихъ Князей за вами, и то было бы наше.» Къ этому было еще прибавлено: Новгородцы предлагали условія Великому Князю, и онъ ихъ не принялъ, а теперь самъ ими пожаловалъ, объявивъ, что «вывода не опасались бы, въ Боярскія вотчины не будутъ Великіе Князья вступаться, а судъ будетъ по старинѣ.»

Съ 7 Декабря по 14 послы находились, кажется, въ станѣ Великаго Князя, по тому что изъ лѣтописи не видно, чтобы они просились отпустить ихъ въ городъ.⁶³ 14 Декабря Владыка съ послами пришли къ Великому Князю, и потомъ Боярамъ сказали, что они Вѣчовой колоколъ и Посадника отложили и, повторивъ почти всѣ просьбы о томъ, чѣмъ уже Государь ихъ пожаловалъ, прибавили просьбу: «да пожаловалъ бы Государь, на службу въ Низовскую Землю не наряжалъ.» Великій Князь и этѣмъ пожаловалъ ихъ. Тогда послы начали просить, чтобы Государь далъ крѣпость отчинѣ, Великому Новгороду, крестъ поцѣловалъ бы. На это былъ отвѣтъ: «Не быть моему крестному цѣлованью.» На просьбу, чтобы Бояре поцѣловали крестъ, тотъ же отвѣтъ; потомъ они просили, чтобъ поцѣловалъ крестъ Намѣстникъ, который будетъ въ Новгородѣ, и на это былъ тотъ же отвѣтъ, что этому не быть. Теперь послы били челомъ объ опасной грамотѣ для проѣзда въ Новгородъ, но Великій Князь и того имъ не далъ. По первому своему полномочію, послы Новгородскіе должны были теперь переговариваться въ станѣ Великаго Князя, хотя они могли предполагать, что обстоятельства могутъ и переѣниться. Когда имъ не дали опасной грамоты, то они пробыли въ станѣ, въ виду

⁶³ Въ слѣдствіе этого разсужденіе Г. Костомарова (на стр. 221), и за нимъ И. Д. Бѣляева (Разказы изъ Русск. Истор., т. 2, стр. 605 — 606) о впечатлѣніи, которое должны были произвести на Новгородцевъ требованія Ивана Васильевича, едва ли выдержать повѣрку.

Великаго Новгорода, до 29 Декабря. Въ это время послы придумали то, чтобы льготы, обѣщанныя Великому Новгороду, по не утвержденныя ни чьимъ крестнымъ цѣлованіемъ, были, по крайней мѣрѣ, обезпечены, что называется, крѣпкимъ словомъ того, отъ котораго ихъ неприкосновенность вполнѣ зависить. Въ слѣдствіе этого послы обратились къ Боярамъ Великокняжескимъ съ слѣдующими словами: «Если Государь не жалуеть, не только крестное цѣлованіе отложилъ, но и опасной грамоты не даетъ, такъ намъ бы своего Государя жалованье отъ его устъ слышать, безъ Боярскихъ высылкокъ.» Бояре доложили объ этомъ Великому Князю, онъ согласился дать это крѣпкое слово, и велѣлъ посламъ войти къ себѣ: «Вы били мнѣ челомъ,» говорилъ Иванъ Васильевичъ представителямъ Новгорода, «чтобы я гнѣвъ на нашу отчину, Великій Новгородъ, отложилъ, вывода бы изъ Новгородской Земли не учинялъ, въ вотчины и живогты людскіе не вступался, позва Московскаго не бывало бы, а судъ былъ бы по старинѣ въ Новгородѣ, да и на службу васъ въ Низовскую Землю не наряжалъ бы: всѣмъ этѣмъ я жалую васъ, свою отчину, и все то отложилъ.» Слышавши то, послы ударили челомъ Государю, и когда вышли, то Иванъ Васильевичъ выслалъ за ними Бояръ говорить о волостяхъ и селахъ.

Бояре говорили посламъ отъ Великаго Князя: «Отчина наша, Великій Новгородъ, дали бы намъ волости и села, по тому что намъ, Великимъ Князьямъ, нельзя безъ того держать свое Государство на нашей отчинѣ, Великомъ Новгородѣ.» Владыка и послы отвѣчали: «Скажемъ то, Господине, Новгороду.»⁶⁴ 1-го Января послы пришли къ Великому Князю, и явили ему волости: Луки Великія да Ржеву Пустую, но онъ того не взялъ. Послѣ

⁶⁴ Г. Костомаровъ замѣчаетъ по этому поводу: «Должно думать, и странно и ужасно показалось это Великому Новгороду: обѣщали не вступаться въ отчины, а требуютъ ихъ разомъ.» Г. Костомаровъ забылъ то, что онъ впереди написалъ, что Иванъ Васильевичъ пожаловалъ, обѣщавъ только не вступаться въ имѣнія и вотчины людскія, а прежде, когда говорилъ, какого Государства хочетъ въ Новгородѣ, объявлялъ, что ему нужны волости. Да и самимъ Новгородцамъ не было это такъ странно, какъ Г. Костомарову, по тому что они и предложили Великому Князю, главное Владычныя да монастырскія земли, а это, надо полагать, не частная собственность, которая была обезпечена въ своей неприкосновенности словомъ Великаго Князя.

этого послы предложили десять волостей, принадлежащихъ Владыкѣ, богатымъ монастырямъ и всѣ земли Новгородскія въ Торжкѣ, чьи бы онѣ ни были. На это предложеніе также былъ отказъ. Теперь послы били челомъ, чтобы «Государь самъ умыслилъ, какъ ему свою отчину жаловать, и сколько ему волостей взять; отчина его полагается на Бога да него, своего Государя.» Тогда Великій Князь велѣлъ сказать послалъ: «Взять мнѣ половину всѣхъ волостей Владычныхъ и монастырскихъ, да Новоторжскія всѣ, чьи бы ни были.» Послы отвѣчали: «Скажемъ то Новгороду.» Въ Крещенье (6 Января) послы пришли къ Великому Князю и били челомъ, «чтобы Государь пожаловалъ, взялъ бы все, что требуетъ, но только бы не бралъ земель у тѣхъ монастырей, которые убоги и земель у нихъ мало.» Великій Князь отослалъ пословъ въ Новгородъ, и велѣлъ написать на списокъ половину волостей Владычныхъ и монастырскихъ; «да не таили бы ничего,» было прибавлено къ этому приказу, «а что утаятъ, то та земля Великихъ Князей.» Послы пришли на другой день съ требуемыми списками: тогда Великій Князь пожаловалъ Владыку, не взялъ у него половины волостей, а взялъ только десять; также пожалованы были бѣдные монастыри.

Но мы остановимся здѣсь въ разсказѣ о переговорахъ, по тому что въ сущности они пришли къ концу, и скажемъ о томъ, какъ велась осада Новгорода и что дѣлали Новгородцы въ то время, когда двуглавый Государственный орелъ своими страшными когтями уже потрясалъ стѣны Великаго Новгорода и тѣню крыльевъ своихъ покрывалъ храмъ Св. Софїи? Какъ сказано уже, Иванъ Васильевичъ всталъ со всѣмъ своимъ войскомъ около Новгорода и занялъ подгородные монастыри и посады. Это стояніе Великаго Князя для Новгородцевъ было «вельми притужно»; они сбѣжались въ городъ въ осаду, затворились и устроили чрезъ Волховъ деревянную стѣну на судахъ. Но Иванъ Васильевичъ не думалъ свои войска слать на приступъ, и дѣлалъ это по тому, какъ говоритъ Псковскій лѣтописецъ, что видѣлъ, какъ городъ крѣпко укрѣпленъ въ осадѣ, и если пойти подъ стѣны, то начнутъ съ обѣихъ стородъ головы падать и кровь литься, а онъ не хотѣлъ производить кровопролитія, и началъ стоять подъ стѣнами стояніемъ, со всѣми своими силами. 30 Ноября онъ послалъ къ Псковитянамъ сказать, чтобы они шли немедленно съ пушками и со

всю приправую. Посланный встрѣтилъ Псковитянъ на Шелони. Въ это время половина войскъ Великокняжескихъ собирала кормъ по Новгородскимъ волостямъ. Этѣ войска поплѣнили и пожгли всю страну отъ Заволочья до Литовскаго рубежа; дошедши до Нѣмецкаго рубежа, перешли рѣку Нарову и тамъ много повоевали. Такой сборъ корма былъ тяжель для Новгородской земли, даже тяжелье первой войны, такъ какъ тогда лѣтомъ многіе крылись отъ воиновъ въ лѣсахъ и за водами, а теперъ зимою это дѣлать было нельзя, и многіе въ лѣсахъ умирали отъ мороза и голода, а въ своихъ домахъ были плѣнены. Въ самомъ Новгородѣ отъ тѣсноты было много скорби, печали и рыданія. По этому-то Владыка 4 Декабря билъ челомъ Великому Князю со слезами, чтобы онъ смиловался, мечъ унялъ и огонь утолилъ, а кровь Христіанская не лилась бы. 5 Декабря пришли Псковитяне подъ Новгородъ, а 6-го Иванъ Васильевичъ приказалъ извѣстному Аристотелю дѣлать мосты чрезъ Волховъ, на судахъ, подъ Городищемъ; мостъ долженъ былъ стоять на Волховѣ до того времени, пока Великій Князь, одолѣвши Новгородъ, возвратится въ Москву. Предполагая долгую осаду, Иванъ Васильевичъ послалъ ко Пскову своего Боярина, чтобы Псковитяне ему послужили и тѣмъ, чтобы прислали муки пшеничной, рыбы и меду прѣснаго, а съ инымъ Псковскіе купцы ѣхали бы торговать къ нему въ станъ подъ Новгородъ. Все требуемое Псковитяне спѣшили исполнить. Великій Князь стоялъ подъ Новгородомъ стояніемъ, выжидая отъ Новгородцевъ полного подчиненія. Мы видѣли, что хотя Новгородскіе послы и подавались требованіямъ, однако жъ тянули время. Новгородцы надѣялись на то, что Великій Князь наконецъ самъ пойдетъ отъ города и прикончатъ съ ними по прежнимъ старинамъ. Но изъ Московскаго стана въ концѣ Декабря и послы не возвращались въ городъ, такъ какъ имъ и опасной грамоты не давали. При неизвѣстности того, что дѣлается кругомъ, жители Новгородскіе волновались: нѣкоторые хотѣли биться съ Великимъ Княземъ, а другіе задаться за него, и послѣднихъ было больше. Бояре встали на чернь, а чернь на Бояръ, изъ которыхъ многіе держали перевѣтъ къ Великому Князю. Общаго сознанія, что нужно дѣлать, у Новгородцевъ не могло быть, а тутъ вдругъ ихъ служебный Князь, Василій Васильевичъ Шуйскій, видя неустроеніе и мятежъ великій, 28 Декабря сложилъ съ себя къ Новгороду кре-

стное цѣлованіе, объявляя, что ѣдетъ служить къ Великому Князю. На это Новгородцы ничего ему не говорили, между тѣмъ какъ Князь еще оставался у нихъ въ городѣ; не трогали они его по тому, что боялись Великаго Князя, замѣчаетъ Московскій лѣтописецъ. 29-го Декабря Новгородскіе послы наконецъ воротились домой, послѣ долгого пребыванія въ Московскомъ станѣ, и принесли извѣстія, что они согласились на всѣ требованія Великаго Князя и то, чѣмъ Государь пожаловалъ свою отчину, Великій Новгородъ. Въ то время, когда на Вѣчѣ пришлось толковать о томъ, какія волости дать Великимъ Князьямъ, чтобы можно было имъ въ Новгородѣ свое Государство держать, тогда Князь Василій Шуйскій поѣхалъ къ Великому Князю: Иванъ Васильевичъ принялъ его и далъ ему дары. «Сему убо такъ совершившуся», видя все это Новгородцы, что ихъ Воевода и Князь кормленный, о комъ было имъ стоять и борониться, и тотъ поѣхалъ отъ нихъ изъ города къ Великому Князю, то они, положивъ упованіе на Бога, вдались во всю волю Великаго Князя.

Теперь переговоры шли о подробностяхъ значенія слова Государство: требуемыя волости уже были отданы. 8 Генваря пришли изъ Новгорода Владыка съ Посадниками, житейными людьми и черными, и били челомъ, чтобы Государь пожаловалъ свою отчину, Христіанство не гибло бы, по тому что отъ тѣсноты въ городѣ моръ и голодъ истребляетъ людей. Но Великій Князь выслалъ къ нимъ Бояръ говорить о дани, чтобы они явили дани со всѣхъ волостей, съ сохи по полугривнѣ: такъ что ихъ соха? Новгородцы отвѣчали: три обожи соха, а обожу одинъ человекъ на одной лошади ореть, а кто на трехъ лошадяхъ, и самъ третьей ореть, то это соха. Князь Великій хотѣлъ взять дани по полугривнѣ уже съ обожи, но Владыка со всѣми Новгородцами, бывшими въ станѣ, началъ бить челомъ, чтобы Государь смиловался, бралъ бы дани, какъ они бьютъ челомъ, по 7 денегъ съ трехъ обожей, и бралъ бы ее одинъ разъ въ годъ. И этѣмъ Государь ихъ пожаловалъ, чтобы брать со всѣхъ волостей Новгородскихъ, и на Двинѣ и на Заволочѣ, на всякомъ, кто пашетъ землю, и на ключникахъ, и на старостахъ, и на одерноватыхъ. Тогда Новгородцы начали бить челомъ, чтобы Государь не посылалъ своихъ писцовъ и данщиковъ въ Новгородскія волости, по тому что то Христіанству тяжко, а положилъ бы Государь то все на Новго-

родскую душу: скажутъ всё, сколько у кого сохъ будетъ, да сами, собравши дань, отдадутъ по крестному цѣлованію тому, кому Великій Князь прикажетъ отдать въ Новгородъ, а кто утаитъ хотя одну обожу и уличимъ его, то о томъ скажемъ своимъ Государямъ, и Великіе Князья того казнятъ. Всѣмъ этѣмъ Государь опять пожаловалъ Новгородцевъ. 10 Генваря Великій Князь приказалъ Боярамъ говорить Новгородцамъ объ Ярославовомъ дворѣ, чтобы его очистить. Владыка съ послами отвѣчалъ: «О томъ, Господине, ѣдемъ въ городъ и скажемъ Новгороду.» Въ этотъ же день приказано было явить посламъ списокъ, на чемъ Новгороду цѣловать крестъ Великимъ Князьямъ. Послы просили послать списокъ въ городъ и явить его всему Новгороду. Великій Князь исполнилъ просьбу, и посланный долженъ былъ явить списокъ Новгородцамъ въ палатѣ у Владыки, а не на Вѣчѣ, такъ какъ Иванъ Васильевичъ уже не признавалъ въ Новгородѣ существованія Вѣча.⁶⁵ 12 Генваря пришли послы съ отвѣтомъ; во первыхъ, о Ярославовъ дворѣ говорили: «Тотъ дворъ Государей нашихъ, и хотятъ они его взять, то предъ Богомъ и предъ ними, а захотятъ они взять въ околodкѣ мѣсто соотвѣтственно двора, и то предъ ними;» во вторыхъ, о присяжномъ спискѣ послы отвѣчали, что Новгородцы готовы на немъ цѣловать крестъ. Тогда Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Новгородцы переписали списокъ слово въ слово съ Великокняжескаго, а Владыка подписалъ бы его собственною рукою и печать свою привѣсилъ, да также приложили бы печати отъ всѣхъ пяти концовъ Новгородскихъ и явились бы съ такимъ спискомъ на другой день въ станѣ Владыка, Посадники и житьи люди. На другой день Новгородцы прибыли изъ Новгорода, исполнивши требуемое, и въ станѣ предъ Боярами цѣловали крестъ на записи. При этомъ Бояре сказали Новгородцамъ о Псковитянахъ, что такъ какъ послѣдніе послужили теперь Великимъ Князьямъ, то они бы имъ не мстили за это, а о всѣхъ обидныхъ дѣлахъ производился бы судъ по ссылкѣ чрезъ Намѣстниковъ Новгородскаго и Псковскаго; да также не мстили бы Новгородцы своимъ Боярамъ, Дѣтямъ Боярскимъ и Боярынямъ, которыя служатъ Великому Князю; да чтобы Двиняне и Заволочане цѣловали крестъ на имя Великаго Князя, а къ Новго-

⁶⁵ Такъ кажется чужно понимать этотъ приказъ.

роду крестное цѣлованіе сложили. И на этомъ Новгородцы, вмѣстѣ съ первымъ обязательствомъ, цѣловали крестъ.

Послѣ крестнаго цѣлованія, Новгородцы били челомъ Боярамъ, чтобы они печаловались у Великаго Князя о слѣдующемъ: такъ какъ они уже цѣловали крестъ, а оставшіеся въ городѣ тамъ его поцѣлуютъ, то имъ хотѣлось бы услышать изъ устъ Великаго Князя жалованное слово по прежнему жалованью. Эта просьба, какъ и прежняя, подобная ей, была исполнена. 15 Генваря поѣхали Бояре въ Новгородъ приводить жителей къ крестному цѣлованію и также сказать Новгородцамъ жалованное слово. Послѣднее долженъ былъ сдѣлать Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикевъ, въ Палатѣ, но не на Вѣчѣ, по тому что съ того дня Вѣча въ Новгородѣ уже не существовало. Присягу давали всѣ Новгородцы: и жены, и вдовы, и люди Боярскіе; во время присяги Бояре отобрали у Новгородцевъ грамоту, которою они укрѣпили себя. Послѣ этого (18 Генваря) явились Бояре, Дѣти Боярскіе и житиы люди къ Великому Князю, и били ему челомъ въ службу.

Съ этого дня осада Новгорода кончилась. Владыка просилъ у Великаго Князя Приставовъ людямъ, которые сбѣжались въ городъ и теперь хотятъ возвратиться въ волости и села; эта просьба была исполнена. 20 Генваря Иванъ Васильевичъ послалъ въ Москву извѣстіе, что онъ привелъ въ свою волю отчину, Великій Новгородъ, и учинился на немъ Государемъ точно также, какъ и на Москвѣ. Черезъ день послѣ этого были посланы Намѣстники въ Новгородъ и велѣно было имъ встать на дворницѣ Ярославомъ; такимъ образомъ просьба Новгородцевъ объ этомъ дворѣ не была исполнена. Самъ Иванъ Васильевичъ, по случаю мора въ городѣ, не поѣхалъ туда, а былъ тамъ только два раза у обѣдни въ храмѣ Св. Софїи. Теперь дѣло съ Новгородомъ было кончено, и Иванъ Васильевичъ поѣхалъ въ Москву: это было 17 Февраля. Передъ его отъѣздомъ обобранны были у Новгородцевъ всѣ договоры, которые они заключали съ Великими Князьями Литовскими и съ Королемъ. Такимъ образомъ, не говоря о значеніи этѣхъ грамотъ, Ивану Васильевичу, первому Государю въ Россіи, пришлось добыть первый настоящій военный трофей — Государственный архивъ. Такъ же до отъѣзда Ивана Васильевича изъ подъ Новгорода были пойманы Староста Купеческой, Марко Шанфилевъ, пятеро Бояръ

и Марѳа Борецкая съ внукомъ, они были посланы въ Москву, а имѣнія ихъ были отобраны на Великаго Князя. Иванъ Васильевичъ воротился въ Москву 5-го Марта, а послѣ себя велѣлъ туда же привести изъ Новгорода Вѣчевой колоколъ; лѣтописецъ многозначительными словами опредѣляетъ судьбу этой святыни Новгородской свободы: его подняли на колокольницу на площади, чтобы звонить вмѣстѣ съ прочими колоколами.

IV.

Почти каждая лѣтопись, по окончаніи разсказа о побѣдѣ Ивана III надъ Новгородомъ, кончаетъ какимъ ни будь нравственнымъ разсужденіемъ. Впрочемъ, къ этѣмъ разсужденіямъ нужно относиться осторожно, такъ такъ не всѣ же онѣ современны событіямъ и при томъ переписывались нѣсколько разъ послѣ, по этому нужно обратиться къ событіямъ. Моръ, начавшійся во время осады Новгорода, продолжался и по окончаніи ея; мерли старыя и молодыя, и иногда въ одну могилу клали отъ двухъ до десяти человѣкъ; страна была совершенно разорена. Новгородъ палъ съ борьбою, и при этомъ паденіи стужѣлъ сохранить себѣ нѣкоторыя выгоды, такъ что онъ все таки находился въ привилегированномъ положеніи въ сравненіи съ тѣмъ, въ какомъ находились остальные области Московскаго Государства. Прославитель Новгородской свободы говоритъ, что Иванъ Васильевичъ не слишкомъ цѣнилъ свои обѣщанія, на которыхъ не даромъ не хотѣлъ присягать,⁶⁶ а велѣлъ схватить нѣкоторыхъ Бояръ и имѣнія ихъ взялъ себѣ. Но историкъ забываетъ только то, что подобный способъ очищенія Новгорода отъ безпокойныхъ людей, какъ ни былъ страшенъ Новгородцамъ, но они его допускали и прежде, при всѣхъ своихъ старинахъ, когда Иванъ Васильевичъ ималъ Бояръ только за то, что мыслили отдаться Великому Новгороду за Короля.

Стужѣли ли Новгородцы удержать за собою привилегіи, и были ли въ состояніи примириться съ теперешнимъ своимъ положеніемъ? Не помѣшалъ ли кто ни будь имъ и не обѣщалъ ли по-

⁶⁶ Сѣверн. Руск. народоправ. т. I, стр. 231.

мочь возстановить старые порядки? Московское Государство было въ то время, точно сухая губка, которая всасываетъ въ себя всякую жидкость, къ какой только прикасается: Новгородомъ оно не могло удовлетвориться, по тому что послѣ предъявило притязаніе на всю Русь; но и теперь такой большой прибитокъ Московскаго Государя озадачилъ многихъ. Иванъ Васильевичъ превращалъ Новгородъ въ часть своего Государства вмѣстѣ съ своими братьями, но не подѣлился съ ними изъ завоеваннаго, и они встали противъ него; съ другой стороны Король Казимиръ долженъ былъ съ ужасомъ смотрѣть на такія завоеванія Московскаго Великаго Князя. Что же касается самаго Новгорода, то тамъ Иванъ Васильевичъ выбралъ не всѣхъ, которые не сочувствовали Московскому господству, и при томъ онъ не оставилъ въ новопріобрѣтенной области войска. Одна наша лѣтопись рассказываетъ,⁶⁷ что когда прошло семь мѣсяцевъ послѣ возвращенія Ивана Васильевича въ Москву изъ подъ Новгорода, какъ онъ узналъ, что изъ Новгородцевъ многіе, забывши крестное цѣлованіе, начали колебаться и съ Королемъ Казимиромъ ссылаться, зовя его въ Новгородскую Землю съ войскомъ; Король обѣщалъ имъ помочь, послалъ къ Хану Золотой Орды, Ахмату, звать его противъ Великаго Князя; кромѣ того онъ обратился также и къ Папѣ, прося у него денегъ на подмогу и выставляя при этомъ, что предстоящая борьба съ Московскимъ Государемъ есть борьба въ пользу Католичества. Папа назначилъ на такое святое дѣло сборъ денегъ съ Литовскихъ и Польскихъ церквей. Новгородцы посылали за помощію и къ Немцамъ, но тѣ побоялись помогать имъ, опасаясь Псковитянъ, хотя послѣдніе ничего объ этомъ не знали.

На сколько незначительны были затѣи Новгородцевъ, показываетъ намъ то, что подробности этого дѣла находятся только въ одной, дошедшей до насъ, лѣтописи, другія же упоминаютъ лишь мимоходомъ о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ его. А та лѣтопись, которая объ этомъ дѣлѣ говоритъ, прямо указываетъ, что Иванъ Васильевичъ накрылъ Новгородцевъ въ самомъ началѣ ихъ предпріятія. Онъ, 26 Октября, 1479 года, пошелъ миромъ къ Великому Новгороду и взялъ съ собою только 1000 человекъ; од-

⁶⁷ Татищ. ч. 5, стр. 79 — 81.

нако, онъ приказалъ сыну собрать войска и скорѣе посылать за нимъ, объявляя, что идетъ на Шѣмцевъ. Въ Новгородъ было послано извѣстiе, что походъ именно предпринимается съ этою цѣлью; но чтобы тамъ не узнали о большомъ сборѣ войскъ, то приказано было разставить заставы на дорогѣ. Изъ Торжка Иванъ Васильевичъ послалъ къ братьямъ, чтобы они спѣшили къ нему съ войсками. Можетъ быть, Новгородцы и не знали настоящей цѣли похода, однако же, когда Иванъ Васильевичъ пришелъ въ Бронницы съ войсками, то здѣсь узналъ, что Новгородцы затворились въ городѣ. (Должно быть въ это самое время они восстановили всѣ свои старые порядки: Вѣче, Посадника, Тысяцкаго и т. д.). Тогда, дождавшись войскъ, онъ занялъ Новгородскіе посады и на другой день приказалъ приступать къ городу и изъ пушекъ палить. Теперь въ Новгородѣ хуже было, чѣмъ прежде: не только многіе не хотѣли биться съ Великимъ Княземъ, но прямо бѣжали къ нему; на просьбу опасна Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: «Я самъ опасъ невиннымъ и Государь вашъ; отворите ворота, и когда войду, тогда всѣхъ невинныхъ ни чѣмъ не оскорблю.» Такъ какъ пальба изъ пушекъ, управляемыхъ Аристотелемъ, продолжалась, то ворота Новгородскія отворились. Архіепископъ съ духовенствомъ въ ризахъ, со крестами, вышли на встрѣчу Великаго Князя; тутъ же вышло и новое Новгородское Правительство, съ Боярами и народомъ; вышли они, отложивъ чины и пали ницъ, моля о прощеніи. Великій Князь благословился у Владыки и сказалъ всѣмъ въ слухъ: «Я—Государь вашъ, и даю всѣмъ невиннымъ въ этомъ злѣ миръ, и пусть они ничего не боятся.» Помолвившись у Св. Софїи, Иванъ Васильевичъ отправился во дворъ новаго Посадника, Еѳима Медвѣдева; здѣсь онъ назначилъ мѣсто своего пребыванія, и въ тотъ же день приказалъ поимать 50 человекъ пущихъ крамольниковъ и велѣлъ ихъ пытать. Схваченные подъ пыткой показали, хотя и долго скрывали, что Владыка былъ въ единомысліи съ ними; по этому 19 Генваря былъ поиманъ Архіепископъ и посланъ въ Москву, а все его огромное богатство, состоящее въ золотѣ, серебрѣ, бисерѣ и камняхъ драгоценныхъ, взято на Великаго Князя. Владыка Феодоръ прежде твердо стоялъ за подчиненіе Новгородской церковной іерархіи Митрополиту, жившему въ Москвѣ, не хотѣлъ признавать для себя иной власти, кромѣ власти послѣдняго, и теперь былъ

отосланъ Великимъ Вяземъ къ этому Митрополиту въ Москву, для произведенія надъ нимъ церковнаго суда. Нельзя обвинять Ивана Васильевича за тотъ страшный судъ, который онъ теперь производилъ надъ Новгородомъ, и подобныя выраженія объ этѣхъ событіяхъ, что онъ «не долго разбиралъ дѣйствительность вины Владыки, и безъ церковнаго суда его схватили и заточили въ Чудовъ монастырь,»⁶⁸ совсѣмъ не у мѣста и неприличны. Борьба шла изъ чувства самосохраненія, дѣло было ясно: Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ сношенія Казимира съ Новгородомъ; зналъ онъ также и то, что въ степяхъ готовится Татарское нашествіе на Россію, а въ Новгородѣ крамольники во время розыска сказали, что они имѣли тайную связь съ Князьями Андреемъ Большимъ и Борисомъ Васильевичами. Узнавъ такія вещи о своихъ братьяхъ, Иванъ Васильевичъ никому объ этомъ не сказалъ, но скоро пришла вѣсть и въ Новгородъ, что этѣ Князья возстали. Въ такомъ положеніи онъ поступилъ точно также, какъ поступали всѣ Государственные люди, рѣшающіеся спасти дѣло столѣтій послѣднимъ средствомъ, а именно, посредствомъ одновременнаго ужаса. Новгородцамъ употребленіе ужаса отчасти было извѣстно, по тому что только посредствомъ его одна партія побѣждала другую, но Государственный ужасъ имъ былъ не знакомъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, какъ ужасныя наказанія, такъ и страшныя цифры людей, подвергшихся имъ: 100 человекъ большихъ крамольниковъ было казнено, а имѣнія ихъ были взяты на Великаго Князя; до 100 семействъ Дѣтей Боярскихъ и купцовъ было разослано по Низовымъ городамъ: во Владимиръ, Муромъ, Нижній, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другія города, и тамъ даны имъ помѣстья; до 7000 семействъ разослано по городамъ, посадамъ и темницамъ. На мѣсто выселенныхъ были переведены изъ другихъ Московскихъ городовъ Дѣти Боярскіе, также много холопей и много купцовъ, которые были пожалованы помѣстьями подвергшихся выводу.

⁶⁸ Сѣверно-Рус. народоправ. т. I, стр. 234. Мнѣ могутъ замѣтить, что я опровергаю мнѣнія Г-на Костомарова только въ мелочахъ; но изъ подобныхъ этѣмъ мелочей; и при томъ неосновательныхъ, состоитъ вся суть его сочиненія.

V.

Съ небольшимъ въ три мѣсяца Иванъ Васильевичъ покончилъ все свое послѣднее дѣло съ Новгородомъ. Въ Февралѣ 1480 года онъ былъ уже въ Москвѣ, увѣренный въ томъ, что въ Новгородѣ никто не возстанетъ противъ его власти, по тому что не кому было уже возстать. Когда въ слѣдующемъ году Ахматъ пришелъ подъ Угру, Король Казимиръ грозилъ войною, а возставшіе Князья вступили въ Новгородскія области, то нашли, что тамъ ихъ союзники, всѣ старые Вѣчники, уже истреблены совсѣмъ.

«Такое» конечнѣ укроти Новгородъ Великій Иванъ Васильевичъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Старый Вѣчевой и новый Государственный порядки не могли ужиться вмѣстѣ: новый взялъ верхъ, но старый палъ со славою. Меньшой братъ, Новгорода, Псковъ, выдалъ его также, какъ выдавали, за временныя выгоды, служебные Князья Князей, подобныхъ Шемякѣ и Андрею Большому; но и Псковъ, черезъ 40 лѣтъ, также попалъ въ руки Государства, но попалъ безславно, безъ борьбы, между тѣмъ какъ Новгородъ поборолся съ новыми Московскими порядками такъ, что послѣ этого не нашлось ни одного человѣка изъ Новгородцевъ, кто бы оставилъ потомству плачь о Новгородской свободѣ. Это послѣднее можно говорить по тому, что Московская цензура не могла же истребить именно Новгородскаго описанія паденія Новгорода, оставивши въ то же время въ цѣлости Новгородскія лѣтописи. Когда Псковъ палъ, то его лѣтописецъ высказалъ предъ потомствомъ такіе слова о погибели своей родины, которые мы, по всей справедливости, можемъ отнести къ Новгороду; вотъ они: «Отнялась слава Новгорода, плѣненъ онъ не иновѣрными, а своими единовѣрными людьми. Кто о семъ не восплачетъ, кто не возрыдаетъ? О славнѣйшій градъ, Новгородъ, почто сѣтуеши и почто плачеши? и отвѣща прекрасный градъ, Новгородъ: Како ми не сѣтовати и не скорбѣти о своемъ оустѣннѣи? Налетѣлъ на меня многокрыльный орелъ, исполнившій крылья львовыхъ когтей, и взялъ отъ меня три кедръ Ливанскіе: красоту мою, богатство и чада восхити; Богу, постигшу за грѣхи наши, землю пусту сотвориша, градъ нашъ разориша и люди поплѣниша, и торжища раскопаша, а иныя торжища коневымъ

каломъ заметаша, отецъ, братію и друзи наша разведоша туда, гдѣ отцы, дѣды и прадѣды не бывали, а матери и сестры наша въ поруганіе даша.... и посади Великій Князь въ Новгородѣ Намѣстниковъ своихъ и Дьяковъ, и правда у нихъ взлетѣла на небо, а кривда въ нихъ начала ходить — были немилостивы до Новгородцевъ, а тѣ бѣдные не вѣдали правды Московскія.....»

VI.

Но что же Казимиръ? На него надѣялись Новгородцы, отъ него они себѣ ждали спасенія, онъ же обѣщаль имъ помочь? Казимиръ привелъ Ахмата подъ Угру, обѣщаль ему помогать, то же онъ обѣщаль и братьямъ Великаго Князя, но ни кому не помогъ. Причина этому отчасти была и та, что въ теченіи 1480 года между Иваномъ Васильевичемъ и Казимиромъ происходили, какъ видно, дѣятельныя сношенія, и Иванъ Васильевичъ что-то обѣщаль Казимиру. Мы не имѣемъ записанныхъ сношеній Московскаго Двора съ Литовскимъ за это время, но имѣемъ подробныя записанныя сношенія съ Крымомъ, и изъ нихъ видимъ слѣдующее: въ 1481 году былъ отправленъ въ Крымъ Бояринъ Тимошей Скрыба, и ему было наказано говорить Царю: «Король присылалъ въ Москву пословъ, чтобы были между Государями любовь и докончанье; изъ Москвы къ нему тоже отправлены послы, и каковое дѣло будетъ, то объ этомъ дадутъ изъ Москвы въ Крымъ извѣстіе.» Потомъ было наказано Скрыбѣ, что если Менгли-Гирей захочетъ ити на Литовскую Землю и спроситъ его, какъ думаетъ объ этомъ Великій Князь, то говорить, что объ этомъ ничего ему не наказано.⁶⁹ Польскій лѣтописецъ говоритъ, что между Государями, въ слѣдствіе сношеній, состоялось перемиріе на нѣсколько лѣтъ, и Казимиръ, отвлекаемый другими дѣлами, сдѣлалъ многія уступки.⁷⁰ Но перемирія въ формальномъ отношеніи ни какого не состоялось, а сношенія шли именно по поводу Новгорода, и въ нашей лѣтописи, подъ 1482 годомъ, говорится, что Король Казимиръ прислалъ своего посла, Богдана, прося у Великаго Князя Новгорода

⁶⁹ Дѣла Крым. № 1, посольства 1481 года.

⁷⁰ Стрѣйковскій ч. 2, стр. 284, изд. 1846 года.

Великаго и Лукъ Великихъ; ⁷¹ этотъ посолъ получилъ, какъ видно, полный отказъ, по тому что, когда гроза миновалась, то начались враждебныя дѣйствія Ивана Васильевича противъ Литвы. Въ это время Менгли-Гирей, по Московскому наводу, разорилъ Кіевъ, и тогда же случился въ Литвѣ бунтъ Бѣльскаго съ товарищи. Такъ какъ переговоры о Новгородѣ не были кончены и Литовскіе Государя не признавали за Московскимъ Государемъ право обладанія Новгородомъ, то когда начались переговоры о вѣчномъ мирѣ у Александра Казимировича съ Иваномъ Васильевичемъ, то Литовскимъ посламъ было наказано твердо стоять на томъ, чтобы Новгородъ Великій поставить въ окончанѣ, также какъ онъ поставленъ въ окончанѣ Короля Казимира съ Великимъ Княземъ Василюемъ Васильевичемъ, а Луками и Ржевой Московскій Государь поступилъ бы совсѣмъ; если же послы не въ состояніи будутъ этого отстоять, то поступиться, и при этомъ, если будетъ можно, то написать Инфлянты въ сторону Литовскаго Государя, точно также какъ Московскій напишетъ въ свою сторону Новгородъ; если же и этого нельзя будетъ отстоять, то Инфлянты поставить въ соотвѣтствіе Новгороду и Твери, объ которой также не нужно скоро соглашаться на уступки; въ концѣ же концовъ, если въ Москвѣ ужь очень крѣпко будутъ во всемъ этомъ упираться, то все уступить. ⁷² Последнее условіе объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ хотѣли остановить наступательное на нее движеніе Москвы посредствомъ брака Александра Казимировича съ дочерью Ивана Васильевича, и по этому готовы были теперь утвердить всѣ прежнія Московскія пріобрѣтенія, не только молчаливымъ согласіемъ, но и посредствомъ договора. При томъ такія уступки необходимо было дѣлать, по тому что какъ только завелись переговоры о мирѣ и сватовствѣ, то Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикевъ, игравшій, какъ мы видѣли, важную роль въ завоеваніи Новгорода, сказалъ Литовскимъ посламъ, объявлявшимъ о вступленіи Александра Казимировича на престолъ: «Говорите вы, что братья и дяди ваши хотятъ любви и окончанья между Государями, да и сватовства; такъ, когда пріѣдутъ объ этомъ говорить,

⁷¹ П. С. Р. Л. т. 6, стр. 234.

⁷² Ак. В. Р. т. 1, № 111.

то чтобы лишнихъ рѣчей не было; а то какъ прѣзжалъ отъ Короля къ нашему Государю Богданъ о любви и докончаньѣ, то было много лишнихъ рѣчей, да за тѣмъ между Государями и дѣло не состоялось.»⁷³ Повтореніе содержанія этѣхъ интересныхъ рѣчей, словами Князя Ивана Юрьевича, было остановлено, и по этому онѣ во многомъ для любопытства потеряны.

---

⁷³ Дѣла Польск. № 1.

ГЛАВА III.

СТЕПНЯКИ.

Характеристика Степняковъ и образъ обхожденія съ ними.— Нашествіе Ахмата подѣ Александръ.—Роль Крымцевъ въ Русской Исторіи и начало сношеній Ивана Васильевича съ Менгли-Гиреемъ.—Нашествіе Ахмата подѣ Угру: характеръ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ нашествіи.—Сношенія Москвы и Литвы съ Крымомъ послѣ 1480 года и нашествіе Менгли-Гирея на Кіевъ.—Степныя дѣла въ концѣ восьмидесятихъ и началѣ девяностыхъ годовъ пятнадцатаго столѣтія и роль Казани въ этихъ дѣлахъ.—Запросы Крымцами поминокъ.

I.

На вопросъ: «Что такое Степняки?» могутъ дать отвѣтъ слѣдующія выраженія. Такъ, не говорили, что въ Ордѣ голодъ, или моръ, а говорили, что «Орда «охудѣла», «опала»; не говорили, что такого-то Татарина убили, а говорили, что его «закололи»; при этомъ лучшимъ способомъ убійства считалось «человѣка зарѣзать ножомъ, какъ овцу». Когда Татары начинали кочевать въ степяхъ, то объ этомъ говорили, что степь «засорилась», «поле стало нечисто; если двѣ враждебныя Орды имѣли между собою сраженіе, то Степняки выражались такъ, что они «сгрызлились», «постравилились»; когда одна Орда преслѣдовала другую, то говорилось, что преслѣдующая «томитъ» врага и находится у него «на хребтѣ»; о своей побѣдѣ Ордынцы говорили, что они «потоптали» врага. О полученіи поминокъ или дани Татары говорили, что они «доили» Короля, или Великаго Князя; когда они грабили, то точно также доили Русскую, Литовскую и Лядскую земли. Одинъ Нагайскій Мурза, объявляя Великому Князю, что не только два его брата управляютъ улусомъ, но и онъ съ ними, выражалъ эту мысль такъ, что «онъ отъ трехъ оглоблей одна.» Крымскому Калгѣ прислали мало поминокъ изъ Москвы, по этому онъ свое неудовольствіе высказалъ слѣдующимъ

возраженіемъ: «У меня людей много, и если я стану поминки жевать и на людей плевать, то и тогда ихъ не достанетъ». Турецкій Султанъ посадилъ въ Кафу своего сына, и такое сосѣдство для Крымскаго Хана было весьма непріятно, то, для характеристики такого положенія дѣлъ, Менгли-Гирей приводилъ пословицу, что «въ одинъ котель двѣ бараньи головы не лѣзутъ.» Если самъ Царь сравнилъ Крымъ съ котломъ, а свою собственную голову съ бараньей, то, кажется, никто не имѣетъ права поднимать значеніе Степняковъ выше того, чему они себя уподобляли; при томъ, ихъ Европейскіе современники, Москвичи и Литовцы, если и поднимали Степняковъ, въ ихъ собственныхъ глазахъ, выше родныхъ имъ животныхъ и вещей, то вѣжливо ихъ сравнивали съ разбойниками, которые безъ того жить не могутъ, чтобы не воевать, то есть, грабить и разорять. Когда же Москвичи и Литовцы звали Татаръ къ себѣ на помощь, то говорили Царю: «Ты бы, братъ, поберегъ наши Украйны отъ нашихъ непріятелей, да и своимъ людямъ не давалъ бы наши Украйны грабить»; но такъ какъ послѣднее почти постоянно происходило, то Царь объ этомъ говорилъ, что напрасно на это жаловаться, по тому что у него лихихъ людей такъ много, что ихъ удержать нельзя; «они», видя, что есть что грабить, пограбили.» Когда, по наученію Москвичей, или Литовцевъ, предпринималось важное Татарское нашествіе, то Степняки объявляли желаніе, чтобы или Литовскій Панъ ихъ велъ на Москву, или Московскій Бояринъ на Литву, и указывалъ бы имъ, что грабить и какъ разорять.

Когда въ первой половинѣ XIII вѣка срединная Азія выслала своихъ сыновъ на Европу, то Степной вопросъ стоялъ у горъ Чешскихъ; во второй же половинѣ XV столѣтія предѣлы, на которыхъ Степняки могли безпрепятственно двигаться, ограничивались теченіемъ Днѣстра, нижнимъ теченіемъ Днѣпра, степями на югъ отъ Оки; Волга отъ Нижняго Новгорода текла уже въ широкой степи, собственности Ордынцевъ. Но здѣсь нужно сдѣлать оговорку, что земли по Деснѣ и нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ южнѣе ея въ Днѣпръ, были уже заселены; такія же поселенія скрывались за лѣсами на правой сторонѣ Оки. Главною защитою Московскаго Государства отъ нашествій Степняковъ являлась рѣка Ока: она для Татаръ была «большая узда», прорваться сквозь которую составляло для нихъ почти непреоборимую труд-

ность. Берега этой большой узды постоянно охранялись дружинами Московскихъ служебныхъ Князей, обязанностію которыхъ было смотрѣть, какъ бы Татары, гдѣ ни будь печально не переправились на лѣвой берегъ рѣки. Изъ южныхъ степей теперешней Россіи Татары подходили къ Окѣ по водораздѣламъ Днѣпра, Дона и Волги; что же касается того, что былъ еще водораздѣлъ Оки и Днѣпра, то онъ, защищенный лѣсами и многочисленными мелкими рѣками, былъ значительно заселенъ, и по тому этотъ путь былъ труденъ для прихода Татаръ на Русь.

Объ отношеніяхъ къ Степнякамъ ихъ Европейскихъ сосѣдей нельзя говорить, чтобы они имѣли какую ни будь юридическую форму. Степняки сравнивали себя съ животными, а Европейцы считали ихъ разбойниками: изъ этихъ понятій выходили и всѣ отношенія къ нимъ. Впрочемъ, самое понятіе, связанное съ словомъ «отношеніе», непримѣнимо къ Степнякамъ, и Европейцы больше думали объ образѣ обхожденія съ ними и о средствахъ избавиться отъ этой напасти.

Василій Васильевичъ Темный, дѣлая распоряженія, въ своей духовной грамотѣ, о томъ, какъ его наслѣдники должны собирать выходъ или дань Татарамъ, говоритъ: «а перемѣнить Богъ Орду». ⁷⁴ Здѣсь Великій Князь, который самъ бывалъ въ Татарскомъ плѣну, гдѣ надъ нимъ Татары надругались, высказываетъ надежду, что, можетъ быть, его дѣти будутъ на столько счастливы, что имъ не придется испытывать тѣхъ неприяностей отъ Степняковъ, какія испытывали многіе изъ ихъ предковъ. Эта надежда основывалась на томъ, что во второй половинѣ XV вѣка Степняки не были скучены въ одну массу, а распались на нѣсколько Ордъ, при чемъ главная изъ нихъ, Золотая Орда, при всей своей слабости, все еще закрывала собою отломившіяся отъ нея части. Этѣ части Золотой Орды были: Крымъ, Казань, а по мѣрѣ ослабленія главной появлялись на сцену одна за другой болѣе мелкія Орды и наконецъ разрозненныя, въ нѣсколько сотъ и даже десятковъ человекъ, шайки Татаръ, бродившія по степямъ и высматривавшія себѣ добычу.

⁷⁴ С. Г. Г. и Д. т. 1, № 86.

Образъ обхожденія съ Степняками выработался въ довольно правильную систему, состоявшую въ томъ, что Московскіе Государя не желали вступать съ ними въ бой, а только отгоняли отъ своихъ границъ. Татаръ можно было купить подарками, но истребить эту язву давали средство сами же Степняки своею способностію къ ожесточеннѣйшей враждѣ между собою. А какова была способность Степняковъ при этой враждѣ истреблять самихъ себя, можно привести слѣдующій примѣръ. Въ слѣдствіе ссоры съ Ногайцами, Крымская Орда, въ 1523 году, перебралась на восточную сторону Дона. Нашъ посоль къ Турецкому Султану прислалъ (28-го Юля, въ Москву грамоту изъ Азова: ⁷⁵ «а сказывали намъ, что полемъ пройти нельзя: по обѣ стороны стояли Ногайскіе Татары съ Крымскимъ полономъ. Мы послали впередъ Казаковъ, которые видѣли, какъ Крымцы бѣжали отъ Ногайскихъ Мурзъ, перевозились за Донъ, и какъ они тамъ тонули на перевозахъ. Да мы и самъ видѣли дней на 5, на 6 и на 10 пути, по которымъ мѣстамъ Крымцы возились, ино лежатъ топльхъ лошадей, верблюдовъ и людей по берегу и по полю и телѣгъ метано добре много, а Татаре Крымскіе по перевозамъ весьма многіе топли.» Любуясь на такого рода картину, Иванъ Семеновичъ Брюховъ (имя посла) ѣхалъ Дономъ; другіе же наши послы въ Крыму насчитывали Крымской Орды передъ этою ссорой до 100,000 людей взрослыхъ, а послѣ нея они же насчитывали Крымцевъ много много до 15,000 человекъ, изъ которыхъ очень немногіе могли воевать. Возбуждать подобную вражду, ставить Степняковъ противъ Степняковъ, и тѣмъ, давши имъ занятіе, отвлекать отъ своихъ границъ, было сущностию всѣхъ дѣйствій нашихъ дипломатовъ по степнымъ дѣламъ, хотя здѣсь встрѣчались препятствія особаго рода, о которыхъ будетъ сказано ниже. Исключеніе изъ этого общаго правила обхожденія съ Степняками, то есть, смѣлее вступленіе въ бой съ цѣлою Ордой, представляетъ собою великая битва Куликовская и ей подобныя дѣла, нравственно удовлетворявшія народныя чувства, но они не были одобряемы многими людьми, руководившими обществомъ, какъ рискованныя, невыгодныя по пожертвованіямъ, съ которыми они сопряжены, и въ то же время не обѣщавшими большой выгоды въ будущемъ. Представители подобныхъ убѣжденій смѣ-

⁷⁵ Д. Тур. № 1, л. 257 и далѣе.

ло указывали на то, что послѣ Мамая явился Тохтамышъ. За то совершенно иначе дѣйствовали Москвичи, когда Орды были слабы, или являлись въ видѣ мелкихъ шаекъ: тогда ихъ безошадно истребляли, положительно не стѣсняясь въ средствахъ. «Стоянiе на Берегу» и занятiе Князей служебныхъ заключалось именно въ томъ, чтобы отгонять Татаръ отъ Русскихъ границъ и истреблять ихъ шайки.

Кромѣ того, что Москвичи постоянно старались возбуждать ссоры въ Ордахъ, было еще другое средство, впрочемъ, выходящее изъ перваго, сдерживать Степняковъ. Подобную Орду, какъ Казанская, которая при томъ осѣлась около своего города, старались поставить силою въ зависимость отъ себя, а Царевичей и Царей, которые были изгоняемы изъ Орды, въ Москвѣ съ удовольствiемъ принимали. Этѣмъ Царевичамъ Московскiй Государь обыкновенно давалъ во владѣнiя степные пограничные города; отсюда они могли, сколько имъ угодно, вмѣстѣ съ своими Татарами, мстить своимъ Ордынскимъ недругамъ и отгонять ихъ отъ Русскихъ границъ. Ходить въ степи съ Татарами этѣ Царевичи могли съ разрѣшенiя Московскаго Правительства и подъ руководствомъ Московскихъ Воеводъ. Главное владѣнiе такихъ Царевичей былъ Мещерскiй городокъ или Касимовъ, потомъ имъ давались во владѣнiе: Серпуховъ, Кашира и другiе города. Такихъ служебныхъ Татарскихъ Князьковъ въ Московской службѣ было значительное количество. Такъ какъ этѣ Князьки имѣли громадныя притязанiя на управленiе всѣми Ордами, то выпускомъ ихъ на свободу въ степи, и помощiю имъ Русскими ратями, обыкновенно пугали независимыхъ Степняковъ и сдерживали ихъ отъ набѣговъ на Украйны.

Такое положенiе Степняковъ, по видимому, давало возможность ихъ Европейскимъ сосѣдямъ сдѣлать изъ нихъ бессмысленное орудiе въ своихъ рукахъ. Но этѣ ихъ Европейскiе сосѣди были въ ссорѣ между собою и старались подчинить это орудiе своей волѣ, во вредъ своему врагу. Въ слѣдствiе этого степныя дѣла прiобрѣтаютъ особенный интересъ, по тому что на нихъ значительно отражаются тѣ отношенiя, въ какихъ находилось Московское Государство съ Литовскимъ. Основное правило обхожденiя съ Степняками было то, чтобы истреблять ихъ ихъ же средствами, но

при враждѣ Европейцевъ выходило то, что каждый изъ нихъ старался направить Орду на предѣлы своего врага, въ слѣдствіе этого Орды получали значеніе, котораго они сами по себѣ не имѣли. Оба врага хотѣли дѣйствовать однимъ орудіемъ, а отъ этого управленіе имъ было дурно и наносило обоимъ управителямъ одинаковый вредъ.

Впрочемъ, мы не имѣемъ положительнаго права сказать, что, кромѣ отношеній Степняковъ къ Европейцамъ, не было у нихъ собственной своей исторіи. Они тоже жили и живутъ, исторія ихъ до крайности однообразна, и изучивши одинъ періодъ ея, мы уже знаемъ всѣ. Главное явленіе ея то, что почти въ опредѣленные періоды въ Ордахъ показывается какое-то судорожное движеніе, кончающееся или рѣзней между ними, или набѣгомъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, на границы котораго ни будь изъ сосѣднихъ Европейскихъ Государствъ.

Въ началѣ государстванія Іоанна III его отношенія къ главной Ордѣ были довольно мирны, по этому походы Московскихъ ратей были направлены противъ Казанской Орды, кончившіеся тѣмъ, что Казанскій Царь, Ибрагимъ, видя себя въ великой бѣдѣ, началъ посылать къ Великому Князю о мирѣ и добилъ челомъ на всей волѣ Великаго Князя и на Воеводской, а полонъ выдалъ за 40 лѣтъ.⁷⁶ Когда Иванъ Васильевичъ рѣшился, лѣтомъ 1471 года, ити на Новгородъ, то Король Казимиръ послалъ служившаго у него Татарина, Кирея Криваго, поднимать Хана Золотой Орды на Московскаго Государя. Царь продержалъ Кирея до осени, и отпустилъ потомъ къ Королю вмѣстѣ съ своимъ посломъ. Иванъ Васильевичъ успѣлъ управиться съ Новгородомъ и, кромѣ подкупа Татаръ, который, какъ надо полагать, былъ употребленъ, онъ посылалъ Семена Беклемишева искать въ стѣняхъ Царевича Муртозу, звать его къ себѣ жить: Беклемишевъ исполнилъ приказъ.⁷⁷

На слѣдующее лѣто 1472 года Ахматъ, по подговору Короля, рѣшился сдѣлать нашествіе на Московскія Украйны. Въ это время,

⁷⁶ Арх. лѣт. стр. 147.

⁷⁷ См. Изслѣд. о Касимовскихъ Царяхъ. Соч. Вельяминова-Зернова, ч. I, гл. 2.

какъ видно, у него находился и Московскій посолъ. Великій Князь, услыша о намѣреніяхъ Ахмата, послалъ Воеводъ къ Берегу. Въ концѣ Юля тайно, ведомый проводниками, Ахматъ пришелъ подъ Алексинъ. Онъ пришелъ со стороны Литовскаго рубежа, около котораго оставилъ своихъ женъ, а также больныхъ и слабыхъ. Узнавъ, куда пришелъ Ахматъ, самъ Великій Князь и всѣ войска послѣдили къ Алексину. Въ Алексинѣ войска было мало, ни пристрою городнаго, ни пушекъ, ни самострѣловъ не доставало, однако же, на первый день осады (30-го Юля) было много побито Татаръ. Во время этой осады, какъ рассказываютъ Новгородцы, Воевода Алексинскій, Семень Беклемишевъ, человекъ на рати не вельми храбрый, требовалъ отъ Алексинцевъ посула, и они дали ему пять рублевъ, а онъ еще требовалъ шестаго для жены; но потомъ побѣждалъ отъ Татаръ со всѣми своими людьми. Татары, когда Беклемишевъ переправлялся на другую сторону Оки, бросились за нимъ, но не изловили; когда хотѣли перейти рѣку сами, то Семень и Петръ Беклемишевы, съ немногими людьми, долго ихъ не пускали, бились до того, что, наконецъ, и стрѣлъ не хватило, тогда уже думали бѣжать. Но подоспѣлъ на помощь Удѣльный Князь Верейскій, потомъ другой Князь, братъ Великаго Князя, Юрій, а потомъ и другія войска: тогда Русскіе начали одолевать. Татары, видя множество полковъ Русскихъ, которые все подходили, побѣжали за рѣку, а полки Великаго Князя подвинулись къ берегу. Татаръ обхватилъ страхъ, и они побѣжали отъ Оки, хотя ни одинъ изъ Русскихъ воиновъ не былъ на другомъ берегу. Когда Беклемишевъ убѣжалъ изъ Алексина, то городъ, зажженный Татарами, горѣлъ, и всѣ люди, находившіеся въ немъ, вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ сгорѣли, а которые выбѣжали, то попались въ руки Татаръ. Рассказываютъ, что когда Ахматъ, отбитый отъ Берега, побѣжалъ отъ Алексина, то, отошедъ версты на двѣ, спросилъ одного плѣннаго, по чему понавшихся въ плѣнъ мало, да и сгорѣвшихъ тоже мало? Плѣнный, за объясненіе этого, попросилъ себѣ свободы. Царь обѣщалъ дать ее, и тогда тотъ сказалъ, что болѣе тысячи человекъ, съ своимъ добромъ, забѣжало въ тайникъ: Царь воротился на пожарище, захватилъ находившихся въ тайникѣ, а разсказавшаго отпустилъ. ⁷⁸

⁷⁸ Лѣтописи: Новгородская 4-ая, Воскресенская, Циконовская и Архангельская.

Бѣгство Ахмата отъ Алексина было чрезвычайно быстро, такъ что многіе Татары померли на дорогѣ; на шестой день Татары пришли къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оставили своихъ женъ, и отсюда остальную часть лѣта шли по стѣнямъ на свои зимовища. Причину такого быстраго бѣгства Татаръ нѣкоторые лѣтописцы объясняютъ тѣмъ, что Татары Ахматовой Орды узнали отъ Татаръ, служившихъ Великому Князю, что подъ Алексинымъ не все войско, а что самъ Великій Князь стоитъ подъ Ростиславлемъ, Царевичъ Дарьянъ Касимовскій въ Коломнѣ, Князь Андрей Васильевичъ Большой съ Муртазой Царевичемъ въ Серпуховѣ. Испугавшись этѣхъ вѣстей, Ханъ побѣжалъ, боясь того, что Царевичи, служащіе Великому Князю, захватятъ его женъ, оставленныхъ имъ безъ защиты. Когда Великій Князь узналъ, что Царь ушелъ изъ подъ Алексина, то послалъ многихъ своихъ людей забирать оставшихъ и «плѣну Христіанскаго ради»; когда же пришла вѣсть, что Царь дошелъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ оставилъ своихъ женъ, то Великій Князь распустилъ свои войска по домамъ.

Это нашествіе Ахмата было въ концѣ Іюля и началѣ Августа, 1472 года, а въ Февралѣ слѣдующаго года, въ договорной грамотѣ Ивана Васильевича съ своимъ братомъ, Борисомъ, въ числѣ условій о выходѣ Татарамъ встрѣчаемъ выраженіе, указывающее на то, что этотъ выходъ платили не въ одну Орду, какъ прежде, а въ «Орды». ⁷⁹ Обстоятельства натолкнули на то, что Иванъ Васильевичъ завелъ сношенія съ другою Ордой, кромѣ Золотой, съ Крымской, которая съ этого времени начинаетъ играть важную роль въ нашей исторіи.

Помѣстившись на Крымскомъ полуостровѣ, часть Степняковъ нашла себѣ, въ географическомъ отношеніи, самое выгодное мѣсто и крайне опасное для Европейскихъ сосѣдей. При всей способности Степняковъ истреблять самихъ себя, Крымская Орда всегда пополнялась тѣми Татарами, которые оставались безъ предводителей въ стѣняхъ: они или сами заходили на полуостровъ, или ихъ туда загоняли Крымскіе Царевичи. Изъ Крыма, какъ съ острова, Татары выплывали въ море степей и направлялись или на Литовскую и Польскую Украины, или къ Московскому

⁷⁹ С. Г. Г и Д. т. I, № 97.

Берегу. Переплыть это море степей для Восточныхъ Европейцевъ было несравненно труднѣе, чѣмъ Западнымъ Средиземное. На Востокѣ возможность сдѣлать это дѣло съ успѣхомъ представилась только въ XVIII столѣтїи, а до этого времени истребить Крымцевъ не было возможности. Даже обыкновенное средство, выставлять Степняковъ противъ Степняковъ, могло быть только временнымъ облегченіемъ, по тому что если бы Крымская Орда и была побѣждена, то побѣдители придуть на насиженное мѣсто и, такимъ образомъ, могли замѣняться одни варвары другими.

До времени Юанна III Крымская Орда основалась не задолго, а современникъ его, Ханъ Менли-Гирей, былъ представителемъ вражды Крымской Орды къ Золотой. И вотъ Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ войти въ сношенія съ Менгли-Гиреемъ, хотя сношенія и съ Ахматомъ не прерывались.

II.

Изъ записанныхъ сношеній Москвы съ Крымомъ мы узнаемъ, что Менгли-Гирей находился въ довольно дружественныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ: онъ, занявши мѣсто отца въ Крыму, далъ ярлыкъ Казимиру и пожаловалъ его владѣніями Русскими.⁸⁰ Опасность отъ вѣдшихъ враговъ заставила Менгли-Гирея вступить въ дружбу и съ Москвою, и при этомъ спустить съ себя спеси въ отношеніи къ Московскому Великому Князю. Въ началѣ 1474 года прїѣхалъ отъ Менгли-Гирея въ Москву посоль, Ази-Баба, который объявилъ, что Царь пожаловалъ Великаго Князя братомъ и другомъ, сталъ его держать и принялъ въ такое же братство, какъ и Короля, чтобъ быть имъ другу другомъ, а недругу недругомъ. При этомъ посоль объявилъ, что Царь дозволилъ послу Великаго Князя, когда тотъ прїѣдетъ въ Крымъ, ити прямо къ Царю. 31 Марта Ази-Баба поѣхалъ въ Крымъ; съ нимъ отправился Московскій посоль, Никита Васильевичъ Беклемишевъ, «бить челомъ Царю за пожалованіе» и просить у Царя ярлыка, въ которомъ бы ясно было написано это пожалованіе. При писаніи ярлыка Беклемишевъ долженъ былъ просить, чтобы дали ярлыкъ по образцовому списку, присланному съ нимъ изъ Москвы, и если къ Ко-

⁸⁰ Ак. Зап. Рос. т. 2, № 6.

ролю Царь пишетъ, что онъ его жалуетъ ярлыкомъ, то Беклемишеву при писаніи ярлыка «за пожалованіе» не стоять. Если Царь захочетъ написать въ ярлыкѣ, чтобы Великій Князь былъ съ нимъ за одинъ на его недруга, Ахмата, и если пойдетъ Ахматъ на него, то Великому Князю пустить на Орду своихъ Царевичей; въ этомъ случаѣ Беклемишеву отъ упоминанія имени Ахмата въ ярлыкѣ отговариваться и говорить, что въ ярлыкѣ уже написано, что быть другу другомъ, а не недругу недругомъ; если Беклемишевъ этого не отговоритъ, то написать въ ярлыкѣ и то, что если Ахматъ пойдетъ на Великаго Князя, то Менгли-Гирею ити на Ахмата, да такъ же быть Менгли-Гирею за одинъ на недруга Великаго Князя, на Короля, и если Король пойдетъ на Великаго Князя, то Менгли-Гирею ити на Королеву землю. Изъ этого наказа видно, что Московскій посоль только при сильномъ упорствѣ Крымцевъ долженъ былъ согласиться на упоминаніе въ ярлыкѣ имени Ахмата, какъ врага. При этомъ Беклемишеву было наказано, что если Царь потребуетъ, чтобы Великій Князь не посылалъ своихъ пословъ къ Ахмату, то говорить на это: «Государя моего отчина на одномъ полѣ съ нимъ, и кочуетъ онъ (Ахматъ) подлѣ отчины моего Государя, такъ немочно тому быть, чтобы между ихъ посламъ не ходить.»

Объ успѣхѣ посольства Беклемишева ⁸¹ можно узнать изъ наказа послу, отправившемуся въ Крымъ изъ Москвы послѣ возвращенія Беклемишева. Въ то время, какъ Беклемишевъ былъ въ Крыму, въ это время, въ первой половинѣ Іюля мѣсяца, было въ Москвѣ посольство изъ Золотой Орды, откуда пришелъ Никита

⁸¹ Съ Беклемишевымъ было послано нѣсколько образцовыхъ ярлыковъ, и по какому изъ нихъ далъ свой ярлыкъ Менгли-Гирей, утвердительно сказать нельзя, но тому что нѣтъ отвѣта на посольство Беклемишева. Въ С. Г. Г. и Д. т. 5 (этотъ томъ хотя не пущенъ въ продажу, но на него ссылаются, слѣдовательно, даютъ значеніе), подъ № 1 напечатанъ ярлыкъ 1474 года: это одинъ изъ образцовыхъ ярлыковъ. Какъ подлинный, онъ напечатанъ, изъ наказа послу, у Карамзина, т. 6, прим. 124. То же должно сказать о большинствѣ ярлыковъ, напечатанныхъ въ 5 т. С. Г. Г. и Д., т. е., что напечатаны проекты, а не подлинники, и по этому ссылки на нихъ (въ Ист. Рос. т. 5, прим. 126; у Вельяминова-Зернова въ Исслѣдованіи о Касимовскихъ Царяхъ, ч. 1, прим. 39, и у другихъ) не совсѣмъ основательны. О сношеніяхъ Россіи съ Крымомъ въ Великокняженіе Ивана III есть статья Г-на Калугина, напечатанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1855

Басенокъ съ посломъ Ахмата, Кара-Кучумомъ; съ ними пришло множество Татаръ, составлявшихъ свиту посла, какъ говорятъ, до шести сотъ человекъ, которыхъ кормили, да такъ же множество Ордынскихъ купцовъ. Объ какихъ собственно дѣлахъ пересылался Великій Князь съ Ахматомъ, не извѣстно. Въ Ноябрь возвратился Беклемишевъ отъ Менгли-Гирея съ его посломъ, Довлетекъ Мурзою, который объявилъ, что Менгли-Гирей принялъ Великаго Князя въ братство и любовь, на дѣтей и внучатъ, быть другу другомъ, а недругу недругомъ. Довлетекъ Мурза пробылъ въ Москвѣ до Марта мѣсяца слѣдующаго 1475 года, когда Великій Князь его отпустилъ къ Царю, вмѣстѣ съ своимъ посломъ, Алексѣемъ Старковымъ, изъ наказа которому мы узнаемъ о подробномъ содержаніи отвѣта Менгли-Гирея на посольство Беклемишева, и отвѣтъ Великаго Князя Довлетекъ Мурзѣ. Если Царь предложитъ вопросъ: «Я приказывалъ своему брату, чтобы онъ былъ со мною за одинъ на Царя Ахмата, и для этого пустилъ бы на него своихъ Царевичей, а братъ мой мнѣ на то правды не далъ;» Старковъ долженъ былъ на это отвѣчать: «Братъ твой билъ тебѣ челомъ, и ты пожаловалъ быть вездѣ за одинъ, безъ выговора, на всякаго недруга; мой же Государь выговаривалъ имя своего недруга, Короля; а ты вольный человекъ, не хочешь на него помогать и говоришь, что Король еще съ твоимъ отцомъ былъ въ братствѣ, да такъ же и съ тобою теперь, и ты этого братства не хочешь нарушать; но тебѣ также вѣдомо, вольному человеку, что отцы и дѣды моего Государя посылали своихъ пословъ къ Ордынскимъ Царямъ, и по этому мой Государь и теперь ихъ посылаетъ къ Ахмату; такъ ты бы пожаловалъ моего Государя, не помогалъ на него Королю.» Если же Менгли-Гирей скажетъ: «Я не помогаю ему на Короля, по тому что Король мнѣ братъ, и такъ же Королю не помогаю на Великаго Князя, по тому что и онъ мнѣ братъ;» въ такомъ случаѣ Старковъ долженъ просить Менгли-Гирея, чтобы онъ объ этомъ Великому Князю отказалъ съ своими послами. Наконецъ Старкову было наказано, что если Менгли-Гирей твердо будетъ требовать, чтобы Иванъ Васильевичъ непременно посылалъ Царевичей на Ахмата, и въ противномъ слу-

---

года, въ №№ 106—109. Для своей статьи Г-нъ Калугинъ, какъ и Полевой (въ Исторіи Русскаго народа), не пользовался подлинными Архивскими дѣлами.

чаѣ будетъ грозить разорвать шерть, то Старкову говорить, что Великій Князь будетъ посылать Царевичей на Ахмата, только бы и Менгли-Гирей былъ съ нимъ за одинъ на недруга Великаго Князя, на Короля, и далъ бы объ этомъ ярлыкъ.⁸²

Этѣ сношенія съ Крымомъ если принесли пользу, то только въ будущемъ времени, а послѣ посольства Старкова они прекратились, по тому что въ томъ же 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками. Менгли-Гирей при этомъ попалъ въ плѣнъ, потомъ былъ восстановленъ Турками на Крымскомъ престолѣ, но Ахматъ въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, послалъ своего сына на Крымъ, и взялъ всю Орду Крымскую, а Менгли-Гирей согналъ,⁸³ и въ то же время въ Москву пришелъ отъ него посоль, зова Великаго Князя въ Орду къ Царю. Ахматовъ посоль пробылъ въ Москвѣ почти два мѣсяца (пріѣхалъ 11 Юля и уѣхалъ 6 Сентября), и поѣхалъ въ Орду съ Московскимъ посломъ, Бестужевымъ. Великій же Князь не исполнилъ требованія Царя, не явился самъ въ Орду, а занялся Новгородскими дѣлами. Содержанія дальнѣйшихъ сношеній съ Ахматомъ мы не знаемъ, но они продолжались. Въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ управлялся съ Новгородомъ, то его дѣла тамъ разнообразно отражались въ отношеніяхъ къ Степнякамъ, и такъ же обратно; такъ, когда Иванъ Васильевичъ, въ 1478 году, привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю, и еще онъ находился въ Новгородѣ, то къ Казанскому Царю пришла ложная вѣсть, что Великаго Князя Новгородцы побили, онъ бѣжалъ раненый и только самъ четверть. Въ слѣдствіе этой вѣсти Казанскій Царь послалъ свою рать на Вятку, но когда пришли справедливыя извѣстія о Новгородскихъ дѣлахъ, то Царь велѣлъ воротиться рати. Пріѣхавъ въ Москву изъ Новгорода, Иванъ Васильевичъ въ ту же весну отправилъ свою рать на Казань, но Казанскій Царь прислалъ съ челобитьемъ къ Великому Князю, который его и пожаловалъ, взявъ съ нимъ миръ на всей своей волѣ. Но

⁸² Дѣла Крымскія № 1: Посольства Беклемишева и Старкова.

⁸³ О смѣнахъ Хановъ въ Крыму въ это и послѣдующее за тѣмъ время, до окончательнаго утвержденія Менгли-Гирея на Крымскомъ престолѣ, см. Изслѣдованіе по Восточнымъ и Европейскимъ источникамъ у Вельяминова Зернова: Изслѣдованіе о Касимовскихъ Царяхъ гл. III. Нуръ-Даулетъ.

еще въ то время, когда отправлялся Иванъ Васильевичъ въ Новгородъ, онъ послалъ къ Крымскому Хану, Зенебеку, посаженнику Ахматову, съ предложеніемъ быть ему съ Великимъ Княземъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ былъ послѣдній съ Менгли-Гиреємъ. Но заводить сношенія съ Зенебекомъ было бесполезно, по тому что въ 1479 году уѣлся въ Крымъ опять Менгли-Гирей, а Зенебекъ бѣжалъ къ Московскому Государю. Менгли-Гирей, уѣвши въ Крымъ, отправилъ грамоты въ Москву. Въ какомъ положеніи были Крымскія дѣла и объ чемъ теперь заботился Менгли-Гирей, мы узнаемъ изъ отвѣта на этѣ грамоты Ивана Васильевича. Онъ отправилъ въ отвѣтъ на грамоты посла своего, Бѣлаго; ему было наказано: если онъ на дорогѣ узнаетъ, что Ханъ въ Крымѣ опять перемѣнился, то долженъ вернуться въ Москву. Содержаніе рѣчей было слѣдующее: «Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка съ извѣстіемъ, что сѣлъ на мѣстѣ своего отца, и писалъ ты, что я твоего недруга, Царя Зенебека, къ себѣ принялъ, то я его для тебя принялъ, держу его у себя, и тѣмъ своей землѣ истому дѣлаю, и все то для тебя; а что писалъ ты, что если съ тобой случится невремя (несчастіе), то мнѣ принять тебя и твою истому поднять, я на это всегда готовъ.» Представляя поминки, Бѣлой долженъ былъ говорить Царю, чтобы онъ не сердился на легкіе поминки, по тому что тяжелые истомно полемъ везти, а черезъ Литву нѣтъ пути. На вопросъ Царя, по чему черезъ Литву нѣтъ пути, Бѣлой долженъ былъ отвѣчать, что тамъ стерегутъ всякаго, ѣдущаго къ Царю отъ Великаго Князя и отъ Царя къ Великому Князю. Изъ этого наказа можно видѣть, какую цѣну давали въ Москвѣ значенію Менгли-Гирея. Въ тотъ же 1479 годъ, когда Бѣлый былъ въ Крымѣ и Иванъ Васильевичъ отправился смирять покоренный Новгородъ, пріѣхали къ нему служить два бывшіе Крымскихъ Царя, братья Менгли-Гирея, Нуръ-Даулетъ, съ сыномъ и братомъ Айдаромъ. Они были передъ этѣмъ въ Литвѣ, теперь же пріѣхали въ Москву, гдѣ ихъ приняли. И объ этомъ, какъ о Зенебекѣ, было извѣщено въ Крымѣ. Въ какомъ положеніи находились отношенія къ Степнякамъ въ то время, когда Иванъ Васильевичъ употребилъ ужасъ для смиренія Новгорода, служить для объясненія наказъ Князю Ивану Звѣнцу, отправившемуся въ Крымъ, по возвращеніи Бѣлаго оттуда, а Великаго Князя изъ Новгорода, 16 Апрѣля, 1480 года. Изъ наказа Князю Звѣнцу мы узнаемъ,

во первыхъ, отвѣтъ Менгли-Гирея на посольство Бѣлаго. Звѣнецъ долженъ былъ говорить Царю: «Ты приказывалъ, чтобы я на твоего недруга, на Царя Ахмата, былъ съ тобою за одинъ, и если онъ пойдетъ на тебя, и миѣ на него отпустить своихъ Царевичей, а пойдетъ онъ на меня, то тебѣ сѣсти на конь и на него пойти, или отпустить на него своего брата, и я съ тобою на Ахмата Царя одинъ человекъ. Да такъ же ты былъ бы на нашего общаго недруга, на Короля, со мною за одинъ, и пожаловалъ бы; на томъ крѣпкое слово молвилъ и далъ новый ярлыкъ.» Объ этомъ послѣднемъ Князь Звѣнецъ долженъ былъ говорить «на крѣпко.» Въ доказательство того, что Король недругъ Менгли-Гирею, Князь Звѣнецъ долженъ былъ говорить: «Король взялъ къ себѣ твою братью, и держитъ ее у себя на твое лихо.» Но какъ вполнѣ неопредѣленны были отношенія Москвы къ Ахмату, служить слѣдующая часть наказа: «Если Царь будетъ говорить, чтобы Великій Князь не посылалъ пословъ въ Орду, то отвѣчать, что и прежде было уже говорено, т. е., нельзя не пересылаться, такъ какъ отчина Государя съ Ахматовой Ордой на одномъ полѣ; но если Царь будетъ стоять на своемъ, то Князю Звѣнцу за свой отвѣтъ крѣпко не держаться (не иматися). Потомъ если будетъ въ Крымѣ вѣсть, что Царь Ахматъ на сей сторонѣ Волги и кочуетъ подъ Русь, тогда говорить Менгли-Гирею, чтобы онъ, по своему слову, пошелъ бы самъ на Ахмата, или послалъ брата. Да объ этомъ дѣлѣ тогда говорить всѣмъ вельможамъ, и если Царь не захочетъ ити на Ахмата, то пусть бы шелъ на Литовскую землю, или брата своего туда отпустилъ. А будетъ Ахматъ за Волгою, то объ этомъ не говорить.

Таково было состояніе степныхъ дѣлъ къ веснѣ 1480 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Въ Золотой Ордѣ, какъ видно, боролись два вліянія, Московское и Литовское. Но для полноты объясненія отношеній къ Крыму здѣсь слѣдуетъ сказать, что такъ какъ прежде Менгли-Гирей просилъ, въ случаѣ несчастія, убѣжища въ Московскихъ владѣніяхъ, то теперь Князь Звѣнецъ привезъ Менгли-Гирею опасную грамоту о томъ, что въ несчастіи Царь можетъ добровольно пріѣхать въ Москву и добровольно отъѣхать. Князь Звѣнецъ долженъ былъ объявить при этомъ, что на ней Великой Князь крестъ цѣловалъ: у Христіанъ больше этой клятвы нѣтъ, и

что Великому Князю нельзя давать такой клятвы, какой требовалъ Царь, а именно, что если Великій Князь не исполнить обѣщанія, то⁸⁴ быть ему убиту.

Такимъ образомъ все зависѣло отъ того, что случится въ отношеніяхъ Великаго Князя къ Ахмату, и возлагалась вся надежда на талантъ Князя Звѣнца; что онъ сдѣлалъ, увидимъ ниже, теперь же обратимся къ Золотой Ордѣ.

III

Въ 1517 году, 9 Ноября, на слова Литовскихъ пословъ Московскимъ Боярамъ, что они говорятъ о неисправленьяхъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ только за угломъ (потому что посламъ Бояре неисправленій еще не говорили, а говорили Императорскому послу, Гербернштейну), а если бы сказали, то они на то и отвѣтъ дали, — тогда Бояре стали пересчитывать неисправленья Королей и начали такъ:.... «Не только Жигимондъ, но и его предки, никогда не правили по dokonчанью: еще Король Казимиръ былъ въ dokonчанѣ съ Великимъ Княземъ, Василюемъ Васильевичемъ, и было постановлено, что если надъ кѣмъ изъ нихъ Божья воля станется, то быть въ dokonчанѣ съ дѣтьми, и воля Божья сталась надъ Великимъ Княземъ, Василюемъ Васильевичемъ, и Великій Князь, Иванъ Васильевичъ, послалъ къ Королю Казимиру пословъ, чтобы учинился онъ съ нимъ въ любви, какъ былъ съ отцомъ его, и Король Казимиръ, не хотя dokonчанье правити, началъ подъ Государемъ подыскиваться, и учалъ безерменство наводить и къ Ордынскому Царю Ахмату посылать, и навелъ его на землю Государя, и приходилъ Ахматъ подъ Угру, и въ вожахъ у него были Королевы люди, Сова Карповъ и иные люди, и Государя нашего Богъ миловалъ, — и иныхъ много дѣлъ было Государю нашему отъ Казимира....»⁸⁵ Этѣхъ иныхъ дѣлъ Бояре не сказали, а указали на главное. Что же отвѣчали послы Литовскіе на такое обвиненіе? Намъ извѣстно только, что при этѣхъ переговорахъ было много рѣчей.

⁸⁴ Дѣла Крымскіе № 1: Посольства означенныхъ въ текстѣ пословъ.

⁸⁵ Литов. Метр. № 2, л. 20 и 21.

Объ нашествіи Ахмата подѣ Угру существуютъ въ нашихъ лѣтописяхъ два разсказа: одинъ съ офиціалнымъ характеромъ (этотъ разсказъ мы можемъ видѣть, на примѣръ, въ Никоновской лѣтописи подѣ 6988 и 89 годами), другой же враждебный къ Ивану III. Здѣсь нужно замѣтить, что можетъ быть разсказъ враждебнаго лѣтописца къ Ивану III дошелъ до насъ не въ первоначальной чистотѣ; въ лучшей формѣ этотъ разсказъ мы можемъ видѣть вставленнымъ въ Софійскую лѣтопись, а въ другихъ лѣтописяхъ, которыя если и имѣли разсказъ, не подвергшійся многимъ перепискамъ, то тонъ и даже подробности его подверглись игръ воображенія составителей лѣтописей. Такъ же можетъ быть, что составители лѣтописи, когда брали въ основу разсказъ съ офиціальныхъ характеромъ, все таки подверглись вліянію талантливаго враждебнаго лѣтописца. Отвергать положительно подробности разсказа враждебнаго лѣтописца нельзя, по тому что сочинитель его, хотя и дѣлаетъ ошибки, но, какъ видно, былъ человѣкъ, вообще хорошо знакомый съ дѣломъ.

Послѣ отъѣзда въ Крымъ посломъ Князя Ивана Звѣнца (16 Апрѣля, 1480 г.); пришла вѣсть къ Великому Князю, что безбожный Царь Ахматъ Большіе Орды идетъ на Православное Христіанство, на Русь, похваляясь Христіанство разорить, а Великаго Князя плѣнить, какъ было при Батыйѣ. Царь Ахматъ уже слышалъ, что братья отъ Великаго Князя отступили, при томъ онъ соединился съ Королемъ, съ которымъ условился, что ему ити на Великаго Князя полемъ, а тому отъ себя. Причина нашествія Ахмата была та, что Великій Князь ему выхода не платилъ. Съ Царемъ была вся Орда,—безчисленное множество Татаръ; онъ шелъ тихо вельми, ожидая Короля, такъ какъ когда онъ пошелъ, то отправилъ къ союзнику его пословъ и съ ними своего. Съ весны Великій Князь началъ отнускать своихъ Воеводъ на Берегъ, туда же на Берегъ въ Тарусу пошелъ и Князь Андрей Меньшой; 8-го Юня былъ отпущенъ на Берегъ въ Серпуховъ, со многими Воеводами, сынъ Великаго Князя, Великій Князь Иванъ Ивановичъ. Когда Иванъ Васильевичъ получилъ вѣсть, что Царь приближается къ Дону, то вышелъ и самъ на Берегъ въ Коломну. Это было уже 23 Юля, и здѣсь Великій Князь стоялъ до конца Сентября. Такимъ образомъ Берегъ былъ защищенъ и Татарамъ некуда было

высадиться изъ степей. Узнавши все это, Царь рѣшился, черезъ Литовскія владѣнія, обойти Оку и, переправившись черезъ Угру, вторгнуться въ Московскія владѣнія. Узнавши все это, Великій Князь велѣлъ своему сыну, Ивану Ивановичу, и брату, Андрею Меньшому, одному изъ Серпухова, а другому изъ Тарусы, ити къ Калугѣ и встать на берегу Угры. Къ Октябрю мѣсяцу Татары, ведомы Литовскими вожаками мимо Мценска, Любутска и Одоева, перешедши черезъ Оку, подошли къ Воротынску и встали на берегу Угры; но здѣсь броды и перевозы были уже заняты Москвичами.

Прежде, когда Ахматъ приходилъ подъ Алексинъ, то дѣло кончилось скоро: его отбили отъ Берегу. Теперь нашествіе очень долго приготавливалось: Ахматъ шелъ тихо и все поджидалъ помощи отъ Короля, который не думалъ ему помогать, «понеже быша ему свои усобицы,» и онъ уже отказалъ въ помощи братьямъ Великаго Князя, а Иванъ Васильевичъ предоставилъ имъ свободно бродить по Новгородскимъ областямъ, зная, что отсюда его враги не получаютъ уже ни какой помощи. Стоя съ войскомъ слишкомъ два мѣсяца въ Коломнѣ, Иванъ Васильевичъ получалъ все вѣсти о движеніяхъ Ахмата. Изъ словъ враждебнаго къ Ивану III лѣтописца можно заключить, что въ Коломнѣ Великій Князь и Бояре разсуждали объ образѣ обхожденія съ Татарами. Два Боярина, Ощера и Мамоновъ, были такихъ мнѣній, что за нихъ враждебный лѣтописецъ не знаетъ, какой брани прибратъ; такъ объ одномъ замѣтилъ, что Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій (надо помнить, что Можайскій былъ врагъ отца Ивана III) его мать за волшебство сжегъ, а вообще ихъ называетъ «богатыми, брюхатыми, сребролюбцами, предателями Христіанства, понаровниками Бусурманъ.» Между тѣмъ мы должны замѣтить, что этѣ Бояре и ихъ дѣти были людьми довольно образованными, по тогдашнему времени; потому что они являлись лучшими дипломатами по степнымъ дѣламъ и въ Крымскихъ Статейныхъ спискахъ дошли до насъ записки объ ихъ посольствахъ, совершенно оправдывающіе ихъ отъ даннаго имъ названія измѣнниковъ. Обхожденіе съ Татарами, котораго совѣтовали придерживаться Ощера и Мамоновъ, послѣ постоянно держались, и покой Московскихъ границъ отъ степи, за время Ивана III, свѣдѣтельствуеть въ ихъ защиту. Изъ

словъ лѣтописца можно понять, что Ощера и Мамоновъ говорили Ивану Васильевичу, что нужно отправить къ Ахмату посла съ поминками, побольше тѣхъ, которые далъ Король, и тогда Ахматъ навѣрно повернетъ во свояси; въ подтвержденіе этого мнѣнія они могли указывать на то, что Ахматъ идетъ «тихо вельми.» Но враждебный лѣтописецъ записалъ о Боярахъ слѣдующее: они напомнили Великому Князю бой подъ Суздалемъ, и что на немъ Великій Князь Василій попался Татарамъ въ плѣнъ, и тамъ подвергся побоямъ; а когда приходилъ Тохтамышъ, то Дмитрій Донской бѣжалъ на Кострому, а не бился съ Царемъ; Бояре говорили, что «отъ прародителей Великаго Князя есть завѣтъ не поднимать рукъ на Царя, и кончали свои убѣжденія слѣдующими словами: «побѣги и не смѣй стать съ Царемъ на бой!» Нужно замѣтить, что въ этомъ рассказѣ лѣтописи потомству подана жалоба не на Бояръ, а на Донского, когда онъ самъ сталъ управлять Великимъ Княженіемъ, и вообще на весь «кровошійственный родъ,» а главное на челоуѣка, который, повинувъ мысли и думѣ этѣхъ Бояръ, оставилъ войско у Оки на берегу, городокъ Каширу самъ велѣлъ сжечь и побѣжалъ въ Москву. Но оказывается, что дѣло было проще: Иванъ Васильевичъ приказалъ войску ити на Угру къ сыну, у котораго былъ Воевода Князь Данило Холмскій; самъ же, не считая нужнымъ сопровождать войско отъ Коломны до Калуги, 30-го Сентября поѣхалъ въ Москву. Сюда явился Великій Князь для того, чтобы посоветоваться съ Митрополитомъ, своею матерью, Княземъ Михайломъ Андреевичемъ Верейскимъ и со всѣми Боярами, и, кромѣ того, сдѣлать многія распоряженія, объ которыхъ и враждебный лѣтописецъ тоже упоминаетъ: Дмитровцевъ перевелъ въ осаду въ Перелславль, и что потомъ въ это время прислали къ Великому Князю бунтующіе его братья съ предложеніемъ помощи и будто бы говорили такъ: «Мы придемъ къ тебѣ на помощь, если ты къ намъ исправишься и силы надъ нами не будешь чинить,» и Великій Князь «отдался во всю волю своихъ братьевъ.» А съ офиціальнымъ характеромъ рассказъ говоритъ, что братья Великаго Князя прислали о мирѣ, и онъ ихъ «пожаловалъ по печалованью матери,⁸⁶ и пр. Далѣе враждебный лѣтописецъ говоритъ, что когда Великій Князь вѣзжалъ изъ Ко-

⁸⁶ См. выше стр. 5—7.

ломны въ Москву, то горожане, перебивавшіеся въ осаду изъ посадовъ въ городъ, начали упрекать бѣгущаго Государя, что онъ во время мира дурно управляетъ Государствомъ, а теперь выдаетъ подданныхъ Татарамъ, по тому что не платитъ Царю выхода (выходъ, какъ извѣстно, былъ въ числѣ податей, и потому народъ будто бы упрекалъ Великаго Князя въ такомъ тонѣ, что онъ этотъ выходъ не отдаетъ Царю, а оставляетъ себѣ). Когда же Иванъ Васильевичъ вѣхалъ въ городъ, то Владыка Ростовскій началъ называть его въ глаза бѣгуномъ. Все это повело къ тому, что Иванъ Васильевичъ, зная ропоть гражданъ, опасался жить въ городѣ, въ своемъ дворѣ, и помѣстился въ Красномъ Сельцѣ, и оттуда послалъ къ сыну грамоты, чтобъ ѣхалъ онъ въ Москву; тотъ же не поѣхалъ отъ Берега: мужество показалъ, брань принялъ отъ отца и не выдалъ Христіанство; тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ Князю Холмскому приказъ схватить сына и привести въ Москву, но и Князь Данило того не совершилъ.

Здѣсь мы должны замѣтить, что извѣстная партія должна была съ сочувствіемъ говорить о знаменитомъ Князѣ Холмскомъ и о Великомъ Князѣ Иванѣ Ивановичѣ. Такъ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Князь Данило первый изъ Князей принужденъ былъ дать о службѣ клятвенную запись, по которой, за неисполненіе обязательствъ, Государь воленъ его казнить,⁸⁷ и въ то же время извѣстно намъ, что за хлопоты о сынѣ Ивана Ивановича Ряполовскій потерялъ голову, а Патрикѣевы были пострижены въ монахи. Кромѣ этого, оказывается, что враждебный лѣтописецъ не совсѣмъ вѣрно передаетъ не только извѣстный тонъ событій, но и самыя событія; такъ, онъ рассказываетъ, что Великій Князь жилъ въ Красномъ Сельцѣ двѣ недѣли, и его едва умолили возвратиться къ войску. Но по самому посланію Владыки Вассіана на Угру видно, что въ Москвѣ было молебствіе о дарованіи побѣды надъ Невѣрными, и что Великій Князь обѣщалъ духовенству крѣпко стоять за Христіанство и льстивыхъ людей не слушать, а объ особенныхъ умоленіяхъ ничего не сказано; потомъ срокъ пребыванія въ Красномъ Сельцѣ, двѣ

⁸⁷ См. выше стр. 37.

недѣли, невѣрнѣ; по разсказу съ офиціальнымъ характеромъ оказывается, что Иванъ Васильевичъ пробылъ въ Москвѣ съ 30 Сентября по 3 Октября; что въ этомъ разсказѣ не ошибка, то это можно видѣть далѣе, что 9 Октября, когда то же не вышло двухъ недѣль съ 30 Сентября, совершилось чудо: у гроба Митрополита Петра загорѣлась сама свѣча, и ее отправили съ посломъ къ Великому Князю на Угру.

Такъ, или иначе, на Угрѣ происходило слѣдующее: когда Ахмать подошелъ къ Угрѣ, то увидалъ, что все войско Великаго Князя тутъ стоитъ. Татары остановились на противоположной сторонѣ и стали думать, какъ перейти рѣку; они подошли къ берегу и начали стрѣлять, но Русскіе отвѣчали такъ же стрѣльбою изъ луковъ и пищалей; многихъ убили и не дали Татарамъ переправиться на свой берегъ. Рѣка раздѣляла враговъ; въ это время пріѣхалъ къ войску Иванъ Васильевичъ и остановился въ Кременцѣ; въ это же время пришли на Угру Князя Андрей Большой и Борисъ. Къ разсказу объ этѣхъ событіяхъ враждебный лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующія подробности: Иванъ Васильевичъ, не обращая вниманія на то, что толковалъ ему въ Москвѣ Владыка Вассіанъ, послалъ къ Царю Товаркова съ челобитьемъ и дарами, прося жалованья, чтобъ отступилъ прочь, а улуса своего не воевалъ. Царь отвѣчалъ: «Жалую его добрѣ, чтобы самъ пріѣхалъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили.» Но Князь Великій опасался ѣхать, подозрѣвая Цареву измѣну и злаго его помысла боялся. Это извѣстіе можно заподозрить: Ивану Васильевичу нечего было бояться, онъ просто не поѣхалъ, и дальнѣйшія слова того же лѣтописца объясняютъ, что если были заведены этѣ переговоры съ Царемъ, то Иванъ Васильевичъ зналъ, съ кѣмъ имѣло дѣло. Царь, слыша, что Великій Князь не хочетъ ѣхать, послалъ къ нему сказать: «Самъ не хочешь ѣхать, то пришли сына, или брата;» Князь же Великій сего не сотворилъ; тогда Царь опять прислалъ сказать: «Сына и брата не шлешь, то пришли Никифора Басенкова.» Никифоръ прежде былъ въ Ордѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ, и много алафу Татарамъ давалъ отъ себя, и за то былъ любимъ Царемъ и его Князьями. Но Князь Великій и Басенкова не послалъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этѣхъ переговорахъ, то Владыка Вассіанъ написалъ длинное посланіе къ Ивану

Васильевичу, упрекая его, за чѣмъ онъ опять слушаетъ тѣхъ людей, которыхъ не слушать обѣщался, а по примѣру бы Донского при Мамаѣ и другихъ знаменитыхъ предковъ, какъ на примѣръ, Владимира Мономаха, вступилъ бы въ бой съ Невѣрными. Говорятъ, Иванъ Васильевичъ исполнился веселія, мужества и крѣпости послѣ прочтенія этого письма, но въ бой съ Невѣрными все таки не вступилъ, а тѣ, не перепускаемые черезъ рѣку, злились и кричали Русскимъ: «Дастъ Богъ на васъ зиму, то много будетъ дорогъ на Русь.» Зима наконецъ пришла, рѣки стали, начались морозы великіе, такъ что трудно было смотрѣть. Великій Князь приказалъ отступить войску къ Кременцу; Татары же, которые были наги, босы и ободрались, 11-го Ноября побѣжали черезъ Литовскія владѣнія въ степи. Черезъ два дня послѣ этого бѣгства, о которомъ можетъ быть въ Москвѣ и не знали, Русское духовенство приготовило соборное посланіе къ Великому Князю, благословляя его на битву съ Невѣрными. Въ посланіи нѣтъ ни какихъ намековъ на обстоятельства, о которыхъ такъ много говорится въ посланіи Вассіяна.⁸⁸

Нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, при описаніи этого происшествія поразило то, что Орда и Русскіе будто бы одновременно бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимые.⁸⁹ Но насъ больше занимаетъ, что такое за враждебный рассказъ къ Ивану III? Въ немъ все сочувствіе обращено ко всѣмъ Русскимъ, исключая только Ивана III, нѣкоторыхъ его Боярѣ и его жены, «Римлянки,» которая, какъ извѣстно, какова бы она ни была, но къ нестроению извѣстной партіи пришла, и теперь объ ней лѣтописецъ говоритъ, что она съ казною Великаго Князя «бѣгала» на Бѣлоозеро, а не хотѣла поступить такъ, какъ сдѣлала мать Великаго Князя, которая «изволила сидѣть въ осадѣ.» Всѣ выраженія, для произведенія, извѣстнаго впечатлѣнія на читателя, подобраны лѣтописцемъ, авторитеты самыя уважительныя въ Россіи выставлены въ укоръ Ивану III, а посланіе Владыки Вассіяна, если только оно не поддѣлка, давало опору написать рассказъ о

⁸⁸ Ак. Ист. т. 1, № 90.

⁸⁹ О времени бѣгства Татаръ отъ Угры см. Ист. Р. т. 5, стр. 113—114.

нашествіи Ахмата и подшутить надъ Иваномъ III такъ, чтобы потомки не очень-то благоговѣли предъ первымъ Русскимъ Государемъ, который даже мужества не имѣлъ и былъ до того слабъ, что на него, сорокалѣтняго, могли навести ужасъ рассказы о плѣнѣ отца у Татаръ и т. д. Но странно только то, что можно было навести ужасъ рассказами на человѣка (притомъ человѣка XV вѣка), который имѣлъ такіе крѣпкіе нервы, что въ началѣ этого же года въ Новгородѣ, въ теченіи одного мѣсяца, десятками казнилъ, сотнями пыталъ и десятками тысячъ отправлялъ въ ссылку. Самое нашествіе Ахмата подъ Угру имѣетъ немного болѣе важное значеніе, чѣмъ нашествіе его же подъ Алексинъ и, кажется, въ слѣдствіе этого лѣтописнаго рассказа и посланія Вассіана, ему придали особенное значеніе. Писалъ этотъ рассказъ человѣкъ очень образованный и вставилъ его въ лѣтопись очень ловко, хотя и можетъ броситься въ глаза то, что офиціальный рассказъ сокращенъ и находится передъ посланіемъ Вассіана; въ немъ уже рассказано, что Иванъ Васильевичъ находится въ Кременцѣ, а потомъ слѣдуетъ посланіе, и послѣ него вдругъ начинаются подробности о томъ, какъ Иванъ Васильевичъ вѣзжалъ въ Москву и т. д. Этотъ рассказъ могъ написать не только человѣкъ, начитанный и образованный, но такой, который могъ своими глазами видѣть Государей и многихъ Грековъ и Славянъ, которые, сохраняя свои имѣнія, но, не имѣя мужества, потеряли отечество и, поругаемые, скитаются по чужимъ странамъ. Завоеванія, которыя Иванъ III дѣлалъ, были совершены съ помощію дружины, во главѣ которой стояли Князья и Бояре; они въ года опасности отечества не выдали своего Государя; но когда Государственный порядокъ коснулся и интересовъ Князей, то въ это время, въ минуту раздумья, они захотѣли взять себѣ всю славу знаменитыхъ дѣлъ и указать потомству, что руководитель народа не такъ былъ великъ, какъ можно судить по дѣламъ, случившимся при немъ.

Карамзинъ, описывая нашествіе Ахмата подъ Угру и подавшись вліянію рассказа враждебнаго лѣтописца, но въ то же время желая спасти славу своего героя, говоритъ, что Иванъ Васильевичъ, помня, что было съ Донскимъ при Тохтамышѣ и съ Витовтомъ на берегахъ Ворсклы, и зная, что «Золотая Орда нынѣ, или завтра, долженствовала исчезнуть, по ея собственнымъ внутрен-

нимъ причинамъ, имѣлъ славолюбіе не война, но Государя, а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію.... и т. д. Но въ Исторіи Россіи объ лѣтописи и посланіи Вассіана говорится такъ, что они «удивительнымъ для насъ образомъ смѣшиваютъ двѣ вещи: удаление Великаго Князя отъ войска и бѣгство цѣлаго войска, покинутіе Государства на жертву Татарамъ, что, по ихъ словамъ, Ощера и Мамоновъ именно совѣтовали.»

Какъ бы то ни было, но Ахматъ ушелъ отъ Угры; за Царемъ ходили въ погоню. Ахматъ возвращался въ степи черезъ Литовскія владѣнія и грабилъ ихъ; пришедши на зиму къ устью Дона, онъ здѣсь расположился. 6 Генваря, 1481 года, онъ тутъ былъ убитъ Царемъ Шибанской или Тюменской Орды, Ивакомъ, который соединился съ Ногайскими Мурзами, для отнятія у Ахмата награбленнаго въ Литвѣ. Кончивши успѣшно дѣло, Ивакъ извѣстилъ объ этомъ Ивана Васильевича.⁹⁰

III.

Выше мы видѣли, какой наказъ получилъ Князь Звѣнецъ, отправившійся весною 1480 года въ Крымъ. Здѣсь обстоятельства благопріятствовали ему. Когда Менгли-Гирей, въ 1479 году, занялъ Крымскій престолъ, то отправилъ не только въ Москву, но и къ Казимиру пословъ. Главнымъ посломъ къ Королю былъ Ази-Баба, который далъ присягу за своего Царя и его Князей, чтобъ быть имъ съ Королемъ другъ другу, а недругу недругомъ. Ази-Баба такъ же говорилъ съ Менгли-Гирей о бывшихъ Крымскихъ Царяхъ, Нурь-Даулетъ съ братомъ, которые пріѣхали жить въ Литву. Слабость Менгли-Гирей въ это время, а главное, должно быть, по тому, что Казимиръ въ это время завелъ дружественныя сношенія съ врагомъ Менгли-Гирей, Ахматомъ, сдѣлали то, что два посольства изъ Крыма были задержаны въ Литвѣ. Въ это время явился въ

⁹⁰ Арх. Лѣт., стр. 158—159.

Крымъ Князь Звѣнецъ; Ахматъ шелъ подѣ Русь Московскую, и по этому можно судить, какъ долженъ былъ дѣйствовать Московскій посолъ. Менгли-Гирей самъ сѣлъ на коня, вышелъ изъ Перекопа и началъ воевать Подольскую землю, дружа Великому Князю Московскому. Казимиръ не помогъ братьямъ Великаго Князя, не далъ помощи и Ахмату, по тому что, какъ мы видѣли, говоря объ Новгородѣ, началъ сношенія съ Московскимъ Государемъ, и, какъ наша лѣтопись говоритъ, что были у него еще свои усобицы. Казимиръ только послѣ всего этого рѣшился возобновить сношенія съ Менгли-Гиреемъ. Отъ него былъ отправленъ посломъ Князь Иванъ Глинскій, который долженъ былъ говорить, что его Государь хочетъ жить съ Менгли-Гиреемъ, какъ жилъ съ его отцомъ, а онъ, посолъ, пріѣхалъ видѣть присягу Царя на томъ, что обѣщаль Ази-Баба относительно Нуръ-Даулета и его брата. Глинскій долженъ былъ, въ случаѣ вопроса Царя, говорить: «Король говоритъ, что не выступилъ ничего, а за чѣмъ же принялъ Нуръ-Даулета и Айдара? Вѣдь въ докончаньѣ стоитъ быть другу другомъ, а недругу недругомъ?» то говорить отъ себя, что Король ихъ принималъ по тому, что, какъ и прежде бывало, когда на котораго изъ Царей придетъ невремя, то они приходили въ Великое Княжество Литовское, и имъ въ хлѣбѣ и соли не отказывалось, и какъ они добровольно приходили, такъ добровольно и уходили, и этѣмъ съ тѣми, которые сидѣли въ Ордѣ на Царствѣ, дружба не нарушалалась; а Нуръ-Даулетъ съ братомъ, какъ добровольно пришли, такъ добровольно и ушли, и живутъ теперь, гдѣ имъ любо.» Это посольство Глинскаго явилось къ Менгли-Гирею уже поздно: Глинскій встрѣтилъ Царя за Перекопомъ, когда тотъ шелъ опустошать Литовскія владѣнія. Удруживъ Московскому Государю, Менгли-Гирей отправилъ посла къ Казимиру, въ отвѣтъ на посольство Глинскаго. Менгли-Гирей объяснялъ свой набѣгъ тѣмъ, что когда онъ отправилъ Аз-Бабу, то назначилъ срокъ для возвращенія его, но онъ цѣлыхъ полгода не вернулся, а потому Царь заключилъ изъ этого, что Король присягу и пріязнь отложилъ, а люди лихіе этѣ мысли похвалили, и по этому Царь на коня всѣлъ и вышелъ изъ Перекопа; здѣсь его встрѣтилъ Глинскій, который всю правду повѣдалъ, но было уже поздно и лихихъ людей нельзя было осилить. Къ этѣмъ объясненіямъ одинъ Крымскій Князь прибавилъ, что набѣгъ былъ произведенъ по тому, что Ази-Баба

не возвращался, а они слышали, что изъ Литвы пошелъ къ Ахмату посолъ. Не смотря на всѣ этѣ обстоятельства, Крымцы вступили въ сношенія съ Литвой, и Менгли-Гирей просилъ у Казимира, точно такъ же, какъ и у Ивана Васильевича, себѣ опасной грамоты на свободный прїѣздъ и отъѣздъ въ Литву, на случай пришествія на него невремени, и предлагалъ дать своего сына въ Литву, въ знакъ прїязни и правды. Казимиръ отвѣчалъ на это, что опасный листъ дастъ, а сына приметъ съ удовольствіемъ и будетъ его держать въ чести и ласкѣ. Во время этѣхъ сношеній съ Литвою, въ Крымъ пришло извѣстіе о смерти Ахмата, и Менгли-Гирей извѣстилъ Казимира, что «Царь Шибанской, Ивакъ Солтанъ, съ Мурзами, пришедши, Ахматову Орду потоптали, самаго его умертвили, людей и улусы его побрали и пошли прочь, а Князь Темиръ съ Ахматовыми дѣтьми къ намъ прибѣжали; надъ Ахматомъ такъ случилось—умеръ: намъ братъ былъ, а вамъ прїятель, то есть Божье дѣло, и были бы вы здоровы да мы, я же Ахматовымъ дѣтямъ не панъ.»⁹¹

Менгли-Гирей обѣщалъ Казимиру дать присягу въ своей прїязни. Во время этѣхъ сношеній Князя Звѣнца уже не было въ Крыму; онъ, исполнивъ свое дѣло, возвратился въ Москву. Весною 1481 года поѣхалъ въ Крымъ Бояринъ Тимошей Игнатьевичъ Скряба; онъ долженъ былъ говорить: «Ахматъ на меня приходилъ, но Богъ милосердый помиловалъ меня отъ него; а нынѣ вѣсть пришла, что Царя Ахмата въ животѣ не стало, и ты бы пожаловалъ: кто будетъ на его юртѣ и подкочуетъ къ моей землѣ, и ты бы на того пошелъ.» О своихъ отношеніяхъ къ Казимиру Великій Князь приказалъ говорить: «Нынѣ Король далъ посламъ чрезъ свою землю путь, и прислалъ ко мнѣ Король, чтобы между нами были любовь и докончанье, и я къ нему своихъ пословъ отправилъ, и каково между насъ дѣло будетъ, то тебѣ будетъ вѣдомо.» Если Менгли-Гирей захочетъ ити на Литовскую землю, то Скряба долженъ былъ говорить: «чтобы Царь пожало-

⁹¹ Сборникъ Муханова, стр. 24—29. Здѣсь переводы съ Татарскаго въ Литовской Метрикѣ отличаются наборомъ словъ болѣе вѣжливыхъ, чѣмъ въ Московскихъ переводахъ; однако и у Литовцевъ встрѣчаются слова въ родѣ того, что «Орда Орду потоптала.»

валь, шель бы на Ахмата, или кто на его юртѣ, а объ томъ Государь не наказываль, чтобы тебѣ ити на Литовскую землю.» Но такъ какъ переговоры у Ивана Васильевича съ Казимиромъ продолжались, то какую уступку изъ своихъ прибрѣтений хотѣли теперъ сдѣлать Москвичи, служить доказательствомъ слѣдующія слова Наказа Скрыбѣ: «а услышитъ, что Король пошелъ на Великаго Князя, то говорить Царю, чтобы онъ самъ сѣлъ на конь и пошелъ на Короля.» Иванъ Васильевичъ уступокъ не сдѣлаль, Казимиръ же за это на него войною не пошелъ. Въ слѣдствіе этѣхъ обстоятельствъ Скрыба долженъ былъ проговорить только первую часть Наказа, изъ которой было ясно, что Москва съ Литвой помирились. Сейчас мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ Менгли-Гирей былъ къ Казимиру, и по этому Менгли-Гирей далъ такой отвѣтъ, который очень обезпокоилъ Московское Правительство. Въ слѣдующемъ 1482 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ Москвы былъ отправленъ Юрій Шестакъ, который везъ съ собою Тимофея Скрыбу, для выдачи его Татарамъ. Шестакъ говорилъ Царю отъ Великаго Князя: «Говорили намъ твои послы, что будто бы я тебѣ наказываль, съ своимъ Бояриномъ Тимошеемъ, чтобы ты помирился съ Королемъ и не воеваль его земли до тѣхъ поръ, пока къ тебѣ будетъ вѣсть отъ насъ, и что ты по всему этому сдѣлаль. Такъ я тебѣ этого не приказываль, а говорилъ, что Король присылаль ко мнѣ своихъ пословъ о любви и докончанѣ. Если же все это наговорилъ тебѣ мой посоль Бояринъ, не по нашему наказу, то я его къ тебѣ послаль, и онъ передъ тобою.» Въ это время благоприятныя обстоятельства для Казимира въ отношеніи Крыма прекратились: разбитая Ивакомъ Орда начала опять собираться около Ахматовыхъ сыновей, и по этому Шестакъ долженъ былъ прибавить къ своимъ рѣчамъ, что съ Великимъ Княземъ Король мира не хочетъ, и посылаетъ въ Орду моихъ недруговъ поднимать. Шестакъ долженъ былъ стараться, чтобы Менгли-Гирей былъ съ Великимъ Княземъ на Короля недругомъ «именемъ», и если у него есть шерть къ Казимиру, то ее бы сложилъ.

Въ слѣдъ за Шестакомъ, въ Маѣ мѣсяцѣ поѣхаль въ Крымъ другой посоль, Михайло Кутузовъ. Причина его посольства объяняется его рѣчами къ Менгли-Гирею: «Послѣ того, какъ послали

къ тебѣ Боярина Юрія, то прїѣхалъ ко мнѣ отъ Короля посолье Богданъ, и Король мира не хочеть, не отдастъ мнѣ моихъ городовъ, и ты бы къ Королю шерть сложилъ и рать бы на него пустилъ.» Если Царь скажетъ, что онъ помирился съ Королемъ; по приказу Великаго Князя съ Бояриномъ Тимошеемъ Скрябою, то Кутузовъ долженъ былъ сказать: «Если бы Государь то приказывалъ, то онъ тебѣ Боярина не выдавалъ бы.» Для Ивана Васильевича, какъ видно, было необходимо, въ слѣдствіе своихъ отношеній къ Казимиру, нападеніе Менгли-Гирея на Литовскія владѣнія. Особенныхъ подробностей объ отношеніяхъ Орды между собою и ихъ внутреннемъ состояніи мы не знаемъ, но слѣдующіе пункты Наказовъ Шестаку и Кутузову отчасти объясняютъ, по чему Иванъ Васильевичъ надѣялся, что Менгли-Гирей такъ, или иначе, но нападетъ на Литовскія владѣнія. Шестаку было приказано, что если придетъ къ нему на дорогѣ достовѣрная вѣсть, что «Царь въ Крыму перемирился,» то воротиться домой. А Кутузову было приказано: «и учнетъ Царь говорить: «Какъ мнѣ на Короля рать послать: Именекъ (значительный Крымскій вельможа) отъ меня бѣжалъ и наводитъ на меня моихъ недруговъ, а люди мои въ розни;» тогда Михайлу сказать: «Будетъ нельзя большой рати послать, то пошли сколько пригоже!» и учнетъ Царь говорить: «Я шерть къ Королю сложу и на него рать пошлю, а Великій Князь поберегетъ бы моего дѣла — брата моего Нуръ-Даулета держалъ бы у себя;» — и Михайлу на это сказать: «Государю моему никакой корысти нѣтъ выпускать твоего брата, и держитъ онъ его для твоего дѣла, а твое дѣло и впередъ хочеть смотрѣть.» Вообще же Кутузову было наказано, какъ бы долго ни было, но непременно дожидаться того, когда Царь пошлетъ свою рать на Литовскую землю.⁹¹

Какъ надѣялись въ Москвѣ, такъ и случилось: весной прїѣхалъ въ Москву Королевскій посолье съ требованіемъ Новгорода и Великихъ Лукъ, лѣтомъ былъ бунтъ въ Литвѣ Бѣльскаго съ товарищами, и послѣ этого въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Менгли-Гирей, со всею своею силою, напалъ на городъ Кіевъ, потому что сюда именно, или на Подоль, совѣтовали ему ити Московскіе послы. Татары зажгли Кіевъ съ двухъ сторонъ; тѣ жи-

⁹¹ Дѣла Крымскія № 1: Посольства выше сказанныхъ посолье.

тели, которые выбѣжали изъ города, попадались въ плѣны Татарамъ; Кіевскій Намѣстникъ, Хотковичъ, съ семействомъ, тоже выбѣжалъ изъ города, и такъ же попалъ въ ихъ руки. Татары много наместей при этомъ учинили: Печерскую церковь и монастырь разграбили, многіе жители забѣжали въ пещеры, и тамъ задохлись. Татары погнали плѣнныхъ въ Крымъ, а Менгли-Гирей служебные сосуды Софійскаго храма, золотые потиръ и дискось, прислалъ къ Ивану Васильевичу.

Но можетъ возникнуть вопросъ: по чему Иванъ Васильевичъ не воспользовался столь благоприятными обстоятельствами этого времени? Если Казимиръ дозволилъ поочередно отдѣлаться Ивану Васильевичу послѣ завоеванія Новгорода, отъ братьевъ и Ахмата, то теперь и Иванъ Васильевичъ выдалъ Казимиру Бѣльскаго съ товарищами и не помогъ Менгли-Гирею, хотя, впрочемъ, послѣднему впередъ объявлялъ, что помочь не можетъ. Такъ еще Юрію Шестаку было наказано, что если Царь будетъ говорить: «Великій Князь приказываетъ мнѣ шертъ къ Королю сложить, а Великій Князь на Короля идетъ ли?» отвѣчать: «Государь мой дѣлаетъ нынче свое дѣло съ Казанскимъ.» Дѣйствительно, послѣ смерти Казанскаго Царя, Ибрагима, умершаго около 1480 года, въ Казани начались смуты, и Иванъ Васильевичъ долго былъ занятъ Казанскими дѣлами; въ 1482 году онъ посылалъ рать на Казань, на Царя Ильгама: Воеводы Великаго Князя простояли все лѣто на Волгѣ и, помирившись съ Царемъ, пошли домой.⁹²

Такъ кончился 1482 годъ; въ Мартѣ слѣдующаго года поѣхалъ въ Крымъ посломъ Князь Иванъ Лыко, долженствовавшій говорить Царю отъ Великаго Князя, по случаю взятія Кіева: «Ты какъ свое слово молвилъ, такъ и дѣло исполняешь, и я тебѣ за то челомъ бью.» Какъ прежніе послы, Князь Лыко долженъ былъ просить Царя ити на недруга Короля и указывать на то, что Великій Князь для Царя держитъ у себя его братьевъ.⁹³ Ни лѣтописи, ни офиціальныя бумаги за лѣто 1483 года не сообщаютъ

⁹² Арх: Лѣт., стр. 160; Вельяминова-Зернова Исслѣдованіе о Касимовскихъ Царяхъ, стр. 158 и слѣд.; Разрядныя книги Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 1, 6990 годъ.

⁹³ Дѣла Крымскія № 1: Посольства 1483 года.

ничего особенно важнаго о степныхъ дѣлахъ; самый Наказъ Князя Лыко состоитъ изъ общихъ мѣстъ; только можно предположить, что Воеводы по прежнему должны были быть готовыми къ тому, или другому, дѣлу. 1484 годъ не ознаменовался тоже ни чѣмъ особенно важнымъ, хотя за это время мы имѣемъ и болѣе матерiаловъ, чѣмъ за предшествовавшій годъ, однако они только показываютъ, какъ развивались событiя. 11 Апрѣля послалъ Великiй Князь Воеводу своихъ на Казань, и посадилъ, вмѣсто Ильгама Царя, его брата, Магметъ-Аминя.⁹⁴ Потомъ еще въ Мартѣ Князь Ноздреватый, отправленный посломъ въ Крымъ, долженъ былъ, кромѣ обыкновенныхъ рѣчей о Королѣ, говорить, что Нуръ-Даулета держитъ у себя Великiй Князь, а онъ хотѣлъ было бѣжать; и при томъ Великiй Князь просилъ Менгли-Гирея, чтобы онъ защитилъ его, если пойдетъ на него Ордынскiй Царь. Объ этомъ Царѣ прежде ничего не упоминалось въ посольствахъ въ Крымъ: то былъ Муртоза. Послѣ отправленiя въ Мартѣ посольства въ Крымъ, въ Юнѣ отправлены были туда же грамоты и Наказъ Князю Ноздреватову, чтобы говорить отъ Государя къ Царю: «Прiѣхали ко мнѣ мои люди изъ Орды и сказываютъ, что у Царей Муртозы и Седе-Ахмата есть Королевы послы, и ити имъ изъ Орды скоро, и если они еще не прошли, то Царь, если пригоже, поберегъ бы своего дѣла и моего и тѣхъ Королевскихъ Пословъ велѣлъ бы постеречи; да сказываютъ, что тѣ послы ходятъ въ Орду и изъ Орды близко Перекопа; да и впередъ бы велѣлъ стеречи пословъ Литовскихъ, если пригоже.» При этомъ было наказано, что если Царь спроситъ, что онъ слышалъ, что у Великаго Князя былъ Королевскiй посолъ, Янъ Забережскiй, то сказать, что онъ былъ о порубежныхъ дѣлахъ.⁹⁵

Важныя событiя приготовлялись. Были ли у Казимира въ 1483 и 84 годахъ сношенiя съ Менгли-Гиреемъ, утверждать, кажется, нельзя, и Хоткевичъ сидѣлъ въ плѣну. Но въ 1484 году случился голодъ въ Золотой Ордѣ, и, въ слѣдующую зиму, Ордынскiй Царь, Муртоза, пришелъ въ Крымъ зимовать. Такъ какъ мы

⁹⁴ Разрядныя книги Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 1, годъ 6991.

⁹⁵ Дѣла Крымскiя № 1: Посольства 1484 года.

могли изъ посольствъ видѣть, что вражда между Ордами не прекратилась; то Менгли-Гирей схватилъ Муртозу и послалъ его въ Кафу; кромѣ того, онъ отправилъ своего меньшаго брата на остатки Орды, Темиревъ улусъ, и досталъ ихъ разогналъ. Тогда другой Ахматовъ сынъ, Седе-Ахматъ, вмѣстѣ съ Княземъ Темиромъ, изгономъ пришелъ на Менгли Гирея, разбилъ его, такъ что тотъ тайно убѣжалъ съ бою изъ своей Орды; Седе-Ахматъ освободилъ Муртозу и посадилъ его на Царствѣ. Менгли-Гирей просилъ себѣ помощи у Султана;⁹⁶ но Иванъ Васильевичъ, узнавши объ этѣхъ событіяхъ, послалъ подъ Золотую Орду Князей, Улановъ и Казаковъ, т. е., служащихъ ему Татаръ, и велѣлъ имъ преслѣдовать Ордынцевъ и отнимать у нихъ Крымскій плѣнъ. Всѣ этѣ послѣднія событія были ранней весной 1485 года, и Иванъ Васильевичъ только 31 Юля отправилъ въ Крымъ сказать Менгли-Гирею объ этомъ и объявить, что раньше извѣстить не могъ по тому, что между Крымомъ и Московскими владѣніями въ полѣ ходятъ ихъ недруги, и по этому проѣхать нельзя.⁹⁷ Посланные подъ Орду Татары Великаго Князя пробыли въ степяхъ все лѣто и отнимали у Золотоордынцевъ плѣнныхъ Крымцевъ. Таковы были дѣла съ одной стороны степей, а съ другой Казанскія дѣла тоже не прекращались. Послѣ того, какъ прошлымъ годомъ Магметъ-Аминъ былъ посаженъ на престолъ, онъ опять потерялъ его; но Великій Князь послалъ въ Казань снова Магметъ-Амина и далъ ему войско; дѣло кончилось тѣмъ, что Магметъ-Аминъ побѣдилъ, а соперникъ его, Ильгамъ, сбѣжалъ съ Казани.⁹⁸ Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ весь годъ былъ занятъ Татарскими дѣлами, и по этому покореніе Твери въ два приѣма (въ 1485 году), кажется, можетъ объясниться такъ, что Иванъ Васильевичъ, начавши дѣло съ нею зимою, посиѣшилъ потомъ помириться, а когда освободился отъ Казанскихъ дѣлъ, то тотчасъ же порѣшилъ окончательно и съ Тверью, которую возбуждалъ Казимиръ. Казимиръ

⁹⁶ П. С. Р. Л. т. 6, стр. 236—237.

⁹⁷ Дѣла Крымскія № 1, Посольство 1485 г.

⁹⁸ Разрядная кн. Арх. М. Ин. Дѣлъ № 1, 6993 г.; сл. у Вельяминова Зернова; въ его сочиненіи приведены другія Разряд. кн., носящія названіе Башмаковскихъ (ч. I, стр. 171). Далѣе, въ Разрядной книгѣ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ находится разрядъ похода подъ Тверь.

не помогъ Твери, не помогъ онъ и Ордынцамъ. Что было въ концѣ лѣта и зимой 1485—86 года, намъ можетъ объяснить постоянный источникъ извѣстій о томъ времени, Наказъ послу въ Крымъ. Въ Мартѣ 1486 года отправленъ былъ посломъ въ Крымъ Бояринъ Семень Борисовичъ; онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею отъ Великаго Князя: «Посылалъ ты ко мнѣ посла и извѣстилъ, что Король, недругъ нашъ общій, хотѣлъ на тебя ити, а которые люди твои были посланы ко мнѣ Кіевскою дорогою, и онъ велѣлъ ихъ поимать. И ты ко мнѣ наказывалъ, что Король идетъ на тебя, и мнѣ бы Королю крѣпко недружбу учинить, то я съ тобой на нашего общаго недруга одинъ человекъ.» Далѣе Наказъ объясняетъ, что Менгли-Гирей просилъ у Ивана Васильевича, если Муртоза и Седе-Ахматъ будутъ на этой сторонѣ Волги и пойдутъ на Крымъ, то послать Нуръ-Даулета съ Царевичами и Татарами на нихъ. На это Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что Татары и такъ все лѣто были подъ Ордой. Потомъ Наказъ открываетъ, что Иванъ Васильевичъ ссылался съ Казимиромъ въ это время. Мы это знаемъ, и кромѣ этого Наказа, изъ дошедшихъ до насъ посольствъ Казимира въ Москву, въ которыхъ онъ, во первыхъ, объявляетъ, что Тверскаго Князя принялъ и въ хлѣбъ-соли не отказалъ, во вторыхъ, приглашаетъ Ивана Васильевича къ союзу противъ Турокъ.⁹⁹ Этѣ пересылки Наказъ объяснялъ такъ, что Великій Князь съ Казимиромъ пересылается о мелкихъ порубежныхъ дѣлахъ (что и было отчасти предметомъ сношеній), а «гладкости въ сношеніяхъ ни которые нѣтъ.» Такъ какъ Иванъ Васильевичъ въ Августѣ 1485 года взялъ Тверь, и это считалъ побѣдою надъ Литвою, то въ Наказѣ говорилось, чтобы Царь «пожаловалъ, послалъ своихъ людей на Королевскую землю, по тому что чѣмъ недругу истомитѣ, тѣмъ лучше, а люди Государевы землю Королевскую безпрестанно имають.» Въ какихъ отношеніяхъ послѣ взятія Твери былъ Иванъ Васильевичъ къ Казимиру, служить слѣдующая часть Наказа: «Пойдетъ Царь на Литовскую землю и захочетъ Семена съ собой взять, то ему отговариваться; но если ради Семенова отговора Царь будетъ отлагать свой походъ, то ему ити; при чемъ если

⁹⁹ Ак. З. Р. т. 1, № 88 и 89.

захочетъ ити къ Путивлю, или на Сѣверу, то говорить, чтобы шель на Подоль, или Кіевскія мѣста.

Еще Семень Борисовичъ не воротился изъ Крыма, какъ Менгли-Гирей прислалъ въ Москву грамоту, извѣщая, что стоитъ на общаго недруга и съ нимъ не помирится; да такъ же извѣщаль, что Король послалъ своего челоуѣка въ Орду и ведетъ къ себѣ Мургозу и Седе-Ахмата и хочетъ съ ними мириться крѣпко. На этѣ грамоты былъ отвѣтъ (3 Августа), что Король явно ведетъ Царей на Менгли-Гирея; если они будутъ близко, то ему иного дѣла, конечно, нѣтъ, кромѣ этого.¹⁰⁰ Въ Сентябрѣ, послѣ отсылки этѣхъ грамотъ, пріѣхалъ изъ Крыма и Семень Борисовичъ: онъ привезъ отвѣтъ отъ Менгли-Гирея, уже отличающійся отъ предшествовающихъ грамотъ: «Что ты мнѣ говорилъ о Литовской войнѣ, то того дѣла мнѣ дѣлать нельзя теперь, а можно зимой; Орды же я не боюсь, и если Цари пойдутъ на Великаго Князя, то я на нихъ пойду, а на меня пойдутъ, то Великій Князь послалъ бы на нихъ моего брата.»¹⁰¹

Этотъ отвѣтъ объясняется слѣдующимъ: когда прошлогодняя гроза со стороны Орды прошла, то Менгли-Гирей послалъ къ Казимиру своего челоуѣка съ предложеніемъ, по прежнему быть въ братствѣ и дружбѣ; требовалъ у него поминокъ и выкупа за плѣнныхъ, взятыхъ въ Кіевѣ; Казимиръ на это отвѣчалъ, что онъ всегда стоитъ въ своей правдѣ и никогда не выступаетъ; а Царю извѣстно, какъ онъ самъ своей правды не сдержалъ, и по этому Казимиръ предлагалъ Менгли-Гирею подтвердить снова свою правду, и наконецъ прямо говорилъ: «Мы слышали, что Царь теперь слуга Турецкому Царю: такъ самъ бы посмотрѣлъ: онъ, будучи вольный челоуѣкъ отъ отцевъ, теперь какъ свою честь уважаетъ, и если бы Турецкой, врагъ Короля, пошелъ на его землю, то Царь на чьей сторонѣ стоялъ бы? А Король теперь готовъ вмѣстѣ съ другими Государями на Турецкаго.»¹⁰²

¹⁰⁰ Этѣ грамоты напечатаны у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 182—184.

¹⁰¹ Дѣла Крымскія № 1.

¹⁰² Сбор. Муханова № 23.

Но обстоятельства повели къ тому, что Менгли-Гирей сталъ дѣйствовать въ пользу Москвы. Въ степяхъ, въ теченіи лѣта 1486 года, происходило то, что бывшая Золотая Орда разсыпалась по степи и грабила попадающеея. Иванъ Васильевичъ на разбойниковъ высылалъ Нуръ-Даулета съ Татарами. Въ началѣ Марта, 1487, года, поѣхалъ въ Крымъ посоль, котораго Наказъ объяснилъ намъ состояніе степныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею: «Ордынскіе люди стерегутъ нашихъ пословъ, ѣдущихъ по степямъ, и прошлымъ лѣтомъ только сами послы пріѣхали къ тебѣ, а съ людьми, которые ихъ провожали, самъ знаешь, что случилось и убытка въ томъ мнѣ много учинилось. Да нынче пришли ко мнѣ достовѣрныя вѣсти изъ Орды, что оттуда вышли многіе люди стеречи нашихъ пословъ: такъ ты поберегъ бы того дѣла, чтобы между нами путь не затворился, и отправлялъ бы людей на встрѣчу посламъ.» Весною 1487 года извѣстилъ Менгли-Гирей въ Москву, что на него идутъ сами Ордынскіе Цари, что онъ схватилъ Королевскихъ пословъ, присланныхъ къ нему, и спрашивалъ, что съ ними дѣлать. Этѣ послы, вѣроятно, были тѣ, которые поѣхали съ вышеизложеннымъ отвѣтомъ на посольства Менгли-Гирея. Въ слѣдствіе этѣхъ присылокъ Иванъ Васильевичъ отправилъ Нуръ-Даулета съ его Татарами на Ордынцевъ, и въ то же время послалъ къ Менгли-Гирею, извѣщая его на счетъ Королевскихъ пословъ: «Король, нашъ общій недругъ: ино самъ знаешь, какъ тебѣ надъ его послами учинить.» Посланному съ этѣми словами наказано было, что если Царь спроситъ, что же, однако, учинить надъ послами, то отвѣчать: «Самъ вѣдаешь, какъ недругу недружбу чинить: чѣмъ ему досаднѣе, тѣмъ лучше.»

Муртоза, который только страдалъ Менгли-Гирея своимъ явленіемъ въ степяхъ и не давалъ ему возможности быть въ миру съ Москвою и Литвою, и обоихъ ихъ грабилъ, придумалъ еще слѣдующее. Его постоянно беспокоили Татары Великаго Князя, которыми иногда предводительствовалъ Нуръ-Даулетъ. Муртоза прислалъ Ивану Васильевичу слѣдующую грамоту: «Нуръ-Даулетъ Царь отъ отца моего до сѣхъ мѣстъ со мною въ любви былъ, а Менгли-Гирей въ своей правдѣ не устоялъ, и нынѣча онъ нашъ недругъ, и я надежду имѣю; вмѣсто него, Царемъ Нуръ-Даулета учинить, и послалъ его звать къ себѣ; и ты за то не постой, и къ намъ отпусти,

а жены и дѣти его останутся у тебя. Если Богъ помилуетъ и тотъ юртъ дастъ, то тогда онъ у тебя ихъ добромъ возьметъ. Менгли-Гирей тебѣ другъ, но и Нуръ-Даулетъ тебѣ не недругъ же, а онъ намъ пригожь.»¹⁰³ Муртоза о своей любви и желаніяхъ извѣщалъ такъ же Нуръ-Даулету. По этому поводу Иванъ Васильевичъ, въ Октябрѣ, 1487 года, чрезъ посла, Дмитрія Шеина, извѣщалъ Менгли-Гирея: «Муртоза прислалъ къ твоему брату ярлыкъ свой, и зоветъ его къ себѣ на тебя, и ко мнѣ прислалъ о томъ же ярлыкъ, и я, берегучи твоего дѣла, Муртозины ярлыки взялъ у Нуръ-Даулета и къ тебѣ послалъ.» Но изъ Наказа Шеину оказывается, что Менгли-Гирей уже зналъ о замыслахъ Муртозы и прислалъ къ Ивану Васильевичу грамоты, на которыя тотъ давалъ слѣдующій отвѣтъ: «Ты зовешь своего брата къ себѣ, чтобы стать вамъ на своемъ юртѣ за одинъ на своихъ недруговъ: такъ, вѣдь, Муртоза звалъ твоего брата на твое лихо, и я по этому твоего ярлыка къ Нуръ-Даулету не послалъ, и свое слово не сказывалъ, берегучи твоего дѣла.» Но Менгли-Гирей этѣмъ не успокоился, онъ Шеину отвѣтилъ, что о Нуръ-Даулетѣ пришлетъ съ своими послами «маленькое словцо.» На это маленькое словцо Иванъ Васильевичъ послѣ, въ 1488 году, отвѣчалъ слѣдующей грамотой: «Тебѣ вѣдомо изъ старины и отъ отцовъ вашихъ, на одномъ юртѣ два господаря бывали ли? а гдѣ бывали, то какое добро между нихъ бывало ли? А на счетъ того, чтобы укрѣпить Нуръ-Даулета, чтобы ему подъ тобою Царства не хотѣть, то когда онъ будетъ съ тобою, такъ мнѣ по чему вѣдать, что будетъ у него въ мысли? Вы съ Нуръ-Даулетомъ одного отца дѣти, а послѣ отца вашего сколько лѣтъ былъ Нуръ-Даулетъ на Царствѣ? Вѣдь тѣ же люди ему служили, которые и тебѣ служатъ? А по чемъ вѣдать мысль твоихъ людей: всѣ ли они хотятъ твоего господарства? Это моя мысль о твоёмъ дѣлѣ, а какая твоя, и ты меня объ томъ извѣсти! А я теперь твоей грамоты и слова Нуръ-Даулету не передавалъ, и не передамъ до тѣхъ поръ, какъ намъ твоя мысль будетъ объ томъ, а если захочешь, мы къ тебѣ Нуръ-Даулету отпустимъ.»¹⁰⁴ Менгли-

¹⁰³ Эта грамота изъ Крымскихъ дѣлъ напечатана у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 201—202. Отсюда, вѣроятно, перепечатана въ 5 т. С. Г. Г. и Д. № 5.

¹⁰⁴ Эта грамота напечатана у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 203—205.

Гирей не присылать своей мысли объ этомъ дѣлѣ. Но такъ какъ, кромѣ Нурь-Даулета, былъ въ Москвѣ еще другой младшій братъ Менгли-Гирея, Айдаръ (который, впрочемъ, былъ въ заключеніи), то когда Менгли-Гирей просилъ отпустить къ себѣ старшаго, писалъ, что Король хочетъ Айдара выкрасть; на это Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что онъ его содержитъ въ крѣпости; а когда Менгли-Гирей общалъ объ Нурь-Даулетѣ прислать маленькое слово, то извѣстилъ, что если Король хочетъ выкрасть Айдара, то можетъ, по тому что онъ его не боится.

Выходъ Муртозы въ 1487 году въ степи съ своихъ качевьевъ окончился по прежнему ничѣмъ. Но въ это время самъ Иванъ Васильевичъ былъ, какъ въ 1486, такъ 1487 году, занятъ Казанскими дѣлами, гдѣ перемѣнялись Цари, то Ильгамъ, то Магметъ-Аминь. Къ этѣмъ Казанскимъ дѣламъ примѣшался и Крымъ, по тому, что мать Магметъ-Аминя, Нурь-Салтанъ, вышла за мужъ за Менгли-Гирея, и по этому стала хлопотать у Московскаго Государя о сынѣ. Въ Мартѣ 1487 года Иванъ Васильевичъ приказалъ сказать Нурь-Салтанъ: «Что писала въ своей грамотѣ о своемъ сынѣ — Магметъ Аминѣ, мы какъ напередъ его добра смотрѣли, такъ и нынѣ смотримъ, какъ Богъ поможетъ.» Въ 1486 году Иванъ Васильевичъ посылалъ свои войска на поддержку Магметъ-Аминя на Казанскомъ престолѣ; однако же онъ тамъ не удержался, и Ильгамъ, должно быть, осенью, согналъ Магметъ-Аминя съ Казани, пришедши изъ Ногаевъ, по приглашенію Казанцевъ. Въ Мартѣ Иванъ Васильевичъ общалъ матери Магметъ-Аминя поддержать ея сына, а 11 Апрѣля отпустилъ Воеводу своихъ къ Казани; 24-го Апрѣля туда же отправился Магметъ-Аминь; 18 Мая Воеводы были подъ Казанью, а 9 Юля Казань была взята. Ильгамъ съ Царицею, братьями, сестрою и съ множествомъ Князей, были приведены въ Москву; ихъ Великій Князь разослалъ въ заточенье въ Вологду, Каргополь и Бѣлоозеро.¹⁰⁵ Послѣ этого

¹⁰⁵ Миллеровская тетрадь Разрядовъ въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; тамъ же Разрядная книга № 1. Въ Миллеровской тетради рассказано Казанское взятіе почти слово въ слово, какъ въ Никонов. Лѣт. подъ 1487 годомъ; что касается Софійской, то въ ней, подъ 6993 годомъ, рассказано нѣсколько событій другихъ близкихъ годовъ; лучшимъ подтвержденіемъ времени окончательнаго взятія Казани можетъ служить письмо въ Крымъ; см. Крымскихъ дѣлъ № 1, стр. 145 — 147.

10 Августа Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Крымъ сказать: «Посылалъ я на недруга своего, Ильгама, Царя Казанскаго, своихъ Воеводъ: наши Воеводы Казань взяли и Царя Ильгама поймали, съ его братією и Князьями, а Магметъ-Аминя на Казань посадили.» Послѣ этого Казанскій Царь, опираясь на Московскую силу, долженъ былъ принять участіе въ степныхъ дѣлахъ. Въ Октябрѣ того же года, какъ сѣлъ на престолъ Магметъ-Аминь, послу, Дмитрію Шеину, наказано было, если спросятъ: «Къ Казанскому Царю послалъ ли Князь Великій, чтобы онъ слалъ свою рать на нашихъ недруговъ?» то говорить: «Государь хотѣлъ послать объ томъ часа того.»

Между Ордами Крымской и Золотой послѣ 1487 года ничего важнаго не происходило. Цари начали кочевать на сѣверѣ Азовскаго моря, и по этому вниманіе Менгли-Гирея было поглощено ихъ движеніями. Иванъ Васильевичъ, извѣщая Менгли-Гирея, что посылаетъ постоянно Нуръ-Даулета на Муртозу, объявлялъ, что люди отъ Ордынцевъ стерегутъ пословъ, ѣдущихъ въ Крымъ, и по этому нужно устроить хорошія сообщенія, и, кромѣ того, указывалось, чтобы Менгли-Гирей, дѣйствуя противъ недруговъ, ссылался съ братомъ, находящимся въ степяхъ. Въ слѣдствіе того, что ничего важнаго между Ордами не происходило, то и сношенія по поводу степныхъ дѣлъ съ Крымомъ сдѣлались очень однообразны. Послѣ Нуръ-Даулета на Орду въ степи сталъ выходить его сынъ, Сатылганъ; въ этѣхъ степныхъ походахъ участвовали иногда Казанцы, когда были свободны отъ ихъ враговъ, Ногаевъ. Въ 1491 году былъ предпринятъ довольно значительный походъ въ степь, съ участіемъ Великокняжескихъ Воеводъ, по тому что узнали въ Москвѣ, что Цари идутъ на Менгли-Гирея къ Перекопу. Золотоордынцы, узнавши объ этомъ походѣ, ушли въ свои кочевья.¹⁰⁶ Главная забота относительно Золотоордынцевъ заключалась въ томъ, чтобы они наконецъ ушли за Донъ, къ Кавказу. Такъ какъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ начались отъѣзды Литовскихъ служебныхъ Князей, то теперь Ивану Васильевичу особенно нужно было, чтобы Менгли-Гирей началъ свои нападенія на Литовскія владѣнія. Въ Апрѣлѣ 1490 года Мо-

сковскій посолъ въ Крыму, Князь Ромодановскій, прислалъ грамоту къ Великому Князю, что Царь ему говорилъ: «На Царей Ордынскихъ и на Короля я съ Великимъ Княземъ одинъ человекъ, и доколѣ буду живъ, мнѣ съ Королемъ въ миру не бывать.» Я, Государь, Царю говорилъ, что пойдутъ Цари къ Черкасамъ, и тебѣ, Господине, ити на Королевскую землю. Царь мнѣ сказалъ: «Дастъ Богъ, управимся съ большими недругами, то Королевской землѣ отъ насъ не отдадутъ.» Менгли-Гирей искалъ всюду помощи на Золотоордынцевъ: онъ обратился къ Султану, и тотъ ему прислалъ на помощь до 2000 человекъ, и приказалъ въ то же время Царямъ, чтобы они ушли съ того поля прочь. Наконецъ Менгли-Гирей обратился за помощію и къ Казимиру; но этѣ сношенія не были особенно мирны; вотъ письмо Менгли-Гирея къ Казимиру, которое можно отнести къ этому времени: «Говорите, что Московскій Великій Князь велѣлъ мнѣ Королевскую землю воевать: какъ мнѣ Московскій Князь можетъ такое слово сказать? Вы это слово изъ мысли выкиньте!»¹⁰⁷ Когда Московскій посолъ узналъ объ этѣхъ сношеніяхъ, то обратился къ Царю и послѣ такъ описалъ свой разговоръ съ нимъ: «Пріѣхалъ къ тебѣ твой человекъ отъ Короля, и съ чѣмъ пріѣхалъ, добро мнѣ написать къ моему Государю.» Царь отвѣчалъ: «Пиши къ Великому Князю, изъ моихъ устъ слышавши,—посылалъ я къ Королю о моихъ побитыхъ людяхъ и чтобы онъ далъ помощь на Орду, и онъ мнѣ отказалъ: «Нынѣча у меня дѣти между собою сѣкутся и помочи отъ меня нѣтъ.» И я Царю молвилъ: «Государю моему нужно, чтобы у тебя съ Королемъ дружбы не было;» и Царь молвилъ: «Дружбы у меня съ Королемъ нѣтъ, да и дѣла мнѣ до него нѣтъ.»

Наконецъ къ 1492 году Ахматовы дѣти ушли за Донъ, къ Каспійскому морю, и Московскій посолъ въ Крыму, Лобанъ Колычевъ, долженъ былъ говорить отъ Великаго Князя Менгли-Гирею: «Приказывалъ ты съ своими послами, что хочешь ити на Королевскую землю, такъ ты вѣдаешь, какъ нашъ недругъ Король намъ недружбу учинилъ и нашихъ недруговъ, Ахматовыхъ дѣтей, на насъ навелъ, и каково они лихо тебѣ учинили; и нынѣ тѣ, недруги наши, отъ насъ поотдадѣли, и ты бы теперь пошелъ на Ко-

¹⁰⁷ Сбор. Муханова стр. 38.

ролевскую землю, и я хочу на него ити, а тебѣ вѣдомо, какъ я тебѣ помогаль на Ахматовыхъ дѣтей.» Уже давно послы въ Крыму начали говорить объ отъѣздахъ Князей изъ Литовской въ Московскую службу, и теперь посоль долженъ былъ говорить, что «люди Великаго Князя со всѣхъ сторонъ берутъ Королевскую землю—отъ Новгорода, Пскова, Твери и Московской земли; а Князей Воротынскихъ и Бѣльскихъ Великій Князь отъ Короля съ ихъ землею поималъ...» и т. д. Въ Юнѣ того же года Лобанъ Колычевъ прислалъ въ Москву записку о Крымскихъ дѣлахъ, и въ ней писалъ: «Царь мнѣ говорилъ: «На Короля и Ахматовыхъ дѣтей я одинъ человекъ съ Великимъ Княземъ; а что мнѣ на Королевскую землю ити, то я нынѣча такъ вздумалъ: есть на Королевской землѣ, ниже Товани, на той сторонѣ Днѣпра, городище надъ Днѣпромъ (Очаковъ), и нынѣча я пошелъ со всѣми людьми тотъ городъ дѣлать, и какъ сдѣлаю, то буду недругу недружбу чинить.» Объ Ордѣ Ахматовыхъ дѣтей Колычевъ писалъ: «Про Ахматовыхъ людей сказывали вѣсти Царевы люди, что они зимовали въ полѣ, да на веснѣ угонили у Орды стадо, и за ними съ погонею пришелъ одинъ Царевичъ, и Царевы люди погоню побили, а Царевичу голову срѣзали да къ Царю привезли, передъ моимъ прїѣздомъ дней за шесть. Да нынѣ прїѣхалъ Царевъ человекъ изъ Орды и сказывалъ, что она пахала пашню на Кумѣ, а пошла, сказывается, на Черкасцы воевать....» Самъ Менгли-Гирей писалъ также къ Ивану Васильевичу, и изъ его письма мы узнаемъ, что Литовцы прежде, когда Ахматовы дѣти сдерживали Менгли-Гирея, какъ мы видѣли, гордо съ нимъ обращались; теперь же, когда на Сѣверѣ начались отъѣзды Князей съ отчинами, а Ахматовы дѣти откочевали къ Кавказу, то, съ одной стороны, самъ Менгли-Гирей хотѣлъ получить поминки съ Литвы, а съ другой, какъ онъ извѣщалъ: «Король большого посла уже послалъ къ намъ, и хотя онъ не прїѣхалъ, но его слово то: «У меня два брата твои въ рукахъ, имъ я далъ помѣстья и противъ тебя не пущу; когда Орда придетъ, то будемъ съ тобою противъ нихъ недругами; а что къ отцу твоему ежегодно посылалъ я поминковъ, то и тебѣ пошлю, только бы между нами было добро и послы бы ѣздили.» Далѣе Менгли-Гирей продолжаетъ: «Наша мысль такова: съ Королемъ коли недружбу принять, то малая недружба—ничто, а недружба пойдетъ такъ: нынѣшніе зимы съ женами и со всѣми улусами

въ свой городъ кочую (въ Очаковъ) и Королю съ обманомъ добрые рѣчи молвлю, а ты своихъ тысячу людей полемъ пришли—я возьму тебѣ Кіевъ, и въ Литвѣ какъ противъ насъ обоихъ стоять: Вильну и Краковъ дастъ Богъ возьмемъ...» Но Менгли-Гирей свой разбойническій характеръ не только выказывалъ въ этомъ планѣ, но какъ бы, въ вознагражденіе за то, что, по видимому, отказывался отъ Литовскихъ поминковъ, требовалъ ихъ отъ Ивана Васильевича, и не только обыкновенныхъ, которые ему посылали, но еще: «въ Кафу ѣздилъ и зимовалъ, истратился и задолжалъ 100,000 денегъ да 33,000 алтынъ, надобно въ шесть мѣсяцевъ отдать, и ты братство свое учини, отъ долга сего меня избавь и въ соромъ и ложь не введи...» 30 Августа, 1492 года, поѣхалъ съ отвѣтомъ на этѣ письма Менгли-Гирея Константинъ Григорьевичъ Заболотской; его Наказъ былъ слѣдующій; говорить Царю: «Нынѣ, по Божьей волѣ, нашего недруга, Короля Казимира, не стало, а его дѣти намъ такъ же недруги, и ты бы шелъ на нихъ ратью, а миру съ ними не бралъ, самъ я хочу тоже сѣсть на конь противъ нихъ; а что ты городъ дѣлаешь, то намъ сказываютъ, что онъ далеко отъ Литовской земли, у устья Днѣпра, такъ ты садись на конь и иди на Литовскую землю не мотчая!» Заболотскому наказано не отговариваясь ити вмѣстѣ съ Царемъ въ Литовскую землю, и если Царь, повоевавши, воротится въ Перекопъ, то говорить, чтобы опять шелъ.

Въ это время Заболотскому предстояло много трудовъ въ Крыму. Передъ тѣмъ, какъ ему пріѣхать, обѣщанный посолъ отъ Казимира, явился уже отъ Александра. То былъ Князь Иванъ Борисовичъ Глинскій. Посольство его къ Царю состояло въ слѣдующемъ: «Нашъ отецъ, передъ назначеннымъ къ тебѣ посломъ, отправилъ къ тебѣ своего толмача, чтобы ты прислалъ Тимеша Улана, въ закладъ того посла, пока онъ вернется отъ тебя, такъ какъ передъ этѣмъ ты пословъ отца нашего задерживалъ и иные изъ ихъ у тебя въ Ордѣ умерли. Теперь отца нашего въ животѣ не стало, и мы посла, назначеннаго имъ къ тебѣ, не задержали и послали, а ты бы вспомнилъ присягу отца твоего да и твою, и вспомнилъ бы, что когда которому Царю, или Царевичу, Орды Перекопской бывало несчастіе, то они нигдѣ коня потнаго не разсѣдывали, кромѣ какъ только въ нашей отчинѣ, и имъ у насъ въ

хлѣбъ и соли не было отказу. И ты, если хочешь жить съ нами и быть, какъ твой отецъ съ нашимъ отцомъ, то передъ Княземъ Глинскимъ далъ бы правду и послалъ бы своего посла къ намъ.» Далъ Глинскій долженъ былъ говорить о городѣ, который строилъ Менгли-Гирей. ¹⁰⁸ Дѣйствовать противъ сношеній, заведенныхъ Менгли-Гиреемъ съ Литвою, Заболотскому отчасти облегчалось только тѣмъ, что Царь передъ его прїѣздомъ писалъ въ Москву: «Король (то есть, Великій Князь) прислалъ своего посла, но то посолъ легкій, съ легкими поминками;» но все таки Менгли-Гирей твердилъ старое, что онъ городъ строить: «а какъ тотъ городъ содержать, то на харчи денегъ нѣтъ... да еще приказывалъ я о своемъ долгѣ.» Когда же Лобанъ Колычевъ напоминалъ Царю, чтобы онъ шелъ на Литовскія земли, то получалъ отвѣтъ: «Тебѣ вѣдомо, что послалъ свою мысль къ своему брату, Великому Князю, и жду его отвѣтъ.»

Объ дѣлахъ Крымцевъ сначала, по видимому, приходили утѣшительныя извѣстія. Заболотской писалъ (грамота его получена 31 Декабря): «Я говорилъ Царю накрѣпко, чтобы онъ поималъ Литовскаго посла, и онъ его поималъ на Михайловъ день (8 Ноября), а самъ объявилъ, что садится на коня, но мнѣ съ собою ити не велѣлъ, и мы по этому съ Лобаномъ Колычевымъ рѣшили послать съ нимъ своихъ Казаковъ, чтобы они видѣли, какъ Царь будетъ дѣло дѣлать.» Въ слѣдъ за этой грамотой прїѣхалъ въ Москву Лобанъ Колычевъ съ послами Менгли-Гирея, который въ грамотѣ своей писалъ, что Глинскій, кромѣ выше приведенныхъ предложеній, объявлялъ отъ Александра, что «онъ готовъ заплатить тѣ деньги, которыя Царь занялъ въ Кафѣ, и впередъ платить опредѣленные поминки, но онъ, Менгли-Гирей, ждалъ отвѣта объ этомъ отъ Великаго Князя, и теперь, вѣря словамъ Заболотскаго, идетъ на Литву.» Но такъ какъ и изъ Москвы этихъ денегъ тоже не дали, какъ изъ Литвы, то Заболотской писалъ, что дѣла находятся въ слѣдующемъ состояніи: «Царь отпустилъ Литовскаго посла на Николинъ день (6 Декабря) и мнѣ говорилъ, что ему о послѣ били челомъ вельможи. Да мнѣ, Государь, Царь не вѣрилъ, что ты Литовскую землю воюешь и самъ хочешь съѣсть

на конь, да только тогда, когда прѣѣхалъ отъ Александра Литовскаго толмачъ съ грамотами и съ рѣчами о Глинскомъ, и сказалъ, что ты воюешь и города поймаешь, то мнѣ Царь повѣрилъ и съѣлъ часа того на конь, а того толмача съ собою взялъ. Да я попыталъ Царя о послѣ Литовскомъ; и онъ мнѣ сказалъ: «быть ему пойману у меня въ новомъ городкѣ, какъ туда доѣду.» При этомъ Заболотской извѣщалъ, что Царь посылалъ одного сына Мурзы воевать и про Великаго Князя отвѣдывать, и они воевали между Кіевомъ и Черниговомъ, а сказываютъ, много полону брали. Объ этомъ набѣгѣ Менгли-Гирей писалъ, что Татаръ пошло 500 человекъ, и они объ рати Великаго Князя ничего не знали, а онъ, Царь, приказалъ имъ тамъ въ полѣ зимовать, и они зимуютъ: «конямъ ихъ истома пришла, и что съ ними случилось, не вѣдаемъ; да еще посылалъ людей подъ Кіевъ воевать, и они, повоевавши, пришли назадъ; да на дорогѣ встрѣтились они съ Ордынскими Казаками, и были пограблены.»

Такимъ образомъ изъ выше изложеннаго можно видѣть, что въ настоящее время въ Крыму открылся аукціонъ, такъ какъ для обоихъ Государей, Московскаго и Литовскаго, нужно было направить Крымскую Орду, куда имъ хотѣлось. Но въ это самое время въ Литвѣ готовились встрѣтить Менгли-Гирея. Александръ назначилъ посольство въ Польшу, извѣщая, что «Череконской Царь вышелъ изъ Крыма, идетъ къ своему городу; что на этой сторонѣ Днѣпра, только неизвѣстно куда, этотъ поганинъ потянется, и если обернетъ на Литовскіе предѣлы, то Янъ Альбрехтъ далъ бы помощь на Невѣрныхъ.»¹⁰⁹ Въ Крымъ же Александръ писалъ къ Царю: «Ты къ намъ прислалъ, объявляя, что хочешь добраго житья, и въ то же время, послѣ своего посла, пустилъ въ нашу землю войну: гораздо ли такъ дѣлается? доброе ли то знамя пріязни? и если хочешь съ нами добраго житья, то войны въ наши земли не пускай, а плѣнныхъ людей выпусти!»¹¹⁰ Опасности со стороны Ахматовыхъ дѣтей теперь для Крымцевъ не существовало; Заболотской извѣщалъ въ Москву: «Сказываютъ, Орда подъ Астраханью; а сказываютъ, что на нее идутъ Ногаи; а Орда, Государь,

¹⁰⁹ Ак. З. Р. т. 1, № 104.

¹¹⁰ Тамъ же, № 107.

сказываютъ голодна.» Къ этѣмъ краснорѣчивымъ словамъ Менгли-Гирей прибавилъ въ своей грамотѣ: «Наши люди встрѣтили Ахматовыхъ дѣтей людей, что пришли нашихъ улусовъ грабить, и я велѣлъ ихъ побить.»

Послѣ полученія этѣхъ извѣстій, изъ Крыма почти полгода не приходило ни какихъ вѣстей, такъ что въ серединѣ Юня Иванъ Васильевичъ отправилъ своихъ Татаръ съ грамотами къ Менгли-Гирею и Заболотскому, чтобы узнать, что дѣлается въ Крыму. Но когда были посланы этѣ Татары, то пришли изъ Крыма грамоты отъ Менгли-Гирея, изъ которыхъ Иванъ Васильевичъ не много узналъ. Менгли-Гирей писалъ, что онъ посылалъ людей на Литовскую землю и самъ почалъ садиться на конь, но за зимою нельзя было того дѣлать, и обѣщалъ, что въ слѣдующее лѣто, какъ жнитво будетъ, пошлетъ рать подѣ начальствомъ сына. На эту грамоту послѣдовалъ соотвѣтствующій отвѣтъ; въ то же время Иванъ Васильевичъ приказывалъ Заболотскому, чтобы онъ объяснилъ ему, по чему Менгли-Гирей самъ не ходилъ воевать Литву, и что такое значить, что онъ пишетъ, будто его люди безпрестанно и много землю воюютъ, а въ Москвѣ знаютъ, что воюютъ небольшіе отряды (малые люди). Въ Октябрѣ были наконецъ получены достовѣрныя вѣсти изъ Крыма, изъ которыхъ оказалось, что Менгли-Гирей все еще ожидалъ, или изъ Литвы, или изъ Москвы, себѣ денегъ.

Въ Литвѣ объ отношеніяхъ къ Крыму разсуждали такъ же, какъ и въ Москвѣ; какъ изъ Москвы Нуръ-Даулета съ братіею обыкновенно выпускали противъ Золотоордынцевъ, такъ и изъ Литвы выпустили одного изъ братьевъ Менгли-Гирея съ Воеводой Черкаснимъ, и они напали на новой городокъ (Очаковъ) и взяли его. Менгли-Гирей, разсердившись на это, самъ сѣлъ на конь и пошелъ на Литовскую землю. Заболотской такъ описываетъ это нашествіе Крымцевъ: «Царь перевезся за Днѣпръ, и пошелъ отъ Днѣпра на Воздвиженевъ день (14 Сентября) въ Литовскую землю, къ Кіеву, а Уланы и Князя его говорятъ, чтобы онъ къ Кіеву не приступалъ, а пошелъ бы въ землю въ глубь. Князь же Великій Александръ послалъ къ Царю человека своего, и я Царю не разъ говорилъ, чтобы онъ тѣхъ людей не отпускалъ къ Литовскому, и Царь съ моихъ рѣчей того человека поималъ, а людей его перепродалъ.» Казалось, дѣло шло въ пользу Московскому

Государю, но уже въ это время Царь писалъ Ивану Васильевичу, что онъ, «слугъ наряжая на рать и много имъ давая, много одолжалъ;» а когда послѣ этѣхъ грамотъ въ Москву, въ Октябрѣ же, пріѣхалъ отпущенный Менгли-Гиреємъ Заболотской, то Царь писалъ: «что городъ, который у него Литовцы разорили, стоитъ ему 150,000 долгу, и я тебѣ то не солгу, по тому что въ томъ роту даль. А Литовскій посолъ у меня, и я его держу, пока вѣсть отъ тебя придетъ; я лиха ему не чиню: послу лиха чинить непригоже...» Заболотской объявилъ въ Москвѣ, что Менгли - Гирей воротился, не сдѣлавши ни какого вреда Литвѣ.

На смѣну послѣ Заболотскаго былъ посланъ въ Крымъ, въ Ноябрь, того же 1493 года, посломъ Константинъ Малечникъ. Онъ долженъ былъ узнать, какого ради дѣла воротился Царь и не пошелъ на Литву. Потомъ наказано было говорить Царю, чтобы Литовскаго посла не отпускалъ, такъ же и людей, которыхъ пришетъ Александръ въ Перекопъ, и къ нему бы не посылалъ, а недружбу врагу дѣлалъ. Это обыкновенная форма Наказа, а далѣе Наказъ показываетъ, какъ уже смотрѣли въ Москвѣ на Крымцевъ: «А взмолвить Царь: «Какъ мнѣ Литовскихъ пословъ не отпустить: къ Великому Князю послы Литовскіе ѣздить же, и онъ ихъ отпускаетъ?» то отвѣчать на это: «Были, Господине, послы у нашего Государя отъ Литовскаго, а пріѣзжали о тѣхъ городахъ и волостяхъ, что Государь у него поималъ, ино нельзя было тѣхъ пословъ не отпустить, занеже они пріѣзжали за опасомъ, а своихъ пословъ Государь къ Литовскому не посылавалъ и нынѣ не пошлетъ.» А спросить Царь: «Отдастъ ли Великій Князь города, которые у Литовскаго поималъ?» отвѣчать: «Тѣхъ городовъ, волостей и селъ не отдастъ, да и иные нынѣ еще поималъ;» и взолвить Царь: «Я самъ ходилъ на Литовскую землю, а Великій Князь за чѣмъ не ходилъ?» отвѣчать: «Государь не успѣлъ сѣсть на конь за нарядомъ за тяжелымъ, занеже Государь хочетъ ити на недруга нарядясь, чтобы недружбу крѣпче учинить; а рать свою на Литовскую землю посылавалъ.» Самая любопытная часть Наказа была слѣдующая: «Взмолвить Царь о харчу, что давалъ своимъ людямъ, какъ ходилъ на Литовскую землю, то говорить: «Государь мой недружбу отъ себя общимъ недругамъ доводить, а о чемъ прикажешь къ нему, и онъ тебѣ пошлетъ.» Въ заключение было наказано говорить

Царю, чтобы онъ не унималъ Царевичей, если они хотятъ воевать Литовскую землю.

Отправивши посла въ Крымъ съ такимъ Наказомъ, Иванъ Васильевичъ прекратилъ сношенія съ Царемъ на цѣлыхъ полтора года, по тому что видѣлъ, что этѣ сношенія были такія, отъ которыхъ пользы ни какой не было, кромѣ убытка. Въ это время переговоры между Москвою и Литвою о мирѣ и брачномъ союзѣ шли уже къ концу. Только лѣтомъ 1494 года Менгли-Гирей прислалъ въ Москву грамоты. Ихъ содержаніе было то, что прошлою осенью «посылалъ своихъ людей на Литву, и какъ нынѣ они воротились, то пришелъ недругъ и улусы повоевалъ, дѣтей и дочерей въ полонъ поималъ, да много коней взялъ; да посылалъ нынѣ своихъ людей къ Бѣлгороду, Литовскую землю воевать, и, сколько могъ, конями ихъ снабдилъ, а тамъ ихъ много померло...» Далѣе Менгли-Гирей извѣщаетъ, какъ его люди воевали Литовскую землю и какъ Литовскій началъ съ нимъ переговоры о мирѣ, сначала чрезъ посредничество Султана, и предлагалъ дань, но онъ Царь, съ нимъ не помирился. ¹¹¹ Въ заключеніе, Царь извѣщалъ, что Орда рѣжется между собою, и потомъ выставялъ цѣлый рядъ запросовъ. ¹¹²

Подобныя грамоты изъ Крыма, съ такими извѣстіями и требованіями, были только повтореніемъ стараго, и по тому могли только подтвердить убѣжденіе, что слѣдуетъ на время прекратить сношенія, и на грамоты не было отвѣта.

---

¹¹¹ Вообще грамоты Менгли-Гирея трудно читать, такъ какъ онѣ, кажется, подстрочный переводъ съ Татарскаго; эта же грамота особенно страдаетъ по этому безсмыслицею.

¹¹² Дѣла Крым. № 1, Посольства выше означенныхъ годовъ: они кончаются на 446 стран.

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОЧИНЕНИЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К^о),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1867.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1866 г., кн. 3 и 4-я.

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Литва.

Средство, которымъ Литовцы надѣялись остановить наступательное движеніе на нихъ Москвы.—Полуофициальная переписка Яна Забережскаго съ Яковомъ Захаревичемъ.—Сношенія Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ.—Титуль Государя всея Руси.—Сватовство.—Заключеніе вѣчнаго мира и его значеніе.—Сношенія между Москвою и Литвою по поводу договора о Греческомъ Законѣ и упорство Литовцевъ дать такое обязательство, какое требовали Москвичи.—Бракъ Александра Казимировича съ Еленой Иваиовной; Московское и Литовское описаніе его.—Враждебныя сношенія Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ по поводу титула Государя всея Руси и неисполненіе Литовцами личныхъ просьбъ Московскаго Государя.—Разрывъ сношеній и употребленіе Литовцами ходатайства Елены Иваиовны предъ ея отцемъ о дѣлахъ ея мужа.—Извѣстіе изъ Литвы о принужденіи Елены Иваиовны измѣнить Православію.

I.

Изъ всего выше изложеннаго мы можемъ видѣть, въ какихъ отношеніяхъ находилось Московское Правительство къ Литовскому за первую половину государствованія Ивана III. Всѣ труды Казимира во вредъ Московскому Государю остались бесполезными, по тому что онъ не помогалъ его врагамъ. Начало враждебныхъ

дѣйствій со стороны Москвы противъ Литвы начались со времени нашествія Ахмата подъ Алексинъ. Осенью 1473 года ходилъ Семенъ Беклемишевъ къ Любутску съ ратью Великаго Князя. Походъ былъ съ цѣлю вмѣшательства въ дѣла служебныхъ Князей. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ готовился уже къ борьбѣ съ Литвою, но сношенія съ нею не прекращались. Особенно важны они были послѣ подчиненія Новгорода, какъ было уже указано. Казимиръ требовалъ Новгорода и Великихъ Лукъ;—отвѣтомъ на это было разореніе Кіева отъ Менгли-Гирея и бунтъ Бѣльскаго съ товарищи. Но Казимиръ все таки не началъ самъ войны; онъ поднималъ по прежнему Орды и послѣдняго Князя Сѣверной Россіи, могшаго, по видимому, бороться съ Москвою, — Тверскаго. Это дѣло вышло тоже неудачно, и съ этѣмъ Казимиръ примирился. Формальнаго признанія принадлежности Москвѣ Новгорода и Твери со стороны Казимира не было и, какъ послѣ увидимъ, Литовцы на это указывали, а Казимиръ объявлялъ въ Москвѣ чрезъ посла, что Тверскому Великому Князю на просьбу о помощи даль отказъ, на основаніи своего докончанья съ Василиемъ Васильевичемъ. ¹ Иванъ же Васильевичъ взятіе Твери считалъ своимъ наступленіемъ на Литву, по тому что «Тверской Великій Князь былъ въ докончаньѣ съ Казимиромъ, быть вездѣ за одинъ, и при томъ въ близкомъ свойствѣ, а онъ, Московской Государь, взялъ Тверскую землю.» ² Казимиръ мало того, что примирился и со взятіемъ Твери, но тотчасъ же завелъ сношенія съ Московскимъ Государствомъ, напоминая ему, что онъ, Казимиръ, кончалъ съ Василиемъ Васильевичемъ, чтобъ быть имъ вездѣ за одинъ, по этому слѣдуетъ встать вмѣстѣ противъ общаго непріятеля Христіанскаго, противъ Турокъ, которые теперь наступаютъ на Стефана, Воеводу Волошкаго. Отвѣтъ на это былъ тотъ, что Московскому Государю нельзя этого дѣлать, по тому что далеко, а тѣ Государи, которые близко, должны стоять и оберегать Христіанство. ³

Сношенія съ этого времени между Москвою и Литвою не прекращаются. Этѣ сношенія были таковы, что Наказы въ Крымъ

¹ Ак. З. Р. т. 1, № 89.

² П. Дип. Сн. Р. т. 1, стр. 169.

³ Ак. З. Р. т. 1, № 88.

посламъ говорили, что «гладкости въ этѣхъ сношеніяхъ ни какой нѣтъ». Предметомъ ихъ были дѣла Князей и пограничныя ссоры. Не считаю нужнымъ входить въ разборъ послѣднихъ, такъ какъ они всегда существовали и были однообразны: такъ владѣніе нѣкоторыми землями было спорное; при томъ теперь пограничныя дѣла должны были быть еще значительнѣе, по тому что оба Государства не имѣли между собою положительно нигдѣ естественныхъ границъ, а этѣ границы, со времени заключенія послѣдняго договора Василія Темнаго съ Казимиромъ, увеличились своимъ протяженіемъ, въ слѣдствіе присоединенія къ Москвѣ Твери и Новгорода, отъ чего Московское Государство сдѣлалось и наслѣдникомъ пограничныхъ дѣлъ присоединенныхъ къ себѣ областей. Но должно замѣтить то, что въ это время пограничныя ссоры были въ близкой связи съ ссорами между собою служебныхъ Князей. Взаимныя предложенія съѣзда судей на границы оставались безъ послѣдствій. Но когда Иванъ Васильевичъ, управившись съ Казанью и считая взятіе Твери наступленіемъ на Литву, взявъ въ свои руки и обязанность руководить не только своими служебными Князьями, но и Литовскими, то наступленіе на самую Литву дѣйствительно началось. Наступленіе на Литву со стороны Москвы именно въ это время было необходимо, не только какъ мщеніе за прежнія ея дѣла и приведеніе въ исполненіе общей задачи Русской Исторіи, объединенія Руси, но и для спасенія свободы всей Европы отъ Ягайловскихъ завоеваній. Ягайловцы, отказавшись руководить народами, у которыхъ они были наслѣдственными Государями, въ то же время завоевывали другіе народы, но не оружіемъ, а посредствомъ браковъ, наслѣдствъ и избраній на престолы. Въ этомъ стремленіи быть Государями всѣхъ народовъ, Ягайловцы не стѣснялись въ средствахъ; они при избраніи на престолы давали согласіе на всевозможныя условія, и въ то же время не признавали за собой ни какихъ обязательствъ. Чѣмъ послѣ былъ страшенъ для Европы Карль V, тѣмъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія угрожали Ягайловцы; они уже сидѣли на престолахъ Литвы, Польши, Чехіи, Угріи и Семиградіи и соперничали въ своихъ завоеваніяхъ народовъ съ Габсбургами.

Послѣдній посоль, который при Казимирѣ ѣхалъ изъ Москвы въ Литву, былъ Иванъ Берсень; онъ уже не засталъ Казимиръ

мира въ живыхъ, и по этому воротился домой. Въ это время дѣятельность служебныхъ Князей, отбѣжавшихъ изъ Литовскаго подданства въ Московское, продолжалась однообразно: при помощи Московскихъ войскъ одинъ городъ за другимъ захватывался. Литовское Правительство не считало, что у него съ Московскимъ идетъ война. Но захваты со стороны Москвичей продолжались, Литва была застигнута въ расплохъ и тамошнее Правительство рѣшилось наконецъ остановить наступленіе Москвы. Ягайловцы для этой цѣли придумали особенное средство: знаменитая брачная политика не принадлежала одной счастливой Австріи, она была родовою собственностію и другой счастливой страны, Польши, и теперь ее-то и пустили въ ходъ противъ Ивана III. Конецъ XV и начало XVI вѣка такое время, что тогда достаточно было прославиться могуществомъ, или богатствомъ, какому ни будь Государю, чтобы къ нему явилась масса жениховъ для его дочерей съ притязаніемъ и наследовать его престолъ; послѣднее за ту честь, какую женихи окажутъ могущественному Государю вступленіемъ съ нимъ въ родство. Перевѣсъ въ исканіи богатыхъ невѣстъ оставался за Габсбургами и Ягайловцами. Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: какая могла быть причина того, что предки Ягайловцевъ, — Гедиминъ и Ольгердъ, — не знали подобнаго оружія для завоеванія народовъ, какое вошло въ употребленіе у ихъ потомковъ? На этотъ вопросъ можно только отвѣтить слѣдующимъ образомъ: если Государь есть только представитель своего народа, то когда этотъ народъ примиряется съ извѣстнымъ положеніемъ, тогда Государь тѣмъ болѣе естественно долженъ примириться съ нимъ; если Государь дѣйствуетъ извѣстнымъ оружіемъ, то онъ употребляетъ его только по тому, что этѣмъ оружіемъ хорошо владѣетъ его народъ. Для любовныхъ дѣлъ, для устройства выгоднаго брака, для избранія на престолъ, употребляется, по большей части, интрига, обманъ; обманъ есть орудіе слабаго, орудіе женщины; мужчина, употребляющій интригу, не стоитъ названія мужчины. Ягайловцы употребляютъ этѣ женскія орудія, но они употребляютъ ихъ по тому, что сами завоеваны отъ Литвы этѣми орудіями; Поляки ихъ завоевали бракомъ, интригой, и ополчили. Если мужчина, употребляющій интригу, какъ орудіе, есть человекъ слабый, женственный, то и народъ, дѣйствующій такимъ же оружіемъ, не можетъ быть инымъ, какъ народомъ слабымъ, женственнымъ. Но

для объясненія всего ниже слѣдующаго намъ еще здѣсь нужно замѣтить, что кромѣ интриги, какъ отличительнаго свойства всѣхъ дѣйствій Поляковъ, другая отличительная черта въ ихъ поступкахъ заключается въ томъ, что они всегда способны къ великолѣпной отдѣлкѣ всѣхъ мелочей всякаго своего предпріятія и въ то же время остаются при полномъ непониманіи самой сущности дѣла; они увлекаются этѣми мелочами до того, что наконецъ совершенно запутываются въ нихъ. Когда въ борьбѣ съ Поляками выставляютъ имъ на видъ главное дѣло и его сущность и предлагаютъ противъ него бороться, то они отъ этого отказываются и стараются свести борьбу противъ частныхъ дѣла; кромѣ того, объясняя всякій успѣхъ какого ни будь предпріятія не правотою дѣла, а только счастьемъ и личными талантами руководителя дѣла, Поляки, на основаніи всѣхъ этѣхъ понятій въ борьбѣ народовъ всегда готовы бороться противъ лицъ, противъ Правительства, но не противъ народа.

Интригою легко опутать ребенка, человѣка слабого нравственными силами, но при столкновеніи съ человѣкомъ степеннымъ, она оказывается недѣйствительной, сама собою падаетъ, и при томъ вредитъ именно тому, кто интригуетъ. Если степенный человѣкъ увлечется на время и позволитъ себѣ поддаться прелестямъ женственной интригующей націи, согласится встать на ея сторонѣ, то послѣ этого онъ скорѣй бѣжитъ, чѣмъ помирится съ такими порядками. Такъ, ни одинъ изъ Русскихъ Государей и ихъ сыновей, будучи почти постоянно кандидатами на Польской престолъ, не взошелъ на него по избранію Поляковъ; а когда одинъ Французскій Принцъ, и при томъ самый развращенный, былъ избранъ въ Короли Польши, то дѣло кончилось тѣмъ, что Король у Поляковъ сбѣжалъ. Въ описываемое же нами время, когда была пущена противъ Ивана III интрига, въ формѣ брачной системы, то онъ съ самаго начала извлекъ изъ нея всевозможную пользу для себя, а потомъ, по поводу же своего родства съ Ягайловцами, уяснилъ, что далъ за свою дочьрю въ приданое всю Русь, которая подъ властію Польши и Литвы находится; но онъ, какъ Государь всей Руси, все таки имѣетъ право наблюдать, какъ управляютъ Русью, и находя, что дурно, началъ отнимать приданое

дочери по кускамъ и завѣщаль потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе почти окончательно выполнила Екатерина II.

Начало этого великаго дѣла было таково: какъ только слава могущества и богатства Ивана III начала разноситься на Западъ, то онъ долженъ былъ отбиваться отъ жениховъ къ своимъ дочерямъ. Первымъ, сватомъ и женихомъ, явился не кто иной, какъ Габсбургъ, знаменитый Максимилианъ I; за нимъ началъ сватовство Конрадъ Мазовецкій. Но какъ только умеръ Казимиръ, то брачное оружіе было направлено и Ягайловцами изъ Литвы на наступающую на нее Москву; не рассчитали они только того, что подобное оружіе не совсѣмъ удобно противъ наступающихъ, но въ этомъ они убѣдились послѣ; теперь же, 14 Юля, 1492 г., прислалъ къ Новгородскому Намѣстнику, Якову Захарьевичу, Намѣстникъ Полоцкой, Панъ Янъ Забережскій, своего человѣка, Лаврика, съ грамотой, содержаніе которой было слѣдующее: «Господину и дядѣ моему милому, Пану Якову Захарьевичу, Воеводѣ Великаго Новгорода, отъ Яна Юрьевича. Пана Трощаго, Намѣстника Полоцкаго, челобитье. Радъ слышать твое здоровье, и здоровье твоей паньи, и дѣтей Вашей Милости; слыша это, Бога милостиваго молимъ и прославляемъ. Послали мы до тебя нашего Писаря, Лаврика, и ты бы ему дозволилъ нѣкоторые вещи покупить, да что онъ будетъ отъ насъ говорить, и ты ему вѣрь, то наши рѣчи.» Такимъ образомъ эта грамота была вмѣстѣ и вѣрющей грамотой. Яковъ Захарьевичъ услышалъ отъ Лаврика такія рѣчи, что самъ поѣхалъ въ Москву и объявилъ тамъ Великому Князю, что то рѣчи о сватовствѣ. Въ это время на границахъ Москвы и Литвы происходила настоящая война, по случаю служебныхъ Князей. Иванъ Васильевичъ приговорилъ съ Боярами по этому поводу, что Якову Захарьевичу противъ тѣхъ рѣчей своего человѣка къ Пану Яну не посылать; но послѣ къ Якову Захарьевичу, уже въ Новгородѣ, послалъ грамоту (Октября 17): «что прислалъ къ тебѣ Панъ Янъ Забережскій Писаря своего, Лаврика, и мы здѣсь съ тобою объ этомъ говорили, да приговорили не посылать тебѣ къ нему отвѣтъ; но нынѣ приговорили, что тебѣ пригоже противъ тѣхъ рѣчей послать съ отвѣтомъ, зане же и между Государями ссылка бываетъ, хотя бы и рати сходились. И ты бы выбралъ своего человѣка добраго, котораго пригоже, и послалъ бы его къ Пану

Яну отъ себя съ поминками, а грамоту вѣрющую писалъ бы отъ себя по пригожу, вѣжливо, по тому что онъ тебя почтилъ, и ты бы его почтилъ, какъ пригоже. А что ему говорить на единѣ, и я тебѣ о томъ послалъ запись. Да накажи своему человѣку: учнуть его спрашивать о мѣстахъ, которые я поймалъ, и онъ бы отвѣчалъ невѣданьемъ; а спросятъ его о нарядѣ людскомъ, и онъ бы отвѣчалъ вѣжливо: «У нашего Государя, у Великаго Князя, вся земля, обычай таковъ, всѣ люди нарядны.» Да смотрѣлъ бы тамъ твой человѣкъ, каково Королевичево дѣло съ Паны, и что слухъ про Королевичевыхъ братьевъ, про Альбрехта и Жигимонда.» Рѣчь къ Яну Забережскому отъ Якова Захаревича должна была быть слѣдующая: «Прислалъ ты къ намъ говорить, чтобы между Государями сватовство стало и между земель миръ былъ и покой. Ино, Пана, мы весьма хотимъ, чтобы далъ Богъ между Государей доброе житье; но положи на своемъ разумѣ, можно ли тому быть? Между Государей любви и единачества нѣтъ, то какъ же и тому дѣлу дѣлаться? Если бы Богъ далъ напередъ между Государей любовь и единачество было, то тогда бы и тому дѣлу могъ быть починъ.» Какъ только получилъ этотъ отвѣтъ Янъ Забережскій, то прислалъ уже грамоту въ Москву (2 Ноября), къ Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣву: «Поразумѣй у своего Государя, есть ли его воля, дать свою дочку за нашего Великаго Князя, Александра, и если бы то дѣло стало, тогда бы любовь и докончанье между ними было, по тому, какъ было при ихъ отцахъ; а что издавна служило обоимъ Панствамъ, то и нынѣ было бы по тому.» Далѣе Янъ Забережскій просилъ на это отвѣта. Такимъ образомъ первый вопросъ былъ о сватовствѣ, а потомъ о приданомъ. Но, еще не дождавшись отвѣта на послѣднюю грамоту, изъ Литвы пріѣхало въ Москву посольство (4 Ноября). Содержаніе рѣчей пословъ было о восшествіи на престолъ Александра и объ томъ, что на границахъ чинятся такія многія обиды, какихъ прежде и не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованіе войны и объявляли, что это пограничныя обиды. Но посламъ были наказаны еще рѣчи, объ которыхъ они проговорились въ первый же день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у Великаго Князя, и потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаньѣ, сказали, что у нихъ

есть объ томъ рѣчь къ Князю Ивану Юрьевичу. На третій день послѣ этого (въ Михайловъ день, 8 Ноября) послы были на пиру у Князя Патрикѣева, ѣли и пили, и начали говорить опять о сватовствѣ и докончаньѣ. На утро Великій Князь приказалъ Князю Ивану Юрьевичу послать за послами и спросить ихъ объ той рѣчи. У Ивана Юрьевича должны были присутствовать при разговорахъ еще Казначей, Дмитрій Владимировичъ, и Дьякъ, Феодоръ Курицынъ. Когда послы явились, то Князь Патрикѣевъ началъ говорить: «Пане Станиславъ, и ты, Иванъ Владыка, вы вчера намъ говорили рѣчи, да мы тогда ужъ испили, то и отложили рѣчи до нынѣшняго дня, такъ вы теперь намъ ихъ скажите!» Станиславъ Глѣбовичъ: «Господине Князь Иванъ, что я тебѣ говорилъ вчера, такъ говорилъ это отъ себя, чтобы ты похотѣлъ добра: встали бы между Государей любовь и докончанье; а наши дяди, Рада Государя нашего, вельми того хотятъ, чтобы между Государями и сватовство состоялось, любовь и докончанье, да и Панъ Янъ до тебя писалъ объ томъ листъ.» Князь Иванъ Юрьевичъ велѣлъ предъ послами читать Янову грамоту; они на это сказали: «Та, Господине, грамота намъ вѣдома, да и Радѣ Государя нашего всей.» Князь Патрикѣевъ: «Въ Яновой грамотѣ написано впереди о сватовствѣ, а потомъ о докончаньѣ, да и вы говорили также. Такъ мы съ вами о томъ говоримъ: по вашему, которому дѣлу прилично быть впередъ: любви и докончанью, или сватовству?» Послы: «Когда, Господине, будутъ наши великіе люди на то, тогда они съ вами, великими людьми, о томъ поговорятъ, а съ Божьей воли которое дѣло захотите напередъ повести, то и будетъ.» Князь Патрикѣевъ: «Ваши дяди, Рада Государя вашего, хотятъ, чтобы между Государями любовь и докончанье было, да и сватовство сталося; а наша братья и мы то же хотимъ, и какъ дастъ Богъ увидимся съ вами, то объ этомъ поговоримъ.» Послѣ этого данъ былъ соотвѣтствующій отвѣтъ на посольство о, такъ называемыхъ Литовцами, пограничныхъ ссорахъ, — имъ отвѣчали объ нихъ, какъ о ссорахъ. Патрикѣевъ замѣтилъ посламъ, что когда прѣйдутъ послы о мирѣ, то лишнихъ рѣчей не было бы при этомъ; а то прежде при Королѣ прѣѣзжалъ Богданъ о мирѣ, да много было лишнихъ рѣчей, и за тѣмъ дѣло не сталося. 12 Ноября послы уѣхали изъ Москвы. ⁴

⁴ Ак. З. Р. т. 1, № 105. Здѣсь изъ Литовской Метрики только одно посольство

15 Ноября Князь Патрикѣевъ отпустилъ въ Литву челоуѣка Яна Забережскаго вмѣстѣ съ своимъ; отвѣтъ на грамоту Забережскаго содержалъ то же, что и отвѣтъ посламъ, но была слѣдующая прибавка: «Да писалъ ты въ своемъ листѣ такъ: что издавна служило къ обоимъ Панствамъ, то и нынѣ бы было по тому же. Ино Государь нашъ, Князь Великій, Великаго Княжества Литовскаго не держитъ ничего, а держитъ, съ Божіею волею, земли свои, что далъ ему Богъ.» Такимъ образомъ эти слова содержали намекъ на то, что хотѣли уже прежде сказать Казимиру. 29 Декабря Забережскій прислалъ на это письмо отвѣтъ: «Я, Господине Княже, объ томъ дѣлѣ здѣсь съ Княземъ Бискупомъ и съ Паны Радою гораздо думали, и они пріязни между Государями хотятъ, и объ томъ говорили Государю нашему, Великому Князю, чтобы была у него съ вашимъ Государемъ вѣчная пріязнь, какъ за предковъ ихъ Милости. Государь нашъ хочетъ слать своихъ великихъ пословъ, когда вернется мой слуга отъ тебя». Далѣе, въ соотвѣтствіе намекамъ Князя Патрикѣева и общаго гордаго тона Московскихъ рѣчей и требованій, на которыя Бояре требовали непремѣннаго согласія, Забережскій писалъ: «Господине Княже Иванъ, вы своего Государя чести стережете, и мы по тому жъ чести своего Государя смотримъ, и когда тѣ великіе послы будутъ у вашего Государя, да безъ добраго конца вернутся, то самъ посмотри, къ чему доброму то дѣло пойдетъ.» Забережскій говорилъ, что послы пріѣдутъ тогда, когда вернется его челоуѣкъ, и высказывалъ желаніе, чтобы не было особенно много препятствій въ переговорахъ со стороны Москвичей

Это желаніе Литовцевъ Москвичи исполнили тѣмъ, что послѣдствовали высказать всѣ свои притязанія, 5 Генваря, 1493 года, поѣхало въ Литву посольство, впервые къ Александру, отъ Ивана Васильевича; посломъ былъ Дмитрій Давыдовичъ Загряжской. Въ слѣдъ за нимъ, 17 Генваря, поѣхалъ такъ же и челоуѣкъ Яна Забережскаго; и посланный къ послѣднему отъ Князя Патрикѣева съ грамотою. Князь Патрикѣевъ, давая общій отвѣтъ, чтобы были присланы

Станислава Глѣбовича, безъ отвѣта. Вѣроятно, издателями это посольство отнесено къ Сентябрю, когда, очень можетъ быть, оно было приготовлено для отправления, и тогда внесено въ Метрику.

послы для переговоровъ, въ отвѣтъ, на послѣднія слова Забережскаго, писалъ: «Ино, Пане, самъ поразумѣй: коли промежь Государей великіе люди вѣдять, тогда, Божьею волею, промежду ихъ доброе дѣло дѣлается.» Самое же посольство Загряжскаго по содержанію было хотя очень обыкновенное (именно: по поводу многихъ отѣздовъ Князей съ отчинами, сложенія присяги ими предъ Литовскимъ Государемъ, и объ обидахъ Князьямъ и Московскимъ подданнымъ со стороны Литовскихъ подданныхъ), но необходимое по многимъ, совершившимся въ это время, дѣламъ. Но въ этомъ посольствѣ была слѣдующая новость: вездѣ, гдѣ нужно въ посольствѣ употреблять титуль Государей, Александръ назывался Великимъ Княземъ Литовскимъ, а Иванъ Васильевичъ «Божьею милостию Государь всея Руси и Великій Князь;» въ вѣрющей грамотѣ къ этому прибавленъ былъ еще болѣе длинный титуль: «Владимирской, Московской и т. д.» На случай вопроса со стороны Литовцевъ: «Чего дѣля Великій Князь приказалъ—«Государь всея Руси,» — а напередъ того отецъ его, да и онъ, къ отцу Государя нашего такъ не приказывалъ, да и предки его такъ къ предкамъ нашего Государя не приказывали, то Дмитрію молвить на это: «Такъ Государь мой со мною приказалъ: а кто хочеть то вѣдать, и онъ поѣзжай въ Москву, тамъ ему про то скажутъ.»

Загряжской правилъ свое посольство Александру въ Вильнѣ, 6-го Февраля. Наши официальные бумаги, содержащія дипломатическія сношенія съ Литвой за это время, говорятъ объ отвѣтѣ на посольство Загряжскаго то, что въ Литвѣ сказали, что пришлютъ о всѣхъ дѣлахъ пословъ. Изъ Литовскихъ же официальныхъ бумагъ узнаемъ то, что 20 Февраля было отправлено посольство въ Москву, имѣвшее содержаніемъ отвѣтъ объ Князьяхъ отѣзчикахъ; въ посольскихъ рѣчахъ, гдѣ нужно было употреблять титуль, Иванъ Васильевичъ назывался просто «Великій Князь.» Этотъ посолъ долженъ былъ править посольство и Князю Ивану Юрьевичу. Но это посольство было возвращено назадъ съ дороги; къ посольскимъ рѣчамъ было прибавлено два пункта о взятіи Москвичами нѣсколькихъ городовъ, и они кончались словами, чтобы Московскій Государь впередъ такихъ дѣлъ не велѣлъ чинить, если съ Литовскимъ не житья не хочеть. Кромѣ прибавки пунктовъ къ посольству, самое

и свравленіе посольства было возложено на другихъ лицъ;⁵ но и этѣ послы не пріѣхали теперь въ Москву. Официальныя сношенія Правительствъ прекратились, а начались прежнія полуофициальныя. Въ Мартѣ мѣсяцѣ прислалъ въ Москву грамоту изъ Новгорода Яковъ Захарьевичъ, извѣщая, что Намѣстникъ Полоцкой, Янъ Забережскій, прислалъ къ нему своего сокольника съ грамотой о дозволеніи купить кречетовъ. Грамота Яна Забережскаго была отъ 26 Февраля; послѣ просьбы о кречетахъ, въ ней говорилось: «а что твоя Милость будетъ до насъ писать о своихъ дѣлахъ, мы ради то для тебя исполнять.» Яковъ Захарьевичъ спрашивалъ у Великаго Князя: велить ли онъ того Янова сокольника отпустить? Великій Князь на это послалъ Якову Захарьевичу такую грамоту: «Намъ видится, что къ тебѣ прислалъ Янъ Забережскій не ради кречетовъ, а посмотришь, или задираючи тебя передняго для дѣла, объ которомъ онъ напередъ къ тебѣ присылалъ, и чтобы ты къ нему и нынѣча послалъ. И мы здѣсь приговорили, что пригоже тебѣ къ нему и грамоту послать съ своимъ человѣкомъ, о переднемъ дѣлѣ, что напередъ того онъ присылалъ къ тебѣ своего человѣка съ рѣчьми, и изымаются они за то дѣло, ино дай Богъ такъ, а не изымаются, ино въ томъ намъ низости ни которой нѣтъ.» Къ Якову Захарьевичу были посланы списки съ грамоты и рѣчей, которые онъ долженъ былъ отправить къ Яну Забережскому. Рѣчи были о кречетахъ, что ихъ продажныхъ въ Новгородѣ нѣтъ, по тому что «всѣ они идуть къ нашему Государю, а у насъ нынѣ каковыя прилучились, и они вотъ передъ тобою.» Грамота же была слѣдующаго содержанія: «Пишемъ къ твоей Милости по нашему пріятельству, что напередъ присылалъ до насъ съ рѣчьми, чтобы похотѣли мы, было бы между Государями доброе пожитье и между земель покой. Да писалъ ты объ томъ же и до Князя Ивана Юрьевича, и то дѣло пошло съ Божьею милостию впередъ къ доброму концу. А нынѣ, Пане, вельми дивуемся, что такое дѣло оставя, да такіе великіе зацѣпки съ вашей стороны стались. Ино, Пане, похотите вы нынѣ между Государей всякаго добраго дѣла, то и наши дяди и братья того же хотятъ.» Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Яковъ Захарьевичъ прислалъ въ Москву отвѣтъ

⁵ Ар. З. Р. т. 1, № 109.

Яна Забережскаго на свою грамоту. Отвѣтъ былъ изъ Вильны, отъ 18 Мая, и въ немъ говорилось такъ: «Отъ нашего Государя ни какихъ зацѣпокъ не стало, а тѣмъ дѣло все остановилось, что стали зацѣпки отъ Вашего Государя: на миру воюеть и въ отчину нашего Государя войну пустиль, города и волости великіе забралъ, а иные пожогъ, людей же головами въ плѣнъ повелъ. Если бы все то было оправлено и шкоды заплачены, то мнѣ бы съ Панами братією можно было Государю представлять, чтобы между Государями доброе дѣло стало.» Послѣ этого отвѣта Иванъ Васильевичъ рѣшилъ, что Якову Захаревичу къ Яну Забережскому непригоже грамоту посылать (и съ своимъ) и съ Яновымъ человѣкомъ, а отвѣчать, что если Великій Князь Александръ пришлетъ своихъ пословъ къ Государю, то Яковъ Захаревичъ съ своей братією будетъ хлопотать о добрѣ между Государями. Но послѣ такого гордаго отвѣта вышло то, что приготовленное Литовцами въ концѣ Феврала и вторично передѣланное посольство, со вновь назначенными тогда послами, явилось въ Москву 29 Юня. Проговоривъ Великому Князю выше упомянутыя рѣчи, въ которыхъ объ новомъ титулѣ ничего не упоминалось, послы на другой день были у Князя Патрикѣва и говорили ему рѣчи отъ Великокняжеской Литовской Рады объ томъ, что изъ переписки съ Яномъ Юрьевичемъ Паны Рада узнали, что Рада Московскаго Государя хотятъ дѣло вести къ доброму концу, и по этому хотѣли уже великихъ пословъ отправить въ Москву, «какъ вдругъ отъ Вашего Государя новое дѣло пришло: онъ въ своемъ листѣ къ нашему Государю написалъ свое имя высоко, не по старинѣ, не по тому, какъ издавна обычай бывалъ. Самъ того, Княже, посмотри, гораздо ли такъ дѣлается? Старину оставляете, и въ новыя дѣла вступаете. Да кромѣ того землямъ нашего Государя многіе шкоды подѣланы; а нашъ Государь изъ старины не выступаетъ; ино, Княже Иванъ, впередъ такихъ бы дѣлъ не было, чтобы между Государями добрыя дѣла впередъ шли.» Литовскимъ посламъ дома было наказано, что когда они будутъ говорить этѣ рѣчи и если Князь Патрикѣвъ скажетъ: «Государь нашъ старше лѣтами, а вашъ Государь моложе его,» то отвѣчать: «Хотя нашъ Государь и моложе лѣтами, но въ чести не меньше, и находится въ той же мѣрѣ, какъ былъ и его отецъ, Король; а если между Государями будетъ любовь, dokonчанье и всякое добро,

тогда ихъ Милости придуть къ тому, какъ было при Великомъ Князѣ Витовтѣ.» ⁶ Князь Патрикѣевъ, какъ видно, не дѣлалъ такихъ замѣчаній о лѣтахъ Государей, и отвѣчалъ такъ: «Нашъ Государь въ своемъ листѣ къ вашему Государю ничего высокаго не писалъ и новизны ни какой не вставлялъ, а чѣмъ его Богъ даровалъ отъ дѣдъ и прадедъ, то онъ отъ начала и есть урожденный Государь всея Руси.» Относительно же Князей былъ данъ отвѣтъ черезъ Бояръ, что они — старые слуги Московскихъ Государей, и когда они теперь отъѣзжали, то ихъ обижали, и по этому велѣно было войскамъ защищать ихъ. Кончался отвѣтъ слѣдующимъ: «Говорено намъ отъ Александра, чтобы намъ съ нимъ не житья не хотѣть, то мы его никогда и не хотѣли.»

Надъ каждымъ отвѣтомъ Москвичей Литовцамъ приходилось долгое время думать. Теперь, когда они снова приготовили ⁷ посольство, спустя значительное время, и отправили его въ Москву (оно прибыло только 16 Сентября), посломъ былъ второй посолъ предшествующаго посольства, и говорилъ Ивану Васильевичу отъ Александра, что онъ, уразумѣвши отвѣтъ на предшествующее посольство, прислалъ теперь просить опасной грамоты на великихъ пословъ, которые должны пріѣхать для переговоровъ. Посолъ обязанъ былъ по прежнему обратиться отъ Пановъ Рады къ Князю Патрикѣеву, чтобы онъ довѣдался у своего Государя, хочетъ ли онъ съ ихъ Государемъ докончанья и вѣчной пріязни. Отвѣтъ былъ прежній, опасная грамота была дана, и въ ней красовались въ титулѣ Ивана Васильевича слова «Государь всея Руси». Въ продолженіе всѣхъ предшествующихъ пересылокъ видны только требованія Московскаго Правительства; Литовцы развѣ только изъ того, что Яковъ Захарьевичъ, на грамоту Яна Забережскаго о кречетахъ, заговорилъ о напрасномъ разрывѣ переговоровъ, только изъ этого они могли заключить, что Москвичи не

⁶ Этѣ рѣчи къ Великому Князю и къ Князю Патрикѣеву были содержаніемъ посольства Андрея Олехновича и Войтка Яновича; напечатаны они изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 109, III и № 110. Время пребываніе пословъ въ Москвѣ 29 Іюня—8 Іюля.

⁷ Въ Ак. З. Р. т. 1, № 113. Срокъ Посольства обозначенъ издателями «прежде Сентября.»

прочь отъ мира, но объ уступкахъ Москвичей имъ было трудно предполагать. Вѣроятно, по этому теперь, получивши опасную грамоту на пословъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, изъ Литвы въ Москву прѣѣхало посольство только 17 Января, 1494 года, а между тѣмъ оно было приготовлено 6 Ноября. Къ чему привела эта гордость Москвичей въ сношеніяхъ, свидѣтельствуесть Наказъ Литовскимъ посламъ (хотя очень не полный, какъ можно видѣть это изъ сравненія его съ переговорами), изъ котораго оказывается, что послы должны были дѣлать почти на всѣ требованія Москвичей уступки. Хотя они должны были говорить о Новгородѣ Великомъ, о Лукахъ и Ржевѣ и Великомъ Княженіи Тверскомъ, о Псковѣ и Великомъ Князѣ Рязанскомъ, о Князьяхъ отъѣзчикахъ, и при этомъ о городахъ и земляхъ, недавно занятыхъ Москвичами, и давно бывшихъ спорными, чтобы все это было по старому, на примѣръ, какъ въ договорѣ Василья Васильевича съ Казимиромъ; но послы, начавши съ Новгорода, и «если Московскій Государь того не всочетъ и они не возмогутъ приперети, то они мають ему и того попустити;» и такъ они должны были поступаться постепенно, однимъ за другимъ, «дабы докончанье шло впередъ и изъ того не рушилось.» Послы должны были даже говорить о Князьяхъ Можайскомъ, Шемяичѣ и Верейскомъ, «дабы Князь Великій Московскій гнѣвъ свой имъ отпустилъ, и отчинъ ихъ имъ поступился, а Великій Князь Александръ хочеть ихъ отпустить изъ своего Панства.»

Въ рѣчахъ къ Великому Князю послы объявили, что Александръ хочеть докончанья по тому, какъ докончалъ его отецъ съ Великимъ Княземъ Василюемъ.⁸ На другой день послѣ рѣчей, послы прислали къ Князю Патрикѣеву напомнить, чтобы былъ разговоръ, какъ о докончаньѣ, такъ и о сватовствѣ, и чтобы быть имъ у Великой Княгини Софьи, а дочери Великаго Князя тамъ же находиться. На это они получили отвѣтъ, что дастъ Богъ докончанье, тогда можно говорить о сватовствѣ и быть у Великой Княгини. Послы послѣ этого были приглашены на переговоры

⁸ Въ Ак. З. Р. т. 1, № 114, напечатанъ Наказъ Литовскимъ посламъ изъ Литовской Метрики, заключающій въ себѣ рѣчи, какія они должны были говорить о мирѣ и сватовствѣ.

о мирѣ, а когда они заговорили о договорѣ Казимира съ Василіемъ Васильевичемъ, то Бояре отвѣчали: «Тотъ договоръ заключенъ по неволѣ, а нужно заключить такой договоръ, какой былъ между Семеномъ Ивановичемъ и Ольгердомъ.» Литовцы отвѣчали, что этотъ договоръ былъ заключенъ по невзгодѣ Ольгерда и Кейстута. Когда начали говорить о Новгородѣ, Твери, Псковѣ и о городахъ захваченныхъ, чтобы быть всему этому по старому, и когда наконецъ послы объявили, что они поступаются всѣмъ, относящимся до Новгорода, Пскова и Твери, но захваченные города должны быть возвращены, а то и dokonчанью не быть, то на это, чрезъ нѣсколько времени, получили отвѣтъ: «Поступается вашъ Государь намъ Новгорода, Пскова и Твери; ино, милостью Божию, они изъ старины отчина наша, и нынѣ есть за нами, такъ что же онъ нашимъ же поступается? А если хочеть вашъ Государь dokonчанья и вѣчной пріязни, такъ пусть живетъ по старымъ dokonчаньямъ предковъ, и что за собою держитъ наше, ино бы того намъ поступился.» Послы говорили: «Государь нашъ за собою вотчинъ Великаго Князя не держитъ, а держитъ свою.» Тогда, послѣ многихъ рѣчей «въ разговоръ,» Великій Князь объявилъ чрезъ Бояръ свои главныя окончательныя условія: «Съ Божіею помощію, желая мира и dokonчанья, мы выступаемъ изъ dokonчаний нашихъ предковъ, отказываемся отъ Смоленска и Брянска, и хотимъ мира такъ: кто что держитъ въ своемъ Государствѣ, то пусть и держитъ.» Такимъ образомъ дѣло дошло до захваченнаго собственно отъ Литвы, и это все Москвичи требовали уступить; тутъ Послы объявили: «Инако дѣлать намъ не наказано, какъ уже молвили.» На этомъ переговоры остановились.

Въ Воскресенье Послы были на обѣдѣ у Князя Патрикѣва, но объ дѣлѣ не говорили; тогда Великій Князь приговорилъ, чтобы послать въ Понедѣльникъ Дьяка, Ѳедора Курицына, къ посламъ отъ Князя Патрикѣва. Курицынъ, явившись къ посламъ, сказалъ: «Посламъ меня Князь Иванъ Юрьевичъ, что присылали вы (т. е., не вы Послы, а вы въ числѣ своей братьи, Пановъ Рады Литовскаго Великаго Княжества) къ нему прежде (изъ Литвы) Пана Войтка (что былъ посломъ объ опасной грамотѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ), что хотите съ нимъ видѣться, и рѣчи говорить.» Послы отвѣчали: «Прежде присылали, старшій

изъ насъ, Панъ Бискупъ, и Панове братья, до его Милости, и говорили, что хотятъ мира, а онъ говорилъ, чтобы прїѣзжали великіе послы; а нынѣ мы прїѣхали, и дѣло еще не кончилось; а съ Господиномъ Княземъ мы ради теперь видѣться; а отказъ на это дадимъ чрезъ своего.» Когда Курицынъ вышелъ отъ пословъ, то они за нимъ послали и спросили: «Какъ видѣться съ Княземъ Иваномъ, и гдѣ говорить съ нимъ?» Курицынъ: «Гдѣ хотятъ Паны: на дворѣ ли Великаго Князя, или у самаго Князя Ивана». Послѣ этого послы отправили Писаря къ Князю Патрикѣеву, что хотятъ съ нимъ видѣться, и онъ отвѣчалъ, что видѣться имъ на Государевомъ Дворѣ, какъ по нихъ пришлетъ Князь Великій. На другой день, во Вторникъ, Великій Князь приказалъ посламъ быть на дворѣ. Прежде, при началѣ переговоровъ, послы приказывали сказать Князю Патрикѣеву, чтобы, вмѣстѣ съ переговорами о докончаньѣ, былъ разговоръ и о сватовствѣ, и чтобы имъ, посламъ, быть у Великой Княгини Софьи, и дочери Великаго Князя тутъ же находиться; теперь Князь Патрикѣевъ приказалъ сказать посламъ чрезъ Пристава: «Хотѣли вы быть у Великой Княгини, ино вамъ быть нынѣ у нее.» Послы спросили Пристава: «Быть ли дочерямъ у Великой Княгини?» Приставъ отвѣчалъ: «Дочерямъ не быть». Послѣ этого разговора послы были у Великаго Князя и у Великой Княгини, правили поклонъ отъ своего Великаго Князя и поминки явили отъ себя; точно такъ же и ихъ спрашивали о здоровьѣ ихъ Великаго Князя и объ ихъ здоровьѣ. Когда послы вышли отъ Великой Княгини, то Приставъ объявилъ имъ: «Панове, хотѣли видѣться съ Княземъ Иваномъ, и онъ здѣсь, въ другой горницѣ». Послы вошли въ эту горницу; здѣсь находились Князь Патрикѣевъ съ сыномъ, Князь Семень Ряполовскій, Казначей Димитрій Владимировичъ и Дьяки Ѳедоръ Курицынъ и Андрей Майко. Послы и Бояре говорили многія рѣчи о любви и докончаньѣ. Съ этого дни начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ Москвичами отъ Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что теперь находится во владѣнїи обоихъ Государствъ, то и должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ Московскомъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, предложили слѣдующее: такъ какъ одни Князья Вяземскіе служатъ Литвѣ, а другіе Москвѣ, и ихъ владѣнїя трудно разобрать, «и когда Государи будутъ въ докончаньѣ и кровномъ связаньѣ, о

Вязьмѣ смолву учинять и обыщутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступиться». Но такъ какъ на это не соглашались Бояре, то послы о большой части городовъ и Княжескихъ владѣній предлагали ихъ оставить «на обыскъ». Да поговоривъ много спорныхъ рѣчей, сначала «спустили о Вязьмѣ,» потомъ о другихъ городахъ, что ихъ въ доканчаньѣ написать въ сторону Московскаго Государя. Точно такъ же и Бояре «спустили» о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ волостяхъ, да на томъ и конецъ учинили; а о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали Боярамъ, что у нихъ есть посольство къ Великому Князю о сватовствѣ, и Бояре положили на нихъ, какъ они его хотятъ править. Послы рѣшили править его на другой день послѣ послѣдняго дня переговоровъ, въ Воскресенье (2 Февраля). Въ этотъ день послы были у Великаго Князя, подали вѣрющую грамоту, и старшій изъ нихъ, Петръ Яновичъ Бѣлой, говорилъ отъ Александра: «Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончанье, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лѣпшаго пожитья, была бы на то Божья воля, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной пріязни и кровномъ связаньѣ нынѣ и на вѣки». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «Слышалъ ваши рѣчи, и съ Божіей волею хотимъ то дѣло дѣлать съ вашимъ Государемъ, и какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ». Послѣ этого былъ офиціальнй обѣдъ на дворѣ у Великаго Князя, и обыкновенно слѣдующее за нимъ угощенье пословъ у нихъ на подворьѣ.

Предъ этѣмъ, какъ мы можемъ видѣть, Московское Правительство постоянно старалось отдѣлать дѣло мира отъ сватовства, и только разъ, когда переговоры остановились при разговорахъ о городахъ и волостяхъ, взятыхъ у Литвы, Бояре предложили посламъ быть у Великой Княгини, но тамъ не было дочери Великаго Князя, съ этого же времени, когда положительно опредѣлили о владѣннй земель, то переговоры о мирѣ и сватовствѣ соединяются вмѣстѣ. 5-го Февраля послы были у Великаго Князя, и Бояре съ ними говорили о докончаньѣ, и велѣли читать предъ ними образцовой списокъ договорной грамоты. Въ этомъ списокѣ, въ титулахъ Государей, Московскій Великій Князь былъ названъ «Государемъ всея Руси». Не видно, чтобы послы что ни будь сказали объ этомъ;

они похвалили списокъ, и велѣли съ него писать на чисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ докончаньѣ украинныя мѣста, а потомъ написать, чтобы служебныхъ Князей не принимать; Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили.

Послѣ этого отъ Великаго Князя вышелъ Князь Патрикѣевъ съ Боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали посламъ отъ Государя: «Говорили вы отъ своего Государя, чтобъ намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божіею волею, хотимъ ее за него дать.» Послы сказали: «Боже то дай!» Если Литовцы къ отношеніямъ Государствъ присоединили отношенія ихъ Государей, то теперь Москвичи присоединили слѣдующее: Бояре начали говорить о Греческомъ Законѣ и о Римскомъ, чтобъ Великой Княжнѣ въ томъ отъ Государя неволи не было, была бы она въ своемъ Греческомъ Законѣ. Послы объявили: «Той неволи не быть, и наши головы въ томъ порука; а какъ будутъ послы отъ Государя нашего, то и крѣпость на томъ учинять». Бояре донесли объ этомъ Великому Князю, и онъ имъ приказалъ сказать посламъ: «Если говорите, что Государь вашъ неволи не хочетъ учинить моей дочери о Греческомъ Законѣ, то мы отдаемъ за него свою дочь, и завтра будете вы у Великой Княгини, тамъ увидите Княжну, и тогда же обручанью быть».

На другой день послы пріѣхали на дворъ Великаго Князя, и пошли къ Великой Княжнѣ. Здѣсь находилась и Великая Княжна, Елена Ивановна. Впечатлѣніе, производимое Еленой Ивановной на другихъ, говорятъ, было хорошее; о послахъ, которые послѣ пріѣхали уже за ней, рассказываютъ, что когда они взглянули въ первый разъ на нее, «то уразумѣли, что это Ангелъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и подъ этѣмъ впечатлѣніемъ, засмотрѣвшись на ея красоту, они нѣкоторое время стояли безмолвно, какъ вкопанные.»⁹ Теперь второй посолъ, Панъ Станиславъ Гастольдъ, правилъ Еленѣ Ивановнѣ отъ Великаго Князя Александра поклонъ, и при томъ представили поминки. Великая Княжна велѣла Окольничему спросить о здоровьѣ пословъ, объ здоровьѣ же Великаго Князя не спрашивала. Послѣ смотринъ, когда послы вышли отъ Великой

⁹ Ак. Юж. и Зап. Р. т. 2, № 79, стр. 112.

Княгини, то Казначей, Димитрій Володимировичъ, отъ Великаго Князя и Бояръ спросилъ: «Панове! Видѣли вы Великую Княжну, ино какъ дѣлу быть?» Послы отвѣчали: «Вы, Бояре, вчера говорили, что нынѣ обручанью быть, такъ то дѣло и было бы». Димитрій Володимировичъ объявилъ объ этомъ Великому Князю. Тогда Князь Великій, «сѣдъ съ Великою Княгиною, и Княжна тутъ же была да и Бояре,» пригласили пословъ и началось обручанье: Священники читали молитвы; крестами, цѣпями и перстнями мѣнялись. Мѣсто Великаго Князя, Александра, при обручаньѣ заступалъ второй посолъ, Панъ Станиславъ Гастольдъ, а первый посолъ былъ отъ этого отставленъ того дѣля, что у него была другая жена.

Послѣ обручанья послы поѣхали къ себѣ на подворье, и на другой день были приглашены на дворъ Великаго Князя. Бояре имъ объявили, что докончальныя грамоты уже переписаны на чисто, и по этому Государь къ грамотѣ, которая должна быть у Великаго Князя, Александра, велить привѣситъ свою печать, и крестъ на ней поцѣлуеть, а послы бы то же сдѣлали за своего Государя, что онъ поцѣлуеть крестъ на докончальной грамотѣ и свою печать къ ней привѣситъ. Послы дали согласіе, и послѣ этого происходило крестное цѣлованіе Ивана Васильевича и пословъ на докончаньѣ.

Такимъ образомъ былъ заключенъ договоръ о вѣчномъ мирѣ и союзѣ между Московскимъ и Литовскимъ Государствами.¹⁰ 9-го Марта отправилось въ Литву изъ Москвы посольство, для присутствія при присягѣ Александра на договорѣ; присяга была дана. Приобрѣтенія по договору для Москвы были весьма значительны: между Псковскими, Новгородскими и Тверскими областями, отчинами Московскаго Государя, границы шли по старымъ рубежамъ; далѣе граница шла отъ Ржевы на юго-востокъ дугою, оставя Вязьму и Рославль въ Московскихъ владѣніяхъ, а Брянскъ въ Литовскихъ. Но для насъ не столько важны земельныя приобрѣтенія, утвержденныя этѣмъ договоромъ за Москвою, какъ то, что съ этѣмъ договоромъ и переговорами о немъ связана, мож-

¹⁰ Этотъ договоръ напечатанъ изъ Польскихъ дѣлъ у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 222—234; у Карамзина т. 3, пр. 396; С. Г. Г. и Д т. 5, № 29.

но сказать, исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Московскаго Государства къ Польско-Литовскому; здѣсь собственно начинается ихъ новая исторія. Стремленіе къ прекращенію средневѣковыхъ отношеній Государствъ первые высказали Литовцы, именно тѣмъ, что они, хотя натолкнутые необходимостію, поставили условіе, что впередъ служебныхъ Князей съ отчинами не принимать, и тѣмъ дѣлали препятствіе одному изъ старыхъ средневѣковыхъ порядковъ. Починъ этого дѣла принадлежалъ Литовцамъ, потому что Польско-Литовское Государство, представитель средневѣковой Европы въ новѣйшія времена, не могшее уничтожить у себя старыхъ, вредныхъ для Государства, порядковъ, хотѣло устроить дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы враги не могли пользоваться этѣми порядками въ свою пользу. Но Литовцы только и сдѣлали въ свою пользу, между тѣмъ какъ Московское Государство, со времени борьбы Дмитрія Шемяки съ Василюмъ Темнымъ, стало на столько твердо на почвѣ новыхъ Государственныхъ началъ, что отдѣляло интересы Государства отъ личныхъ интересовъ Государя; Литовцы же въ этомъ отношеніи, подъ вліяніемъ средних вѣковъ, и изъ за временныхъ выгодъ, не только желали навязать Москвичамъ подобные приемы, не отдѣлять интересы Государства отъ личныхъ интересовъ Государя, но и сами оставили этѣ порядки у себя. Мало того, они допустили употребленіе въ договорѣ титула «Государь всея Руси,» и при томъ, сдѣлавши всякіе уступки требованіямъ Москвичей, за брачный союзъ Александра съ дочерью Ивана Васильевича, поторопились еще дать обѣщаніе о Греческомъ Законѣ. Это обѣщаніе развилось въ заключеніе въ главное отношеніе и въ право вмѣшательства Москвичей во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго Государства, какъ покровителей лицъ, принадлежащихъ къ Восточной Греко-Россійской Церкви. Въ этомъ отношеніи Литовское Правительство при Александрѣ, желая устроить свои отношенія къ Москвѣ, какъ они были при Витовтѣ; напротивъ, дало возможность разрушить то, что съ такимъ успѣхомъ подвигали впередъ Ольгердъ и Витовтъ своимъ стремленіемъ имѣть для Литовско-Русскаго Великокняженія самостоятельную церковную іерархію, не зависящую отъ Митрополитовъ, жившихъ въ Москвѣ. Это новое право Московскаго Правительства явилось отъ того, что оно воспользовалось обѣщаніемъ Литовцевъ о Греческомъ Законѣ и развить его, въ

дѣйствительное обязательство; послѣднему способствовало то, что Литовцы, давши собственно право слѣдить за чистотою Православія одной Елены Ивановны, своими поступками и неосмотрительностію, въ родѣ того, что они постоянно оправдывались, что въ Литвѣ Православныхъ не нудятъ къ Римскому Закону, такъ сказать, показали Москвичамъ, что они признаютъ дѣйствительно, во всей цѣлости, за ними право защитниковъ Православія.

Съ мгновенія утвержденія этого договора Александромъ цѣль дѣйствій всякаго истинно Русскаго Правительства опредѣлилась на всю будущую исторію такъ, что оно должно дѣйствовать, если не желаетъ рисковать собственнымъ своимъ существованіемъ, во первыхъ, только въ интересахъ Государственныхъ, во вторыхъ, что Московскій Государь есть въ то же время Государь всея Руси, и въ третьихъ, что Государь всея Руси имѣетъ право и обязанъ защищать Православныхъ. Но такъ какъ самый договоръ 1494 г., 5-го Февраля, не давалъ еще права толковать съ Литовцами о людяхъ Греческаго Закона, то все за тотъ же бракъ, тотчасъ послѣ перваго договора, Московское Правительство вытребовало отъ Литовскаго обязательство и на это.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: не уже ли же Литовское Правительство, ни минуты не подумавши, рѣшилось такъ дорого купить жену для своего Государя? Мы видѣли и увидимъ ниже, что, напротивъ, Литовцы надъ этѣмъ очень много думали, но въ конечномъ итогѣ пришли къ убѣжденію, что можно поступать такъ, какъ они поступали, и выказали этѣмъ убѣжденіемъ презрѣніе ко всему, носящему Русское имя, презрѣніе, какое можетъ чувствовать только Полякъ, и въ особенности ополячившійся: они дѣлали за бракъ уступки въ надеждѣ, не только сдѣлать ихъ въ послѣдствіи недѣйствительными, но даже были убѣждены, какъ увидимъ ниже, что всѣ захваченныя земли будутъ безвозмездно имъ возвращены, и даже будетъ сдѣлано что-то болѣе того. Но въ этомъ убѣжденіи ополячившіеся люди ошиблись, для того, чтобы почувствовать къ Русскимъ людямъ еще больше презрѣніе, и послѣ этого поступать съ ними еще болѣе неосмотрительно, чтобы, въ заключеніе, еще больше ошибиться.

II.

Какъ только Иванъ Васильевичъ поцѣловалъ крестъ на договорѣ, то велѣлъ посламъ выступить въ другую горницу, и выслалъ къ нимъ Князя Патрикѣева съ Боярами. Бояре говорили посламъ о томъ, чтобы Великій Князь Александръ далъ утвержденную грамоту о держаніи Еленою Ивановной Греческаго Закона, и при этомъ велѣли прочесть предъ послами образецъ такой грамоты; она была слѣдующаго содержанія: «Мы, Александръ (титულъ), дали есмы этотъ листъ брату моему и тестю, Юанну, Государю всея Руси (титулъ), на то, что за меня далъ свою дочь, Елену, и намъ его дочери не нудить къ Римскому Закону, держать ей свой Греческій Законъ». Выслушавъ грамоту, послы сказали: «Такую грамоту нашъ Государь дастъ за своею печатью». Списокъ съ этой грамоты они взяли себѣ. Въ Воскресенье на Масляное заговѣнье былъ посламъ офиціальнѣй обѣдъ у Великаго Князя; здѣсь ихъ дарили, «сватовства дѣля», отъ Великаго Князя, Великой Княгини и невѣсты. Послѣ пира пословъ угощали (посили) на ихъ подворьѣ; а на другой день Великій Князь послалъ къ нимъ противъ ихъ поминокъ, «да что и свыше надавалъ». 11-го Февраля посламъ былъ данъ отнукъ, а 12-го они поѣхали въ Литву.

9-го Марта отправилось изъ Москвы въ Литву посольство, съ громаднымъ поѣздомъ; оно ѣхало, какъ для присутствія при цѣлованіи креста Александромъ на договорѣ о мирѣ, такъ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Алексадру: ¹¹ «Мы, съ Божією волею, даемъ свою дочь за тебя, и обручали ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о Греческомъ Законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери Греческой Законъ, и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ; да послы взяли и списокъ, какую тебѣ дать грамоту о Греческомъ Законѣ за своею печатью, и ты бы далъ ее намъ». Московскимъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, чтобы Великій Князь Александръ далъ такую грамоту слово въ слово по списку, а если Великій Князь крѣпко не захочетъ давать грамо-

¹¹ Рѣчи Московскихъ пословъ этого посольства напечатаны изъ Литовской Метрики въ Актахъ Зап. Рос. т. 1, № 116.

ты, то объ ней не стоять, а утвердить его рѣчьми, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что неволи въ Вѣрѣ Еленѣ Ивановнѣ не будетъ. А начнутъ Боярамъ говорить о срокѣ, когда по Княжну прѣзжать, то назначать срокъ на раиѣ Петрова (29-го Юня), или Ильина (20-го Юля), дни, а если захотятъ позднѣе, то на ихъ волѣ »

По дорогѣ въ Литву вездѣ Боярѣ встрѣчали съ почетомъ и угощали; еще большій почетъ былъ имъ оказанъ въ Вильнѣ. Когда Бояре проговорили рѣчи о сватовствѣ, то имъ, безъ всякихъ разговоровъ, подали грамоту о Греческомъ Законѣ. Но прочитавъ грамоту, Бояре отказались ее принять, по тому случаю, что въ ней была приставлена строчка противъ Московскаго списка: «а коли похочетъ своею волею приступить къ нашему Римскому Закону, ино ей въ томъ воля». О крѣпкомъ словѣ, которымъ можно было ограничиться, они уже не упоминали. На отпускѣ этѣхъ пословъ Великій Князь Александръ, отступивъ немного отъ своего мѣста, давалъ руку Боярамъ и говорилъ: «Мы брату и тестю нашему дягуемъ за то, что онъ хочетъ съ нами жить въ кровномъ связаннѣ и вѣчной пріязни.» Послѣ же его словъ, бывшій посломъ о мирѣ и сватовствѣ, Панъ Петръ Яновичъ, Воевода Троицкій, говорилъ: «Нашъ Государь, по желанію вашего, давалъ вамъ листъ о Греческомъ Законѣ, и вы его не хотѣли взять, и по этому нашъ Государь пошлетъ до вашего своихъ пословъ объ этомъ дѣлѣ и о другихъ». ¹² Съ этѣмъ отказомъ Бояре (30-го Апрѣля) поѣхали въ Москву. Ихъ провожали по прежнему; но послѣ этого посольства пересылка о сватовствѣ на время прекратилась, и обѣщанное посольство не являлось слишкомъ три мѣсяца. Изъ Москвы не заговаривали объ этомъ дѣлѣ, и пересылки между Правительствами шли о дѣлахъ служебныхъ Князей. ¹³ Наконецъ, 13-го Августа,

¹² Слова Александра и рѣчь Воеводы Троицкаго напечатана изъ Литовской Метрики въ Ак. Зап. Р. т. 1, № 116. II.

¹³ Было два Посольства: изъ Литвы о Князѣ Мезецкомъ и изъ Москвы о Княгинѣ Бѣльской. Посольство о Князѣ Мезецкомъ напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 122. Посольство дѣйствительно было въ Октябрѣ, котораго же числа оно было, я изъ дѣлъ Польскихъ не замѣтилъ. Впрочемъ, этѣ Посольства по своему значенію не важны.

приѣхалъ изъ Литвы посолъ, Лютаворъ Хребтовичъ. Въ рѣчахъ къ Великому Князю онъ благодарилъ, по прежнему, отъ имени своего Государя, за то, что Иванъ Васильевичъ даетъ за него свою дочь, и потомъ прибавилъ, что Великій Князь, Александръ, давалъ Боярамъ грамоту по тому, какъ той грамотѣ слѣдовало быть, но они ее не взяли. Лютаворъ представилъ и списокъ грамоты.¹⁴ Объ этомъ же говорилъ Лютаворъ и Боярамъ, которые въ послѣдній разъ были послами въ Литвѣ. Когда дѣло дошло до переговоровъ съ Боярами, то послѣдніе прямо объявили: «Паны послы, Петръ и Станиславъ, общались, что Великій Князь Александръ дастъ требуемую грамоту слово въ слово противъ списка; такъ отъ чего же онъ теперь ее не даетъ?» Лютаворъ отвѣчалъ: «Что мнѣ наказалъ мой Государь, то я и говорилъ Великому Князю, а больше мнѣ ни чего не наказано». На этотъ отвѣтъ Бояре сказали: «Великій Князь согласился дать свою дочь за вашего Государя, если онъ дастъ грамоту о Греческомъ Законѣ, какую видѣли сами Паны послы; но когда Великій Князь Александръ такой грамоты не даетъ, то и нашему Государю нельзя за него дать своей дочери; и то дѣло не мы рушимъ, а рушить его Великій Князь Александръ».

Послѣ этѣхъ переговоровъ Лютаворъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ Великому Князю, Василию Ивановичу, и послѣ обѣда сказалъ своему Приставу, что ему нужно видѣться съ Бояриномъ Дмитріемъ Володимировичемъ и Дьяками; по этому онъ былъ приглашенъ прибыть для разговоровъ на слѣдующій день. Теперь Лютаворъ говорилъ: «Пане Дмитріе! Вчера ты намъ говорилъ отъ своего Государя: такъ что же вашъ Государь не хочетъ брать таковой грамоты, какую мы давали, и того дѣла не хочетъ дать своей дочери за нашего Государя? А нашъ Государь прислалъ съ нами и другія рѣчи; да ему казалось, что прежней грамоты Бояре не взяли ради спора; а то, что строка о Римскомъ Законѣ вставлена въ той грамотѣ, такъ онъ чаялъ, что вашъ Государь ту строку полюбить. Вы же не думайте, что я говорилъ, что нашъ Государь не дастъ такой грамоты, какой вы требуете; такого дѣла я не

¹⁴ Рѣчи Лютавора къ Великому Князю напечатаны изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 116, III, первые три пункта.

могу на себя взять, по тому что мнѣ того не наказано. По моему же разуму кажется, что если вашъ Государь накажетъ о той грамотѣ со мною, то нашъ Государь пришлетъ ее, и строчку о Римскомъ Законѣ велитъ выкинуть, по тому что не уже ли изъ за строчки между Государями свойству не быть? да и нашъ Государь во всемъ полагается на вашего». Послѣ такой рѣчи Лютавору данъ былъ образцовый списокъ грамоты о Греческомъ Законѣ, и Бояре сказали: «Прежде Бояре съ Панами говорили о срокѣ, когда прїѣзжать за Княжной, да тогда дѣло о грамотѣ не сведось, такъ и о срокѣ конца не уложили; а теперь бы Князь Великій, Александръ, прислалъ ту грамоту не мѣшкая, и съ кѣмъ ту грамоту пришлетъ, то съ тѣмъ бы и о срокѣ наказалъ, чтобы намъ было вѣдомо.»

И такъ дѣло встало, какъ желали въ Москвѣ. Лютаворъ поѣхалъ въ Литву 30-го Августа. Но тамъ опять надъ этѣмъ дѣломъ продумали до Ноября мѣсяца. Въ этѣ промежутки между посольствами о сватовствѣ, какъ надо полагать, происходили пересылки между Вильной и Римомъ о бракѣ Католическаго Государя съ дочерью раскольника, и изъ Рима дано было дозволеніе рѣшиться на такое дѣло по нуждѣ. Въ Ноябрѣ (16) прїѣхалъ изъ Литвы въ Москву Писарь Адамъ: онъ привезъ требуемую грамоту о Греческомъ Законѣ и объявилъ, что Паны за Княжною прїѣдутъ на Рождество Христово.¹⁵ Самъ Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на это посольство, «что если Паны, за которыми дѣлами не успѣютъ въ Москвѣ быть на тотъ срокъ, то, по крайней мѣрѣ, были бы на Рождествѣ, такъ, чтобы нашей дочери быть у Великаго Князя, Александра, за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго».

На Крещенье 1495 года прїѣхало въ Москву посольство за Княжной. Еленой Ивановной; въ числѣ пословъ былъ много хлопотавшій о сватовствѣ Панъ Янъ Забережскій, но съ послами не было ихъ женъ. Послѣ рѣчей пословъ о цѣли ихъ прїѣзда и правленія поклоновъ семейству Великаго Князя, они явили отъ себя поминки Великому Князю, его дѣтямъ и внуку; когда по-

¹⁵ Рѣчи Пана Адама см. Ак. З. Р. т. 1, № 116, IV, и грамоту о Греческомъ Законѣ V; Дана эта грамота 26 Октября, индикта 13, въ Ковнѣ.

слы, правили отъ Александра поклонъ и представили поминки отъ себя Княжнѣ, Еленѣ Ивановнѣ, то Княжна, чрезъ Боярина, дяковала Панамъ. Въ этотъ день приѣма пословъ для нихъ былъ данъ торжественный обѣдъ. Литовское описаніе этого посольства ¹⁶ рассказываетъ, что во время пира самъ Царь и Великій Князь Московскій, вспомнивъ подарки, пилъ романею за здоровье Великаго Князя, Александра, и выпивши молвилъ: «Чѣмъ бы тѣ подарки можно отдарить?» Послы встали и низко ударили челомъ, какъ Царю, и сказали: «Тѣ подарки потребуютъ великой пріязни Вашей Царской Милости къ нашему Великому Князю, Королевичу Польскому, Александру». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «А какой? Не откажу». Послы въ другой разъ поклонились и сказали: «Нашъ Великій Князь не имѣетъ отца, такъ просить, чтобъ твоя Царская Милость принялъ его и былъ ему вторымъ отцомъ, давши за него дочь свою, Елену». «До утра», сказалъ Иванъ Васильевичъ, «а теперь прошу будьте веселы въ палатахъ нашихъ», и, сказавъ это, вышелъ вонъ, приказавъ Боярамъ угощать Пановъ. Послѣ угощенья на дворѣ, Бояре отправились угощать Пановъ на ихъ подворья.

Это было 10-го Генваря, а 11-го, въ Воскресенье, послы встали рано и поѣхали къ обѣднѣ въ Успенскій Соборъ; здѣсь былъ Иванъ Васильевичъ, обѣдню служилъ самъ Митрополитъ. По окончаніи службы послы, приглашенные черезъ Бояръ, пошли за Иваномъ Васильевичемъ. Когда они вошли въ покои, Великій Князь спросилъ ихъ о здоровьѣ. Послы благодарили за вчерашнее угощенье и сказали: «Государь нашъ челомъ бьетъ о дочери вашей, Еленѣ, и будетъ вамъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ на всякаго непріятеля». Иванъ Васильевичъ заплакалъ и сказалъ: «Если такъ Богу угодно, то да будетъ его воля!» За это послы опять били челомъ «до земли». Московскій офиціальный рассказъ объ этомъ времени, не упоминая о слезахъ Ивана Васильевича,

¹⁶ Напечатано въ Ак. Юж. и З. Р. т. 2, № 79. Эта записка позднѣйшей переписки и изъ сличенія ея съ Московскими офиціальными бумагами оказывается, что она въ нѣкоторыхъ данныхъ расходится съ ними; это могло произойти отъ того, что въ Литовской запискѣ главное вниманіе обращено на пиры и чувствительныя сцены, въ Московскихъ же бумагахъ только на политическую сторону дѣла.

говорить, что послы были у Великаго Князя и онъ имъ говорилъ: «Шанове, молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобы онъ, на чемъ намъ слово молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, и нашу дочь ни которыми дѣлами къ Римскому Закону не нудилъ; а если и похочетъ наша дочь сама къ Римскому Закону приступить, мы ей на то воли не даемъ, да и онъ ей тоже на то воли не давалъ бы, чтобы изъ за этого между нами любовь и дружба не рушилась. Да также молвите ему: какъ дастъ Богъ наша дочь будетъ за нимъ, то онъ ее, нашу дочь, а свою Великую Книгиню, жаловалъ бы и держалъ такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша къ своей дочери его жалованье, были о томъ веселы. Да молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобы онъ учинилъ, насъ для, велѣлъ нашей дочери, а своей Великой Книгинѣ, поставить церковь нашего Греческаго Закона на переходахъ у своего дворца, у ее хоромъ, чтобы ей близко къ церкви ходить, а его бы жалованье нашей дочери намъ добро слышати. Да молвите отъ насъ Бискупу да Панамъ, вашей братьѣ, всей Радѣ, да и сами того поберегите, чтобы братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, чтобы между насъ братство, любовь и прочная дружба не порушилась, доколѣ дастъ Богъ». И въ этотъ день послы обѣдали у Великаго Князя.¹⁷

12-го Генваря послы были приглашены на дворъ Великаго Князя и были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ. Послы сказали, что вѣнчать Великаго Князя Бискупу, а Княжну Митрополиту, а если его не будетъ, то Владыкѣ. Объ этомъ рѣшеніи въ этотъ же день послы отправили въ Литву грамоту. Послѣ переговоровъ объ вѣнчаньѣ шли еще переговоры о Князьяхъ. Такъ описываютъ этотъ день Московскія правительственныя бумаги; но, вмѣсто разсказа объ этѣхъ событіяхъ, Литовская записка говоритъ, что когда послы пріѣхали въ этотъ день въ экипажѣ, присланномъ за ними, на дворъ Великаго Князя, то онъ, взявши двухъ старшихъ пословъ за руки, повелъ ихъ чрезъ свои комнаты, обитые золотомъ, къ Великой Книгинѣ; съ ними шелъ и Митрополитъ. Когда во-

¹⁷ Въ Литовской запискѣ сказано, что послѣ слушанія у Царя Митрополитъ просилъ пословъ къ себѣ на кушанье, а въ Московской правительственной запискѣ сказано, что послы ѣли у Великаго Князя, а не пили; поитъ посылали на подворье.

шли къ Великой Княгинѣ, то послы поклонились ей до земли и просили у нея дочери ея замужъ за ихъ Государя. Великая Княгиня отвѣчала: «То Божья воля и дѣло моего Государя» (Царя). Въ это время вошла Княжна Елена Ивановна къ своему отцу, и уклонившись стала. Послы, взглянувши на нее, уразумѣли, что это ангель въ человѣческомъ тѣлѣ, и, засмотрѣвшись красотѣ, нѣкоторое время стояли какъ вкопанные; потомъ пали ей до ногъ и просили, чтобы она ихъ Государя держала въ ласкѣ; она же заплакала. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ спросилъ пословъ, имѣютъ ли они съ собою портретъ Великаго Князя Александра? По этому послали на подворье, и портретъ былъ принесенъ. Александръ былъ написанъ весьма красивый: лицо бѣлое, щеки румяныя, глаза черныя, усъ только что пробивался. Посмотрѣвъ на портретъ, Иванъ Васильевичъ сказалъ: «Настоящій Королевичъ Польской! Ну, Елена, пусть малеванный остается у меня въ покояхъ, а тебѣ живой Великій Князь Александръ будетъ навсегда пріятель». Послѣ этѣхъ словъ Иванъ Васильевичъ благословилъ дочь, а послы, ударивши челомъ, цѣловали руку Цареву, Царицыну и Царевны, и имъ сказано, что ѣхать въ путь завтра рано.

13-го Генваря, послѣ обѣдни въ Успенскомъ Соборѣ, на которой присутствовали: самъ Великій Князь съ Великою Княгинею, снохою, дѣтьми и Боярами, было прощанье. Великій Князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ Пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что и прежде. Послѣ этого они вышли на помость, у котораго стояла танкана (экинажъ), долженствовавшая везти Елену Ивановну въ Литву: здѣсь, простившись съ дочерью, Великій Князь давалъ руку Панамъ и приказалъ передать Александру отъ себя и Великой Княгини поклонъ, а отъ дѣтей челобитье. Въ третьемъ часу дня Елена Ивановна, сопровождаемая громаднымъ поѣздомъ и обозомъ съ вещами, выѣхала изъ Москвы.¹⁸ До Дорогомилова провожалъ ее Великій Князь Василій;

¹⁸ Въ Литовской запискѣ сказано, что послы, съѣвши обѣдъ у Великаго Князя, взявши листы и поминки, выѣхали изъ Москвы. Въ Московскихъ бумагахъ объ обѣдѣ ни чего не сказано. Въ Литовской дажѣ говорится, что поѣздъ для проводовъ состоялъ изъ войска въ 2,000 человѣкъ, а возовъ скарбныхъ съ гербами выправлено до Литвы нѣсколько тысячъ.

здѣсь онъ угощалъ пословъ обѣдомъ; Княжна же обѣдала у себя; на другой день послы поѣхали впередъ, Княжна же дневала на Дорогомиловѣ; къ ней пріѣхали отецъ, мать и Великая Княгиня, Елена. Отецъ, пробывъ нѣкоторое время, воротился въ Москву; Великія же Княгини остались почевать у невѣсты; на третій день отецъ опять пріѣхалъ къ Еленѣ Ивановнѣ; теперь было настоящее прощанье, и послѣ обѣдни свадебный поѣздъ двинулся въ путь.

Отпуская въ Литву свою дочь, Иванъ Васильевичъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о Греческомъ Законѣ и, кромѣ того, память: «въ Латинскую божницу не ходить, а ходить ей къ своей церкви; а захочетъ посмотрѣть Латинскую божницу, или монастырь, то посмотрѣть разъ, или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильнѣ мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ ити съ собою, то проводить свекровь до божницы, и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить». ¹⁹ Да кромѣ того инья многія рѣчи говорилъ Иванъ Васильевичъ своей дочери, чтобы она крѣпко держала Греческій Законъ, а къ Римскому не приступала.

Во главѣ посольства къ Александру находились: Князь Семень Ряполовскій и Михайло Русалка; съ ними ѣхали ихъ жены. Посламъ было наказано, какъ Княжна будетъ ѣхать въ Вильну, то по дорогѣ въ городахъ заходить въ соборныя церкви и монастыри; гдѣ встрѣтятъ Княжну большіе Паньи, то женамъ Семеновою и Михайловою выступить изъ тапканы, встрѣтить Паней; а садиться Паньямъ въ тапкану, одной или двумъ большимъ, рядомъ съ Княгиней Ряполовскою; если встрѣтитъ Княгиня Омельковичъ, то передъ ней Княжнѣ приподняться и посадить противъ себя. Да при случаѣ молвить какъ пригоже, чтобы Паньи не за всегда сидѣли въ тапканѣ, а почевать имъ у Княжны не позволять. Вообще на обѣдѣ у Княжны и посламъ не быть; а если учнегъ бить челомъ какой ни будь Пань, что хочетъ дать Княжнѣ обѣдъ,

¹⁹ Этотъ Наказъ Еленѣ Ивановнѣ напечатанъ у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 235; дагѣ напечатанъ списокъ Бояръ и Дѣтей Боярскихъ, которые поѣхали съ Великою Княжною.

то Княжнѣ обѣдать, но чтобы на обѣдѣ Пана не было, а была бы только его жена. Великому Князю Тверскому, Князьямъ Шемяичу, Можайскому, Ярославичу и Верейскому, если они, или ихъ жены, захотятъ бить челомъ Княжнѣ, то имъ у нея не быть; да когда Княжна пріѣдетъ въ Вильну, сказать Великому Князю, Александру, чтобъ этѣ Князья и ихъ жены къ его супругѣ не ходили. Кромѣ этого данъ былъ подробный Наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы и главное то, что Елена Ивановна на вопросъ Бискупа при вѣчаньѣ, о томъ, любъ ли ей Великій Князь Александръ, должна отвѣчать: «Любъ мнѣ, и не оставитъ мнѣ его до живота ни которые ради болѣзни, опричь Греческаго Закона: держать мнѣ Греческій Законъ, а ему меня къ Римскому Закону не нудить.» А Князь Семень Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ Бискупу, чтобы и Великій Князь Александръ у того же вопроса молвилъ, что ему къ Римскому Закону своей жены не нудить; остальные пункты Наказа были въ томъ же тонѣ.

По Наказу, по пріѣздѣ въ Вильну, Бояре прислали въ Москву подробное описаніе ²⁰ случившагося во время пути и при вѣчаніи. На дорогѣ къ Вильнѣ встрѣтили Княжну Князья Вяземскіе и принесли поминки. За 5-ть верстъ до Смоленска встрѣтили поѣздъ Паны послы, уѣхавшіе впередъ изъ Дорогомилова, Намѣстникъ Смоленскій и всѣ Смоленскіе жители; Намѣстникъ съ Панами, сошедши съ коней, подошли къ Князю Ряполовскому; онъ вышелъ изъ саней и, пошелъ съ ними къ тапканѣ, и представилъ Княжнѣ.

Когда поѣздъ въѣхалъ въ Смоленскіе посады, то Московскія Дѣти Боярскія сошли съ коней и шли пѣшкомъ около тапканы; около моста Бояре, Князь Семень и Михайло, вышли изъ саней и также шли пѣшкомъ до Соборнаго храма; здѣсь встрѣтилъ Княжну, въ сопровожденіи духовенства, Смоленскій Владыка съ крестомъ и благословилъ имъ; Княжна вошла въ церковь и слушала молебенъ. Послѣ молебна Княжна поѣхала къ себѣ на дворъ,

---

²⁰ Оно напечатано съ копій въ Древ. Рос. Вивл. ч. XIV, стр. 4—22; здѣсь же помѣщенъ Наказъ Еленѣ Ивановнѣ и списокъ лицъ, составлявшихъ посольство и поѣздъ.

куда ее провожали Паны; тутъ Княжна приказала Князю Ряполовскому подчивать ихъ виномъ. На другой день послѣ обѣдни, на которой присутствовала и Княжна, пришли къ ней въ свѣтлицу бить челомъ: жена Намѣстника съ падчерицею и жена Маршалка, Кошкина; тутъ же явился и Смоленскій Владыка съ поминками; ихъ посадили на лавкѣ и подавали вино: Паньямъ сама Княжна, Владыкѣ Князь Ряполовскій. При выѣздѣ изъ Смоленска Намѣстникъ проводилъ поѣздъ съ версту за городъ. Подобное жѣ происходило при проѣздѣ во всѣхъ городахъ Западной Россіи; всюду по мѣстамъ быто било изъ пушекъ, гдѣ до какого мѣста Царевна прѣѣзжала на обѣдъ, или на ночь. Еще до Смоленска Бояре начали говорить Панамъ о вѣнчаньѣ, чтобъ быть ему въ Греческой церкви и вѣнчать Митрополиту, или Владыкѣ, или Архимандриту. Паны имъ не давали отвѣта, а говорили, что обсылались объ этомъ съ Великимъ Княземъ, а онъ имъ отвѣта не далъ. Наконецъ, подѣзжая къ Вильнѣ, Бояре начали говорить Панамъ съ бранью, по чему они отвѣта не даютъ о вѣнчаньѣ, и Паны, поговоривъ между собою, отпустили Яна Забережскаго къ Великому Князю. Янъ воротился изъ Вильны и объявилъ, что вѣнчанью быть въ Римской церкви, а не въ Греческой. Бояре отговаривали это сильно, но по Наказу въ конецъ не упирались. Уже по дорогѣ встрѣчали Княжну посланные отъ ея жениха съ подарками. Въ Марковѣ встрѣтилъ поѣздъ Маршалокъ Станиславъ Стромилловъ, и вмѣстѣ съ нимъ Князь Константинъ Острожскій и Князья Иванъ и Василій Глинскіе. Стромилловъ говорилъ, что присланъ служить Княжнѣ до Вильны; онъ привезъ отъ Великаго Князя возъ (экипажъ) Княжнѣ, великолѣпно убранный, и въ него было запряжено восемь жребцовъ въ богатой сбруѣ. Паны говорили, чтобы Княжна продолжала путь въ возу, но она приказала Боярамъ это отговаривать. За три версты до Вильны выѣхалъ верхомъ на встрѣчу Княжнѣ женихъ, въ сопровожденіи войска, какъ говорятъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ. Великій Князь съ сопровождающими своими остановился предъ тапканой; тапкана тоже остановилась. Московскіе поѣзжане на коняхъ, одѣтые въ соболи и бархатъ, встали около тапканы въ видѣ полумѣсяца. Отъ мѣста, гдѣ стоялъ Великій Князь, до тапканы постлали алое сукно, а у тапканы золотую камку. На камку вышла Княжна, а за нею Боярыни; Князь же Великій сошелъ съ коня и подошелъ по сукну къ Княж-

иѣ, подалъ ей руку, спросилъ о здоровьѣ, подалъ тоже руку и Боярынямъ. Въ это время раздавались крики Литовцевъ: «Хвала Господу за такой великій даръ, что далъ намъ дочь монарха Московскаго имѣть себѣ Паньей! Да здравствуетъ на многія лѣта Великій Князь Александръ, надъ нами пануючи!» Потомъ раздались выстрѣлы изъ мушкетевъ, а Княжна, послѣ свиданья съ женихомъ, снова вошла въ тапкану, и поѣздъ, въ сопровожденіи Литовцевъ, двинулся впередъ. Подъѣзжая къ городу, Великій Князь, Александръ, приказалъ Княжатамъ и Панятамъ сойти съ коней и ити пѣшкомъ по правую сторону тапканы, а Московскія Дѣти Боярскія пошли по лѣвую, самъ же Великій Князь ѣхалъ передъ тапканою. Всѣ Виленскіе жители встрѣтили поѣздъ и кидали цвѣты на дорогу; въ то же время раздавалась стрѣльба съ вала и замковъ.

Такъ ѣхалъ поѣздъ до Православной церкви Рождества, гдѣ невѣста вышла изъ тапканы. Здѣсь, передъ церковью, встрѣтилъ Архимандритъ Макарій, Намѣстникъ Кіевскаго Митрополита; послѣ молебна Княгиня Ряполовская и жена Боярина Русалки расплетали косу невѣсты, покрыли покрываломъ, надѣли на голову кичу и обсыпали хмѣлемъ; сопровождавшій невѣсту Попъ Оома²¹ читалъ при этомъ молитвы и благословилъ ее крестомъ. Послѣ этого Елену Ивановну повели къ жениху въ Римскую церковь Станислава; передъ нею шелъ Попъ Оома и благословлялъ крестомъ. Передъ церковью Станислава встрѣтилъ невѣсту Бискупъ съ крыжемъ, но ее не благословилъ имъ. Великая Княжна встала рядомъ съ женихомъ, подъ нее постлали бархатъ, который прежде былъ постланъ передъ тапканой, да на мѣсто положили сорокъ соболей. Началось вѣчанье. Бискупъ говорилъ молитвы жениху, а Попъ Оома невѣстѣ, надъ которой Княгиня Ряполовская держала вѣнецъ. Когда нужно было пить общую чашу, то Попъ Оома подалъ вино невѣстѣ и потомъ сткляница была растоптана. Подобное вѣчаніе не понравилось Литовцамъ. Великій Князь и Бискупъ побрали накрѣпко, чтобы Попъ Оома не говорилъ молитвъ, а Княгиня Ряполовская не держала вѣнца, но Князь Семень стоялъ тутъ же и отговаривалъ этѣ требованія, а Попъ Оома продолжалъ свое дѣло. Московская правительственная записка, сказавши это, не говоритъ

²¹ Въ Литовской запискѣ сказано, что Елену Ивановну сопровождали два Епископа.

намъ, какое впечатлѣніе на Литовцевъ произвели слова невесты о Греческомъ Законѣ и требованіе Князя Ряполовскаго, чтобы и Великій Князь произнесъ при вѣнчаніи слова о непринужденіи своей жены къ Римскому Закону.

Московская правительственная записка кончаетъ рассказъ объ этомъ бракѣ такъ: «Послѣ вѣнчанья Великій Князь пошелъ къ себѣ въ гридню, а Великая Княгиня въ иную горницу съ своими Боярынями; да пришедши отъ вѣнчанья, Великій Князь послалъ за Боярами и велѣлъ имъ быть у себя съ поминками и рѣчь говорить; Бояре являли поминки и въ тотъ день ѣли у Великаго Князя. А Великая Княгиня вѣнчалась въ своихъ портѣхъ, и нынѣча уже четвертый день ходитъ въ своихъ портѣхъ да и въ кикѣ; а на другой день Великій Князь велѣлъ явить себѣ крестъ съ цѣпью и порты, въ которыхъ нужно быть послѣ вѣнчанья и послѣ мыльны, а мыльны у Великаго Князя не было, и Бояре то ему изъясляли, да и рѣчь говорили». Литовская же записка говорить, что послѣ вѣнчанья шли веселья недѣли съ три, и послѣ этого Великій Князь жилъ съ своею супругою въ великой любви, часто посылая поминки до Царя, тестя своего, а Царь, до него.

Но бракъ былъ политическій и принесъ совсѣмъ не то Литовцамъ, чего ожидали; въ этомъ отношеніи купили они себѣ горе, да на свои гроши.

III.

Всѣ требованія Московскаго Правительства, во время сватовства Александра къ Еленѣ Ивановнѣ, по видимому, исполнились, но на дѣлѣ оказалось, что и Москвичи, для устройства родства Государей, сдѣлали уступки. Но какъ только былъ утвержденъ этотъ родственннй союзъ, то уступки превратились въ требованія. Въ Наказѣ Князю Ряполовскому съ товарищами было сказано: передъ вѣнчаньемъ говорить Александру, что, по его желанію и на основаніи обѣщанія, относительно Вѣры Елены Ивановны, Иванъ Васильевичъ далъ за него свою дочь; послѣ же вѣнчанья Московскіе послы должны повторить то, что самъ Иванъ Васильевичъ сказалъ Литовскимъ посламъ, т. е., чтобы Александръ

держалъ свою жену, какъ Богъ указалъ мужьямъ держать своихъ женъ и чтобы «его для» велѣлъ поставить своей Великой Княгинѣ церковь Греческаго Закона на переходахъ дворца. Къ этому была еще прибавлена просьба, тоже отъ самаго Ивана Васильевича, чтобы Александръ позволилъ Московскимъ Боярамъ, съ ихъ женами, дворецкому и инымъ людямъ, побыть у Елены Ивановны, пока она обойдется.²²

Но спустя тѣхъ дѣлъ сколько пригоже, Бояре должны были говорить: «Прислалъ ты утвержденную грамоту о Греческомъ Законѣ не по тому списку, какой взяли твои Панове, да и печать у той грамоты не привѣсная; мы ту грамоту взяли, чтобы между насъ дѣло не длилось. Такъ ты дай намъ грамоту на хартеѣ, съ привѣсною печатью и слово въ слово противъ нашего списка.» Этѣ слова должны были заключиться слѣдующимъ выраженіемъ: «Мы съ тобою, братъ и зять, написали докончальныя грамоты, и пишемъ къ тебѣ: какъ тамъ написано, такъ и ты бы къ намъ писалъ по тому жъ.» Александръ во время сватовства называлъ Ивана Васильевича отцомъ и тестемъ, но въ то же время пропускалъ его титулъ, и по этому въ Наказѣ посламъ было сказано: «Спросятъ объ утвержденной грамотѣ: что въ ней не по списку? Чего въ ней нѣтъ? то отвѣчать: нѣтъ титула: «Божіею милостию, Государь всея Руси,» а въ докончаньѣ и въ спискѣ то написано; да такъ же и въ посольныхъ грамотахъ пишете только, «Великому Князю, Ивану Васильевичу,» не пересчитывая даже земель (т. е., Володимирской, Московской и т. д.), а нашъ Государь пишетъ къ вамъ Государя вашего имя по докончанью.»

На этѣ рѣчи Литовцы дали отвѣтъ:²³ во первыхъ, объ держаньѣ въ чести Елены Ивановны, что Александръ хочетъ доставлять ей честь какъ и самому себѣ; во вторыхъ, о Греческомъ Законѣ: что объ этомъ отказано и грамота дана; въ третьихъ, о церкви Греческаго Закона: «Князья и Паны имѣютъ права отъ

²² Этѣ рѣчи изъ Литовской Метрики напечатаны въ Ак. З. Р. т. I, № 116, VII. Здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ пунктовъ въ сравненіи съ Московскими правительственными бумагами.

²³ Ак. Зап. т. 1, № 116, VIII; напечатанъ изъ Литовской Метрики.

предковъ нашихъ и отъ насъ, что церковей Греческаго Закона больше не прибавлять, а такихъ законовъ не годится рушить; для нашей же Великой Княгини есть церковь Греческаго Закона близко отъ дворца, и если она хочетъ ходить туда, то мы ей не возбраняемъ.» Что же касается новой утвержденной грамоты о Греческомъ Законѣ по Московскому списку, то на это былъ данъ отвѣтъ: «Мы брату и тестю дали грамоту такую, какой онъ отъ насъ хотѣлъ, и та грамота, за нашею печатью, у него.»

Такъ какъ о пожитиѣ Бояръ у Елены Ивановны была личная просьба Ивана Васильевича, то имъ дозволено быдо пожить у нея. Бояре, назначенные для этого, отправились изъ Москвы, когда еще не былъ полученъ отвѣтъ объ этомъ. Они поѣхали изъ Москвы 3-го Февраля; во главѣ посольства находился Князь Василій Васильевичъ Ромодановскій. По приѣздѣ ихъ въ Литву, послы, Ряполовскій съ товарищами, вернулись въ Москву. Съ ними Александръ наказалъ объявить, что о всѣхъ дѣлахъ пришлетъ въ Москву пословъ.

Этотъ посоль пріѣхалъ въ Москву 15 Мая (Станиславъ Петришковичъ), и въ рѣчахъ отъ Александра говорилъ ²⁴ сначала: «За великій даръ, что далъ за насъ свою дочь, мы дякуемъ и хотимъ пріязнию и всякимъ добромъ отдать;» послѣ этого «въ докончаніи сказано, что быть намъ другу другомъ, а недругу недругомъ, то объявляемъ тебѣ, что Стефанъ Воевода Волошской, тайно прислалъ своихъ людей и сжегъ нашъ городъ Браславль.» Въ Москвѣ ждали еще рѣчей, и вотъ посоль началъ говорить: «Мы, для тебя, твоихъ Бояръ и слугъ оставили у нашей Великой Княгини, но теперь ты бы имъ велѣлъ ѣхать домой, по тому что, по милости Божіей, у насъ и своихъ слугъ довольно.» Къ этому было еще прибавлено: «Когда твои послы были у насъ, то мы оказывали имъ честь, а когда они поѣхали домой, то мы велѣли имъ давать кормы, но они по дорогѣ купцовъ грабили; мили на двѣ, на обѣ стороны дороги, съ грабежемъ ѣздили и у людей всякую животину уводили: то бы тебѣ было вѣдомо.» О Стефанѣ Волошскомъ отвѣтили въ Москвѣ, что съ нимъ Государь въ дружбѣ и

²⁴ Напечатаны въ Ак. З. Р. т. 1, № 116, IX, изъ Литовской Метрики; по Польскимъ дѣламъ вѣрющая грамота писана «у Вильны Марта 18, индикта 13.»

свойствъ, а по чему онъ теперь такъ учинилъ, не знаютъ, по тому что, послѣ заключенія мира съ Александромъ, объ этомъ къ Стефану еще не посылали. О грабежахъ пословъ сказали, что ихъ поѣздъ бралъ кормъ по приказу Приставовъ и при нихъ же, а напротивъ, людей нашихъ, что живутъ у нашей дочери, безчестяютъ, грабятъ, а иныхъ и до смерти побили. Но объ чемъ Литовцы не хотѣли говорить, на томъ Московское Правительство настаивало, съ различными прибавленіями: «Все не по тому становится, какъ Александръ намъ обѣщаль. Бояре съ Панами уложили, чтобы нашу дочь вѣнчать Митрополиту, или Епископу, нашего Греческаго Закона, а Александръ не дозволилъ этого; я приказывалъ ему, чтобы онъ, «насъ для», поставилъ церковь во Дворцѣ для нашей дочери, а онъ намъ отказывается, что предки его, да и онъ самъ, постановили, что Греческихъ церквей больше не ставить; такъ братъ нашъ и зять пусть самъ и знаетъ, съ кѣмъ его предки и онъ законы постановляли, а намъ до тѣхъ законовъ нѣтъ ни какого дѣла; а что онъ говоритъ, что есть церковь Греческая близко къ Дворцу, то она далека для того, чтобы нашей дочери за все туда ходить. А что онъ велитъ нашимъ Боярамъ ѣхать отъ нашей дочери домой, то мы объ этомъ пришлемъ пословъ; да по чему онъ, когда уѣхали наши послы отъ него, отослалъ отъ нашей дочери нашихъ Бояръ и приставилъ къ ней слугъ все Римскаго Закона? Онъ бы теперь нашихъ Бояръ отъ нея не отсылалъ, «насъ для», послѣ же приставилъ бы къ ней Пановъ и Паней только Греческаго Закона. Да еще вотъ что дѣлается: Александръ положилъ на нашу дочь свое платье, а Московское велѣлъ снять; наша дочь хотѣла объ этомъ обослаться съ нами, а онъ ей этого не позволилъ.» Повторено было и о титулѣ, такъ какъ и это посольство давало къ этому поводъ: «Нашъ братъ намъ обѣщаль отказать съ посломъ, по чему онъ грамоты намъ пишетъ не по докончанью; ты же нынче объ томъ ни чего не говоришь, да и съ тобою грамота написана тоже не по докончанью: такъ за чѣмъ же твой Государь объ томъ не отказывается?» Отпуская посла, самъ Иванъ Васильевичъ говорить: «Скажи брату и зятю нашему, чтобы онъ стоялъ на томъ, что между нами записано; дочь нашу жаловалъ, къ Римскому Закону не нудилъ, и тѣмъ съ нами прочную дружбу не рушилъ!»

24 Мая этотъ посолье поѣхалъ съ Москвы, и, въ слѣдъ за нимъ, поѣхалъ въ Литву Московскій гонецъ (27 Мая). На случай различныхъ вопросовъ ему данъ былъ Наказъ говорить, что рѣчей у него къ Великому Князю нѣтъ, а послалъ его Государь къ своей дочери, по тому что пришла вѣсть, что она недомогаеть. Но тайно этотъ гонецъ долженъ былъ передать Еленѣ Ивановнѣ списокъ отвѣта, даннаго Литовскому послу, и спросить, какъ она живетъ; если чего нельзя самой сказать относительно этого, то передала бы это черезъ Боярѣ. Отецъ приказывалъ Еленѣ Ивановнѣ, чтобы она заботилась о томъ, чтобы у нея слуги были Греческаго Закона, просила бы объ этомъ мужа, да такъ же просила бы еще о томъ, чтобы онъ продержалъ Боярѣ до того времени, пока придетъ о томъ посольство отца. Боярамъ Иванъ Васильевичъ приказывалъ, чтобы они, если и будутъ имъ приказывать, не ѣхали изъ Литвы, пока не будетъ имъ о томъ приказано отъ него.

Укрѣпивъ этой посылкой свои требованія, Иванъ Васильевичъ не посылалъ за Боярами. Въ Литвѣ же, успѣвши разъ попросить помощи отъ Ивана Васильевича на Стефана, въ Июлѣ ²⁵ прислали гонца о помощи еще на другаго врага Литвы, на Менгли-Гирея. Но къ этой просьбѣ было прибавлено ходатайство Елены Ивановны, которая била челомъ отцу, чтобы онъ не держалъ ее безъ вѣсти о своемъ здоровьи и всей его семьи, да такъ же поберегъ бы дѣло, о которомъ просить мужъ. Но между грамотами Александра и Елены Ивановны была та разница, что дочь писала полный титулъ отца, а зять его этотъ титулъ не употреблялъ. Отвѣтомъ на этѣ грамоты было посольство въ Литву ²⁶ съ тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ готовъ помогать на Татаръ. Александръ благодарилъ за эту готовность, обѣщалъ прислать сказать, если Татары покажутся у его украинъ. Но цѣль этой по-

²⁵ Гонецъ пріѣхалъ въ Москву 16 Июля; вѣрющая грамота писана «у Вильны, Юля 5, индикта 13.»

²⁶ Напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 123; изъ текста, на основаніи Польскихъ Дѣлъ, можно видѣть, къ какому году оно относится; издатель отнесъ его къ 1494 — 1495; посолье былъ Третьякъ Долматовъ, который поѣхалъ изъ Москвы 19 Юля.

сылки изъ Литвы въ Москву, какъ видно, была не Татары. Наконецъ, 27 Августа Иванъ Васильевичъ нашелъ, что должно вызвать своихъ Бояръ изъ Литвы въ Москву; но посольство, отправленное съ этой цѣлю, должно было повторить всѣ прежнія жалобы и требованія: о вѣнчанѣ Елены Ивановны, о церкви и слугахъ Греческаго Закона и о титулѣ. Такая настойчивость вызвала слѣдующій отвѣтъ: «Слуги Римскаго Закона приставлены къ Великой Княгинѣ по тому, что они къ этому годны, и отъ этого ея Греческому Закону нѣтъ ни какой порухи. Грамота о Греческомъ Законѣ въ Москвѣ ужь есть, и по этому не къ чему давать новую.» Такъ какъ въ Москвѣ уже знали, какой отвѣтъ дадутъ о церкви Греческаго Закона, то посламъ былъ данъ Наказъ пересчитать, что прежде при Королѣ построены въ Литвѣ такія-то Православныя церкви; да также велѣно разузнать, нѣтъ ли гдѣ еще недавно построенныхъ Православныхъ церквей. Въ заключеніе отвѣта Литовцы обѣщали прислать о иныхъ дѣлахъ пословъ.²⁷

Вопросъ былъ поставленъ такъ, что нужно было дать объясненія, а давать ихъ Литовцы не хотѣли, Москвичи же ждали обѣщанныхъ пословъ. Такимъ образомъ, въ теченіи перваго же года, послѣ заключенія между Государями родственнаго союза, у нихъ произошелъ разрывъ. Обстоятельства же какъ нарочно увеличивали враждебныя отношенія. Такъ Иванъ Васильевичъ узналъ, что ѣхалъ къ нему посолъ отъ Турецкаго Султана черезъ Литовскія владѣнія, но его тамъ не пропустили. По этому онъ въ Январѣ 1496 г.²⁸ послалъ въ Литву спросить только, по чему это тамъ такія дѣла дѣлаются. На это отвѣчали, что прежде черезъ Литовскія владѣнія Турецкіе послы не хаживали, и этого не пропустили, чтобы онъ дорогою не осматривалъ земель.

Литовцы не хотѣли давать отвѣтовъ на запросы Москвичей, но для нихъ какъ бы не требованія Москвичей, то давно необходимо было послать въ Москву посольство о своихъ иныхъ дѣлахъ. Прошло уже два года со времени заключенія мира, а земли,

²⁷ Нѣсколько пунктовъ отвѣта напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 132.

²⁸ Изъ Новгорода.

уступленные Литвою, какъ они были заняты Московскими войсками и служебными Князьями, и потомъ только опредѣлены договоромъ, такъ и оставались и границы не были разведены. Въ слѣдствіе этого и многихъ другихъ причинъ пограничныя ссоры происходили постоянно. Намѣстники городовъ и служебные Князья позволяли дѣлать себѣ всевозможныя самоуправства и насилія; суда же по всемъ этѣмъ дѣламъ не было. Нѣкоторыя условія договора, назначенныя къ выполнению, постоянно откладывались, сначала за сватовствомъ, а теперь по тому, что Государи были заняты враждебными пересылками. Обо всѣхъ этѣхъ дѣлахъ было уже прежде не разъ упоминаемо послами, но безъ пользы. Въ слѣдствіе всего этого Литовцы были поставлены въ затруднительное положеніе, и теперь, какъ видно, воспользовавшись посольствомъ Ивана Васильевича о Турецкомъ послѣ, въ Мартѣ (1497 г.) прислали въ Москву посла. Рѣчи его содержали, впрочемъ, всѣ прежніе Литовскіе отвѣты на Московскія требованія, хотя уже не въ грубой формѣ. Александръ, для рѣшенія пограничныхъ дѣлъ, предлагалъ съѣздъ судей на границахъ.²⁹

Иванъ Васильевичъ обѣщалъ прислать отвѣтъ съ своимъ посломъ, и посольскій вѣстникъ поѣхалъ (19 Мая, 1496 г.). Въ рѣчахъ его³⁰ не говорилось ни о титулѣ Государя, ни о дѣлахъ, связанныхъ съ бракомъ Елены Ивановны, но не говорилось и о дѣлахъ пограничныхъ; посольскій вѣстникъ долженъ былъ говорить, что такъ какъ Александръ просилъ помощи на Менгли Гирея и Стефана Волошскаго, то послѣдніе дали извѣстіе въ Москву, что они съ Литовскимъ Государемъ хотятъ мира. Этѣ рѣчи кончались упоминаніемъ о Турецкомъ послѣ, но слѣдующими словами: «Ты, братъ, положи на своемъ разумѣ: вѣдь мы съ тобою въ любви; въ закончаньѣ и кровномъ связаньѣ, а ты ко мнѣ посольскій не пропускаешь?» Этотъ посольскій вѣстникъ долженъ былъ говорить и Еленѣ Ивановнѣ, что ея отецъ заботится о дѣлахъ ея мужа, вводитъ его въ миръ съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ, а онъ къ нему Турецкаго

²⁹ Ак. З. Р. т. 1, № 134 изъ Литовской Метрики. Здѣсь нѣтъ ни отвѣта на посольство, ни списка жалобъ.

³⁰ Отрывокъ изъ нихъ напечатанъ Ак. З. Р. т. 1, № 136; перепечатано изъ Исторіи Князя Щербатова.

посла не пропустилъ и добраго житья съ нимъ не хочеть. Послѣ перечета предъ Еленой Ивановной всѣхъ неисправленій Александра, рѣчи посла кончались словами, какими прежде Иванъ Васильевичъ предупреждалъ Новгородцевъ: «и то мнѣ, дочка, вельми въ досаду.»

Въ отвѣтъ на такое посольство въ Литвѣ опять заговорили прежнимъ гордымъ тономъ: «Братъ нашъ и тестъ сказываетъ только о своихъ дѣлахъ, а не говорить, хотя и общался, о чемъ мы посылали къ нему посла, что нашимъ подданнымъ съ его земель всякія обиды чинятся. А что онъ говоритъ, что Менгли-Гирей и Стефанъ хотять съ нами любви и докончанья, такъ ему извѣстно, какіе шкоды отъ нихъ намъ стались, и теперь дѣлаются, а по этому онъ можетъ судить, какими они могутъ быть намъ пріятелями. Мы отъ мира и пріязни съ ними не отказываемся, но пусть они шкоды исправятъ и впередъ не будутъ ихъ чинить!»

По прежнему въ заключеніи этѣхъ рѣчей Александръ общалъ прислать объ иныхъ дѣлахъ пословъ. Въ Литовскихъ правительственныхъ бумагахъ записано по этому поводу посольство, имѣющее содержаніе дѣла о пограничныхъ ссорахъ;³¹ но, какъ замѣтили издатели Литовскихъ документовъ, что при этомъ посольствѣ не обозначено ни времени, къ которому оно относится, ни имени посла, а по Московскимъ правительственнымъ бумагамъ оказывается, что это посольство никогда въ Москвѣ и не бывало. Теперь приготовленнаго посольства въ Москву изъ Литвы не посылали, по тому что поняли, какъ увидимъ сейчасъ, что нужно отвѣчать на слова: «то мнѣ, дочь моя, тѣ дѣла вельми въ досаду.»

Лѣтомъ 1496 г. Александръ собирался, въ союзѣ съ своимъ братомъ, Яномъ Альбрехтомъ, воевать съ Стефаномъ, но походъ противъ него не состоялся въ слѣдствіе сопротивленія Пановъ. Въ этѣхъ дѣлахъ у Александра прошло всѣ лѣто и осень, наконецъ въ Литвѣ рѣшились завязать сношенія съ Москвою. Въ концѣ Ноября Александръ послалъ грамоту къ Ивану Васильевичу³² такого содержанія: «Уразумѣли мы съ твоею дочерью, а

³¹ Ак. З. Р. т. 1, № 137.

³² Писана въ Берестѣ 15 Ноября, привезъ ее Алексѣй Семичевъ.

нашей Великой Княгиней, что ты, братъ и тесть нашъ, хочешь вѣдать, для чего мы съ тобою добраго пожитья не держимъ, какъ слѣдовало бы быть между нами. Надѣмся, что ты самъ гораздо вѣдаешь, что ты забралъ многіе города и волости, которые издавна служили нашему Государству (когда забраны и какіе города, не говорится, а это важно). Ты мимо насъ входишь въ пріязнь и пересылаешься съ Турецкимъ, Перекопскимъ и Волошскимъ; ты приказываешь, чтобы мы съ Перекопскимъ и Волошскимъ были въ дружбѣ и пріязни, но послѣ того какъ ты съ ними пересылался, отъ нихъ еще большіе škody подѣлались и дѣлаются: а вѣдь, съ Божіею помощію, мы можемъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ быть лучшими пріятелями, чѣмъ они. Да еще съ тѣхъ поръ, какъ взяли мы съ тобою докончанье, нашимъ землямъ, не знаемъ, съ твоего ли вѣдома, или не съ твоего, дѣлаются многіе škody.» Слѣдующая половина грамоты отчасти разъясняетъ то, въ чемъ заключалась сущность неудовольствій Литовцевъ: «Ты бы, братъ нашъ, города и волости, которые забралъ у насъ, возвратилъ (здѣсь опять не говорится, когда они забраны и какіе), а škody велѣлъ оправить, и если будетъ у насъ съ тобою любовь по докончанью, то непріатели не будутъ на насъ мыслить, а пріатели радоваться.» И такъ первая сущность неудовольствій и всѣхъ грубыхъ отвѣтовъ Литовцевъ заключалась въ иномъ пониманіи ими докончанья. Къ подтвержденію этѣхъ объясненій Александра, Елена Ивановна написала къ отцу, вмѣстѣ съ гонцомъ, привезшимъ грамоту ея мужа: ³³ «Била я челомъ мужу, чтобы онъ пожаловалъ меня волостями, что были за первыми Великими Княгинями Литовскими, но мужъ объявилъ, что отецъ мой поималъ многіе города и волости, и когда онъ отступится отъ нихъ, то и будутъ даны слѣдующія мнѣ волости.» ³⁴

³³ Содержаніе этой грамоты я возстановляю по послѣдующему Московскому отвѣту съ Ромодановскимъ, но самой грамоты въ дѣлахъ Польскихъ не записано. Въ посольствѣ Ромодановскаго сказано, что та грамота прислана съ Семичевымъ а не съ Ангеловымъ, какъ сказано въ Исторіи Россіи т. 5, стр. 155 — 156, изд. 2. Ангеловъ ѣздилъ изъ Москвы къ Еленѣ Ивановнѣ собственно по ея дѣламъ (поѣхалъ Ангеловъ въ Литву 2 Ноября 1497 года).

³⁴ Карамзинъ справедливо замѣчаетъ, что всѣ неудовольствія Александра заключись въ томъ, что онъ жалѣлъ объ уступленныхъ имъ городахъ Россіи.

На такіе намеки Иванъ Васильевичъ не отвѣчалъ, и Литовцы рѣшились прислать уже посольство, спустя три мѣсяца послѣ присылки выше изложенныхъ грамотъ. Въ Мартѣ 1497 г. посоль Александръ въ Москвѣ говорилъ,³⁵ что обѣщанное посольство о пограничныхъ дѣлахъ до сихъ поръ не пріѣзжало. Но, кромѣ этого, Александръ явился предъ своимъ тестемъ ходатаемъ по известному дѣлу Ганзейскихъ купцовъ и предлагалъ посредничество въ войнѣ съ Свѣйскимъ Губернаторомъ. Отвѣтъ на это былъ тотъ, что объ обидныхъ дѣлахъ уже посылали и пошлютъ еще посольство; Свѣйскіе правители могутъ прислать за перемирьемъ въ Новгородъ, а Ганзейскихъ купцовъ, хотя они и учинили лихое дѣло, но, по ходатайству Александра, выпустятъ.

Но Иванъ Васильевичъ все таки не посылалъ въ Литву посольствъ. Тогда Литовцы въ другой разъ, не дождавшись отвѣта изъ Москвы, прислали еще свое посольство. Этотъ посоль (пріѣхалъ въ Іюнь мѣсяцѣ),³⁶ просилъ отъ Александра помощи у тестя на Турокъ, которые угрожаютъ Литовскимъ владѣніямъ нашествіемъ; да также говорилъ объ томъ, что на границахъ, особенно со стороны Князя Воротынскаго, дѣлаются страшные грабежи. Посла спрашивали Москвичи, куда Турки могутъ прійти на Литву и т. д., и въ заключеніе сказали, что ихъ Государь стоитъ на dokonчаньѣ и шлетъ посла.

Дѣйствительно, Иванъ Васильевичъ отправилъ посла въ Литву, и такимъ образомъ, спустя 11 мѣсяцевъ, послѣ послѣдняго своего посольства туда, снова началъ съ своей стороны сношенія. Но этотъ посоль не долженъ былъ говорить ни о какихъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ былъ присланъ послѣдній Литовской посоль, т. е., о Туркахъ; онъ говорилъ, что Сапѣгу (имя Литовскаго посла) спрашивали, куда думаютъ ждать Литовцы прихода Турокъ, но Сапѣга этого не сказалъ, Государь же

³⁵ Ак. З. Р. т. 1, № 143; это посольство напечатано изъ Литовской Метрики, гдѣ оно безъ конца и безъ отвѣта.

³⁶ Вѣрющая грамота отъ 10 Мая, индикта 13, посоль Писарь Ивашка Сапѣга; его нѣкоторыя рѣчи изъ Литовской Метрики напечатаны въ Ак. З. Р. т. 1, № 150. Въ дѣлахъ Польскихъ есть занимательный разговоръ Сапѣги съ Дьяками о Турецкихъ дѣлахъ.

хочетъ помогать зятю на Невѣрныхъ. Въ соотвѣтствіе жалобъ Литовцевъ на Князя Воротынскаго, посолъ говорилъ, что изъ Литовскихъ земель сдѣланы нападенія на земли Великаго Князя Рязанскаго. Но этотъ посолъ еще не воротился въ Москву, какъ оттуда поѣхалъ еще другой въ Литву, о томъ, что Александръ пошелъ войною на Стефана Волошкаго, такъ онъ бы вернулся, по тому что Стефанъ хочетъ съ Александромъ мира. Литовцы, не видя толку изъ того, что вызвали Москвичей на присылки къ нимъ, отвѣчали на оба посольства: что объ дѣлѣ Князя Рязанскаго разузнаютъ, за готовность помогать на Турокъ благодарятъ; но при отвѣтѣ на ходатайствѣ за Стефана Литовцы не выдержали и сказали: «Мы надѣмся, что братъ нашъ больше пріятель зятю своему, чѣмъ Стефану Волошскому, у котораго мы нашъ городъ Бряславль отняли и Стефана, какъ своего непріятели, будемъ искать.»

Сношенія опять прекратились, но потомъ, случайно возобновившись, повели къ полному объясненію Москвичами всѣхъ своихъ требованій и къ окончательному разрыву. Дѣло было такъ. Ѣхалъ Московскій посолъ, Плещеевъ, отъ Турецкаго Султана, и его въ Путивлѣ задержали. По этому, въ Февралѣ, 1498 г., Иванъ Васильевичъ послалъ спросить зятя, по чему это постоянно въ его владѣніяхъ задерживаютъ пословъ? Въ Литвѣ объявили, что Плещеевъ Ѣхалъ въ сопровожденіи Татаръ, которые грабили Литовскихъ подданныхъ, и по этому Путивльскій Намѣстникъ задержалъ его.³⁷ Давая и другія объясненія причинъ задержанія пословъ, изъ Литвы было отправлено посольство, въ которомъ, кромѣ дѣла Плещеева, говорилось о пограничныхъ дѣлахъ и выставилось на видъ, что нужно же наконецъ ихъ разобрать.

Теперь Иванъ Васильевичъ рѣшился отступиться отъ своего молчанія; онъ, въ Мартѣ этого же года, отправилъ въ Литву Князя Василія Ромодановскаго, который долженъ былъ говорить о всѣхъ дѣлахъ, и также дать отвѣтъ на грамоты Александра и Елены Ивановны, служившія отвѣтомъ на вопросъ, по чему Александръ не хочетъ держать добраго пожитья съ своимъ тестемъ,

³⁷ Этотъ отвѣтъ напечатанъ изъ Литовской Метрики въ Ак. Э. Р. т. 1, № 154.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе посольства Ромодановскаго къ Александру: «Не однажды ты говорилъ, что тебѣ не нравится, что ходять послы отъ насъ къ Перекопскому, Волошскому и Турецкому; то этѣ послы ходять о нашихъ дѣлахъ, а не на твое лихо. Перекопской и Волошской давнишніе наши союзники и теперь хотять съ тобою мира, ты же не хочешь мириться съ ними. А ты напротивъ посылаешь на наше лихо въ Заволожскую Орду и къ Стену Стуру Свѣйскому. Отъ съѣзда судей на границахъ мы не отказываемся, но ты къ намъ не правишь по докончанью.» Что не править Александръ по докончанью, Ромодановскій долженъ былъ говорить на это о титулѣ, о церкви Греческаго Закона и т. д. Еленѣ же Ивановнѣ, въ отвѣтъ на ея грамоту о волостяхъ, которыя ей мужъ не даетъ, по тому что ея отецъ забралъ его города, Ромодановскій долженъ былъ сказать, что Иванъ Васильевичъ Александровыхъ земель не держитъ за собою, а держитъ только свои, что далъ ему Богъ отъ предковъ и что ему принадлежитъ по докончанью. Послѣ изложенія всѣхъ жалобъ на Александра, рѣчи Ромодановскаго къ Еленѣ Ивановнѣ кончались: «Мы тебя, дочка, дали за Александра, чтобы между нами была сердечная любовь, опричь докончанья.»

Но такія объясненія Ивана Васильевича повели только къ тому, что Александръ началъ посылать въ Москву посольства только о дѣлахъ пограничныхъ; но когда явилось посольство изъ Литвы въ Москву не съ однимъ изложеніемъ жалобъ, но и требованіемъ съѣзда судей на границахъ и назначенія для этого срока, то, въ отвѣтъ на это, Бояре сказали: «Сколько разъ было говорено о церкви Греческаго Закона, о новой утвержденной грамотѣ о Греческомъ Законѣ, о титулѣ Государя, который вы до сихъ поръ пишете не по докончанью и все это не выполнено. Вы намъ о тѣхъ начальныхъ дѣлахъ ничего не говорите, ино нашимъ Боярамъ какъ съ вашими Панами съѣхаться? Какъ имъ въ грамотахъ наше имя писать, коли братъ нашъ къ намъ о имени ни чего не приказываетъ и по докончанью не править?» Этотъ отвѣтъ кончался угрозой: «Мы постоянно посылали къ Менгли-Гирею и Стефану, чтобы они были въ миру съ Александромъ, а нынѣ намъ посылать къ нимъ объ этомъ не пригоже, по тому что Александръ не править по докончанью.»

Прежде, когда Иванъ Васильевичъ высказалъ, что ему поступки Александра въ досаду, то въ Литвѣ выждали время и послали лично отъ Александра и Елены Ивановны грамоты, содержащія различныя темныя объясненія, потомъ стали заговаривать о Туркахъ, Молдаванахъ, Ганзейцахъ и пограничныхъ дѣлахъ. Теперь же, послѣ второй угрозы Ивана Васильевича Александру, произошелъ разрывъ. Послѣдній отвѣтъ былъ данъ въ Юлѣ, 1498 г. и съ этого времени ни наши правительственныя бумаги, ни Литовскія, не дѣлаютъ ни какого намека, чтобы между Правительствами были какія ни будь ссылки. Но этѣ ссылки вдругъ начались черезъ 11 мѣсяцевъ и повели уже къ войнѣ.

30 Мая, 1499 года, прислалъ изъ Вязьмы Князь Борисъ Михайловичъ Оболенскій-Туреня грамоту, которая передана ему чрезъ нѣсколько рукъ изъ Литвы отъ Шестака, служившаго у Елены Ивановны. Грамота была слѣдующаго содержания: «Здѣсь, Господине, встало великое смятеніе между Латынцями и нашимъ Христіанствомъ. Въ нашего Владыку Смоленскаго дьяволъ вселился, да и въ Сапѣгу; Великій Князь неволить Государыню нашу въ проклятую Латинскую Вѣру; Государыню нашу Богъ научилъ, да помнитъ она наказъ Государя отца своего, и она отказала: Памятуешь, Государь, какъ съ Государемъ отцомъ реклъ, и я, Государь, безъ воли отца моего того не могу учинить, а обошлюсь съ Государемъ отцомъ, какъ онъ меня научить.» Да и все Православное Христіанство хотять окрестить, и отъ того наша Русь вельми съ Литвою другъ друга не любятъ. Ты бы этотъ списокъ послалъ до Государя; Государь того самъ не знаетъ; больше не смѣю писать; хорошо бы, если можно съ кѣмъ отказать.»³⁸

Того же 30 Мая (какъ видно изъ числа подъ вѣрющей грамотой) Иванъ Васильевичъ послалъ въ Литву Мамонова; онъ долженъ былъ говорить Еленѣ Ивановнѣ наединѣ: «Дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой, Александръ, нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ своего Греческаго Закона къ Римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай, до крови и до смерти въ этомъ дѣлѣ пострадай; къ Римскому Закону не приступай, чтобы отъ Богу

³⁸ Ак. З. Р. т. 1, № 155; перепечатано отъ Щербатова; см. ниже гл. II, прим.

душею не погибнуть, а отъ насъ и всего Православнаго Христіянства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣрѣ Православію не дѣлай. Откажи ты намъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда къ мужу пошлемъ, за чѣмъ онъ дѣлаеть противъ своего слова и обѣщанья.» Тоже писала къ Еленѣ Ивановнѣ и Софья Ѳоминична. Но, не дожидаясь отказа дочери, Иванъ Васильевичъ приказалъ Мамонову пытать въ Литвѣ мирны ли съ Литовскимъ и Польскимъ Перекопской, Волошской и Турки?

Кажется ясно, что за всѣмъ этѣмъ слѣдовало; теперь же на этомъ мы и остановимся, чтобы посмотрѣть, на сколько Ивану Васильевичу могли служить на пользу Перекопской и Волошской, и въ какихъ къ нимъ отношеніяхъ онъ былъ за послѣднее время.

ГЛАВА II.

Передъ войной.

Союзъ Москвы съ Стефаномъ Молдавскимъ и отношенія послѣдняго къ Литвѣ. — Сношенія Москвы и Литвы съ Крымомъ. — Враждебныя отношенія Москвы къ Литвѣ въ концѣ 1499 года; посольство Станислава Петрашковича Книжки. — Изслѣдованіе о годѣ Ведрошской битвы. — Объявленіе войны. — Отношенія Москвы къ Молдавіи и Крыму въ началѣ 1500 года.

I.

Въ борьбу Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ съ конца XV вѣка мало по малу начинаютъ втягиваться одинъ народъ за другимъ. Сношенія съ Турціею Ивана III, на которыя указывалъ Александръ, не имѣли ни какого значенія для отношеній Литвы къ Турціи, такъ какъ этѣ сношенія были большею частію только по дѣламъ торговымъ. Совсѣмъ другого рода были сношенія Москвы съ Молдавіей. Эта несчастная страна, вмѣстѣ съ Валахіей, получила себѣ населеніе, такъ сказать, изъ оческовъ отъ всѣхъ народовъ, проходившихъ чрезъ горы, лежащія отъ нея на западъ. Эта страна страдаетъ въ продолженіи всей своей исторіи отъ того, что этѣ очески народовъ, усѣвшіеся около Прута и нижняго Дуная, окружены постоянно сильными сосѣдями. Каждый изъ этѣхъ сосѣдей готовъ былъ присоединить этѣ земли къ себѣ, но, въ слѣдствіе соперничества искателей, этѣ страны не присоединились ни къ одному изъ нихъ, и въ то же время, въ слѣдствіе этой же причины, не могли составить изъ себя ни чего цѣльнаго, сильнаго. Но во второй половинѣ XV вѣка Молдавія выставила изъ среды своего народа знаменитаго Стефана, извѣстнаго у насъ подѣ именемъ Воеводы Волошкаго. Въ слѣдствіе личныхъ талантовъ, борясь поочередно со всѣми сосѣдями, при ничтожности средствъ, Стефанъ былъ истиннымъ

Казаконъ и велѣ съ сосѣдами постоянно мелкую войну. Съ 1480 года мы имѣемъ извѣстія о сношеніяхъ Стефана съ Иваномъ III; въ этомъ году ѣхалъ, какъ мы знаемъ, въ Крымъ посломъ Князь Иванъ Звѣнецъ; съ нимъ былъ отправленъ человекъ, долженствовавшій изъ Крыма проѣхать въ Молдавію. Этому человекъ было наказано говорить Стефану, что если онъ захочетъ послать въ Москву своего человека и будетъ сомнѣваться, какъ тому человекъ назадъ пріѣхать: «только, Господине, пошли своего человека добраго къ Великому Князю, а Великій Князь твоего человека велитъ проводить.» Этому Московскому человекъ наказано было такъ говорить по тому, что онъ везъ письмо къ Стефану о томъ, что Иванъ Васильевичъ согласенъ взять за своего сына, Ивана Ивановича, дочь Стефанову. Это дѣло, при ходатайствѣ матери Ивана Васильевича, скоро состоялось. Между Стефаномъ и Иваномъ Васильевичемъ составилъ не только родственныи союзъ, но и политическій, который, какъ можно судить по общей формѣ Московскихъ союзовъ того времени, былъ именемъ на Короля Казимира и его дѣтей. До насъ не дошли записанныя дипломатическія сношенія Москвы съ Молдавіей за время Ивана III; впрочемъ, они существовали подъ названіемъ книгъ Волошскихъ.³⁹ Сношенія этѣ происходили первоначально черезъ Крымъ, а потомъ, во время мира съ Литвою, черезъ Литву; черезъ Крымъ обыкновенно пересылались такъ, что посолъ, ѣхавшій къ Менгли-Гирею, имѣлъ въ своемъ поѣздѣ посла въ Молдавію и просилъ Царя, чтобы онъ велѣлъ проводить посла до Стефана Воеводы, а на возвратномъ пути отъ послѣдняго въ Москву. Стефанъ и Менгли-Гирей, ведшіе одинаковымъ образомъ войну, были между собою въ союзѣ. Когда Иванъ Васильевичъ прекратилъ сношенія съ Крымомъ, то естественно прекратились они и съ Молдавіей.

Мы видѣли, что тотчасъ послѣ брака Александра съ Еленой Ивановной, Литовскій посолъ говорилъ въ Москвѣ, что Стефанъ пришелъ тайно и захватилъ городъ Бряславль, и на это получилъ отвѣтъ, что съ Стефаномъ Великій Князь давно въ свойствѣ и одиночествѣ, а теперь не знаетъ, по чему такъ Стефанъ сдѣлалъ,

³⁹ Это можно видѣть, на пр., изъ Дѣлъ Крымскихъ, а также изъ описи Царскаго Архива; см. Ак. Арх. Э. т. 1, № 289, стр. 344.

по тому что съ тѣхъ поръ, какъ Государь взялъ миръ съ Александромъ, еще къ Стефану посла не посылалъ. Посоль изъ Москвы въ Молдавію дѣйствительно отправился черезъ Литву въ 1495 году.⁴⁰ Содержаніе этого посольства, какъ и многихъ другихъ, мы не знаемъ, но дѣло у Александра съ Молдавіей заключалось въ томъ, что хотя въ концѣ своей жизни Казимиръ былъ въ миру съ Стефаномъ, но послѣ 1492 года Казимировичи придумали четвертаго изъ нихъ, Сигизмуда, посадить на Молдавскій престоль. Нападеніе Яна Альбрехта на Стефана и осада Сучавы въ 1494 году были неудачны, и съ тѣхъ поръ Стефанъ началъ дѣлать набѣги, даже иногда въ союзѣ съ Турками, на южные предѣлы Литовскихъ и Польскихъ владѣній.⁴¹ Предложеніе посредничества Ивана Васильевича Александръ, какъ мы видѣли, дурно принималъ; по этѣ враждебныя отношенія Стефана къ Казимировичамъ кончились миромъ, и потомъ снова возобновились послѣ смерти Яна Альбрехта.⁴² Объ этомъ же времени исторіи Молдавіи мы больше узнаемъ данныхъ изъ сношеній Москвы съ Крымомъ, къ которымъ и обратимся; сношенія же съ Молдавіей, по общему ходу дѣлъ, въ сущности своей, не могутъ во многомъ отличаться отъ сношеній съ Крымомъ, и по этому Крымскія дѣла могутъ показать, въ чемъ состояли и сношенія съ Молдавіей.

Съ Ноября 1493 года въ Крымѣ былъ Московскимъ посломъ Константинъ Малечкинъ. Во все время переговоровъ съ Литвою о мирѣ и бракѣ, изъ Москвы въ Крымъ ни объ чемъ не посылали; наконецъ 3 Мая, 1495 года, изъ Москвы были отпущены туда люди Менгли-Гирея, вмѣстѣ съ Татарами Великаго Князя. Они ѣхали не степью, а черезъ Литовскія владѣнія. Татары везли въ Крымѣ грамоты, въ которыхъ говорилось Царю: «У насъ нынѣ таково дѣло случилось: прислалъ къ намъ Александръ своихъ пословъ, прося насъ, чтобы намъ съ нимъ помириться и дочь

⁴⁰ См., на пр., Ак. З. Р. т. 1, № 132, отвѣтъ Кутузову, бывшему въ Литвѣ 1495 года, въ Сентябрьѣ.

⁴¹ См. Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, соч. Зубрицкаго, въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск.» 1862 г., кн. 3, стр. 2 и далѣе; Румын. Государства, соч. Палаузова, стр. 77.

⁴² Литовская Метрика, 5 книга записей, л. 269 — 271.

свою за него выдать; мы съ нимъ помирились, дочь за него дали, и то бы тебѣ, брату нашему, было вѣдомо; а я на чемъ тебѣ слово молвилъ, на томъ и стою—другу другъ, а недругу недругъ, — и ты бы также на своемъ словѣ стоялъ.» Въ Наказѣ Малечкину было сказано: «Спросить Царь, чего дѣля Великій Князь помирился съ Литовскимъ? отвѣчать: я того не вѣдаю, а миѣ Государь писалъ въ грамотѣ, что на чемъ онъ слово молвилъ, на томъ и стоить.» Изъ Москвы были посланы въ Крымъ поминки, которые долженъ былъ раздать Малечкинъ. При этомъ ему приказывалось, когда его будетъ отпускать Царь съ своими послами, то ѣхать на Литовскія владѣнія. Послы Крымскіе дѣйствительно пріѣхали въ Москву, и Менгли-Гирей писалъ къ Ивану Васильевичу, что онъ миру и родству съ Александромъ подивился; потомъ Царь, пересчитавши свои подвиги (взятіе Кіева, борьбу съ Ахматовыми дѣтьми и т. д.) говорилъ, что «мое дѣло, вѣроятно, живо было предъ тобою;»⁴³ въ заключеніе прибавлялъ: «мы помиримся съ Александромъ на весѣхъ, въ новомъ городкѣ.»

До полученіи этого отвѣта Менгли-Гирей, мы видѣли, что Александръ уже требовалъ помощи, какъ на Стефана, такъ и на Татаръ. Вѣроятно, одновременно съ отвѣтомъ отъ Менгли-Гирей, полученъ былъ отвѣтъ отъ Стефана⁴⁴ и Иванъ Васильевичъ, отправляя въ Литву Михайла Яронкина Кляшика (19 Мая, 1496 года), приказывалъ ему говорить, что Менгли-Гирей и Стефанъ хотятъ съ Александромъ мира. Отвѣтъ Александра мы видѣли; онъ говорилъ, что Стефанъ и Менгли-Гирей многіе škоды его владѣніямъ сдѣлали, но отъ пріязни съ ними онъ не отрекается. Дѣйствительно, изъ Литвы, въ то время, когда готовились воевать съ Стефаномъ, отправили въ Крымъ (18-го Августа, 1496 года) посла, Каспара Гармантовича, съ поминками; рѣчи этого посла, какъ

⁴³ Карамзинъ слова письма Менгли-Гирей до крайности поэтизировалъ, изложивши ихъ въ видѣ чувствительныхъ упрековъ варвара; но ни чего этого не бывало, и въ Исторіи Россіи прямо указано, что Менгли-Гирей, высказавши удивленіе миру съ Литвою, просилъ разныхъ поминковъ; этѣ запросы выписаны въ Истор. Рос. т. 5, стр. 153, изд. 2.

⁴⁴ Съ предложеніемъ Стефану помириться съ Александромъ, до 1499 года, ѣздило изъ Москвы только одно посольство; см. Ак. Зап. Р. т. 1, № 161.

послѣ извѣщаль въ Москву Менгли-Гирей, были слѣдующія: «Мы сѣли на конь противъ Стефана; но у насъ съ тобою недружбы не было бы.» Менгли-Гирей на это отвѣчалъ: «У насъ съ Стефаномъ правда и рота есть, и его намъ оставить нельзя: если хочешь мириться съ нами, то мирись и съ нимъ, и намъ всѣмъ правду и роту учини!» Но такъ какъ одновременно съ Каспаромъ Гармантовичемъ съ такими же поминками отправился изъ Литвы посолъ Халецкій къ Ахматовымъ дѣтямъ,⁴⁵ то это не укрылось отъ Менгли-Гирея: онъ схватилъ Литовскаго посла и по обычаю не отпустилъ, а въ то же время послалъ своихъ Татаръ грабить Литовскія владѣнія. Много онъ послать не могъ, по тому что посольство Халецкаго въ Орду безпокоило его: что если Ахматовы дѣти выйдутъ противъ него? Въ Москвѣ не знали объ этомъ, и въ Сентябрѣ того же 1496 года отправили посломъ въ Крымъ Князя Ивана Звѣнца. Онъ долженъ былъ говорить о мирѣ съ Александромъ слѣдующее: «Мы не сослались тогда съ тобою, по тому что тогда зима была и намъ нельзя было отправить пословъ. Ты къ намъ приказываешь, что съ Литовскимъ хочешь мира и помиришься, ино то вельми добро; если же Литовской возьметъ съ тобою миръ, и, будучи съ нами въ миру, учинится кому ни будь недругомъ, то мы тогда съ тобою сошлемся и учинимъ по думѣ, какъ намъ съ Литовскимъ пригоже дѣло дѣлать.» Въ Наказѣ Князю Звѣнцу было сказано: «Скажетъ Царь: «Литовской со мною не мирится, такъ Великій Князь будетъ ли со мною на него?» отвѣчать: «Я тебѣ говорилъ въ посольствѣ, что объ этомъ пужно вамъ переслаться, а мой Государь съ тобою на всякаго недруга за одинъ.»»

Въ то время, какъ Менгли-Гирей занялся, кромѣ Литовскаго дѣла, еще и тѣмъ, что опасается появленія Ахматовыхъ дѣтей, въ Москвѣ, какъ и прежде, не считали болѣе нужнымъ посылать въ Крымъ пословъ, хотя тамъ главный Московскій посолъ, Князь Звѣнецъ, скончался. Лѣтомъ 1497 года прислалъ Менгли-Гирей грамоту, что къ нему, черезъ Астрахань, дошли слухи о томъ, что что-то случилось съ Магметъ-Аминымъ. Иванъ Васильевичъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого (въ Ноябрѣ), послалъ

⁴⁵ Ак. З. Р. т. 1, № 142.

было грамоту къ Менгли-Гирею о томъ, какъ Магметъ-Аминь потерялъ престоль, и какъ онъ туда посадилъ Абдыллетифа; но Татары, посланные съ этѣми письмами, воротились изъ стени, по тому что случилась гололедица:—«пошло траву ледомъ.» Когда въ Февралѣ, 1498 года, прѣѣхалъ отъ Турецкаго Султана Плещеевъ и привезъ грамоты и отъ Менгли-Гирея, который извѣщалъ о своихъ дѣлахъ съ Литвою и о томъ, что Александръ наводитъ на него Ахматовыхъ дѣтей, Иванъ Васильевичъ нашелъ необходимымъ переписаться съ Менгли-Гиреемъ. Онъ отправилъ Бориса Челищева посломъ въ Крымъ (Апрѣля 29). Въ посольствѣ Челищева говорилось: «Ты пишешь, что Великій Князь Александръ ведетъ нашихъ недруговъ на тебя, и мнѣ бы стоять, на чемъ я слово молвилъ; то я на своемъ словѣ стою, и пойдетъ на тебя Орда, то мы пошлемъ на нее Касимовскаго Царя, браганича твоего, да также и свою Русскую рать, и кромѣ того пошлемъ въ Казань, чтобы и Абдыллетифъ послалъ туда свою рать.» Мы видѣли, что, по поводу проѣзда Плещеева черезъ Литву, начались у Ивана Васильевича съ Александромъ объясненія, и этѣ объясненія въ посольствѣ Челищева отразились такъ: ему данъ былъ Наказъ: «Если скажетъ Царь: «Князь Великій Александръ со мною немирень и хочетъ ити на меня;» на это Борису отвѣчать: «Ты, Господине, пошли объ этомъ къ моему Государю, а онъ, какъ прежде тебѣ молвилъ, такъ и теперь на томъ стоитъ: хочетъ съ тобою Александръ помириться, ино то добро, а не хочетъ, то мой Государь съ тобою на всякаго недруга за одинъ и на Литовскаго.»

Въ отвѣтъ на это посольство, прѣѣхали изъ Крыма послы (19 Августа, того же 1498 года), и съ ними прѣѣхали люди, бывшіе въ Крыму съ Княземъ Звѣнцомъ. Такъ какъ съ прежними послами изъ Москвы наказывали постоянно говорить о различныхъ грабежахъ Крымцевъ, то теперь Менгли-Гирей, отвѣчая о тѣхъ грабежахъ, большею частию кончалъ свои объясненія такъ, что лихихъ людей много, и съ ними ни чего не сдѣлаешь. О томъ же, что дѣлается между Крымомъ и Литвою, объ этомъ, во первыхъ, писалъ Борисъ Челищевъ: «Менгли-Гирей приказалъ говорить къ Стефану: «Лядской Король и Великій Князь Александръ присылали ко мнѣ своихъ людей, и молвятъ такъ: «Помирись съ

нами, а мы пойдемъ на Волошкаго,» а я имъ молвилъ: «Я съ вами не мирюся;» да люди Альбрехтовы и Александровы у меня поиманы, и я изъ нихъ послалъ одного человѣка къ нимъ сказать: «Хотите помириться съ Стефаномъ, и я васъ помирю, буду вамъ третій, а не помиритесь съ нимъ, ино я на васъ иду съ Стефаномъ;» Александръ того человѣка поималъ и посадилъ на колъ, а Александровы люди и Альбрехтовы сидятъ у меня въ поминаньѣ, да я у нихъ и деньги поималъ.» О дѣлахъ съ Ахматовыми дѣтymi Челищевъ писалъ: «Сказываютъ, что Орда вельми охудѣла и опала; да сказывали: приходили Черкасы на большую Орду, и побили Татаръ добре много, и Царю подъ Черкасы жить немочно, и онъ хочетъ пойти на сю сторону Дона; а братъ твой, Менгли-Гирей, нынѣча выступилъ со всѣми людьми изъ Перекопа и идетъ его искать.» Самъ же Менгли-Гирей писалъ къ Ивану Васильевичу объ этѣхъ дѣлахъ слѣдующее: «Намъ нынѣ Литовскому Великому Князю недругомъ надо быть. Ты приказывалъ съ Княземъ Звѣнцомъ, что если хотимъ помириться съ Александромъ, то извѣстить тебя объ этомъ: такъ у насъ съ Александромъ были многія мирныя рѣчи, онъ прислалъ посла, Каспара, и мы съ нимъ срокъ учинили, когда посламъ объ мирѣ прѣхать, и тотъ срокъ теперь минулъ; послѣ этого мы слышали, что Александръ къ Шихъ-Ахмату пословъ отпустилъ, а самъ хочетъ на Стефана ити, и то все Александровъ обманъ; по этому ты, братъ, на шерти стоялъ бы противъ Александра и миѣ вѣсть далъ.» Этѣ письма кончались: «Братство свое учини, 70,000 денегъ пришли» и т. д.

Такъ знали въ Москвѣ, по сношеніямъ съ Крымомъ, о состояніи дѣлъ въ степяхъ, къ Августу 1498 года. Въ это время, какъ мы видѣли, Литовскимъ посламъ отвѣчали въ Москвѣ, что Александръ не править по докончанью, и по этому объ его дѣлахъ непригоже посылать ни къ Менгли-Гирею, ни къ Стефану. Однако же, по этому случаю отправлено было въ Крымъ посольство съ Княземъ Семеномъ Ромодановскимъ. Литовской посоль, Станиславъ Петрашковичъ говорилъ въ Москвѣ о дѣлахъ Литвы съ Крымомъ слѣдующее: «Мы послали къ Менгли-Гирею своего посла, Каспара Гармантовича, чтобы быть ему съ нами въ миру и пріязни; онъ намъ сказалъ, что хочетъ слать своихъ пословъ;

а за тѣмъ его люди пришли на наши украины подъ городъ Черниговъ и škоды починили, многихъ людей въ плѣнъ повели, а посла нашего Менгли-Гирей по сіе время у себя держить. А Воевода Волошскій черезъ свою землю Турецкія войска пропустилъ, и они намъ škоды чинятъ.» Въ слѣдствіе этѣхъ словъ, Князю Семену Ромодановскому было наказано: «Какъ дастъ Богъ, прїѣдешь къ Царю, и будетъ тамъ человѣкъ Великаго Князя, Александра, то спросить того человѣка, хочеть ли онъ быть съ тобою у Царя, и захочеть быть, то не отговариваться, а править передъ нимъ посольство; да напередъ себя послать къ Царю человѣка, котораго будетъ пригоже, сказать: «Рѣчи, Господине, отъ Государя моего къ тебѣ: одна явная, предо всѣми людьми говорить, а другую рѣчь говорить къ тебѣ на единѣ.» Рѣчь явная состояла въ предложеніи мира съ Александромъ и чтобы быть всѣмъ троемъ за одинъ; да о томъ, что съ тѣмъ же послано и къ Стефану. Въ тайной рѣчи говорилось: «Помиришься съ Александромъ, или нѣтъ, обо всемъ дай вѣдать, а мы съ тобой стоимъ за одинъ на Ахматовыхъ дѣтей и на Литовскаго; да отвѣтъ на твое послѣднее посольство пришлемъ, когда возвратится отъ тебя Ромодановской.» Ромодановскому была дана, кромѣ этого, слѣдующая память: «Учнетъ Менгли-Гирей ссылаться съ Александромъ большими людьми, или малыми, а тебѣ велить у себя быть, доколѣ между ними миръ состоится, и тебѣ того ждатель, отъ Царя не ѣхать, доколѣ Царь не отпуститъ.»

Ромодановскій остался въ Крыму, Челищевъ же возвратился въ Москву, вмѣстѣ съ Царевымъ человѣкомъ. Менгли-Гирей извѣщалъ: «Прислалъ ко мнѣ Александръ гонца съ грамотою, и въ ней писано, чтобы я рать свою унялъ, вотчину его всевать не велѣлъ, а его посла, Каспара, отпустилъ, по тому что онъ обѣщался ко мнѣ прислать другаго посла объ мирѣ и дружбѣ; съ чѣмъ его посоль прїѣдетъ, то я часа того же пришлю къ тебѣ своего человѣка съ тѣми рѣчьми, и какъ велишь дѣлать съ Александромъ, такъ и буду дѣлать.» Кромѣ этого Менгли-Гирей писалъ: «Литовской съ недругами нашими, Шихъ-Ахматомъ и Муртозою, другомъ учинился, а нынѣ ко мнѣ прислалъ людей о дружбѣ, и я Каспара отпустилъ; правду же и ложь Александрову

Богъ доведетъ въ скорые дни.» Менгли-Гирей также извѣщалъ, что у недруговъ Орда голодна и стоитъ около Астрахани.⁴⁶

Въ такомъ состояннн находились стѣнные дѣла къ началу 1499 года, когда Иванъ Васильевичъ получилъ изъ Литвы грамоту о принужденнн Елены Ивановны къ Римской Вѣрѣ, и когда онъ еще не зналъ, что Стефанъ помирился съ Казимировичами; по этому естественно было наказывать Мамонову: пытаться въ Литвѣ, мирны ли съ Литовскимъ и Польскимъ Перекопской, Волошской и Турки. Но, не смотря на это, послѣ 30 Мая, Иванъ Васильевичъ не скоро послалъ въ Крымъ, и Ромодановскнй оставался тамъ при прежнемъ Наказѣ.

II.

Въ то время, какъ Мамоновъ поѣхалъ въ Литву, послѣ его отъѣзда (6-го Юня) прнѣхалъ отъ Александра гонецъ въ Москву съ извѣстнемъ, что Елена Ивановна больна, и что Великнй Князь хочетъ слать особыхъ пословъ «о нѣкоторыхъ дѣлахъ.» Но обѣщанные Литовскне послы долго не ѣхали въ Москву, такъ что 13-го Юля Иванъ Васильевичъ послалъ въ Литву Андрея Кутузова справиться о здоровнѣ Елены Ивановны и на единѣ напомнить ей о крѣпкомъ состояннн въ Греческомъ Законѣ. Къ сожалѣнню, мы не знаемъ, что отвѣчала Елена Ивановна Мамонову и Кутузову. Что же дѣлалось въ это время въ Литовскомъ правительственномъ мирѣ? Это состояннн дѣлъ всего лучше отразилось въ посольствѣ, которое обѣщали прислать Александръ. Оно явилось въ Августѣ, 1499 года, съ Маршалкомъ Станиславомъ Глѣбовичемъ. Въ вѣр шей грамотѣ написанъ былъ полный титулъ Ивана Васильевича, исключая словъ «Государь всея Руси.» Посолъ говорилъ отъ Великаго Князя, Александра, что Менгли-Гирей съ нимъ не мирится, а Стефанъ Воевода помирился, но теперь на Стефана идутъ Турки, и ему, какъ защитнику Христнянства, должно помочь. Кромѣ того, Литовской посолъ началъ говорить: «Ты писалъ и съ послами наказывалъ, что мы твое имя пишемъ не по докончальнымъ грамотамъ; но когда мы ихъ писали, то ты

⁴⁶ Дѣла Крым. № 1, конецъ, съ 446 стр.

записалъ въ нашъ листъ все города и замки, oprичъ замка Кіева, и теперь, когда его завишешъ, или особую запись на него дашъ, то мы и будемъ твое имя такъ писать.» Но этѣ рѣчи о титулѣ не удовлетворяли Москвичей, и Бояре, отъ имени Великаго Князя, отвѣтили послу: «Что за бездѣлицу приказываетъ Александръ? Онъ по dokonчачью все это долженъ править; мы приказываемъ ему о церкви, Панахъ и Паньяхъ Греческаго Закона, а изъ этого и теперь еще ни чего не сдѣлано.» Но къ этѣмъ словамъ, и другимъ старымъ жалобамъ, Бояре въ первый разъ сказали Литовцамъ: «Александръ теперь дочь нашу нудитъ къ Римскому Закону, и этѣмъ показываетъ явно то, что онъ добраго житья съ нами не хочетъ.» Такъ какъ Литовскіе послы привезли съ собою списокъ съ тайныхъ рѣчей Ромодановскаго къ Менгли-Гирею, добытыя въ Крыму, и выставляли, какъ упрекъ, что въ нихъ говорилось (т. е., что Иванъ Васильевичъ съ Царемъ за одинъ и на Литовскаго, то на этѣ рѣчи отвѣчали Бояре: «Александръ послалъ на насъ къ нашимъ недругамъ, Ахматовымъ дѣтямъ, и мы того ради послали къ Менгли-Гирею такую рѣчь; а если Александръ такъ дѣлаеть, то какому добру, или миру, быть между нами?» Отпуская пословъ, самъ Иванъ Васильевичъ говорилъ имъ: «Если Александръ, и такъ ни чего не правя по dokonчачью, еще будетъ нашу дочь нудитъ къ Римскому Закону, то онъ тѣмъ съ нами нежитья не хотѣлъ бы.»

Обстоятельства торопили къ окончательному разрыву. Лѣтописецъ рассказываетъ, что послѣ того, какъ Иванъ Васильевичъ узналъ, что его дочь нудятъ въ Римскую Вѣру, прислалъ къ Великому Князю Литовскій служебный Князь, Семень Ивановичъ Бѣльскій, бить челомъ, чтобы Государь пожаловалъ, взялъ въ службу съ отчиною; Князь Бѣльскій сказывалъ, что на нихъ, Православныхъ, пришла великая нужда о Греческомъ Законѣ: посылалъ къ нимъ Князь Великій, Александръ, отметника Греческаго Закона, Юсифа, Владыку Смоленскаго, да Бискуна Виленскаго и чернецовъ Бернардиновъ, чтобы приступали къ Римскому Закону.⁴⁷ Государь Иванъ Васильевичъ Князя Семена Бѣльскаго пожаловалъ, взялъ его въ службу и съ его отчиною. Впрочемъ,

⁴⁷ Здѣсь слова лѣтописи слово въ слово схожи съ правительственными рѣчами, говоренными по этому поводу Московскими послами въ Литвѣ.

дѣло принятія въ службу Князя Бѣльскаго и потомъ другихъ Князей произошло нескоро; конецъ 1499 года и начало 1500 прошли въ переговорахъ съ ними.

Станиславъ Глѣбовичъ былъ въ Москвѣ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ Октябрѣ пріѣхалъ изъ Крыма Князь Семень Ромодановскій и привезъ грамоты отъ Менгли-Гирея, который писалъ: «Мы съ Александромъ помиримся по твоему слову;» далѣе, излагая опасенія, что теперь Турецкій Султанъ прислалъ въ Кафу своего сына, и что со временемъ это можетъ грозить ему опасностію, Царь говорилъ: «Кіевъ и Черкаскаго городокъ пусть будутъ твои, и когда мы подкочуемъ къ Кіеву, или Черкаскаго городку, то твои люди будутъ мои, а мои твои» и т. д. Потомъ въ числѣ грамотъ Менгли-Гирея была слѣдующая: «Крѣпко ли ты вѣришь Александру? Онъ посылалъ къ Ахматовымъ дѣтямъ и приводилъ ихъ на насъ, да къ моему городку часто его люди приходятъ и пакости чинятъ; да не платитъ онъ пошлины въ Крыму за соль и ясака, который прежде платили съ Кіева и иныхъ городовъ.» Прошло послѣ пріѣзда Ромодановскаго около двухъ мѣсяцевъ, и тогда Иванъ Васильевичъ (19 Декабря) отправилъ къ Александру Ивана Мамонова съ слѣдующими рѣчами: «Мы посылали къ Менгли-Гирею Боярина Ромодановскаго, чтобы онъ помирился съ тобою, и онъ хочетъ мириться съ тобою;» на какихъ условіяхъ долженъ состояться этотъ миръ, Мамоновъ представилъ выше изложенную грамоту. На такое предложеніе въ Литвѣ отвѣчали: «Пусть братъ и тестъ самъ посмотритъ, можно ли такъ дѣлать; ни мы, ни наши предки никогда такой дани не платили; мы же посовѣтуемся, и о всѣхъ дѣлахъ откажемъ съ своими послами.»

Въ началѣ 1500 года всѣ дѣла у Москвичей съ Литовскими служебными Князьями были устроены: Князь Семень Бѣльскій былъ уже принятъ въ Московскую службу, и съ извѣстіемъ объ этомъ отправился изъ Москвы въ Литву Дмитрій Загряжскій; съ ними ѣхалъ и человекъ Князя Бѣльскаго, чтобы сложить присягу за своего Господина. Загряжскій говорилъ отъ Ивана Васильевича Александру: «Въ докончальныхъ грамотахъ записано, чтобы намъ Князей служебныхъ съ отчинами не принимать на обѣ стороны; но когда всѣмъ Православнымъ въ Литвѣ пришла такая нужда въ вѣрѣ Греческаго Закона, которой напередъ отъ твоего

отца и предковъ не бывало, то мы, ради той нужды, приняли Князя Семена въ службу съ отчиною: то бы тебѣ было вѣдомо, и ты въ отчину нашего слуги не вступался и людямъ его обиды и силы не дѣлалъ.» Объ этомъ принужденіи въ Вѣрѣ, какъ причинѣ отъѣзда, и самъ Князь Бѣльскій послалъ грамоту къ Александру.⁴³

Въ слѣдъ за Княземъ Бѣльскимъ пріѣхали служить Князя Масальскіе, Князь Хотѣтовскій и многіе другіе, и въ то же время велись переговоры съ Князьями Стародубскимъ и Сѣверскимъ. Литва, какъ и прежде, была застигнута въ расплохъ. Когда такія дѣла совершались на границахъ, общанное и приготовленное Литовцами посольство (на вѣрющей грамотѣ означено 5 Марта), пріѣхало въ Москву 23 Апрѣля. Послами были: Станиславъ Петрашковицъ Кишка, Намѣстникъ Смоленскій, и Писарь Оедько Григорьевичъ. Теперь, въ вѣрющей грамотѣ, въ первый разъ Литовцы написали титуль: «Государь всея Руси,» и по чему прежде его не писали, въ рѣчахъ этѣхъ пословъ объяснялось не такъ, какъ въ рѣчахъ Станислава Глѣбовича: «Мы прежде воздержались писать твое имя по dokonчанью, по тому что вскорѣ послѣ dokonчанья съ твоей земли нашимъ землямъ начались дѣлаться такія великія кривды, что и трудно высказать; и ты, братъ нашъ, о нихъ сказалъ, что до тѣхъ поръ ихъ не исправятъ, пока твое имя не будетъ написано по dokonчанью. Мы теперь написали имя твое по dokonчанью, и хотимъ все по немъ править, какъ и прежде правили, а ты бы, братъ нашъ, вспомнилъ dokonчанье и, противъ него, Князей служебныхъ не принималъ. Что же касается до принужденія въ Вѣрѣ, о чемъ ты приказывалъ къ намъ съ Загряжскимъ, и что тебѣ сказалъ Князь Семень Бѣльскій, то онъ тебѣ не умѣлъ правды повѣдать: онъ лихой человекъ и нашъ измѣнникъ, мы его уже три года и въ глаза не видали. У насъ, по милости Божіей, въ Литовскомъ Великомъ Княжествѣ много Князей и Пановъ Греческаго Закона, получше того измѣнника, и мы и наши предки силою ихъ къ Римскому Закону никогда не приводили; такъ ты бы, братъ нашъ, ради того измѣнника не ломалъ dokonчанья, а Бѣльскаго и другихъ нашихъ измѣнниковъ намъ вы-

⁴³ См. выше ч. 1, гл. 1.

даль.» Отвѣтомъ на этѣ рѣчи были слѣдующія слова: «Сколько дѣтъ братъ нашъ и зять не правилъ намъ по докончанью, и теперь только одно имя наше написаль по докончанью; но мы ему прежде говорили не объ одномъ нашемъ имени, а и о Панахъ, Паньяхъ и церкви Греческаго Закона для нашей дочери; а нынѣ больше того дѣлается,—нашу дочь и всѣхъ Православныхъ нудятъ къ Римскому Закону: велѣлъ наставить Римскихъ божницъ по Русскимъ городамъ, женъ отъ мужей, дѣтей отъ отцевъ отнимаютъ и силою крестятъ въ Римскую Вѣру; такъ это называется не нудить Руси къ Римскому Закону? Ради этѣхъ гоненій мы приняли Князя Бѣльскаго и другихъ къ себѣ въ подданство; изъ докончанья же не выступали ни въ чемъ.»⁴⁹

⁴⁹ Подъ № 155 въ Актахъ Западной Россіи, въ 1 томѣ, напечатана приведенная выше (ч. II, гл. 1) грамота изъ Литвы о принужденіи Елены Ивановны къ Римскому Закону. Издатели отнесли ее не къ 1499 г., 30 Мая, а «къ 1498 году, прежде Мая.» Они не выдали подлинныхъ актовъ и самъ сослался на то, что перепечатали грамоту изъ сочиненія Князя Щербатова. Но время, къ которому ее отнесли, обозначили они сами. По чему они такъ умствовали, то можемъ думать, что къ этому, какъ видно, принудилъ ихъ одинъ документъ изъ Литовской Метрики, который они напечатали подъ № 179. Здѣсь же считаю долгомъ замѣтить одно, что въ выше сдѣланныхъ примѣчаніяхъ указано, какіе дипломатическіе документы находятся въ Литовской Метригѣ, и при этомъ всякой можетъ судить, что достоинство ихъ не имѣетъ ни мажѣйшаго права равняться съ достоинствомъ Московскихъ правительственныхъ бумагъ, по тому что бѣдность ихъ содержанія бросается въ глаза. Такъ какъ этѣ акты изъ Литовской Метрики по большей части уже прежде были напечатаны въ Сборникѣ Муханова, то невольно удивляешься и спрашиваешь, за чѣмъ же они въ Ак. З. Р. снова перепечатаны? Но удивленіе возрастаетъ еще болѣе, когда знаешь, что Литовскія Государственныя бумаги изданы по два раза, а Московскія по сіе время составляютъ Архивское достояніе. Выше я не дѣлалъ ссылокъ на страницы Польскаго Статейнаго Списка, по тому что въ Исторіи Г. Р. и въ Ист. Р. они уже сдѣланы болѣею частию по посольствамъ. Въ Ист. Рос. только ошибочно, на основаніи А. З. Р., грамота о принужденіи къ Вѣрѣ Елены Ивановны отнесена къ 1498 году. Самыя же подробныя ссылки на Статейный Списокъ, на всѣ посольства по страницамъ, можно видѣть въ довольно полномъ извлеченіи изъ Польскихъ дѣлъ, сдѣланномъ Бантышъ-Каменскимъ. Это извлеченіе напечатано въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1860 г., въ кн. 4-й, подъ заглавіемъ: «Переписка между Россіею и Польшею.»

Подъ № 179 въ Актахъ Западной Россіи напечатаны документы, содержащіе будто бы одно посольство изъ Литвы въ Москву, въ 1500 году, и отвѣтъ

Съ этѣмъ отвѣтомъ поѣхали Литовскіе послы изъ Москвы, но въ то же, должно быть, время посланъ былъ изъ Москвы къ

на него. Сличеніе этого посольства изъ Метрики съ Статейнымъ Спискомъ возможно по тому, что послѣднія страницы 1 № Польскаго Статейнаго Списка заключаютъ въ себѣ именно это посольство и отвѣтъ на него. Надо прибавить, что въ Метрикѣ отвѣтъ на посольство не весь (хотя издатели, не видя этого изъ Метрики, въ примѣчаніи объ этомъ не сказали; но объ этомъ будетъ ниже), а въ Статейномъ Спискѣ есть нѣсколько лишнихъ статей противъ Метрики, но все таки отвѣтъ не весь, по тому что послѣднихъ листовъ недостаетъ въ Спискѣ. Этотъ № Актовъ Западной Россіи замѣчательнъ тѣмъ, что всякаго, кто хотя немного знакомъ съ Русскою Исторіей, приведетъ въ смущеніе, а людей, занимающихся ею, еще болѣе. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Извѣстно, что Ведрошская битва была въ 1500 году, 14 Июля, а это посольство, отъ 5 Марта, 1500 года, говоритъ, о Ведрошской битвѣ, какъ о событіи совершившемся. Сличая напечатанное изъ Литовской Метрики съ Статейнымъ Спискомъ, выходитъ, что въ Статейномъ Спискѣ недостаетъ въ рѣчахъ пословъ главное пунктовъ, которые въ Метрикѣ говорятъ о Ведрошской битвѣ. Отвѣтъ, какъ уже замѣчено, въ Статейномъ Спискѣ не полный, но все таки полнѣе, чѣмъ въ Метрикѣ, и по этому можно бы было предполагать, что если Москвичи, по неотчетности, не сполна записали посольскія рѣчи, то, по крайней мѣрѣ, въ своемъ отвѣтѣ могли упомянуть о Ведрошской битвѣ, но этого въ отвѣтѣ мы не имѣемъ. Въ такомъ положеніи остается, по видимому, повѣртіе изданному изъ Литовской Метрики, а не Статейному Списку. Такъ и сдѣлали издатели Актовъ Западной Россіи: они не повѣрили ни Щербатову, ни Карамзину (впрочемъ, если только заглядывали по этому случаю въ текстъ сочиненій историографовъ), а отодвинули все событія назадъ и, какъ выше замѣчено, такъ они поступили и съ грамотой о принужденіи въ Вѣрѣ Елены Ивановны; но за то, оставивъ послѣдующія посольства по Метрикѣ, на своемъ мѣстѣ, они и не предположили, что этѣмъ смутаны все событія того времени. Наконецъ издатели не вѣрили и Русскимъ лѣтописцамъ, которые говорятъ, что Ведрошская битва была въ 1500 году, 14 Июля. Можетъ быть, они вѣрили Польскимъ лѣтописцамъ? Правда, у Стрыйковскаго Ведрошская битва отнесена къ 1499 году, но достоинство этой лѣтописи Стрыйковскаго и при не очень внимательномъ изученіи, открывается скоро; она составлена изъ нѣсколькихъ лѣтописей и самымъ небрежнымъ образомъ; у него часто встрѣчается, что обо одномъ событіи рассказано по два раза и подъ разными годами. Но здѣсь дѣло не объ лѣтописцахъ, а объ правительственныхъ памятникахъ. Въ Исторіи Россіи, въ 5 томѣ, въ примѣчаніи 109, указано на разногласіе такихъ памятниковъ, «долженствующихъ имѣть авторитетъ неоспоримый;» мнѣ желательно было отыскать причину такого разногласія. Въ Голлицинской выпискѣ изъ Статейныхъ Списковъ (находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ названіемъ № 2 Польскихъ Дѣлъ) нѣтъ и намека, чтобы въ концѣ отвѣта на посольство было упоминаніе о Ведрошской битвѣ. По видимому, что не сами издатели Метрики въ Ак. Зап. Россіи сдѣлали, по

Александрѣ Телешевѣ, во первыхъ, объявить, что ради принужденія въ Вѣрѣ Православнымъ отъ Католиковъ, просились въ Мо-

неотчетности, это дѣло, свидѣтельствуеть обозначеніе листовъ подъ изданнымъ посольствомъ: посольство на одномъ мѣстѣ, а отвѣтъ на другомъ. Для объясненія этого дѣла мнѣ случилось самому встрѣтить, и тоже прежде нашелъ Проф. И. Д. Бѣляевъ, который, на вопросъ Проф. С. М. Соловьева, отвѣчалъ во «Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» (1855 г., кн. 1), о годѣ Ведрошской битвы, именно, что подъ № 179 Актовъ Западной Россіи, въ 1 томѣ, существуетъ смѣсь двухъ посольствъ въ одно. На первыхъ страницахъ 192 № Актовъ Запад. Рос., подъ которымъ напечатанъ Московскій Статейный Списокъ (который, въ смутное время, Поляки взяли себѣ, а послѣ третьяго раздѣла Польши онъ возвратился въ Россію) находится рѣчь Литовскаго посла въ Москвѣ, Пана Нарбута, въ 1501 году, и она слово въ слово схожа съ прибавкой № 179, въ которой говорится о Ведрошской битвѣ. Но теперь возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ же образомъ могло случиться, что посольства разныхъ годовъ въ Литовской Метрикѣ смѣшаны въ одно? И. Д. Бѣляевъ предполагаетъ, что вся эта смѣсь «ясно показываетъ (?), что эта часть Литовской Метрики списана съ Московской Посольской Книги (во время пребыванія Статейныхъ Списковъ въ Польшѣ), и списана небрежно, съ пропусками, съ переменною листовъ.» Во первыхъ, не можетъ быть, чтобы чрезъ 100 слишкомъ лѣтъ Поляки стали поправлять свои Государственныя бумаги по Московскимъ; а во вторыхъ, Литовская Метрика такъ составлена, что предположить подобнаго ни какъ нельзя. Я предполагалъ (см. мой отчетъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1865 г., Дек. кн.), что при запискѣ въ Метрику множества накопившихся правительственныхъ бумагъ, писцы перемѣщали бумаги и записали ихъ дурно. Во всякомъ случаѣ, дѣло можно было рѣшить несравненно лучше, если такіе сомнительные напечатанные памятники слѣдить съ подлинной рукописью Литовской Метрики. Я вилѣлъ книги Литовской Метрики, и въ нихъ нашелъ слѣдующее. Во первыхъ, большею частію, гдѣ издатели Актовъ Западной Россіи ссылались, что такой-то памятникъ напечатанъ изъ 6 книги записей, то должно искать этотъ памятникъ въ 5 книгѣ, и обратно. Во вторыхъ, пункты посольствъ, находящихся въ Метрикѣ (это также относится и къ посольству, что подъ № 179), издатели Актовъ Западной Россіи въ одномъ мѣстѣ соединяли, а въ другомъ разставляли, по собственному благому усмотрѣнію. Издатели исправляли слогъ актовъ и вставляли цѣлыя слова, на примѣръ, почти въ началѣ каждаго пункта вставлено слово «всказалъ,» а его въ подлинникѣ не имѣется; впрочемъ, для иныхъ, можетъ быть, это неважно. Издатели, въ примѣчаніи къ № 179, на стр. 206, написали: «Въ заглавіи отмѣчено: Посольство до Великаго Князя Ивана Васильевича Паномъ Станиславомъ Петровичомъ, Намѣстникомъ Смоленскимъ, а Писаремъ Федкомъ Григорьевичемъ. Выше: мѣсяца Февраля 28 дня, индикта 3.» Это примѣчаніе не совсѣмъ вѣрно. (Такое же почти заглавіе дано этому посольству и въ Сборникѣ Муханова; тамъ это посольство напечатано подъ №№

сковскую службу Князя Стародубскій, Семень Ивановичъ Можайскій и Сѣверскій, Василій Ивановичъ Шемячичъ, и Великій

70 и 71, по несравненно лучше, чѣмъ въ Актахъ Западной Россіи). Невѣрность заглавія заключается въ слѣдующемъ, что будто выше поставлено мѣсяца Февраля 28 дня, индикта 3. Мои глаза насилу могли усмотрѣть, что дѣйствительно весьма выше, въ концѣ посольства къ Татарскому Мурзѣ Тивкилею, * поставлено только «индикта 3,» о мѣсяцѣ же Февралѣ ни чего не сказано. Но между этѣмъ обозначеніемъ времени и настоящимъ заглавіемъ посольства находится на листѣ пустое мѣсто строчекъ на 6. При этомъ нужно замѣтить, что въ Метрикѣ годъ, мѣсяцъ и число обыкновенно обозначаются (хотя и очень рѣдко, такъ какъ большею частію бумаги въ Метрикѣ безъ обозначенія времени ихъ происхожденія) въ концѣ посольства. И такъ, это посольство по Метрикѣ безъ числа, и его можно узнать только по нашимъ Польскимъ Дѣламъ, именно: вѣрющая грамота Литовскихъ пословъ отъ 5 Марта, а пріѣхали въ Москву послы 23 Апрѣля. Какъ же случилась прибавка посольства Нарбута къ рѣчамъ Станислава Кишки? Какъ я прежде предполагалъ, что должно быть писцы, записывавшіе въ Метрику посольства, произвели эту смѣсь, то, провѣривши по подлинной Метрикѣ, въ этомъ еще больше убѣдился. Именно: эта часть Метрики составлена такъ, что въ 5 книгѣ записей находятся большею частію Государственныя бумаги (на примѣръ, посольство въ разныя Государства), при чемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ книги держались, при запискѣ бумагъ, лѣточислительнаго порядка, а въ другихъ частяхъ встрѣчается полная смѣсь всякихъ бумагъ различныхъ временъ. Въ той части, гдѣ находится посольство, что напечатано въ Актахъ Западной Россіи подъ № 179, держались лѣточислительнаго порядка, но при этомъ, гдѣ, по времени, слѣдовало бы написать посольство Нарбута 1501 г., тамъ написанъ отвѣтъ на посольство Станислава Кишки, а гдѣ долженъ былъ быть, по мѣсту, этотъ отвѣтъ, тамъ посольство Нарбута; но все таки самое посольство Нарбута съ посольствомъ Станислава Кишки въ Метрикѣ не смѣшано такъ, какъ смѣшали его издатели Актовъ. Въ Метрикѣ иногда, при запискѣ посольствъ въ одно Государство, отдѣляли ихъ не такимъ большимъ пустымъ мѣстомъ, какъ между посольствами въ разныя Государства, но все таки разставка между посольствомъ Кишки и Нарбута существуетъ. Но, кромѣ этой разставки, всякой можетъ видѣть, по изданному въ Актахъ, что посольство Нарбута начинается обширнымъ титуломъ Великаго Князя Александра, такимъ титуломъ, который обыкновенно употребляется въ началѣ посольскихъ рѣчей, и не повторяется при каждомъ пунктѣ одной и той же рѣчи посла. Впрочемъ, это всего лучше можно видѣть изъ напечатаннаго не въ Актахъ Западной Россіи, а въ Сборникѣ Муханова, на страницѣ 101, гдѣ, не мудрствуя, напечатано такъ, какъ въ первый разъ представляется написанное въ Метрикѣ.

Теперь нужно сказать о томъ, что въ рѣчахъ Станислава Кишки изъ Литовской Метрики находятся въ концѣ два пункта, которыхъ нѣтъ въ Статей-

* Въ Литовской Метрикѣ въ одну книгу вмѣстѣ записывали посольства въ разныя страны.

Князь принялъ ихъ въ службу съ ихъ отчинами. Въ это же время была подана Александру складная грамота,⁵⁰ которая содержала слѣдующія слова: «Великій Князь Александръ по dokonчанью не править: Великую Княгиню Елену, Князей и Пановъ Русскихъ къ Римскому Закону нудить; по этому Великій Князь Иванъ Васильевичъ складываетъ съ себя крестное цѣлованіе, и за Христіанство хочеть стоять, сколько Богъ ему поможетъ.» Въ Литвѣ отвѣчали послу о Князяхъ: «Отцы этѣхъ Князей измѣнники твоего Государя, и пришли они въ Литву, сдѣлавши извѣстно какое дѣло надъ Великимъ Княземъ, Василиемъ Васильевичемъ, и надъ самимъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ; въ Литвѣ ихъ приняли, и дали имъ вотчины на прожитокъ, а они, измѣнники, по привычкѣ своихъ отцовъ, теперъ измѣнили намъ, да и надъ вашимъ Государемъ также потомъ учинять измѣну; нашъ же Го-

---

номъ Спискѣ, а въ Статейномъ Спискѣ. въ отвѣтѣ на это посольство, есть пункты, которыхъ нѣтъ въ отвѣтѣ въ Метрикѣ. Этѣ пункты рѣчей Станислава Кишки хотя и не записаны въ Статейномъ Спискѣ, однако были говорены въ Москвѣ, по тому что лишніе пункты Статейнаго Списка есть отвѣтъ на этѣ пункты Метрики. Какъ же случилась такая разница записи въ Государственныя книги? На это можно сдѣлать то предположеніе, на основаніи общаго состава Статейныхъ Списковъ, что въ Москвѣ слышали этѣ пункты, но не записали въ книги, въ то же время отвѣтъ на нихъ приготовили, можетъ быть, даже и говорили, но въ спискѣ, данномъ Литовскому послу, этѣхъ пунктовъ не помѣстили, а по тому ихъ въ Литовской Метрикѣ, нѣтъ (впрочемъ, если Москвичи и дали Литовцамъ полный отвѣтъ, то Литовцы, по небрежности, которая весьма видна изъ состава Метрики, могли записать въ книги отвѣтъ не сполна). Подобный обычай у Москвичей часто употреблялся. При этомъ нужно замѣтить, что разница въ редакціяхъ Метрики и Статейныхъ Списковъ рѣзко бросается въ глаза, и если нужно было печатать дипломатическую часть Метрики, то можно дѣлать такъ, какъ и сдѣлали въ одномъ мѣстѣ издатели Актовъ Западной Россіи, напечатавъ подъ № 192 Статейный Списокъ, сличая его съ Метрикой (какъ бы и слѣдовало издавать всегда такіа бумага); они въ нѣсколькихъ мѣстахъ указали на эту разницу редакцій.

⁵⁰ Въ лѣтописи сказано, что Телешовъ поѣхалъ съ отказомъ о Князяхъ, а съ складной грамотой посланъ Афонасъ Шеенка Вязмитинъ. Въ лѣтописи этѣ событія совершенно сходно рассказываются съ правительственными документами. Содержаніе складной грамоты взято изъ Голицынской выписки (стр. 54 — 55), въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Д. II, № 2.

сударь знаетъ только свои отчины, ихъ же отчинъ не вѣдаетъ.»⁵¹ Послѣ такихъ, по видимому, обидныхъ словъ, отвѣтъ Литовцевъ все таки кончался слѣдующимъ образомъ: «А что ты говорилъ Государю нашему объ иныхъ большихъ дѣлахъ, то объ этомъ нашъ Государь шлетъ своего посла вашему Государю.» Подъ этими большими дѣлами Литовцы, какъ видно, разумѣли складную грамоту. Воевать они не хотѣли, но война уже началась, и было поздно ее останавливать.

Эти отношенія Москвы къ Литвѣ, за послѣднее время, отразились и на ихъ отношеніяхъ къ Молдавіи и Степнякамъ. Еще Иванъ Васильевичъ не успѣлъ извѣстить о своихъ послѣднихъ дѣлахъ съ Литвою ни въ Крымъ, ни въ Молдавію, какъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1500 года,⁵² пріѣхалъ отъ Стефана Өедько Исаевичъ, Намѣстникъ Хотинскій, и Дьякъ Шандра. Изъ ихъ рѣчей оказывается, что Александръ уже извѣщалъ Стефана о своихъ дурныхъ отношеніяхъ къ тестю; по этому теперь Стефанъ предлагалъ своему свату, Ивану Васильевичу, взять миръ съ своимъ зятемъ, Александромъ. Въ Москвѣ на это объяснили, что нерады враждѣ, но Александръ не править по докончанью: имя своего тестя пишетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и въ то же время, противъ докончанья, свою Великую Княгиню и всѣхъ Русскихъ нудитъ къ Римскому Закону. Эти рѣчи кончались тѣмъ, что если съ Александромъ не станется миръ, то объ этомъ прищлютъ къ Стефану посла, а онъ бы, по докончальнымъ грамотамъ и крестному цѣлованію, помогалъ и на Литовскаго наступалъ.⁵³ Этотъ посолъ дѣйствительно пріѣхалъ къ Стефану, но уже въ началѣ 1501 года.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправляя въ Крымъ пословъ Менгли-Гирея, Иванъ Васильевичъ отпустилъ съ ними своего посла, Князя Ивана Семеновича Кубенскаго, которому было наказано говорить Царю: «Мы, по твоему слову. посылали къ Александру и

⁵¹ Ак. З. Р. т. 1, № 180. Этотъ актъ изъ Литовской Метрики не имѣетъ въ себѣ складной грамоты.

⁵² Лѣтописи: Никоновская, Софійская и Воскресенская подъ 1500 годомъ.

⁵³ Ак. З. Р. т. 1, №№ 161 и 162 содержатъ Молдавскія посольства. Они напе-

говорили, какого ты миру хочешь съ нимъ, а онъ намъ приказалъ, что его люди, при его отцѣ и дѣдахъ, никогда вашими данщиками не бывали; объ этомъ онъ обѣщалъ прислать еще пословъ, но они долго не ѣхали, а теперь пріѣхали и говорятъ, что ихъ Государь такого миру не хочетъ, и коли онъ съ тобою, моимъ братомъ, миру не хочетъ, то и я съ нимъ миру не хочу. Да которые у него были Ордынскіе послы, и онъ ихъ отпустилъ въ Орду, приказавъ сказать Ахматовымъ дѣтямъ, чтобы они шли на насъ...» и т. д. Кубенскому⁵⁴ также было наказано говорить:

чтаны изъ Литовской Метрики и относятся не къ 1498, или 99, году, какъ обозначили издатели, а несравненно позднѣе:

Во первыхъ, по упоминаемымъ въ посольствахъ лицамъ и событіямъ, къ первой половинѣ 1501 года. Послѣ Ѳедьки Исаевича, который былъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1500 года (см. Лѣтопись подъ 1500 годомъ), назначался ѣхать въ Москву Дьякъ Костантинъ, но, прежде отправленія его, говорится въ посольствѣ Стефана къ Александру, былъ у Стефана Московскій посолъ съ объясненіемъ причинъ войны. Изъ Крымскихъ Дѣлъ мы узнаемъ, что, вмѣстѣ съ Ивановъ Мамоновымъ, ѣхалъ черезъ Крымъ къ Стефану Земскій Дьякъ Никита (объ немъ, вѣроятно, и говорится въ началѣ посольства Стефана къ Александру). Мамоновъ и Никита выѣхали изъ Москвы 11 Августа, 1500 года, и поехали въ Крымъ къ Рождеству Христову. Далѣе въ посольствахъ (№№ 161 и 162) говорится, что Стефанъ отправилъ къ Менгли-Гирею посла о дѣлѣ Александра, и когда онъ воротился, то о послѣдствіяхъ его посольства Стефанъ извѣститъ. Изъ Крымскихъ Дѣлъ узнаемъ, что подобный гонецъ пріѣзжалъ отъ Стефана въ Крымъ, послѣ пріѣзда туда Мамонова, одновременно съ гонцемъ Александра, на второй недѣлѣ послѣ Пасхи 1501 года. И такъ этѣ посольства можно отнести къ первой половинѣ 1501 года, когда въ борьбу Москвы съ Литвою втягивались, кромѣ Стеніяковъ, Молдавія и другіе народы. Здѣсь нужно замѣтить, что № 161 есть довозненіе къ № 162, какъ слѣдуетъ по смыслу.

Во вторыхъ, по мѣсту нахождения этѣхъ посольствъ въ Литовской Метрикѣ. Въ этомъ мѣстѣ Метрики держался при запискѣ Государственныхъ бумагъ лѣточислительнаго порядка. Впередъ посольствъ въ Молдавію находится посольство къ Менгли-Гирею, отъ 27 Ноября, 1500 г.; оно напечатано въ Актахъ Западной Россіи подъ № 183. Послѣ этого идутъ посольства къ Шихъ-Ахмату, отрывки изъ которыхъ напечатаны подъ № 184, и послѣ этого уже посольство въ Молдавію. Этѣ мои слова можно провѣрить по обозначенію листовъ Метрики подъ посольствами въ Актахъ Западной Россіи.

⁵⁴ Князь Кубенскій поѣхалъ въ Крымъ 13 апрѣля; см., на примѣръ, Никоновскую лѣтопись; но когда пріѣхали въ Москву Литовскіе послы, Станиславъ Петрашковичъ и Ѳедько Григорьевичъ, то объ этомъ къ Кубенскому была послана грамота съ наказомъ.

«Мой Государь нынѣ въ размирьѣ съ Литовскимъ, а размирье между ними и отъ того, что пріѣхалъ Князь Сементъ Бѣльской съ отчиною, и Государь его принялъ, да еще велѣлъ засѣсть иные города и волости Литовскіе; да Государь безъ твоего вѣдома не будетъ мириться съ Литовскимъ.» Князь Кубенскій везъ съ собою въ Крымъ поминки и ѣхалъ степью; здѣсь уже три мѣсяца дожидались Азовскіе Татары, не поѣдутъ ли послы; они напали на Кубенскаго и всѣ поминки и деньги пограбили; самому Кубенскому удалось ускакать отъ Татаръ, при чемъ онъ, изъ предосторожности, всѣ бумаги, которыя съ нимъ были, бросилъ въ воду. Этотъ случай очень огорчилъ Менгли-Гирея; онъ завелъ сношенія съ Кафинскимъ Султаномъ, которому принадлежалъ Азовъ, чтобы тотъ досталъ разбойниковъ и взялъ бы у нихъ казну Кубенскаго. Послѣ къ Ивану Васильевичу писалъ Менгли-Гирей: «чтобы были мы съ тобою здоровы, а казна у насъ будетъ.» Князь Кубенскій пріѣхалъ въ Крымъ весьма ко времени.⁵⁵ По видимому, Иванъ Васильевичъ начиналъ теперь войну при тѣхъ же отношеніяхъ къ Степнякамъ, какъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, но уже то, что въ степяхъ показалось много Азовскихъ Татаръ или Казаковъ, этѣхъ обломковъ Золотой Орды, предвѣщало, что между Степняками началось какое-то движеніе; а Александръ дѣйствительно вызывалъ изъ за Дона Ахматовыхъ дѣтей, чтобы они искали, какъ ихъ предки, дороги на Русь и сканили своего холопа.

---

⁵⁵ Дѣла Крымскія, № 2, посольство Кубенскаго.

ГЛАВА III.

Война.

Ведрошская битва и ея слѣдствія.—Набѣги Крымцевъ на Литовскія владѣнія.—Сношенія Литовцевъ съ Шихъ-Ахматомъ; Нагайцы.—Посольства: Венгерское, Польское и Литовское въ Москвѣ, въ началѣ 1501 года; переписка Якова Захарьевича съ Яномъ Забережскимъ.—Отношенія Ивана III къ Ливонскимъ Нѣмцамъ и союзъ послѣднихъ съ Литвою.—Война 1501 года: Степняки, битва подъ Мстиславлемъ, Ливонія. Письмо Якова Захарьевича къ Яну Забережскому въ началѣ 1502 года; уничтоженіе Золотой Орды; набѣги Крымцевъ на Литовскія владѣнія; вражда Стефана Молдавскаго къ Польшѣ; война около Пскова и осада Смоленска.

I.

Война въ сущности началась ранѣе, чѣмъ послана была въ Литву разметная грамота. Съ помощію Князей было подготовлено все для того, чтобы только явились Московскія войска и занимали одинъ городъ за другимъ. Съ различныхъ сторонъ должны были войти Московскія войска въ Литовскія владѣнія. 3-го Мая былъ посланъ къ Князьямъ Яковъ Захарьевичъ, и онъ, приводя ихъ къ присягѣ, въ то же время, съ ихъ помощію, занималъ города. Послѣ этого къ Юлю мѣсяцу, Князя Шемячичъ и Можайскій, потомъ Князя-отѣзчики изъ Литвы начала девяностыхъ годовъ, бывшіе Тверскіе служебные Князя, наконецъ служебные Московскіе Татары, всѣ они, вмѣстѣ съ Московскими Князьями и Боярами, подъ предводительствомъ Князя Данила Щеняти, около Дорогобужа, у рѣки Ведроши, на Митьковомъ полѣ, 14 Юля (т. е., того же числа, когда была Шелонская битва), сошлись съ Литовскими войсками, предводимыми Великимъ Гетманомъ Литовскимъ, Княземъ Константиномъ Острожскимъ,⁵⁶ 17-го Юля прискакаль

⁵⁶ Разрядныя Книги Арх. Мин. Ин. Д., № 1-й, 1500 годъ.

отъ войскъ въ Москву Михайло Андреевичъ Плещеевъ и объявилъ Государю, что, Божіею помощію, Московскія войска побили Литовскія; радость въ Москвѣ была велия. Самъ Князь Константинъ Острожскій, со многими знатными Литовскими Панами, попалъ въ плѣнъ Москвичамъ. Знаменитая побѣда была одержана соединенными въ однихъ рукахъ средствами всей удѣльной системы; послѣдняя передъ тѣмъ, какъ ей сойти со сцены исторіи, выставила теперь огромное число талантовъ. Эта знаменитая побѣда дала въ настоящее время возможность, во первыхъ, укрѣпить за Москвою все занятое до Юля, и во вторыхъ, продолжать дальнѣйшія завоеванія. Литовскихъ владѣній. 17 Августа Иванъ Васильевичъ, отправляя въ Крымъ съ посольствомъ Ивана Мамонова, велѣлъ ему пересчитать передъ Царемъ приобрѣтенія отъ Литвы за лѣто 1500 года (до Августа) такъ: «Князь Семень Ивановичъ Можайской пріѣхалъ съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, а Василій Ивановичъ Шемячичъ съ Новымъ Городкомъ Сѣверскимъ и многими волостями; Князья Трубчевскіе съ Трубчевскомъ и волостями, Мосальскіе съ Мосальскомъ и съ волостями, Князь Семень Ивановичъ Бѣльской съ своею отчиною. Да иные города наши Воеводы взяли, Пановъ и Намѣстниковъ поимали и къ намъ прислали, а на тѣхъ городахъ нашихъ Намѣстниковъ посажали, а города взятые: Брянскъ, Серпейскъ, Дорогобужъ, Опаковъ, Радогощъ и иные;» но кромѣ этого были еще взяты Путивль и Торонецъ. Иванъ Васильевичъ писалъ Менгли-Гирею, что онъ собиралъ рати и намѣревался по первому снѣгу отпустить ихъ къ Смоленску, но снѣга выпали большіе, и конскаго корма около Смоленска было мало. Князья-отѣзчики изъ Литвы, старые и новые, спѣшили воспользоваться обстоятельствами, чтобы захватить сколько можно побольше волостей въ свою пользу. Пространства всѣхъ прибрѣтеній Ивана Васильевича были таковы, что онъ, чрезъ пословъ своихъ въ Крыму, говорилъ Царю, чтобы тотъ шелъ однолично на Литовскую землю ратью, и шелъ бы къ Слуцку, Турову и Минску того дѣля, что по сей сторонѣ Днѣпра, милосердіемъ Божіимъ, почти всѣ земли наши. Послѣ Ведрошской побѣды Александръ хотѣлъ остановить Московскія завоеванія тѣмъ, что намѣревался начать переговоры; для этого онъ прислалъ въ Москву посла просить опасной грамоты для пріѣзда своихъ

пословъ. ⁵⁷ Но этѣ послы явились не скоро, а Александру пришлось еще отбиваться отъ Татаръ.

Въ относительно спокойныхъ передъ этою войною Ордахъ вдругъ показались какія-то судорожныя движенія. Безъ всякаго возбужденія со стороны Москвичей, еще до прїѣзда Князя Кубенскаго въ Крымъ, нѣсколько Царевичей вышли изъ Перекопа и начали грабежи Литовскихъ (Туровскія мѣста) и Польскихъ украинъ. Они воротились съ своихъ подвиговъ 24 Юля, а немного ранѣе воротились съ грабежей трое Мурзъ Ширинскихъ, которые воевали земли Князя Острожскаго и захватили однихъ плѣнныхъ 5000 головъ. Менгли-Гирей, когда къ нему прїѣхалъ Князь Кубенскій, собралъ орды 15,000 человекъ, и послалъ ее съ Царевичами на Литовскія владѣнія, а самъ собирався со всею Ордою къ Киеву и желалъ, чтобы туда же послана была рать Ивана Васильевича. Послѣдній, однако, отъ этого требованія отписывался тѣмъ, что къ Киеву всѣ дороги ограблены и выжжены, и по этому рати посылать нельзя. Орда, посланная съ Царевичами, дѣлала въ Литовскихъ владѣніяхъ слѣдующее: въ 1501 году Московскіе послы въ Крыму прислали Государю такой списокъ: ⁵⁸ «Лѣта 7008 (1500) посыламъ Царь Менгли-Гирей своихъ Царевичей воевать Литовскую землю, и воевали Хмельникъ и посадъ сожгли, да Вишневецъ, да Кременецъ, да Березынь на Стырѣ рѣкѣ; да въ Лятской землѣ взяли городъ Рубешовъ и сожгли, да городъ Люй на Бугѣ рѣкѣ, да городокъ Бѣлу, да Львовъ, до Бойской на Сокалѣ рѣкѣ, да Холмъ, да Люблинь, да Красной Ставъ, посадъ сожгли; да въ Литовской землѣ воевали Берестъ и посадъ сожгли, а съ города окупъ взяли, да воевали Каменецъ Литовской, Володимерець, Луческъ, Бряславъ; а полону взяли въ Лядской землѣ, сказываютъ, съ 50,000 душъ; а пришли Царевичи по Николинѣ дни, люди многіе по Рождествѣ.» Съ одной стороны побѣды и захваты Москвичей, а съ другой этѣ набѣги Крымцевъ, повели къ тому, что въ то время, какъ пошли Царевичи воевать, прїѣхалъ гонецъ изъ Литвы въ Крымъ, на Успеневъ день, и привезъ гра-

⁵⁷ Д. П. № 2, стр. 55; ѣздившій за опасною грамотою былъ Дворянинъ Мацько Кунцовичъ. Ак. З. Р. т. 1, № 186.]

⁵⁸ Напечатанъ, изъ Крым. Дѣлъ № 2, у Карамзина т. 6, прим. 496.

моту къ Менгли-Гирею отъ Александра; послѣдній предлагалъ завести переговоры, и на первый разъ общалъ всю дань, которая не была заплачена со времени отца Менгли-Гиреева. Менгли-Гирей послалъ эту грамоту въ Москву; въ грамотѣ была немалая брань противъ Ивана Васильевича; эта брань была послѣ еще подробнѣе написана въ посольствѣ, приготовленномъ Александромъ въ Крымъ. О присылкѣ этого гонца Менгли-Гирей выражался такъ: «Самъ знаю, что Александръ лихо чинить, а теперь съ пустыми рѣчами посылаетъ», по тому что теперь же отправилъ посла въ Орду Ахматовыхъ дѣтей. Не смотря на это убѣжденіе, Менгли-Гирей хотя не воротилъ Царевичей, но, однако, самъ не пошелъ со всею Ордою на Литовскія земли и отпустилъ Литовскаго гонца (1-го Октября) къ Александру, вмѣстѣ съ своимъ человѣкомъ, и приказалъ сказать, чтобы Литовскіе послы пріѣзжали къ нему; далъ на нихъ опасъ и послалъ также гонца къ Польскому Королю. Литовскіе послы не пріѣхали въ Крымъ, а былъ присланъ только гонецъ, который пріѣхалъ на другой недѣлѣ послѣ Пасхи 1501 года. Онъ пріѣхалъ въ одно время съ Молдавскимъ гонцомъ, который, отъ имени Стефана, предлагалъ Менгли-Гирею примириться съ Александромъ.⁵⁹

Отъ Татаръ страдали не однѣ Литовскія украины, но и Московскія. Этѣ послѣдніе грабежи производили Азовскіе Казаки. Князь Кубенскій писалъ къ Ивану Васильевичу, послѣ своего пріѣзда въ Крымъ: «Говорятъ, что Азовскихъ Казаковъ, человѣкъ съ 800, пошло подъ Русь, только не извѣстно, подъ твою ли, или подъ Литовскую». Слухъ оказался дѣйствительностію, и къ Великому Князю изъ Мценска пришла вѣсть отъ Князя Ивана Бѣльскаго, что на Полю показались многіе люди, Татарове, и на ихъ отчину, Бѣлевскіе мѣста, приходили, но не въ большемъ числѣ. Этѣ Азовскіе Казаки главное мѣшали частымъ пересылкамъ между Москвою и Крымскою Ордою, которая вдругъ стала оказывать весьма во время дѣятельную помощь первой. Ивану Васильевичу необходимо было послать другаго посла въ Крымъ съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ противъ Литвы. Этѣмъ посломъ былъ Иванъ Мамонъ; онъ, доѣхавши до Калуги, долженъ былъ остановиться и

⁵⁹ А. З. Р. т. 1, № 162.

дожидаться удобнаго случая, когда можно будетъ проѣхать по степи; въ слѣдствіе этого, по мѣрѣ того, какъ шли событія, у него не разъ перемѣняли рѣчи и наказы; послѣдніе, впрочемъ, говорятъ одно, что ему съ Кубенскимъ стараться не допускать мириться Менгли-Гирею съ Александромъ. Мамонову удалось счастливо проѣхать въ Крымъ только къ Рождеству Христову 1500 года.

Для Александра Казимировича ни чего не значили его непрощенные помощники, Азовскіе Казаки; для него нужно было призвать въ степи, по сую сторону Дона, Орду Ахматовыхъ дѣтей, чтобы отвлечь Крымцевъ отъ южныхъ границъ своихъ владѣній. Ахматовы дѣти кочевали между Дономъ, Волгою и Кавказскими горами, а на лѣто 1500 года собирались кочевать между Дономъ и Днѣпромъ. Главный изъ нихъ, Царь Шихъ-Ахмать, отправилъ къ Кафинскому Султану спросить дозволенія подкочевать къ Днѣпру, по тому что на прежнихъ кочевьяхъ Нагаи и Черкасы сильно беспокоятъ. Кафинскій Султанъ отвѣчалъ: «Тѣ земли вольнаго чело-вѣка, Менгли-Гирея, и будешь ты съ нимъ въ дружбѣ, то тогда и я тебѣ другъ, а теперь не позволю тебѣ кочевать къ Днѣпру». Внутреннее состояніе Золотой Орды такъ характеризуетъ Князь Кубенскій: «Сказываютъ, что Орда голодна и незаконна, а Цари съ своею братією не мирны». Къ этой Ордѣ Александръ, около Декабря, 1500 года, отправилъ посломъ Халецкаго; посолъ долженъ былъ объяснить Шихъ-Ахмату, какъ Иванъ Васильевичъ, на миру и докончанѣ, началъ забирать волости Литовскія, и еще призвалъ къ себѣ на помощь Менгли-Гирея, «и ты бы, братъ, по своему съ нами слову, своего холопа сказнилъ; самъ ты вѣдаешь, какъ Московскій свою присягу держать: онъ намъ, своему зятю, какихъ убытковъ надѣлалъ? Онъ, твой холопъ, сколько лѣтъ грубивши и великіе измѣны дѣлавши, что дѣлалъ со отцомъ твоимъ и съ тобою, своимъ Государемъ? Да, впрочемъ, гдѣ слыхано, между великими Государями, чтобы Государю своему холопъ добра хотѣлъ? Ты его льстивымъ словамъ, въ теперешнее его невремя, не вѣрилъ бы, и тебѣ бы годилось, брату нашему, старые дѣла вспомнить и по прежнему поискать дороги на его землю. А ты, братъ нашъ, когда подкочуешь къ намъ, то наши земли постерегъ бы отъ нашихъ непріятелей, да и своимъ людямъ не давалъ

бы наши украины грабить». ⁶⁰ Шихъ-Ахматъ общалъ Александру, что по синему льду перейдетъ черезъ Донъ. Выгоды грабежа и ненависть къ Крыму соединили Ахматовыхъ дѣтей Шихъ-Ахматъ оставилъ у себя Халецкаго, чтобы тотъ видѣлъ, какъ Орда пойдетъ на Мингли-Гирея. Шихъ-Ахматъ теперь послалъ за спросомъ о перемѣнѣ кочевья не въ Кафу, но уже въ Константинополь; Шихъ-Ахматъ просилъ у Султана дозволенія кочевать въ Бѣлгородчинѣ. Въ Константинополь, какъ писалъ Менгли-Гирей въ Москву, Ордынскаго посла приняли дурно и просимаго дѣлать не дозволили; но Шихъ-Ахматъ все таки думалъ ити за Донъ.

Обо всѣхъ этѣхъ сборахъ и пересылкахъ знали хорошо въ Крыму, во первыхъ, отъ измѣнившаго Шихъ-Ахмату писца, который писалъ грамоты къ Александру, а во вторыхъ, отъ бродившихъ по степямъ и проживавшихъ то въ Ордѣ, то въ Крыму, Татаръ, и наконецъ, отъ многочисленныхъ между степняками родственниковъ Менгли-Гирея. Когда прѣѣхалъ Мамоновъ въ Крымъ, то въ это время пришли къ Менгли-Гирею вѣсти обо всѣхъ выше изложенныхъ дѣлахъ изъ Орды. Общанное изъ Литвы посольство не являлось и Менгли-Гирей созвалъ вельможъ на совѣтъ. На этомъ совѣтѣ Мамоновъ говорилъ рѣчь объ успѣхахъ своего Государя и объ опасности ему и Менгли-Гирею отъ Литвы и Орды. Менгли-Гирей, по общей думѣ, отдалъ приказъ по Крыму: «Всѣ должны садиться на конь, каждый долженъ имѣть по три коня на чело-вѣка, между пяти чело-вѣкъ телѣга, доспѣху и корму брали бы много; дома имѣеть право оставаться только тотъ, кто моложе 15 лѣтъ, а кто не пойдетъ, тотъ ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, не слуга; срокъ выступать назначается чрезъ 15 дней, готовиться воевать съ Ордою; по тому что то — нущіе наши недруги, а Литовской землѣ отъ насъ не откочевать.» Мамоновъ долженъ былъ вѣхаться съ Царемъ, чтобы видѣть его дѣйствія.

⁶⁰ Ак. З. Р. т. 1, № 184. Здѣсь считаю долгомъ замѣтить, что въ Ак. Зап. Рос. подъ №184, смѣшаны два посольства къ Шихъ-Ахмату, хотя, можетъ быть, одновременныя; первые 5 печатныхъ пун ктовъ (въ рукописи Метрики 7 пунктовъ) составляютъ въ Метрику первое посольство и написаны отъ 218 по 219 листъ. Далѣе идетъ повтореніе посольства къ Менгли-Гирею, и потомъ посольство, на листъ 221 и 222, къ Шихъ-Ахмату, и оно составляетъ остальные пункты напечатаннаго подъ № 814

И такъ казалось въ 1501 году двѣ Орды должны были сойтись между собою. Движеніе происходило не только въ этѣхъ Ордахъ, но и въ Нагайской, такъ что отношенія Москвы и Литвы къ Нагайцамъ получаютъ значеніе въ ихъ борьбѣ. Нагайскіе Мурзы иногда присылали пословъ въ Москву, но здѣсь съ ними не очень церемонились и за грабежи пославшихъ задерживали пословъ. Нагайскіе Мурзы были родственники Ордынскихъ Царей и также хотѣли, съ дозволенія Московскаго Государя, вступить въ родство съ Казанскими Царями; но, не обращая на это вниманіе, Нагайцы часто ссорились съ Казанцами. Шихъ-Ахматъ совѣтовалъ Александру вступить въ сношеніе съ Нагайцами; по этому Александръ въ посольствѣ съ Халецкимъ приказывалъ Шихъ-Ахмату: «Такъ какъ онъ объявляетъ Нагайцевъ себѣ пріятелями, то хорошо бы сдѣлалъ, если бы привелъ ихъ въ дружбу съ нимъ, Александромъ, и они бы потянули на Москву съ одной стороны, а Шихъ-Ахматъ съ другой.» Но еще ранѣе, лѣтомъ 1500 года, Нагайскіе Мурзы пришли подъ Казань со многими людьми, но Воеводы Великаго Князя, Князь Михайло Курбскій и Лобанъ Рязановскій, съ малыми людьми, вмѣстѣ съ Казанскими Татарами, отстояли городъ.⁶¹

II.

Александръ присылалъ въ Москву, послѣ Ведровской битвы, за опасной грамотой для пословъ, затѣмъ что онъ дѣйствительно намѣревался вести переговоры о мирѣ. При этѣхъ переговорахъ явилось нѣсколько посредниковъ. Естественными союзниками и посредниками были братья Александра, Владиславъ Король Чешскій и Угорскій, и Альбрехтъ, Король Польскій. Къ нимъ Александръ обратился, какъ только началась у него война съ тестемъ.⁶² Короли-братья приготовили посольства въ Москву, но туда же

⁶¹ Д. Крым. № 2, по стр. 827: посольства Семена и Ѳедора Ромадоновскихъ, Кубенскаго и Мамонова, доношенія ихъ въ Москву и грамоты Менгли-Гирея; Д. Нагайскія № 1; Ак. З. Р. т. 1, № 184; И. С. Р. Л. т. 8, стр 240.

⁶² См. Datum вѣрющей грамоты Угорскаго посла: «въ среду, по Воздвиженіи Св. Креста, лѣта Господня 1500.»

должно было явиться, уже въ послѣдствіи и затѣмъ же дѣломъ, посольство отъ Папы, Александра VI; но оно явилось только ко времени заключенія перемирія. Первымъ пріѣхалъ въ Москву Угорскій и Чешскій посоль, 9-го Января, 1501 года. 14-го посоль былъ у Великаго Князя и говорилъ ему рѣчь отъ брата и свата, что «крѣпкій миръ, который теперь разрушенъ, нужно возстановить, но тому, что такому размирью только поганые радуются.» Въ концѣ рѣчи посоль прибавлялъ, что если Великій Князь съ своимъ зятемъ мира не возьметъ, то Владиславъ «своему брату, Александру хочеть быть совѣтникомъ и пособникомъ.» На эту рѣчь Бояре, отъ имени Великаго Князя, изложивъ всѣ причины, заставившія начать войну, говорили, что «Великій Князь такому размирью не радъ, но хочеть съ своимъ зятемъ мира какъ пригоже; а что Владиславъ хочеть своему брату помогать, то онъ будетъ помогать неправому; Великій же Князь, уповая на Бога, за свою правду, хочеть противъ своего недруга стоять.» Угорскій посоль еще просилъ, чтобы плѣнныхъ, Владислава для, Великій Князь выпустилъ на присягѣ и порукѣ. На это былъ данъ отвѣтъ, что такого обычая въ Москвѣ нѣтъ, а плѣннымъ ни какой нужды тоже нѣтъ. Угорскаго посла принимали съ честію и отпустили сказавши, что Иванъ Васильевичъ съ Королемъ Владиславомъ хочеть имѣть ссылку.

22-го Января Угорскій посоль поѣхалъ изъ Москвы, а въ это время тамъ уже находился посланный отъ Александра (пріѣхалъ 13 Января) и говорилъ, что Литовскій посоль находится въ Смоленскѣ и дожидается Польскаго посла, который замѣшквалъ за нѣкоторыми дѣлами, и они прибудутъ вмѣстѣ.⁶³ Этѣ

⁶³ Ак. З. Р. т. 1, № 186. Это Статейный Списокъ и есть начало Статейнаго Списка, помѣщеннаго подъ № 192. Издатели Актовъ Западной Россіи въ примѣчаніи говорятъ, что этѣ акты «изъ Литовской Метрики.» Въ смутное время, когда Поляки забрали многія дѣла изъ Царскаго Архива, то взяли нѣсколько Статейныхъ Списковъ, въ томъ числѣ и этотъ. Они при этомъ переплели вмѣстѣ со Статейными Списками и другія Московскія дѣла, какъ, на примѣръ, вмѣстѣ съ этѣмъ Шведскій Статейный Списокъ времени Шуйскаго, двѣ приходорасходныя книги конца XVI вѣка, посольство Годунова къ Императору Римскому, перепись вещей, оставшихся послѣ Князя Василія и какія остались у Князя Дмитрія. Все это вмѣстѣ озаглавили: «Acta Mag. Ducat. Litu.» 303—307. Листовъ въ этомъ

послы прѣѣхали и 21 Февраля были у Великаго Князя. Польскій посоль, зная уже отвѣтъ, данный Угорскому послу, предлагалъ главное Ивану Васильевичу, чтобы онъ, въ своей ссорѣ съ зятемъ, положился на разбирательство Королей-братьевъ. Литовскій же посоль говорилъ отъ Александра, что размирье стало не отъ него, что онъ ни чего противъ докончанья не дѣлалъ, къ Римскому Закону ни кого не нудилъ, а это рассказываютъ лихіе люди, измѣнники; что въ Золотую Орду не посылалъ на лихо своего тестя и т. д., а если что въ самомъ дѣлѣ сдѣлано противъ докончанья, то онъ готовъ исправить, «а ты бы, братъ и тесть, тоже всѣ шкоды, тобой сдѣланныя, исправилъ.» На этѣ рѣчи данъ отвѣтъ, сначала Польскому послу. Отвѣтъ, по смыслу, былъ схожъ съ отвѣтомъ послу Угорскому и кончался тѣми же словами, что Альбрехтъ будетъ помогать неправому, а Великій Князь за свою правду готовъ стоять. Литовскому же послу пересчитаны были всѣ неисправленья Александра предъ тестемъ, и даже прибавлены обличенія; такъ: «Александръ говорить, что онъ писалъ титулъ Ивана Васильевича такъ, какъ писалъ его Король Казимиръ; такъ съ Казимиромъ у Ивана Васильевича докончанья не было; принужденіе Православныхъ къ Римскому Закону было, и это говорятъ даже Литовскіе люди, которые теперь въ плѣну; въ Золотую Орду Александръ посылалъ на лихо Московскаго Государя, и которыхъ людей посылалъ, и тѣ его люди у насъ.» и т. д. Но главное въ отвѣтѣ было слѣдующее: «Говорили вы, что намъ въ отчину Александра не вступаться, а города и волости, которые наши люди поимали, то ихъ поступиться, то эти города волости и земли изъ старины наша отчина.»

На дальнѣйшіе переговоры объ условіяхъ мира послы не были уполномочены, и, послѣ выслушанія отвѣта, Польскій посоль повторилъ предложеніе посредничества Королей Польскаго и Угорскаго. Это предложеніе было принято; тогда послы стали гово-

---

составленномъ Поляками, сборникъ 314, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Поляки этѣ, захваченныя ими, бумага читали и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлали даже свои замѣчанія. Подъ № 187, въ Ар. З. Р., т. 1, напечатаны рѣчи пословъ Угорскаго и Польскаго изъ Литовской Метрики; это что-то въ родѣ проекта ихъ рѣчей.

рять, что какъ Королевство Угорское, такъ и Польское, далеко, и оттуда скоро посламъ прибыть трудно; по этому Великій Князь приказалъ бы своимъ украиникамъ, до прибытія пословъ, зацѣпокъ не дѣлать ни какихъ. И на это было дано согласіе съ условіемъ, что если и Литовскимъ украиникамъ будетъ данъ такой же приказъ, то тогда Шемячичъ, Можайскій, Бѣльскій и другіе Князья не будутъ дѣлать набѣговъ на Литовскія земли.

Второстепеннымъ предметомъ переговоровъ были переговоры о плѣнныхъ. Мы видѣли, что отвѣчали Бояре Угорскому послу относительно выпуска плѣнныхъ на порукъ и присягъ: тоже отвѣчали они Литовскому и Польскому посламъ. Тогда послы попросили, чтобы имъ дозволили видѣться съ плѣнными. На это было дано разрѣшеніе, и пословъ водили по темницамъ, гдѣ сидѣли Гетманъ съ товарищами.⁶⁴

Но здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что весьма бросается въ глаза при этѣхъ переговорахъ (объ этомъ уже было выше замѣчено), именно: Литовцы своими оправданіями, что ни кого изъ Православныхъ въ Литвѣ не нудятъ къ Римской Вѣрѣ, такъ сказать, признавали за Московскимъ Государемъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Литвы; распространяли право, данное ими относительно одной Елены Ивановны, на всѣхъ подданныхъ Литовскаго Государя.

Литовцы, кромѣ этѣхъ правительственныхъ переговоровъ, завязали, на всякій случай, полуправительственные, точно такіе же, какіе были передъ заключеніемъ мира въ 1494 году. По прежнему, знакомый намъ, Панъ Янъ Забережскій, повелъ это дѣло. Послѣ первыхъ рѣчей Литовскій посолъ прислалъ къ Якову Захаревичу съ своимъ человѣкомъ грамоту отъ Яна Забережскаго, содержаніе ея было слѣдующее: «Вспомни, брате, какъ ты былъ на Новгородѣ, а я на Полоцкѣ, и какъ, черезъ наши труды, началось доброе дѣло между Государями и устроилось. А теперь опять вашъ Государь, не вѣдаю съ чьего лихаго совѣта, земли нашего Государя началъ восвать; а нашъ Государь ни въ чемъ не порушилъ крестнаго

⁶⁴ Не ходили послы только къ Литавору.

цѣлованія: такъ хорошо ли такъ дѣлать? На чьей душѣ будетъ этотъ грѣхъ? Самъ ты знаешь, что ни Литва Москвѣ, ни Москва Литвѣ, никогда не были подчинены. Такъ ты, братъ, вспомнни Литовскій хлѣбъ и веди своего Государя на то, чтобы опять между Государствами былъ покой.» На другой день послѣ присылки грамоты Литовскій посолъ самъ явился къ Якову Захарьевичу, и говорилъ ему о томъ же отъ Пана Яна. Наканунѣ отъѣзда посолъ опять былъ у Якова Захарыча; послѣдній говорилъ ему, что Бояре хлопочуть о мирѣ, такъ и Паны хлопотали бы о томъ же. Послы уѣхали 3 Марта, а 4-го Яковъ Захарьевичъ отправилъ своего человѣка, Коростелева, съ грамотою, къ Яну Забережскому. Коростелевъ долженъ былъ догнать Литовскаго посла и схватъ съ нимъ въ Вильну. Въ грамотѣ Яковъ Захарьевичъ, въ противоположность Яну Забережскому, всю причину войны складывалъ на Литовцевъ. Когда Коростелевъ воротился въ Москву, то съ нимъ прѣхалъ человѣкъ Забережскаго съ отвѣтной грамотой; здѣсь опять выставлялось, какъ и въ рѣчахъ пословъ, что виною всему дѣлу были лихіе люди, измѣнники и особенно Бѣльскій и т. д. Въ письмѣ была прибавка о плѣнныхъ Панахъ, что въ Литвѣ ходятъ слухи, что ихъ держатъ въ большой нуждѣ, а они люди, привыкшіе къ хорошему житію, и по этому имъ особенно тяжело переносить нужду, и если ужъ нельзя ихъ отпустить, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ бы Яковъ Захарьевичъ одолженіе, взялъ бы ихъ къ себѣ на поруки, и пускали бы ихъ въ церковь ходить; а въ томъ, что никто изъ нихъ не убѣжитъ, Янъ Забережскій ручался: «а гиблому и упадшему человѣку годится завсегда помогать.» Этими словами кончалъ свое письмо Янъ Юрьевичъ.

Разнохарактерные и взаимные упреки въ причинѣ войны были уже совсѣмъ исчерпаны въ посольствахъ и письмахъ, и Яковъ Захарьевичъ въ отвѣтъ писалъ то же, что прежде было писано и говорено; этотъ послѣдній отвѣтъ поѣхалъ изъ Москвы 13 Мая; на это письмо не только не послѣдовало отвѣта, но Коростелевъ даже не былъ отпущенъ назадъ въ Москву.⁶⁵ Такимъ образомъ и

⁶⁵ Ак. З. Р. т. 1, № 192, до стран. 244. По поводу задержанія Коростелева въ Москвѣ издателиакто въ замѣчаютъ (въ примѣч. стр. 244), что въ пробѣлѣ при-

это средство къ переговорамъ прекратилось. Война съ лѣта должна была снова начаться. Литовцы очень хорошо знали, что въ Москвѣ, послѣ Ведрошской побѣды, ни за что не помирятся на старыхъ докончаньяхъ, и они захотѣли еще разъ отвѣдать военнаго счастья.

III.

Александръ, готовясь ко второму году войны, хотѣлъ отъ своихъ союзниковъ получить болѣе дѣятельную помощь, чѣмъ онъ получилъ въ первый годъ. Отъ Стефана Молдавскаго, какъ Иванъ Васильевичъ требовалъ помощи по докончанью, такъ и Александръ хотѣлъ тоже что ни будь получить. Онъ отправилъ въ Молдавію посольство (должно быть въ началѣ 1501 года); въ рѣчахъ къ Стефану отъ Александра была благодарность за предложеніе имъ посредничества, и потомъ, указавши на то, что изъ этого посредничества ни чего не вышло, Александръ просилъ помощи и совѣта на своего неврѣтеля. При этомъ, чтобы вооружить Стефана на Ивана Васильевича, рѣчи Литовскихъ пословъ кончались такъ: «А дочку твою и внука твоего въ какой почести твой свать держитъ, твои послы (должно быть тѣ, что были въ Москвѣ) тебѣ ширѣ повѣдаютъ». На это посольство Стефанъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: онъ, въ посольствѣ къ Александру, изложилъ всѣ причины, какія выставляютъ Москвичи, начатой ими войны: «то если Ваша Милость такъ чинили, то дѣлайте, какъ знаете; мы рады учинить между вами любовь и докончанье, и съ этою цѣлю посылаемъ своего посла въ Москву, вмѣстѣ съ Московскимъ, который у насъ былъ, и вы ихъ пропустите черезъ свои земли.» Не знаемъ, пропустилъ ли Александръ этѣхъ пословъ въ Москву, но знаемъ содержаніе посольства Стефанова къ Ивану Васильевичу: оно было составлено на общую тему, что между Христіанскими Государями долженъ быть миръ, для общаго союза противъ Турокъ.

писано другою рукою, но почеркомъ современнымъ: «и Михалъ тамъ помотчалъ.» Эта приписка сдѣлана, должно быть, державшимъ справку. Въ Голыцинской выпискѣ изъ Польскихъ Дѣлъ сказано (стр. 61): «Михалко въ Литвѣ задер-жанъ.»

Стефанъ предлагалъ Александру посредничество; ⁶⁶ не болѣе того доставили и братья Александровы, хотя изъ Литвы ихъ сильно умоляли о помощи, не только ради родства, но и для святой Вѣры Христіанской. ⁶⁷ Но за то Александръ нашелъ болѣе дѣятельную помощь, въ общемъ врагѣ всѣхъ Славянъ, Нѣмцахъ. Когда Король Максимилианъ захотѣлъ хорошенько разузнать, какое состояніе дѣлъ въ новомъ для него Русскомъ Государствѣ, находящемся на востокѣ, то Орденцы, объясняя, что на востокъ отъ Ливоніи живутъ Невѣрные, враги Христіанства, отвѣчали Максимилиану, что въ Россіи царствуетъ старый Государь, который съ своимъ внукомъ держитъ всю власть надъ всею страной; сыновей своихъ ни къ управленію, ни къ удѣламъ, не допускаетъ, и подобное положеніе дѣлъ Ливонскимъ рыцарямъ тяжело и невыгодно, по тому что Орденъ, противъ такого могущества, соединеннаго въ однихъ рукахъ, стоять не можетъ. ⁶⁸ Ливонцы, слѣдовательно, были враги Русскихъ; но, кромѣ Ливоніи, еще въ Пруссіи была другая передовая колѣнна Нѣмецкаго движенія на востокъ, съ намѣреніемъ тамъ образовать «Новую Германію.» Эту Новую Германію Пруссіе Нѣмцы намѣрены были основать на счетъ Польши. Иванъ Васильевичъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ XV столѣтія, заключая безполезный союзъ съ Максимилианомъ противъ Казимира и его дѣтей, услышалъ отъ Максимилианова посла слѣдующія слова о всѣхъ этѣхъ Нѣмцахъ: «Найсвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій Король Римской, братъ твой, хочетъ, чтобы всѣ его дѣла, хотя и тайные, были ясны предъ Твоимъ Величествомъ: въ прошедшіе годы Король Польскій изневолилъ Чинъ Пресвятыя Богородицы: Данескъ, Торнъ ииные города, что давали приходъ Магистру Прусскому, беретъ себѣ. И тѣ города, изневоленные со всѣхъ сторонъ, просили Короля Максимилиана принять ихъ подъ Цезарство, и держать ихъ, какъ и прочіе Нѣмецкіе города. Наисвѣтлѣйшій Король Римской приказалъ по этому Бискупу Кольванскому, чтобъ ѣхалъ онъ къ Магистру Прусскому, не только о тѣхъ городахъ, но и о вооруженіи противъ Короля Польскаго, къ

⁶⁶ Ак. З. Р. т. 1, № 162.

⁶⁷ Ак. З. Р. т. 1, № 188.

⁶⁸ Sup. ad Hist. Rus. Mon. №№ CXX и CXXI.

которому бы крестное цѣлованіе они въ крѣпость не держали, по тому что цѣловали по нуждѣ и безъ Цезарскаго вѣдома; да также велѣно мнѣ говорить тебѣ, чтобы принялъ ты Магистровъ Прускаго и Ливонскаго подъ свое соблюденіе.»⁷⁰

Иванъ Васильевичъ принялъ подъ свое соблюденіе только Пруссію; онъ, отправляя своего посла къ Конраду Мазовецкому, по случаю сватовства послѣдняго къ его дочери, наказалъ, при проѣздѣ черезъ Пруссію, поступать такимъ образомъ: «Будетъ какое слово отъ Магистра Прускаго о томъ: «Казимиръ Король былъ намъ непріятель, отнялъ у насъ Торнъ, Гданескъ и иные города, и мы хотимъ тѣхъ своихъ городовъ доставать, и только пошлемъ къ вашему Государю, чтобы онъ за насъ сталъ, то вашъ Государь станетъ ли за насъ?» на это отвѣчать: «Напередъ сего Максимиліанъ, Цезаревъ сынъ, приказывалъ съ своимъ посломъ, чтобы нашъ Государь принялъ Магистровъ Прускаго и Ливонскаго въ свое соблюденіе, и Государь нашъ Максимиліану такъ отвѣчалъ: «Коли вы пришлете къ Государю нашему о томъ своихъ пословъ, то онъ хочетъ стоять за васъ и васъ блюсти; но отъ васъ не было присылки, и если пришлете, то надѣмся, что обороною нашего Государя достанете своихъ городовъ.» При этомъ послу было еще наказано: «Не будетъ отъ самаго Магистра о томъ рѣчи, то въ разговорѣ съ кѣмъ ни будь изъ людей Магистровыхъ узнать: хочетъ ли Магистръ тѣхъ городовъ доставать? и тогда сказать, что послалъ бы Магистръ къ нашему Государю, а нашъ Государь, надѣмся на Бога, станетъ за Магистра и оборонитъ его.»⁷¹ Былъ ли подобный разговоръ, мы не знаемъ, но куда Прусаки говорили, что вступать въ союзъ съ Славянами есть измѣна Нѣмецкому дѣлу; а когда Ливонцы были принуждены вступить въ союзъ съ одною изъ враждующихъ сторонъ, то Прусаки хотя и помогали имъ, но все таки упрекали Ливонцевъ за этотъ союзъ; тогда послѣдніе отвѣчали на такія замѣчанія, что такъ, или иначе, необходимо отбиваться отъ враговъ, по тому что отъ Нѣмецкой Имперіи и Бароновъ, хотя на словахъ и много общано, но на дѣлѣ ничего нѣтъ.»⁷²

⁶⁹ П. Д. Сн. т. 1, стр. 73—78.

⁷⁰ Дѣл. Польск., связка № 1.

⁷¹ Sup. ad. Hist. Rus. Mon. № CXXVIII.

Ливонцы въ началѣ XVI столѣтія вступили въ союзъ съ Литовцами противъ Москвы, по тому что Иванъ Васильевичъ никогда не принималъ ихъ въ свое соблюденіе. Со времени окончательнаго подчиненія Новгорода Москвѣ, Ливонія необходимо должна была вступить въ близкія столкновенія съ Москвою, наслѣдовавшей съ этой стороны всѣ Новгородскія отношенія. Въ 1482 году съ Нѣмцами было заключено перемиріе на десять лѣтъ, въ 1493 году оно было возобновлено; границы и торговыя отношенія при этомъ опредѣлялись по старинѣ, при чемъ, для поддержанія старины, Ливонцы должны были заключать перемирія съ Новгородскими Намѣстниками. Въ слѣдующемъ году Иванъ Васильевичъ заключилъ союзъ съ Датскимъ Королемъ противъ Стуровъ въ Швеціи и противъ Литовскаго Великаго Князя; Датскій Король уступалъ Московскому Государю часть Финляндіи, а Иванъ Васильевичъ обязывался дѣйствовать враждебно противъ непріятелей Датскаго Короля, Ганзейскихъ купцовъ. Лѣтопись рассказываетъ, что въ 1495 году Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ схватить Нѣмецкихъ купцовъ съ ихъ товарами и привести въ Москву. Причиною такихъ поступковъ выставлялось, что Ревельцы многія обиды чинили, нѣкоторыхъ людей Великаго Князя безъ обыски казнили и въ котлахъ варили, да и за то, что посламъ Великаго Князя, ходившимъ въ другія земли черезъ Ревель, многія поруганія дѣлали и т. д. За все это Великій Князь положилъ на Нѣмцевъ свой гнѣвъ, велѣлъ у нихъ отнять дворы въ Новгородѣ и Божницу. Московскія дружины въ слѣдствіе того, что войны съ Литвою не было, а со стороны степей былъ покой, готовились двинуться какъ на Ливонію, такъ и въ Финляндію. Псковичи должны были помогать Московскимъ войскамъ. Но ходатаемъ за Ганзу, Ливонію и Швецію явился, какъ мы видѣли, Александръ. Иванъ Васильевичъ отпустилъ Ганзейскихъ купцовъ, но походы въ Финляндію происходили.

Когда въ 1500 году началась война у Литвы съ Москвою, то естественно было западнымъ сосѣдямъ послѣдней вступить въ союзъ съ Литвою. Въ 1500 году Псковскія войска, вмѣстѣ съ Московскими, принимали участіе въ походахъ на Литву изъ Новгородскихъ областей. Псковичи пробыли на Государевой службѣ Іюль, Августъ и Сентябрь, а къ Октябрю пріѣхали домой всѣ

здоровы. Плодомъ дѣятельности Псковичей, вмѣстѣ съ Московскими дружинами, было занятіе Торонца и другихъ Литовскихъ волостей; при чемъ и здѣсь жители, какъ и на востокъ отъ Днѣпра, приводились къ крестному цѣлованію на имя Великаго Князя. Но въ слѣдующемъ 1501 году, Псковичамъ пришлось имѣть дѣло съ своими западными сосѣдями, Ливонцами, которые рѣшились теперь принять дѣятельное участіе въ борьбѣ Литвы противъ Москвы. До насъ дошло посольство Александра къ Князю Магистру Ливонскому и ко всей Радѣ Закону Матки Божіей, которымъ онъ приглашалъ ихъ къ союзу противъ Москвы и исчислялъ своихъ союзниковъ. Согласіе на это, какъ увидимъ изъ дѣйствій, было дано.⁷² Своими союзниками Литовцы считали также и Стуровъ, какъ Иванъ Васильевичъ Короля Датскаго, хотя во время войны мы не видимъ ихъ участія въ ней.⁷³

IV.

Иванъ Васильевичъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное посламъ, ведшимъ переговоры въ Москвѣ въ началѣ 1501 года. Онъ послалъ сказать украинскимъ служебнымъ Князьямъ, что пока будутъ послы Александровы въ Москвѣ, то они жили бы бережно, да и неоплошали бы. Но когда послы уѣхали и потомъ былъ задержанъ Михайло Коростелевъ въ Литвѣ, то Князьямъ не для чего было жить мирно, и они принялись за нападенія. Имъ удалось захватить нѣсколько Литовскихъ волостей и даже одинъ городъ, Кричевъ. Александръ хотѣлъ вести войну, но Ведровской битвой Литвѣ былъ нанесенъ сильный ударъ, и Государство не могло выставить скоро большаго войска. Александръ, ища всюду союзниковъ, въ то же время посылалъ на Западъ нанимать войска. Иванъ же Васильевичъ хотѣлъ, по прошлогоднему, послать боль-

⁷² Литовская Метрика, пятая книга записей, л. 226—227. Это посольство безъ года, но записано въ слѣдъ за Молдавскими посольствами, что напечат. въ Ак. З. Р. т. 1, №№ 161—162.

⁷³ И. С. Р. Л. т. 4, стр. 164—173; т. 8, стр. 228—229; Ник. Лѣт. ч. 6, стр. 141—142; С. Г. Г. и Д. т. 3, № 110; Ак. З. Р. т. 1, №№ 112, 144, 192, стр. 285—287; Разряды.

шую рать въ Литовскія владѣнія, но это намѣреніе не исполнилось, по тому что война теперь должна была сосредоточиваться на двухъ противоположныхъ границахъ Московскихъ владѣній, — со стороны степей и Ливоніи.

Начнемъ съ степныхъ дѣлъ. 11 Марта, 1501 года, Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Крымъ посломъ Князя Ѳеодора Ромодановскаго. Онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею о томъ, что зимою Александръ присылалъ пословъ о мирѣ, но Великій Князь отвергъ предложенія. Ромодановскому не скоро удалось попасть въ Крымъ; въ началѣ Мая прискакалъ въ владѣнія Шемячича одинъ изъ провожавшихъ Ромодановскаго и объявилъ, что на Орелѣ на нихъ напали Татары (Азовскіе Казаки) и всѣхъ разогнали, ему удалось спастись, а Князя Ѳеодора поймали. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого прискакалъ уже въ Москву другой изъ провожавшихъ Ромодановскаго и объявилъ, что Татары поймали Князя Ѳеодора и онъ живъ. 30 Мая Иванъ Васильевичъ отправилъ Татаръ въ Крымъ съ грамотами, въ которыхъ, какъ и въ посольствѣ Ромодановскаго, изложилъ свои дѣла. Въ то же время приказывалось Мамонову говорить Царю, чтобы тотъ какъ ни будь выручилъ Ромодановскаго. Но до пріѣзда этѣхъ Татаръ въ Крымъ и самъ Ромодановскій явился къ Менгли-Гирею. Азовскіе Казаки привезли Ромодановскаго съ товарищами въ Азовъ и намѣревались продать плѣнныхъ въ рабство, но на его счастье случился въ Азовѣ посоль Кафинскаго Султана, ѣхавшій въ Москву; онъ выкупилъ Ромодановскаго и отправилъ въ Кафу; здѣсь послѣднему удалось достать лошадь, и онъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею. Ромодановскій не нашелъ Менгли-Гирея въ Крыму и долженъ былъ искать его въ степяхъ за Перекопомъ, куда вышла Орда. 19-го Іюня Ромодановскій явился къ Царю и правилъ ему посольство отъ своего Государя. Теперь въ Крымской Ордѣ было двое Московскихъ пословъ, Ромодановскій и Мамоновъ, Кубенскій же умеръ. Пересылки между послами и Москвою въ настоящее время сдѣлались затруднительны, по тому что не только Азовскіе Казаки были опасны для ѣздившихъ по степямъ, но и вся Золотая Орда намѣревалась перейти въ степи на западъ отъ Дона; только изрѣдка служивые Татары успѣвали пробираться по степямъ между своими собратіями.

Вѣроятно, не обращая вниманіе на запрещеніе Турецкаго Султана, Орда сыновей Ахматовыхъ начала подвигаться отъ Кавказа къ Дону. Мы выше видѣли, какой приказъ отдалъ Менгли-Гирей по своей Ордѣ, теперь она была уже за Перекопомъ. Литовскій гонецъ, пріѣхавшій къ Менгли-Гирею весною, ⁷⁴ въ слѣдствіе хлопотъ Мамонова, былъ схваченъ, а Молдавскому гонцу Менгли-Гирей, выходя изъ Перекопа въ степи, сказалъ; «Самъ ты можешь видѣть, какой я дружбы хочу съ Литовскимъ». Получивши вѣсть (на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи) о томъ, что Золотая Орда кочуетъ къ Дону, Менгли-Гирей говорилъ Мамонову: «Если пойдетъ Орда на насъ, то и мы пойдемъ на нее, а если воротится, то пойдемъ на Литовскую землю». Для развѣдыванья объ Ордѣ было послано Царемъ впередъ 50 человекъ; этѣ люди къ концу Іюня пріѣхали назадъ, изловивши языка и объявили, что Орда находится теперь на берегахъ Дона, и что Шихъ-Ахматъ хочетъ на острову рѣки сдѣлать крѣпость, по тому что о движеніяхъ Крымской Орды имѣеть вѣсти. Узнавши это, Менгли-Гирей самъ рѣшился противъ Шихъ-Ахматовой крѣпости тоже сдѣлать крѣпость и такимъ образомъ загородить Ордѣ дорогу. Обо всемъ этомъ Менгли-Гирей послалъ извѣстить въ Москву, и въ то же время просилъ прислать Московскихъ людей въ степи для того, чтобы пострадать Шихъ-Ахмата. Этѣ вѣсти заставили Ивана Васильевича позаботиться объ охраненіи южныхъ границъ своихъ владѣній; а на просьбу Менгли-Гирею онъ отвѣчалъ, что послалъ въ степи Русскую рать да Царя Магметъ-Аминя и Нуръ-Даулетовыхъ улановъ и казаковъ съ приказомъ грабить улусы Ахматовыхъ дѣтей и быть у нихъ «на хребтѣ.» Крымской Орды за Перекопомъ, по счету нашихъ пословъ, было тысячъ съ 15-ть; но Менгли-Гирей надѣялся на успѣхъ, думая, что какъ только онъ приблизится къ Шихъ-Ахматовой Ордѣ, то оттуда къ нему перебѣжитъ много людей, а Ахматовы дѣти перессорятся между собою. Послѣднее дѣйствительно случилось, и одинъ изъ нихъ, еще не доходя Дона, повернулъ къ Астрахани. Но при приближеніи къ Ордѣ Менгли-Гирей услышалъ, что къ остальнымъ Ахматовымъ дѣтямъ идетъ помощь отъ Нагайскихъ Мурзъ. Послѣдній слухъ все болѣе подтверждался, а при этомъ

⁷⁴ См. выше прим. о Молдавскихъ посольствахъ.

къ срединѣ Юля въ степяхъ оказалось мало корма для лошадей, и Менгли-Гирей говорилъ Мамонову, чтобы онъ писалъ къ своему Государю о присылкѣ помощи. Наконецъ, когда Крымская Орда дошла до устья Сосны, то повернула домой, по тому что «кони истомились и голодны, а Шихъ-Ахмату помощь идетъ.» Хлопоты Мамонова не могли остановить Царя, и онъ къ 15 Августу былъ уже въ Крыму. Плодомъ этѣхъ движеній Крымской Орды было только то, что когда Менгли-Гирей подошелъ къ Дону, то Шихъ-Ахматъ заперся въ построенномъ имъ острогѣ, и Ордынцы только разъ «постравились.»

Когда Менгли-Гирей повернулъ назадъ, то Шихъ-Ахматъ перешелъ за Донъ; ему не нужно было, какъ его отцу, чтобы раззорять Московскія владѣнія, или къ Окѣ, или Угрѣ; теперь вновь прибрѣтенная отъ Литвы часть Московскихъ владѣній была не закрыта со стороны степей рѣками, и на этѣ-то владѣнія Шемячича и Можайскаго вели Орду Литовскіе послы. Въ Августѣ Шихъ-Ахматъ началъ здѣсь производить грабежи, но противъ него и на защиту Князей явились въ Сѣверу Московскіе Воеводы; Шихъ-Ахматъ отошелъ въ степи. Теперь его Орда была только тѣнью, даже сравнительно съ Ордою его отца, и наступающія осень и зима, или то, что Александръ, какъ и его отецъ, во время не помогалъ Татарамъ, повело къ тому, что Шихъ-Ахматъ, отступя въ степь въ срединѣ зимы, отправилъ къ Ивану Васильевичу своего посла о мирѣ и любви, обѣщая отстать отъ Литовскаго Великаго Князя. Иванъ Васильевичъ принялъ посла, и отправилъ съ нимъ къ Шихъ-Ахмату своего, тоже о любви. Менгли-Гирей, ничего не сдѣлавши лѣтомъ 1501 года, задумалъ сдѣлать озорство надъ Ордою Шихъ-Ахмата; онъ, когда узналъ, что Шихъ-Ахматъ будетъ зимовать на рѣкѣ Семи, велѣлъ тамъ съ осени произвести степной пожаръ, чтобы не чѣмъ было кормить лошадей, а зимою, или весною, собирался ити со всею Ордою на Шихъ-Ахмата. Для этого осенью онъ ѣздилъ въ Кафу и выпросилъ у тамошняго Султана десять человекъ, «которые изъ пушекъ стрѣляютъ, а пушки тамъ же взялъ со всею приправою.» Переговоры Шихъ-Ахмата съ Иваномъ Васильевичемъ имѣли вліяніе и на то, что союзники Шихъ-Ахматовы, нѣкоторые Мурзы Нагайскіе, прислали въ Москву пословъ о мирѣ и шертъ

дали, чтобъ быть мирными Государству Великаго Князя и Царству Казанскому и лиха ни какого не чинить. Въ это же время Иванъ Васильевичъ переѣхалъ Царя въ Казани, прежняго Абдылметифа, «за его неправду,» велѣлъ схватить и послалъ въ заточеніе, а Магметъ-Амина, бывшаго Царемъ предъ Абдылметифомъ, снова пожаловалъ на Казанской престолъ.⁷⁵

Этѣ отношенія къ Степнякамъ къ концу 1501 года дали возможность Ивану Васильевичу сосредоточить войска на границахъ Литовскихъ владѣній, сначала для обереганія владѣній Князей отъ Степняковъ, а потомъ уже и противъ самихъ Литовцевъ. Лѣтопись рассказываетъ,⁷⁶ что послалъ Великій Князь съ Князьями, Семеномъ Ивановичемъ Можайскимъ и Василиемъ Ивановичемъ Шемяичемъ, Воеводъ своихъ Литовскія земли воевать. 4-го Ноября они пришли къ Мстиславлю, изъ города вышли къ нимъ на встрѣчу Князь Михайло Ижеславскій и Воеводы Великаго Князя Александра съ дворомъ Великаго Князя и жолнерами. Полки сошлись вмѣстѣ, и Божіею помощію Московскіе полки побили Литовскіе; Литовцевъ было перебито тысячъ съ семь, а иные многіе изъ нихъ въ плѣнъ попались вмѣстѣ съ знаменами; военачальникъ же едва успѣлъ въ городъ убѣжать. Послѣ этого Князья и Воеводы, постоявъ подъ городомъ и учинивъ землю пуста, возвратились въ Москву со многимъ плѣномъ. Такимъ образомъ и 1501 годъ кончился для Литвы страшнымъ пораженіемъ. Теперь обратимся къ разсказу о военныхъ дѣлахъ, бывшихъ на крайнемъ западѣ Московскихъ владѣній.

Въ Мартѣ 1502 года Московскій посолъ въ Крыму долженъ былъ говорить Менгли-Гирею о томъ, что требуемая имъ помощь въ степи не посыалась по тому, что «не другъ нашъ Литовскій соединился съ Нѣмцами и стоитъ противъ насъ; осенью мы посылали своихъ Воеводъ Литовскую и Нѣмецкую землю воевать, многіе бои были, и наши Воеводы вездѣ побили, много городовъ поимали и теперь воюютъ.» Но Московскія войска не вездѣ по-

⁷⁵ Д. Крым. № 2 стр. 781 — 879; Д. Нагайск. № 1; лѣтопись подъ 1501 и 1502 годами.

⁷⁶ См. также и Разряды.

бѣждали Нѣмцевъ; дѣло же было слѣдующимъ образомъ. На лѣто 1501 года Московскія войска были сосредоточены, какъ со стороны стеней, тамъ и въ Новгородскихъ областяхъ. Враждебныя дѣйствія Нѣмцевъ противъ Псковитянъ начались тѣмъ, что они стали задерживать Псковскихъ пословъ и купцовъ. Псковичи послали къ Великимъ Князьямъ просить защиты. Къ Августу, по приказу Великихъ Князей, пришелъ въ Псковъ Князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ своими людьми, съ Князьями и помѣщиками Новгородскими; потомъ пришелъ Князь Данило Пенка съ Тверичами. Они остановились въ Псковѣ, дожидаясь Государева приказа. Тогда Псковитяне послали къ Великимъ Князьямъ сказать, что «Нѣмцы жгутъ и грабятъ, головы сѣкутъ и живыхъ въ плѣнъ ведутъ.» Въ слѣдствіе этой просьбы, Воеводамъ былъ данъ приказъ воевать Нѣмецкую землю вмѣстѣ съ Псковитянами. Одна рать добровольная ѣздила въ ушкуяхъ по озерамъ, по ни чего не сдѣлала. Тѣ же, которые пошли сухимъ путемъ, наѣхали, 27 Августа, Нѣмецкую силу въ 10 верстахъ за Изборскомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Нѣмцы напустили вѣтеръ изъ пушекъ и пищалей на Псковитянъ и Москвичей; помощи Божіей не было, и первые побѣжали Псковитяне, а потомъ Москвичи. Въ слѣдствіе этого пораженія въ Псковѣ былъ плачь и рыданіе; но Нѣмцы не гнались за бѣгущими, а пошли подъ Изборскъ. Изборяне сами сожгли посадъ подъ городомъ, самому же городу Нѣмецкія пушки ни чего не сдѣлали. Нѣмцы простояли подъ городомъ день да ночь и потомъ пошли къ рѣкѣ Великой, грабя и разоряя Псковскую землю. Псковитяне не много бились на берегахъ рѣки съ Нѣмцами, которые и повернули къ Острову. Здѣсь имъ опять оказала услугу артиллерія; 7-го Сентября они начали стрѣлять по городу, зажгли его, и 8 числа взяли. Псковитяне не помогли ни чѣмъ Островитянамъ и, отѣхавъ версты на три, видѣли, какъ Нѣмцы «огневые стрѣлы» пускали въ городъ. При взятіи Острова погибло около 4-хъ тысячъ его жителей, а городъ былъ выжженъ. По взятіи Острова, Нѣмцы отошли опять къ Изборску и ночевали подъ городомъ, а по утру отступили и сдѣлали засады. Изборяне пришли въ станъ, гдѣ ночевали Нѣмцы, но тѣ напали изъ засадъ и гнали Изборянъ до самыхъ стѣнъ города, при чемъ послѣднихъ погибло 130 человекъ. Въ то время, когда между Нѣмцами и Псковитянами происходили этѣ дѣла, Ли-

товцы, подъ начальствомъ Пана Черныка и Станислава Глѣбовича, ⁷⁷ шли къ своимъ союзникамъ на помощь; на дорогѣ они стали осаждать Опочку и едва не взяли. Нѣмцы не могли долго дожидаться Литовцевъ и повернули домой; между ихъ войсками распространились болѣзни, а Московскія войска, къ которымъ пришла помощь, начали наступленіе. По приказу Великихъ Князей, Воеводы пошли воевать Нѣмецкую землю съ 24-го Сентября. Москвитяне пошли ближе къ озерамъ, а Псковитяне далѣе въ глубь Ливонской земли. Услышавъ, гдѣ стоятъ Юрьевскія войска, Москвитяне съ Татарами напали на нихъ и отмстили за свое поражение 27-го Августа; побѣда была полная: десять верстъ Нѣмцы были гонимы, и Лѣтописецъ говоритъ, что они всѣ были перебиты, такъ, что не осталось имъ и вѣстоноши, при чемъ Москвитяне и Татары били ихъ не саблями, а шестоперами, какъ свиней. Псковскія войска узнали объ этомъ боѣ, когда наѣхали на мѣсто сраженія (на трупъ). Послѣ этой побѣды Псковитяне, Москвичи и Татары, опустошая, прошли по Ливонской землѣ, кругомъ Чудскаго озера, и вышли здоровы на Иваньгородъ. ⁷⁸

V.

Такъ кончились военныя дѣйствія въ 1501 году; какъ въ Сѣверскихъ земляхъ, такъ и въ Псковскихъ, гдѣ Литовцы, не давши во время помощи своимъ союзникамъ, дали возможность Москвичамъ ихъ разбить. Такіе успѣхи могли дать надежду Москвичамъ, что Литовцы будутъ болѣе склонны къ миру; между тѣмъ какъ Иванъ Васильевичъ не только не могъ быть увѣренъ, что на слѣдующее лѣто обстоятельства будутъ также благоприятны для него и Литовцы будутъ дѣлать промахи, но и то, что война на обширномъ театрѣ дѣйствій становилась тяжела для Московскаго Государства. Въ Москвѣ было рѣшено задрать Литовцевъ о мирѣ. Яковъ Захарьевичъ, человекъ котораго весною былъ задержанъ въ Литвѣ, началъ это дѣло. Онъ 4-го Декабря, 1501 года отправилъ

⁷⁷ Ак. Зап. Рос. т. 1, № 192, стр. 273.

⁷⁸ П. С. Р. Л. т. 4 стр. 273.

одного изъ Литовскихъ плѣнныхъ съ письмомъ къ Яну Забережскому. Содержаніе письма было слѣдующее: «Я отвѣчалъ тебѣ на письмо, что мы, Рада Государя нашего, дяди и наша братья, хотимъ, чтобы между Государями былъ миръ и любовь, и ты писалъ мнѣ, что вы, Рада Государя вашего, того же хотите. Ты знаешь, что нашъ Государь сказалъ послу вашего Государя: «Пришлетъ Князь Великій Александръ своихъ великихъ пословъ о мирѣ, и мы съ нимъ миру хотимъ.» Но вашего Государя послы до сихъ поръ не бывали, и въ это время крови Христіанской много пролилось. А что послашь я къ тебѣ своего человѣка, и ты его удержишь, ты его, Пяне, отпусти, по тому что ты самъ знаешь: рати ходятъ, а послашь и гостямъ зацѣпки нѣтъ.»⁷⁹ Но отвѣта на это письмо не послѣдовало. Александру было не до переговоровъ: въ это время онъ добывалъ себѣ цѣлое царство на Западѣ: Король Польскій Янъ, Альбрехтъ, скончался, и Александръ хлопоталъ о выборахъ, коронаціи, разсылкѣ пословъ съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на Польскій престолъ и т. д. Въ Москвѣ должны были готовиться къ продолженію войны съ усилившимся врагомъ.

Разсказъ о военныхъ событіяхъ этого года мы по прежнему начнемъ со Степныхъ дѣлъ. Шихъ-Ахматъ въ слѣдствіе степнаго пожара, сдѣланнаго по приказу Менгли-Гирея, отошелъ для зимованья отъ рѣки Семи и всталъ у устья Десны, не далеко отъ Кіева. Между имъ и Литовцами начались ссоры: они его не пускали за Днѣпръ, а между тѣмъ зима въ степяхъ была чрезвычайно холодная; отъ этого Орда охуѣла. Менгли-Гирею теперь легко было воевать съ Золотой Ордой. Но Турецкій Султанъ хотѣлъ примирить враговъ: онъ прислалъ посла въ Крымъ съ предложеніемъ примириться съ Шихъ-Ахматомъ, съ тѣмъ же предложеніемъ явился посолъ и въ Орду, приказывая при этомъ, чтобы Шихъ-Ахматъ не переходилъ за Днѣпръ. Примирить враговъ было трудно, и Турецкій посолъ былъ убитъ въ Ордѣ. Весною Менгли-Гирей вышелъ со всею своею Ордой изъ Перекопа, объявляя при этомъ, что нынѣшнѣе лѣто не должно такъ кончиться, какъ

⁷⁹ Ак. З. Р. т. 1, № 192 стр. 244 — 245.

прошлогоднее. По мѣрѣ того, какъ Крымцы приближались къ Золотой Ордѣ, къ нимъ начали переходить улусы Шихъ-Ахматовы; эта измѣна происходила въ слѣдствіе ссоръ предводителей Орды. Въ началѣ Іюня Менгли-Гирей и Шихъ-Ахматъ сошлись, и дѣло кончилось тѣмъ, что остальные улусы Шихъ-Ахмата или передались Крымцамъ, или были побраны въ плѣнъ. Побѣжденный Шихъ-Ахматъ бросился на востокъ и ускакалъ къ Волгѣ, къ устью Камы, а Менгли-Гирей съ торжествомъ гналъ плѣнныхъ въ Крымъ. Въ Москву изъ Крыма явилось посольство съ извѣстіемъ объ этой гибели Золотой Орды и также съ безчисленнымъ количествомъ запросовъ Царя, Царевичей и Вельможъ Крымскихъ: каждый изъ нихъ хвастался своими подвигами и просилъ вознаградить то, что потерялъ на войнѣ.

Нельзя было радоваться этой побѣдѣ Менгли-Гирея. Теперь Крымская Орда сдѣлалась особенно сильна, и ее покуда нечѣмъ было сдерживать, по тому что братьевъ Шихъ-Ахмата, по ихъ безсилію, нельзя было считать важными врагами Крыма. Первымъ плодомъ гибели Золотой Орды было то, что остатки ея разсыпались по степямъ, увеличили число разбойниковъ въ родѣ Азовскихъ Казаковъ, и тѣмъ значительно засорили путь между Москвою и Крымомъ. Только разъ въ этомъ году отправились Татары изъ Москвы въ Крымъ съ грамотами, содержащими поздравленіе съ побѣдой, но и этѣ Татары были ограблены въ степяхъ. Менгли-Гирей послѣ побѣды воротился въ Крымъ и захотѣлъ исполнить обѣщаніе Москвичамъ относительно Литвы. Онъ отправилъ двухъ своихъ младшихъ сыновей воевать въ Литовскія земли и говорилъ, что будто съ ними пошло 90,000 человекъ. Поздравляя съ побѣдой Менгли-Гирея, Иванъ Васильевичъ писалъ, что онъ отправилъ своего сына, Дмитрія, подъ Смоленскъ; получивъ этѣ вѣсти, Менгли-Гирей приказалъ сыновьямъ, чтобы они шли съ одной стороны подъ Кіевъ, а съ другой подъ Луцкъ и разоряли бы до Вильны. Въ Крымѣ были вѣсти, что Александръ Казимировичъ стоитъ въ Львовѣ съ 30,000 человекъ войска и потому передвинулся къ Луцку. Царевичи, вышедшіе изъ Крыма, остановились, по тому что мѣсяць Августъ казался имъ лихъ, но въ Сентябрь вторглись въ Литовскія владѣнія. Орда, которая пошла на западъ, разоряла мѣста около Луцка, Львова, Люблина

и доходила даже до Кракова; другая же Орда грабила около Кіева. Царевичи не ходили только по такимъ мѣстамъ, гдѣ было много лѣсовъ, а полону привели въ Крымъ «добре много,» говорить Московскій посолъ о слѣдствіяхъ этого набѣга. Послѣ возвращенія однихъ Царевичей, изъ Крыма пошли другіе на промыселъ, и возвратились съ такимъ же успѣхомъ, какъ и первые.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ Менгли-Гирей прислалъ грамоту въ Москву, и въ ней говорилъ, что «какъ послалъ я рать на Литовскую землю, то у меня была такая дума: рать у насъ пошла многая подъ Русь, и услышитъ это Ахметъ Царь, то, взявъ Нагайскую рать на помощь, пойдетъ на насъ, и что я буду тогда дѣлать?» Подъ вліяніемъ этой думы онъ хотѣлъ вернуть Царевичей, но тѣ ушли далеко. «Но я теперь здоровъ,» продолжаетъ Менгли-Гирей, «и услышавъ, что всѣ на тебя пошли, самъ сѣлъ на конь и своимъ городамъ хребетъ показалъ, а рать свою на недруговъ послалъ. Да теперь Король Александръ прислалъ ко мнѣ своего толмача съ грамотой, а грамоту писалъ неумѣющій по Бесерменски чловѣкъ, и мы ее едва прочли.» Эту грамоту Менгли-Гирей прислалъ въ Москву; она отличается отъ тѣхъ грамотъ, которыя прежде писаны изъ Литвы въ Орды; въ ней Александръ уже не называетъ Ивана Васильевича Татарскимъ холопомъ. Изъ этой грамоты мы узнаемъ, что передъ тѣмъ, какъ посылать Царевичей на Литву, Менгли-Гирей извѣстилъ и Александра о своей побѣдѣ надъ Шихъ-Ахматомъ. Теперь, во время страшныхъ опустошеній Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Александръ писалъ въ грамотѣ: «Я услышавъ, что ты взялъ большую Орду, обрадовался. Ты не думай, что я, привелъ Шихъ-Ахмата на тебя: можно ли это сдѣлать? Вѣдь я твой старой становить и братомъ тебѣ былъ. Все дѣло случилось такъ: я, чтобы быть въ дружбѣ съ Великимъ Княземъ Иваномъ, ему сыномъ учинился, да потомъ разсорились, и я привелъ Шихъ-Ахмата Великаго Князя воевать, а Великій Князь за это тебя мнѣ недругомъ сдѣлалъ. Ты теперь на меня рати не посылай, я къ тебѣ отправлю посломъ Кіевскаго Воеводу, Дмитрія Путячича, чловѣка, знатиѣ котораго у меня людей мало; съ этѣхъ поръ твоимъ братьямъ, Царевичамъ, дѣтямъ и всѣмъ буду постоянно поминки посылать.» Получивъ такую грамоту, Менгли-Гирей обо всемъ этомъ, какъ сказано, по-

слалъ извѣстить въ Москву; Литовскаго посланца онъ задержалъ, но переговоры этѣмъ не прекратились. Когда Царевичи, послѣ набѣговъ, воротились изъ Литовскихъ владѣній, то Литовскій посланецъ былъ отпущенъ въ Генварѣ 1503 года. Когда же Московскій посолъ началъ говорить, чтобы Царь не заводилъ этѣмъ отпускомъ переговоры съ Литвою, то Менгли-Гирей отвѣчалъ: «За чѣмъ мнѣ его не отпускать? Ты самъ подумай, сколько они намъ добра даютъ.»⁸³

⁸³ Д. Крым. № 2, стр. 854 — 1024. Грамота Александра къ Менгли-Гирею, писанная въ 1502 году, напечатана въ Ак. З. Р. т. 1, № 196. Въ примѣчаніи сказано слѣдующее: «Изъ Статейнаго списка Крымскихъ дѣлъ (№ 1, л. 935), хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Datum нѣтъ. Актъ этотъ примѣтно списанъ былъ Великорусскимъ переписчикомъ.» Изъ этого примѣчанія ясно узнаемъ, что издатели не только не читали, но и не видѣли Статейнаго Списка, по тому что, кромѣ словъ, что актъ взятъ изъ Крымскаго Статейнаго Списка, хранящагося въ такомъ-то архивѣ, остальное цѣлкомъ ошибка. Первое, по чему актъ «примѣтно списанъ Великорусскимъ переписчикомъ?» Если бы издатели хорошо были знакомы съ Статейными Списками, то узнали бы, что и рѣчи Литовскихъ пословъ въ Москвѣ записывали, большею частію, своимъ нарѣчіемъ, а въ отношеніи этого ктаа иначе и быть не могло, такъ какъ Менгли-Гирей прислалъ его въ подлинникѣ. Въ Москвѣ этотъ листъ, вмѣстѣ съ Крымскими грамотами, перевели и записали въ Статейный Списокъ. Вторая ошибка, что листъ напечатанъ изъ Крымскаго Статейнаго Списка № 1, л. 935. Въ первомъ и второмъ номерахъ Крымскихъ Статейныхъ Списковъ нумерація идетъ не по листамъ, а по страницамъ; а потому еще то, что въ 1-мъ № Крымскихъ Дѣлъ только 614 стр., и дѣла, въ немъ заключающіяся, доходятъ, по времени, до 1499 года. Здѣсь надо замѣтить, что до XIX столѣтія первой и второй Крымскіе Статейные Списки составляли одинъ №, но, кажется, Бантышъ-Каменскій ихъ раздѣлилъ на два, а нумерація идетъ по старому, т. е., во второмъ номерѣ первая страница есть 615; слѣдовательно, ошибка заключается въ томъ, что этотъ актъ нужно искать не въ первомъ, а во второмъ №. Но если искать по указаніямъ издателей Актовъ, принявъ ихъ листы за страницы, то все таки не отыщешь, по тому что актъ находится не на 935, а, если не ошибаюсь, на 982 или 983 страницѣ (см. Карамзина т. VI, пр. 531; Карамзинъ уже пользовался дѣлами съ исправленной нумераціей страницъ). Не должно думать, что все это опечатки, по тому что въ XVIII столѣтіи все это было вѣрно. Когда читалъ Статейные Списки Князь Щербатовъ, то два номера считались за одинъ, а въ нумераціи была ошибка почти на 50 страницъ, и эту ошибку въ началѣ XIX вѣка поправили, а старую невѣрную зачеркнули. У Щербатова этотъ листъ напечатанъ въ Приложеніяхъ къ его исторіи, а издатели Актовъ Западной Россіи, въ 1846 году, если от-

У Великаго Князя Литовскаго, Александра Казимировича, когда онъ сдѣлался и Королемъ Польскимъ, кромѣ Москвы и Татаръ, явился еще врагъ, для котораго соединеніе Литвы и Польши было всего опаснѣе: то былъ Стефанъ Молдавскій. Мы видѣли, что онъ предлагалъ Ивану Васильевичу примириться съ зятемъ, а послѣдній, чтобы привлечь Стефана на свою сторону, указывалъ ему на то, какую онъ терпитъ обиду, въ лицѣ своей дочери, Елены, и внука, Дмитрія Ивановича. Александръ, какъ мы видѣли, въ своихъ посольствахъ объ этомъ дѣлѣ говорилъ такими намеками, которые были очень ясны. Такъ какъ по случаю войны сношенія Москвы съ Молдавіей прекратились, то Стефанъ написалъ къ Менгли-Гирею слѣдующее: «Отпиши мнѣ: живы ли моя дочка и внукъ?» Менгли-Гирей позвалъ къ себѣ Московскаго посла и потребовалъ объясненія: «Слава Богу, здоровы,» отвѣчалъ тотъ. Но этого для Стефана было мало, по тому что изъ Литвы ему объяснили дѣло подробно. Онъ снова написалъ къ Менгли-Гирею: «Послы ѣздятъ и гонцы гоняютъ между тобою и Великимъ Княземъ, такъ ты узнай для меня: отнялъ ли Великій Князь у моего внука Великое Княженіе Московское, и далъ ли его своему сыну, Василію?» Одинъ изъ гонцовъ рассказывалъ въ Крыму, какъ было дѣло въ дѣйствительности. Но Московской посоль хотѣлъ это поправить и говорилъ Царю: «Тебѣ Арвана (имя гонца) рассказывая, ошибся (омякнулся): Государь далъ своему сыну Великое Княженіе, но на Новгородъ.» Самъ же Иванъ Васильевичъ по этому поводу приказывалъ говорить послу, что если спросятъ: «Кого пожаловалъ Великій Князь подъ собою Великимъ Княженіемъ?» то молвить: «Пожаловалъ сына своего, Василья, подъ собою Государствами, также какъ и самъ на Государствахъ.» А спроситъ кто про внука, то говорить: «Государь пожаловалъ было его Великимъ Княженіемъ, а онъ, да и его мать, Великая Княгиня, Елена, проступились, не по пригожу учинили, и Государь за ту проступу взялъ у внука Великое Княженіе и отдалъ его своему сыну, Василію.» Но поправить такимъ образомъ своего

туда перепечатали, снабдили своимъ выше приведеннымъ примѣчаніемъ; но если взяли издатели у Щербатова, то на это не сослались и, вмѣсто страницы, какъ у него значится, напечатали листъ. Слогъ акта издателями исправленъ, а актъ кажется и Щербатовымъ напечатанъ не весь.

посла Ивану Васильевичу не скоро удалось, по тому что послать и гонцамъ нельзя было пробѣхать въ Крымъ по степямъ, и Стефанъ, въ слѣдствіе этого, остался при первомъ объясненіи и вскорѣ послѣ этого, умеръ (въ 1504 году). Теперь, въ 1502 году, когда Менгли-Гирей побѣдилъ Шихъ-Ахмата и намѣревался дѣлать набѣги на владѣнія Александра, то и Стефанъ началъ собирать свою рать. Причиною своихъ враждебныхъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ Стефанъ выставлялъ то, что когда Александръ сдѣлался Королемъ Польскимъ, то назначили срокъ съѣзда пословъ на границахъ, на Михайловъ день (8-го Ноября), но послы не пріѣхали.⁸⁴ Въ то время, когда Царевичи пошли опустошать южные предѣлы Польши и Литвы, Стефанъ также вторгнулся во владѣнія Александра и началъ захватывать земли, на верхнемъ теченіи Прута и Днѣстра (Снятынь, Покутье и др.), и на тѣхъ мѣстахъ посажалъ своихъ людей. Тогда Александръ прислалъ сказать Стефану: «бы мнѣ недружбу чинишь и дѣлаешь пользу Великому Князю, а онъ твою дочь поималъ и у внука Великое Княженіе отнялъ.» Стефанъ еще разъ обратился къ Менгли-Гирею съ тѣмъ, чтобы тотъ хорошенько разузналъ, въ чемъ же все дѣло состоитъ, и если то правда, что говоритъ Александръ, то онъ, Стефанъ, сдѣлаетъ Великому Князю сдѣлать неприятность, по тому что теперь въ Молдавіи находятся Московскіе послы изъ Италіи съ нанятыми мастерами, и онъ ихъ не отпуститъ. Менгли-Гирей хотѣлъ Московскаго посла даже къ присягѣ привести въ достовѣрности его словъ, но тотъ прямо утверждалъ, что все это дѣло есть Литовская ложь. Увѣрившись въ словахъ посла, Менгли-Гирей написалъ къ Стефану: «Охота тебѣ вѣрить словамъ недруга. Если бы это все было правда, то я тебѣ самъ бы объ этомъ написалъ; а ты лучше пришли ко мнѣ своего человека; я его отправлю въ Москву, и онъ увидитъ твою дочь и внука.»⁸⁵

Всѣ этѣ обстоятельства, набѣги Татаръ и занятіе Стефаномъ многихъ земель, принесли значительную пользу Москвичамъ, по тому что отвлекали силы Александра на югъ. Но еще ранѣе,

⁸⁴ Литовская Метрика, пятая книга записей, л. 269. — 271.

⁸⁵ Д. Крым. № 2 стр. 952 — 1024.

вскорѣ послѣ побѣды Менгли-Гирея надъ Шихъ-Ахматомъ, въ виду Татарскаго нашествія, Александръ рѣшилсѣ начать переговоры съ Москвою о мирѣ. Но теперь мы обратимся къ тому, что дѣлалось на сѣверѣ.

Часть Московскихъ войскъ, подъ начальствомъ почти тѣхъ же Воеводъ, что и прошлымъ годомъ, была сосредоточена въ Новгородскихъ областяхъ. 17-го Марта Нѣмцы вторглись въ Псковскія земли, къ Красному Городку, начали опустошенія, захваты людей въ плѣнъ и осадили Городокъ; Псковская рать двинулась къ Красному Городку, но Нѣмцы побѣжали прочь. Въ Сентябрѣ (2-го) самъ Магистръ, Вальтеръ Плетенбергъ, подступилъ къ Изборску и началъ приступъ, но города не взялъ. Простоявъ здѣсь одну ночь, онъ двинулся къ Пскову, куда явился черезъ шесть дней. Нѣмецкая артиллерія начала стрѣлять по городу, но Псковитяне сами сожгли посадъ за рѣкою Великой и потомъ вышли въ Завеличье биться съ Нѣмцами. Нѣмецкая артиллерія много стрѣляла по городу, такъ что едва не разрушила дѣтинца. На другой день Нѣмцы съ Завеличья пошли на броды, къ Выбуду; Псковитяне долго бились на бродахъ, но Нѣмцы перешли броды и подошли къ Полонищу, начали приступать къ городу и лѣзти на стѣны. Простоявъ два дни на Полонищѣ, Нѣмцы пошли обратно тѣмъ же путемъ, которымъ пришли. Псковитяне во время осады ждали рати Великаго Князя: Князя Щеня и Шуйскій явились, но уже тогда, когда Нѣмцы ушли отъ города. Нѣмцы отступали, жгли за собою мосты на рѣкахъ и шли такими мѣстами, по которымъ прежде никогда не ходили. Воеводы Великаго Князя и Псковитяне погнались за ними и догнали у озера Смолина. Нѣмцы поставили свой кошъ и говорили между собою: «Если Русь ударится на кошъ, то мы выйдемъ изъ Псковской земли; а если Русь нападетъ на насъ, то намъ придется здѣсь головы сложить.» Дѣйствительно, сначала Псковитяне, а потомъ Москвичи, бросались на обозъ, перебили Чудь Кошевую и въ заключеніе начали драться между собою за добычу. Во время погони и грабежа обоза войска разстроили свой строй. Воеводы ѣздили по полкамъ и хотѣли привести ихъ въ порядокъ: Псковскій Князь ѣздилъ и загонялъ Псковитянъ, разбредшихся разنو, чтобы они были въ строю, но за это занятіе своего Князя, Псковитяне изъ за

кустовъ обзывали его разными прозвищами. Все это повело къ тому, что между Нѣмцами и Русскими была сѣча, но не велика и кончилась тѣмъ, что первые благополучно воротились домой.⁸⁰ Вообще всѣ этѣ походы 1502 года Шлетенбергъ предпринималъ по тому, что надѣялся на помощь Литовскихъ войскъ, которыя въ нынѣшнемъ году по договору должны были напасть на Москвичей одновременно съ Нѣмцами. Но этѣ Литовскія войска безъ дѣла простояли въ Полоцкѣ.⁸¹

Этѣмъ война около Пскова кончилась и въ слѣдующемъ году было заключено перемиріе. Изъ не состоявшагося посольства въ Крымъ⁸² узнаемъ, что Иванъ Васильевичъ объ этѣхъ военныхъ событіяхъ такъ наказывалъ говорить: въ Псковѣ находились не многіе люди Государевы, и на томъ бою Нѣмцы убили одного, или двухъ человекъ, а Воеводы Великаго Князя Нѣмцевъ побили. Въ рукописи этого посольства далѣе слѣдуетъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ о томъ, что Нѣмцы приходили въ Псковскую землю, а у Воеводъ не всѣ люди были вмѣстѣ.

Въ Москвѣ на 1502 годъ приготовлялись къ болѣе важному предпріятію, чѣмъ то, которое было въ Псковскихъ земляхъ. Въ прошломъ году Нѣмцы и Литовцы хотѣли осаждать Псковъ; въ нынѣшнемъ же году Литовцамъ было не до Пскова, въ слѣдствіе тѣхъ дѣлъ, которыя были на ихъ границахъ съ степями, Нѣмцы и Литовцы желали взять Псковъ, за то Москвичи теперь захотѣли взять Смоленскъ. Какъ только въ Москвѣ услыхали о побѣдѣ Менгли-Гирея надъ Шихъ-Ахматомъ, то двинули рать къ Смоленску. Во главѣ этого войска стоялъ сынъ Ивана Васильевича, Дмитрій, по прозванію Жилка; вмѣстѣ съ нимъ были Князь Василій Холмскій и Яковъ Захаревичъ. 14-го Іюля, въ день Шелонской и Ведрошской битвѣ, выступила рать для осады Смоленска. Но осада была неудачна, приступы къ городу были отбиты Литовцами. Какое впечатлѣніе должны были производить на Москвитянъ постоянные ихъ успѣхи, свидѣтельствуеть то, что

⁸⁰ П. С. Р. Л. т. 4, стр. 275 — 276; въ другихъ лѣтописяхъ подъ 1502 годомъ.

⁸¹ Лит. Метр. 5-ая кн. записей, лист. 241 — 243.

⁸² Посольство Берсеня, въ Наказѣ, Дѣл. Крымск. № 2.

послѣ трехъ лѣтъ тяжелой войны они рѣшились осаждать такую сильную крѣпость, какъ Смоленскъ, и въ сущности выслать подъ нее послѣднія свои силы. За то постоянныя неудачи Литовцевъ и ихъ союзниковъ дѣлали то, что когда началась осада Смоленска, то 3-го Августа въ Минскѣ было написано письмо отъ Епископа Виленскаго, Войтѣха, и всей Рады Великаго Князя Литовскаго, Александра, къ братьямъ своимъ и пріятелямъ, Князьямъ и Панамъ Рады Великаго Князя, Ивана Васильевича, Государя всея Руси. Въ письмѣ говорилось, что прошлымъ годомъ уже начались переговоры ъ мирѣ, а нынѣшнюю зимою Яковъ Захарьевичъ писалъ къ Яну Юрьевичу о томъ, чтобы переговоры продолжались: «Да у насъ случилось то, что, Божіею волею, Король Польскій Альбрехтъ скончался, и за выборомъ его брата, Великаго Князя Александра, въ Короли, некогда было начать переговоры; теперь же Радамъ Государей слѣдовало ихъ вести къ миру между собою; по этому Великій Князь выслалъ бы опасныя грамоты на пословъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго.» Это письмо было послано Литовцами въ Московскій станъ подъ Смоленскъ и отсюда переслано въ Москву (получено въ Москвѣ 23 Августа). 27 Августа отправленъ былъ отвѣтъ отъ имени Бояръ Московскихъ; въ письмѣ, по обычаю, вину начатія войны складывали на Литовцевъ. Въстѣ съ этѣмъ письмомъ была отправлена и опасная грамота на пословъ Великаго Князя Литовскаго. Отправляя этѣ бумаги черезъ свой станъ подъ Смоленскомъ, Иванъ Васильевичъ наказалъ сказать сыну, чтобы онъ, отпуская отъ себя Войтѣхова челоуѣка, не позволялъ ему входить въ Смоленскъ, для того, чтобы тамъ не знали, что дана опасная грамота на пословъ: «Да и вы бы за тѣмъ дѣла не откладывали, а, упоая на Бога, Живоначальную Троицу, на Пречистую Божію Матерь, на Святыхъ Чудотворцевъ и родительскую молитву, города Смоленска доставали, посмотри по дѣлу, какъ Богъ васъ вразумитъ.» Далѣе въ этѣхъ рѣчахъ Ивана Васильевича къ сыну есть замѣчательная прибавка: «Нѣчто Великій Князь Александръ пойдетъ къ Смоленску на помощь, или людей пошлетъ, то ты бы меня объ томъ безъ вѣсти не держалъ. Я здѣсь нарядилъ сына своего, Василя, со многими людьми, и его, да и Царевичей, которые къ намъ нынѣ пріѣхали, да и Казанскую рать часа того.» Этѣ слова имѣютъ особенный смыслъ: Иванъ

Васильевичъ употреблялъ послѣднія свои средства въ борьбѣ съ Литвою, и это письмо показываетъ, какъ они были уже незначительны, и въ то же время какъ употребленіе ихъ было опасно для Государства. Онъ хочетъ послать Царевичей, которые пріѣхали: то были братавичи Шихъ-Ахматовы. Самъ Шихъ-Ахматъ, когда разогнали его Орду, убѣжалъ только съ 400 человекъ, или немного больше; по этому нельзя предполагать, чтобы у его двоюродныхъ братьевъ осталось народу многимъ больше, чѣмъ у него самаго. Что же касается Казанской рати, то хотя въ ней, положимъ, и больше было народу, чѣмъ у Царевичей, но, тронувши ее съ мѣста, значило совершенно очистить восточные предѣлы Московскаго Государства и подчиненную ему Казань, у которой при томъ были не совсѣмъ спокойные сосѣди, Нагайцы. ⁸³

Дмитрій Ивановичъ не могъ взять Смоленска, но пошелъ отъ него не домой, а началъ опустошать тѣ мѣста, гдѣ еще не бывали Московскія войска. Былъ взятъ городъ Орша и отсюда начались опустошенія на юго-востокъ, между Сожью и Днѣпромъ, т. е., на западъ отъ Мстиславля; потомъ край между Днѣпромъ и Двиной, даже до Березины, былъ тоже опустошенъ; у Витебска былъ сожженъ посадъ, подходили даже къ Полоцку. При этомъ съ сѣвера помогали этѣмъ набѣгамъ войска, находившіяся въ Новгородскихъ областяхъ. ⁸⁴ 23 Октября Дмитрій Ивановичъ возвратился изъ своего похода. Но обѣщанное посольство изъ Литвы, для переговоровъ о мирѣ, еще не являлось въ Москву; въ Литвѣ какъ бы дожидались исхода всѣхъ событій этого года, и только съ половины Декабря начались переговоры. Войска, посланныя Александромъ на помощь къ Смоленску, простояли безъ дѣла около Минска.

Изложивъ событія этой войны, кажется, не имѣемъ права сдѣлать такой выводъ, что «война продолжалась четыре года, но военныя дѣйствія шли медленно: иногда по цѣлому году не было движенія ни съ той, ни съ другой стороны». ⁸⁵ Кромѣ Ведровской

⁸³ Ак. З. Р. т. 1, № 192, стран. 245 — 249.

⁸⁴ Дѣла Крым.: не состоявшееся посольство Берсена.

⁸⁵ Ист. Рос. т. 5, изд. 2, стр. 191; ошибочность этого вывода объясняется ошибкой, сдѣланной издателями Ак. З. Р.; см. выше ч. II, прим. 49.

битвы, каждый годъ ознаменовался какимъ ни будь важнымъ событіемъ. Но здѣсь должно замѣтить другое, что, кромѣ перваго года войны, въ остальные два (по тому что война шла только три года) всѣ важныя дѣйствія Московскихъ войскъ совершались осенью. Это объясняется вліяніемъ Степныхъ дѣлъ. Что касается до завоеваній Москвичей, то они всѣ были сдѣланы главное въ первый годъ, при помощи Князей; далѣе завоеванія нельзя было продолжать, не взявши Смоленска, и это дѣло уже совершилъ сынъ Ивана III.

ГЛАВА IV.

Перемиріе.

Посольства въ Москвѣ: отъ Папы и Угорскаго Короля, изъ Польши и Литвы, и Ливоніи.—Письма Елены Ивановны въ Москву, характеръ ихъ и переговоры о Греческомъ Законѣ.—Требованіе возвращенія всей Руси Москвѣ, какъ главное условіе вѣчнаго мира; переговоры при посредничествѣ Папскаго посла; заключеніе перемирія. — Обхожденіе Москвичей съ Нѣмецкими послами; подтвержденіе союзниками Ливонцевъ Московскихъ требованій относительно веденія переговоровъ съ Ливонцами.—Задержка Московскихъ пословъ въ Литвѣ и подтвержденіе Александромъ Казимировичемъ договорной грамоты.—Признаніе со стороны Польши за Московскимъ Государемъ титула «Госуд аря всея Руси.»—Надежды враговъ Россіи при извѣстіи о смерти Ивана Васильевича и разочарованіе ихъ въ этомъ, потому что Василій Ивановичъ слѣдуетъ политикѣ своего отца.—Желаніе со стороны Василія Ивановича вступить на Литовскій престолъ послѣ смерти Александра Казимировича и враждебныя его сношенія съ Сигизмундомъ Казимировичемъ.—Отношенія Московскаго и Литовскаго Правительствъ, къ Крыму, Казани и Ливоніи въ началѣ государствованій Василія Ивановича въ Москвѣ и Сигизмунда Казимировича въ Литвѣ.

I.

Александръ рѣшился наконецъ вступить въ переговоры о мирѣ съ Москвою, и главному своему союзнику, Магистру Ливонскому, объяснялъ причину такихъ своихъ дѣйствій тѣмъ, что союзникъ его, Царь Заволжскій, пришелъ было къ нему на помощь, но Менгли-Гирей, Царь Перекопскій, согналъ его съ Поля; а онъ Александръ, по этому долженъ былъ объяснять Перекопскому, что Шихъ-Ахмата приводилъ не на него, а на Московскаго; кромѣ этого еще то, что Александру приходится защищаться не только отъ Московскаго и Перекопскаго, но Литовскимъ и Польскимъ границамъ еще грозятъ своимъ нападеніемъ Турки; наконецъ, хотя, по условію, Литовскія войска, въ нынѣшнемъ 1502 году, должны были помочь Ливонскимъ войскамъ, но они подъ начальствомъ

Пана Черника простояли въ Полоцкѣ и не шли, по тому что денегъ не было. Въ слѣдствіе этѣхъ и другихъ причинъ, Александръ объявлялъ, что хочетъ мириться съ Московскимъ Великимъ Княземъ и приглашалъ къ этому же Магистра. На это Магистръ отвѣтилъ упреками, что Литовцы не помогли во время; теперь же онъ не можетъ дать положительнаго отвѣта о всемъ дѣлѣ, по тому что нѣтъ при немъ всѣхъ совѣтниковъ, но вообще благодарить за то, что безъ него Король не хочетъ одинъ мириться.⁸⁶ Всѣ этѣ пересылки кончились, однако, тѣмъ, что согласіе на заключеніе мира съ Москвою и со стороны Магистра было дано. Въ половинѣ Декабря Рада Литовскаго Великаго Княжества прислала къ Московскимъ Боярамъ грамоту, въ которой объяснялось, что Паны Рада просили прислать опасный листъ на Великихъ пословъ Литовскихъ и Польскихъ, а въ Москвѣ дали только на пословъ Литовскаго Великаго Князя, Александра. При этомъ Паны Рада просили, чтобы также данъ былъ опасный листъ на пословъ Ливонскаго Магистра и извѣщали Бояръ, что ѣдетъ въ Москву Сигизмундъ Сантай, посоль отъ Паны и Короля Угорскаго. Этотъ посоль пріѣхалъ въ Москву 29-го Декабря; 1-го Января былъ у Великаго Князя и правилъ отъ Паны благословеніе и поздравленіе, а отъ Короля Владислава поздравленіе. Въ грамотѣ отъ Паны, Александра VI, объяснялось «любимому сыну», что Христіанскимъ Государямъ нужно соединиться для борьбы съ невѣрными Турками, и что Пана, Александръ, «посреди своихъ иныхъ спасительныхъ попеченій,» устройство этого союза поручилъ Кардиналу Регнусу. Посоль также подалъ грамоты и отъ этого Кардинала Регнуса, съ изложеніемъ тѣхъ же дѣлъ. Такимъ образомъ явился еще посредникъ, въ борьбѣ Москвы съ Литвою, Пана, и это посредничество въ Москвѣ приняли. На другой день посоль долженъ былъ явиться къ Великому Князю съ рѣчами отъ Короля Владислава, но, въ слѣдствіе обычнаго Московскаго угощенія, посоль «тоѣ ночи пьянъ разшибся, да, за немочью, съ Королевыми рѣчами не былъ», а былъ за него толмачъ, который и подалъ списки съ этѣхъ рѣчей. Такъ какъ рѣчи отъ Угорскаго Короля имѣли тотъ же смыслъ, что и два года назадъ, то и от-

⁸⁶ Литов. Метр. 5-я кн. записей, л. 241—242; Suppl. ad. Hist. Rus. Mon. №№ CXXXVI и CXXXVII.

вѣтъ соотвѣтствовалъ прежнему. При этомъ, въ отвѣтъ на рѣчи Папы, была изложена главная причина войны: принужденіе Православныхъ къ Католичеству, а что противъ Невѣрныхъ Москвичи всегда стояли и хотятъ стоять. Впрочемъ, теперь все дѣло Сигизмунда Сантая заключалось въ томъ, чтобы изъ Москвы даны были опасныя грамоты на пословъ Польскихъ и Литовскихъ. Этѣ грамоты были даны и, вмѣстѣ съ ними, дана была опасная грамота отъ «Царя всея Руси» для Нѣмцевъ, которые «били челомъ» Александру, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, что хотятъ прислать своихъ пословъ къ Царю всея Руси «бить челомъ». Литовскій посланецъ поѣхалъ изъ Москвы 18 Января, а Угорскій и Папинъ посолъ остался въ Москвѣ дожидаться Александровыхъ и Ливонскихъ пословъ.

4-го Марта этѣ послы (Петръ Мышковскій отъ Польши, Станиславъ Глѣбовичъ отъ Литвы, и Ивашка Гильдорпъ отъ Нѣмцевъ) прибыли въ Москву и 7-го были у Великаго Князя. Александровы послы въ рѣчахъ говорили, чтобы постановить миръ на прежнемъ докончанѣ и всѣхъ плѣнныхъ выпустить на обѣ стороны.⁸⁷ Во время этого перваго представленія пословъ были поданы письма Елены Ивановны, чрезъ ея Канцлера, Сапѣгу, къ отцу, матери и братьямъ, Василию и Юрію. На этѣ письма мы обратимъ несравненно болѣе вниманія, чѣмъ на самыя рѣчи пословъ, такъ какъ этѣ письма есть вопль о несостоятельности Польско-Австрійской брачной системы, программа того, что надѣялись получить Ягайловцы посредствомъ брака, и въ то же время этѣ письма были, такъ сказать, соломинка, за которую хватались погибающіе. Весь умъ, который создалъ знаменитую брачную политику, такъ сказать, вылился въ этѣхъ письмахъ, и все, что прежде было разбросано въ посольствахъ, повторилось теперь здѣсь всецѣло. «Отецъ мой, Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію, Государь всея Руси, Самодержецъ Царства Казанскаго и иныхъ»: такой титулъ давала Елена Ивановна своему отцу въ то самое время»

⁸⁷ Подъ № 197 въ Ак. З. Р. т. 1, изъ Литовской Метрики напечатаны рѣчи Угорскаго посла, списокъ которыхъ ему должны были дать Александровы послы по ихъ пріѣздѣ въ Москву. Въ Метрикѣ сказано, что онъ ихъ говорилъ. Издатели Актовъ отнесли этѣ рѣчи къ 7-му Марту, но изъ Статейнаго Списка не видно, чтобы все, помѣщенное въ этѣхъ рѣчахъ, говорилъ Сантай.

когда ея мужъ не употреблялъ и титула «Государя всея Руси» — «Дочь твоя тебѣ челомъ бьетъ... Государь мой мужъ послалъ къ тебѣ великихъ пословъ о тѣхъ обидныхъ дѣлахъ, которыя отъ твоихъ людей, съ Божія поущенія, начались. Многая кровь Христіанская проливается, женъ и дѣтей ведутъ въ неволю, вѣра Христіанская гибнетъ, церкви Божія пустѣютъ, и все это отъ докончанья, крестнаго цѣлованья и кровнаго связанья между вами, Христіанскими Государями». Смысль этѣхъ словъ мы уже видѣли отчасти и въ посольскихъ рѣчахъ Литовцевъ; въ этомъ письмѣ, точно такъ же, какъ и въ посольствахъ, все дѣло сводилось къ тому, что нѣсколько человекъ произвели войну: «отцы ихъ, измѣнники, прежде тамъ въ Москвѣ, а дѣти ихъ теперь въ Литвѣ, и дай имъ Богъ, измѣнникамъ, то, что было родителю нашему отъ ихъ отцовъ; они промежъ васъ, Государей, мутятъ, а сами по шею въ крови ходятъ,» и т. д. О самой же Еленѣ Ивановнѣ говорилось: «Вся вселенная вопіетъ, и ни на кого, какъ только на меня, что будто я къ тебѣ, Государю, пишу, приводя тебя на то дѣло, и говорятъ, какой отецъ бываетъ врагъ своимъ дѣтямъ?» Належды, которыя питали Литовцы при заключеніи Александрова брака, высказаны въ письмѣ такъ: «Господинъ, Государь батюшка, вспомни, что я есть служебница и дѣвка твоя, и далъ ты меня за такого же брата своего, какъ и ты; а вѣдаешь ты самъ, что ты далъ ему за мной, и что потомъ я ему съ собой принесла; однако жъ, Государь мой держалъ меня въ чести и жалованьѣ.... Государь мужъ мой, его мать, братья его, Короли, зятя и сестры, Паны Рада и вся земля его, всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба и помощь на Поганство; но теперь видятъ, что со мною пришло всевозможное зло... а я сама разумѣю и какъ вижу, что дѣлается въ миру, что всякой заботится о своихъ дѣтяхъ и всякимъ ихъ добромъ промышляетъ, и только одну меня, по моимъ грѣхамъ, Богъ забылъ. Господинъ Батюшка! Слуги наши будучи и не по ихъ силѣ и не возможно вѣрить, какую казну даютъ за своими дочерями, да еще и потомъ каждый мѣсяць дарятъ и тѣшатъ; да это дѣлаютъ и не одни Паны, но всѣ такъ о своихъ дѣтяхъ заботятся, только на одну меня Господь Богъ прогнѣвался, что пришло твое нежалованье». Высказавъ упрекъ въ томъ, что Московскій Государь, во первыхъ, такъ непочтительно относится къ мнѣнію о немъ та-

кихъ важныхъ особъ, какъ мать Александра, его братья Короли и Папы Рада, а во вторыхъ, не считаетъ интересы Государства такъ, какъ считаютъ свои личные интересы Польскіе Папы; далѣе въ письмѣ говорится объ условіяхъ, на которыхъ Литовцы хотѣли бы теперь по нуждѣ помириться: «писала бы къ тебѣ Государю отцу моему объ этомъ и больше, да, ради великой бѣды и сердечной жалости, не могу ни чего умомъ придумать, и только съ горькими и великими слезами и плачемъ тебѣ, Государю и отцу, челомъ бью: вспомни, Бога ради, и меня, служебницу и кровь свою, оставь гнѣвъ безвинный и нежитъ съ сыномъ и братомъ своимъ, а первую любовь и дружбу, которую вы съ нимъ заключили, соблюди, чтобы, ради того нежитъ и нелюби вашей, еще больше кровь Христіанская не проливалась, а Поганство не смѣялось и измѣнники не радовались... а теперь мужъ мой послалъ къ тебѣ пословъ, и если въ чемъ онъ выступилъ, то въ томъ исправить, а если выступи не было, то смилуйся надо мною, возьми старую любовь и дружбу!..». Наконецъ, Литовцы, чтобъ быть послѣдовательными и приводить всякія дѣла къ личнымъ отношеніямъ, въ письмѣ говорили, что если на этѣхъ условіяхъ не будетъ заключенъ миръ, «тогда ужъ сама уразумѣю, что не къ Государю моему мужу нелюбовь твоя, а ко мнѣ, что не хочешь ты меня видѣть въ любви и чести у мужа, свекрови, братьевъ и подданныхъ...» Въ письмѣ также много говорилось о Греческомъ Законѣ; такъ, на примѣръ, что если выше упомянутый миръ будетъ заключенъ: «то Святимъ Божиимъ церквамъ и Святителямъ Греческаго Закона мирное совокупленіе, а мнѣ въ Греческой Вѣрѣ утвержденіе». Относительно же принужденій Елены Ивановны къ Римскому Закону все отвергалось. Въ письмахъ Елены Ивановны къ Софьѣ Ѳоминачнѣ и братьямъ повторялось то же, что и въ письмахъ къ отцу, съ прибавленіемъ просьбы ходатайства о мирѣ у отца. Вообще, этѣ слова писемъ принадлежали столько же самой Еленѣ Ивановнѣ, сколько ей принадлежало все устроеніе ея судьбы; ее лично несравненно болѣе интересовалъ не вопросъ о значеніи титула Государя всея Руси, а, какъ увидимъ ниже, собольи мѣха и тому подобныя вещи. Иванъ же Васильевичъ по достоинству оцѣнилъ всѣ этѣ письма. Отпуская пословъ, онъ самъ говорилъ противъ рѣчей и письма дочери къ ея Канцлеру, Сапѣгѣ: «Привезъ ты намъ грамоту отъ дочери, да и словомъ намъ отъ нее говорилъ; но въ той грамотѣ она иное не

по дѣлу писала, и не пригоже было ей къ намъ такъ писать». При этомъ Иванъ Васильевичъ повторилъ то, что обыкновенно говорилось объ извѣстности принужденій Православныхъ въ Литвѣ къ Римскому Закону, и кончилъ также извѣстными словами: «Ты, дочка, къ Римскому Закону не приступай, и хотя бы тебѣ за то до крови пострадать, и ты бы пострадала, а того бы не учинила. А нечто поползнешься и къ Римскому Закону приступишь, своею волею, или неволею, то отъ Бога погибнешь, а мнѣ и твоей матери тебя не благословити, а съ зятемъ нашимъ у насъ изъ за этого будетъ безпрестанная рать». Согласно съ этой рѣчью былъ написанъ и отвѣтъ Еленѣ Ивановнѣ.⁸⁸ Этѣ послѣднія слова были вызваны частію и тѣмъ, что когда Иванъ Васильевичъ цѣловалъ крестъ на договорной грамотѣ, то при цѣлованіи сказалъ посламъ, что и прежде требовалъ, чтобы принужденія въ Вѣрѣ Еленѣ Ивановнѣ не было; чтобы ей была построена Православная церковь на сѣняхъ во дворцѣ, прислуга была бы изъ Православныхъ, а «почнетъ братъ нашъ ее къ Римскому Закону нудить, то было бы ему вѣдомо, что намъ того не оставить, и за то стоять, сколько намъ Богъ поможетъ». Такъ какъ Литовцамъ было извѣстно, что значить это стоянье, то они, услышавъ знакомыя слова, сказали: «Пожалуй, Государь, ослободи намъ выйти въ сѣни поговорить между собою, по тому что у насъ есть къ тебѣ объ томъ слово». Переговоривъ между собою, послы сказали: «Король Александръ приказалъ намъ сказать тебѣ, Государь, что онъ никогда не принуждалъ твоей дочери въ Вѣрѣ и принуждать не хочетъ; но когда былъ онъ на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, то присылалъ къ нему святой отецъ, Папа, чтобы онъ велѣлъ своей Княгинѣ быть послушной Римской Церкви и въ костель ходить, но Государь нашъ объ томъ ей ни слова не говорилъ. А какъ взяли нашего Государя на Польское Королевство, то Папа опять прислалъ посла о томъ же, тотъ посолъ и теперь у нашего Государя, и ему еще не дано отвѣта, и если хочешь, Государь, отправить своего посла

⁸⁸ Ак. Арх. Эк. т. 1, № 138. Подъ этѣмъ номеромъ напечатаны письма Елены Ивановны и отвѣтъ на нихъ. Они взяты изъ Статейнаго Списка, напечатаннаго послѣ въ Актахъ Западной Россіи и, какъ отрывокъ, могутъ производить на читающаго совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ какое естественно должно явиться, когда прочтешь письма въ связи со всѣми дѣлами, съ ними связанными.

къ Папѣ, то нашъ Государь съ твоимъ посломъ своего пошлетъ, или если хочешь съ его посломъ что приказать, ино твоя воля. А Папа того не хочетъ, чтобы твоя дочь оставила Греческій Законъ и къ Римскому приступила, а только бы была въ послушанъ по осмому Вселенскому Флорентійскому Собору». ⁸⁹

II.

Мы видѣли, что Послы уже въ первыхъ рѣчахъ прямо высказали, что они прѣхами подкрѣпить миръ на у словіяхъ предшествующаго мирнаго договора. ⁹⁰ Бояре на первомъ съ ними го-

⁸⁹ Въ слѣдъ за этѣми рѣчами въ Статейномъ Спискѣ находится приклеенная страница, писанная Бѣлорусскимъ почеркомъ, содержащая тѣ же рѣчи по смыслу, но съ прибавками, на примѣръ: оправданіе, что не посмалъ Александръ къ Еленѣ Ивановнѣ чернецовъ Бернардиновъ и т. д., потомъ, что Еленѣ Ивановнѣ не нужно снова креститься, для того чтобы быть послушной Римскому Закону. Если бы этѣ рѣчи были говорены въ Москвѣ, то и былъ бы соответствующій отвѣтъ имъ, или наконецъ когда ни будь было бы упомянуто объ особенностяхъ (что не нужно крестить) ихъ, а между тѣмъ все таки замѣчательно что изложенныя въ текстѣ рѣчи пословъ и отвѣтъ относятся ко 2 Апрѣля, 4-го же послы были отпущены; объ 3-мъ Апрѣлѣ въ Статейномъ Спискѣ ни чего, въ упомянуто и даже 4-е Апрѣля въ рукописи ни чѣмъ не отдѣлено отъ 2-го, такъ что ясно бросается въ глаза, что есть какой нибудь пропускъ въ Статейномъ Спискѣ, а между тѣмъ приклейка съ рѣчами, написанная Бѣлорусскимъ почеркомъ, относитъ себя къ 3-му Апрѣля.

⁹⁰ Приступая къ изложенію дальнѣйшихъ переговоровъ, считаю долгомъ упомянуть, что до насъ дошелъ Наказъ Литовскимъ посламъ, которые должны были вести этѣ переговоры (Аѣ. З. Р. т. 1, № 200); но этотъ Наказъ мы можемъ считать скорѣе проектомъ Наказа, и это по ниже слѣдующимъ причинамъ. По этому Наказу послы должны были говорить о томъ, что Еленѣ Ивановнѣ не было никогда принужденія въ Вѣрѣ, но Папа желалъ бы ея послушества Апостольскому престолу по осмому Вселенскому Собору, и для этого Ея Милость и всю Русь не требуется снова крестить. Объ этомъ, какъ мы видѣли, не все было сказано; впрочемъ, это позволялъ и Наказъ, и въ немъ говорилось, что если всѣ другія дѣла будутъ хорошо устроены, то рѣчь объ этомъ можетъ быть отложена. Въ Наказѣ говорится, что если заговорятъ о слугахъ Елены Ивановны и церкви Греческаго Закона, то отвѣчать, что если бы все это было прежде говорено, то слѣдовало бы занести это въ договоръ, а такого договора Александръ Казимировичъ никогда бы не утвердилъ. Въ такомъ тонѣ, какъ мы видѣли, послы не говорили; они, то же въ такомъ тонѣ (впрочемъ, и Москвичи не подали къ этому повода) не говорили объ общемъ принужденіи всѣхъ Православныхъ къ Рим-

воръ (10 Марта), по обычаю и довольно подробно, обвиняли въ причинахъ войны Литовцевъ, и въ заключеніе сказали: «Все то уже минуло, да и отчина вашихъ Государей, Лядская и Литовская земля, и если вашъ Государь хочетъ миру съ нашимъ Государемъ, то онъ поступился бы всей отчины нашего Государя, Русской земли». Послы замѣтили, что они не видятъ, въ чемъ же ихъ Государь выступилъ изъ dokonчанья. Бояре на это повторили старое: о начальномъ дѣлѣ, — объ имени Государя, и заключили все тѣмъ же требованіемъ всей Русской земли. Послѣ этого послы разошлись съ Боярами, объявивъ, что ихъ Государь приказалъ имъ только подтвердить старое dokonчанье. Черезъ день послѣ этого (12 Марта) послы рѣшились начать переговоры; они прислали къ Князю Василю Даниловичу Холмскому своихъ Приставовъ, чтобъ имъ видѣться съ Боярами. Великій Князь приказалъ посламъ быть на дворѣ и выслалъ къ нимъ Бояръ. На во-

---

скому Закону, что Король не мѣшается въ то, какъ Московскій Государь относится къ Вѣрѣ своихъ подданныхъ, такъ и онъ не мѣшался бы въ то, какъ этѣ дѣла идутъ въ Литвѣ. Впрочемъ, все это не такъ важно, чтобы заподозрить подлинность Наказа, болѣе важно слѣдующее:

Во первыхъ: въ Наказѣ чрезвычайно мало сказано объ условіяхъ мира, или перемирія, особенно о послѣднемъ. Въ Наказѣ сказано о перемиріи почтительно ко, что если придется его заключать, то утвердить его на три года, и послѣ этого Паны Радные, съѣхавшись на границахъ, заключили бы вѣчный миръ. Сами издатели Ак. З. Р. замѣтили, что это Наказъ не полный и въ дошедшемъ до насъ есть пропускъ.

Во вторыхъ: изъ Наказа видно, что онъ былъ давно составленъ (времени его составленія въ Метрихѣ не обозначено) до снаряженія посольства, пріѣхавшаго теперь въ Москву, по тому что въ немъ о Ливонскихъ послыхъ сказано, что если ихъ «Магистръ не пощелетъ;» а, какъ мы видѣли, что переговоры у Александра съ Магистромъ шли и кончились тѣмъ, что Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву вмѣстѣ съ Польскими и Литовскими, то, по этѣмъ соображеніямъ, можно предположить, что этотъ Наказъ не вполне служилъ руководствомъ для пословъ и они, очень можетъ быть, имѣли другой.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ Наказѣ есть интересныя мѣста, на примѣръ, о титулѣ: «Государь всея Руси.» Послы должны были требовать, чтобы Иванъ Васильевичъ не употреблялъ его совсѣмъ, и если послы этого не отстоятъ, то пусть этотъ титулъ не употребляется въ отношеніяхъ къ Польшѣ, такъ какъ за Польшею значительная часть Руси. Какъ увидимъ ниже, Москвичи повели дѣло несравненно шире, и не пришлось объ этомъ, кажется, много говорить, да при томъ намъ не извѣстны теперешніе споры «объ имени.»

прось Боярь, что посламъ нужно, послѣдніе подали вѣрющую грамоту Боярамъ отъ Пановъ Рады Польскихъ и, на основаніи ея говорили рѣчь о томъ, что «Государства Польское и Литовское давно и крѣпко между собою соединены, и ихъ Государю во всей вселенной не было бы отказано въ невѣстѣ, а теперь случилось то, что всему Христіянству удивительно, что онъ, взявши себѣ супругу у вашего Государя, и какъ будто бы ее взялъ для такой вражды? Да также удивительно, что мы, совѣтники Государей, допускаемъ ихъ до такой вражды.» На эту же старую тему, въ слѣдъ за этой рѣчью, была говорена другая отъ Пановъ Рады Литовскихъ. Бояре выслушали рѣчи и потомъ спросили пословъ: «Есть ли у нихъ какія инья рѣчи?» Послы отвѣчали: «которые города и земли Государь вашъ взялъ у нашего Государя, и онъ бы то ему отдалъ; да чтобы миръ былъ по докончанью». Бояре сказали опять прежнее: «то докончанье порушилось, нельзя теперь такъ статья; а Государь нашъ проситъ у вашего всей своей отчины, Русской земли». Въ слѣдствіе всего этого начались между Боярами и послами спорныя рѣчи объ имени и отчинѣ, и въ заключеніе послы сказали, что они обо всемъ поговорятъ съ Угорскимъ посломъ, а Бояре поговорили бы съ своими товарищами, чтобы дѣло Государей пришло къ доброму концу.

Призванный въ посредники Угорскій посолъ былъ (15-го Марта) у Великаго Князя и подаль запись, въ которой говорилось, что «послы были у него и говорили, что Бояре не склоняются ни мало, и не только докончанье откладываютъ, но еще и всей Русской земли требуютъ, а послы крѣпко стоятъ на докончаньѣ. Но Ваше бы Пресвѣтлое Величество благоволили объ этомъ подумать иначе, по тому что миръ нуженъ для союза противъ Турокъ, и при томъ такимъ упорствомъ можно воздвигнуть къ себѣ ненависть всѣхъ своихъ братій, Христіянскихъ Государей. Святѣйшій отецъ, Папа, всегда думалъ хорошо о вашемъ благовѣрїи и смотрѣлъ на васъ, какъ на защитника Христіянства; теперь же, когда я донесу Кардиналу Регнусу, а онъ Папѣ, то что послѣдній подумаетъ объ васъ? И что онъ прикажетъ дѣлать Кардиналу противъ тѣхъ, которые рушатъ собраніе противъ Невѣрныхъ?» и т. д. На это былъ данъ отвѣтъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Александръ сдѣлался недругомъ, не для чего отступаться отъ

своего, и по чему же не хотѣтъ намъ всей своей отчины, Русской земли? Какъ прежде съ послами Александровыми, такъ теперь и съ посредникомъ завязался споръ, и Сигизмундъ Сантай говорилъ, что объ имени и о дочери Великаго Князя ни чего нѣтъ въ докончаньѣ. Послѣ этого посредникъ представилъ новую записъ: «Вижу, что вашему Государству жалко отдать все взятое, то, по крайней мѣрѣ, половину взятаго возвратите своему зятю, плѣнныхъ же выпустите; до того же времени, когда устроится полный миръ, при помощи посредниковъ, заключите перемиріе». На слѣдующій день послѣ этого (16 Марта) Угорскій посолъ былъ приглашенъ для переговоровъ, и ему Бояре сказали, что отступаться отъ своей отчины, Русской земли, нельзя. Сигизмундъ на это ни чего не горилъ, и ему приказано ѣхать на подворье. Въ этотъ же день Литовскіе и Польскіе послы прислали сказать, чтобы имъ быть на дворѣ Великаго Князя. Они были по этому приглашены на слѣдующій день и сказали Боярамъ: «Коли нѣтъ между Государями добраго конца, то между ними теперь учинилось бы перемиріе». Бояре на это отвѣчали только, что скажутъ объ этомъ Государю. Когда черезъ два дни (20 Марта) послы были на дворѣ Великаго Князя и просили отвѣта рѣчамъ и отпуска, то Угорскій посолъ подаль записъ, въ которой объяснялъ тоже, что если Государь не хочетъ взять мира и перемирья, то отпустилъ бы пословъ къ ихъ Государямъ. На это было сказано Боярами, что если Король Александръ не хочетъ прочнаго мира, то отъ чего же не взять и перемирье, какъ пригоже.

Шаны предложили, чтобы перемирье было постановлено на шесть лѣтъ и потомъ различныя опредѣленія относительно владѣній.⁹¹ Рѣшено же было такъ, что во время перемирья пусть каждый владѣтъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ во время войны. Бояре предложили составить по этому случаю образцовыя грамоты, и когда они прочли ихъ предъ послами, то послѣдніе (22 Марта),

⁹¹ Выше было замѣчено относительно записи Бѣлорусскимъ почеркомъ, что въ Статейномъ Спискѣ существуетъ пропускъ; такой же пропускъ, какъ видно, находится и между 20 и 22 числами Марта, по тому что послѣдующіе переговоры упоминаютъ о рѣчахъ, которыя подъ 20 Мартомъ не записаны. Обыкновенно почти каждый день переговоровъ въ Статейномъ Спискѣ кончается тѣмъ что послы поѣхали, или отпущены, на подворье, а этого подъ 20 Марта нѣтъ.

выслушавъ грамоты, и еще разъ сами прочитавши ихъ для себя, сдѣлали замѣчаніе, что въ нихъ писаны нѣкоторыя волости, которыя во время войны не были во владѣніи Москвичей. По поданному послами списку такихъ волостей, Великій Князь велѣлъ хорошенько о нихъ разузнать. Послѣ справокъ (24 Марта) Бояре представили посламъ свой списокъ, и въ немъ были указаны незанятыми Москвичами и такія волости, которыя Паны считали занятыми, также въ числѣ занятыхъ такія, которыя находились съ спискѣ пословъ, какъ управляемые теперь Литовцами. О послѣднихъ волостяхъ послы прямо сказали: «Милые Панове! Поговорите съ своею братією, да и до своего Государя донесите, чтобы онъ тѣхъ волостей поступился, по тому что безъ нихъ городамъ, къ которымъ они тянутъ, нельзя быть, а не поступится онъ тѣхъ волостей, то намъ безъ того нельзя дѣла дѣлать; да также приказалъ бы Великій Князь Литовскія украинныя города и волости писать въ перемирныя грамоты». Бояре тоже прямо отвѣчали: «Мы объ этомъ поговоримъ съ своею братією, и если понадобится, то и до Государя донесемъ; только вы Панове намъ скажите: всѣ ли ваши рѣчи, и о иномъ (т. е., о волостяхъ) ни о чемъ не будетъ слова?» Послы: «Только то спустите, то можно и перемирныя грамоты писать». Иванъ Васильевичъ исполнилъ просьбу пословъ, для своего свойства съ Литовскимъ Государемъ. Послѣ этого былъ разговоръ о плѣнныхъ, но такъ какъ плѣнныхъ было больше въ рукахъ Москвичей, то, вѣроятно, по этому Иванъ Васильевичъ это дѣло рѣшилъ такъ, что до заключенія мира оставить ихъ на обѣ стороны.

25-го Марта, 1503 года, начали писать договорныя грамоты, и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о формѣ писанія грамотъ, Бояре съ послами взаимно рѣшили это дѣло. Главный вопросъ былъ тотъ, что Кіевъ и другіе города писать не отчинами, а землями. Срокъ перемирія назначено считать по Благовѣщенью 1509 года. Теперь граница Московскихъ владѣній отъ Литвы шла по Семи и Деснѣ до Чернигова, отъ Чернигова на сѣверо-западъ близко Днѣпра къ рѣкѣ Сожѣ и въ верхъ по ней мимо Мстиславля, и по томъ, огибая Смоленскъ, черезъ Западную Двину, мимо Велижа (который оставался въ Московскихъ владѣніяхъ) и, пересѣкая теперешнюю Витебскую Губернію, на сѣверо-западъ мимо Себежа (въ Литовскихъ владѣніяхъ) къ Опочкѣ. Условія перемирія были,

какъ въ обыкновенныхъ перемирныхъ грамотахъ, а главныя особенности тѣ, что выше изложены.

Грамоты дописали 28 Марта. Писарь Сапѣга, бывшій при писаніи грамотъ, объявилъ, чтобы Великій Князь велѣлъ Боярамъ говорить съ Нѣмцами о перемирѣ, а безъ этого Паны не запечатываютъ грамотъ. Когда Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву, вмѣстѣ съ Александровыми послами, то ихъ приняли. Въ первый день они, вмѣстѣ съ другими послами, ѣли у Великаго Князя, но послѣ стола подчивать ихъ виномъ никто къ нимъ на подворье не ѣздилъ. Начиная переговоры, Иванъ Васильевичъ приказалъ всѣмъ посламъ быть на дворѣ, но Нѣмцевъ не звали. Когда дѣло дошло до переговоровъ о перемирѣ, то Угорскій посолъ напомнилъ о послахъ Князя Магистра, что и за ними слѣдуетъ послать, но на это не дано было отвѣта. Послѣ словъ Сапѣги, Великій Князь приказалъ Нѣмцамъ быть на дворѣ, и Казначей, Дмитрій Володимировичъ, началъ съ ними разговоръ. Но Нѣмцы о перемирѣ говорили не по пригожу. (Мы не имѣемъ записаннымъ этого разговора). На другой день (30 Марта) Великій Князь велѣлъ быть на дворѣ всѣмъ посламъ, и Нѣмецкимъ съ ними. Когда послы явились, то Угорскій посолъ подалъ записку о томъ, что «перемирье на шесть лѣтъ говорено и на Магистра Ливонскаго, но его послы, послѣ вчерашнихъ переговоровъ, сказывали ему (Угорскому послу), что Бояре въ разговорѣ съ ними ихъ Государя и ихъ самихъ соромили и многія неприличныя слова говорили: я, Государь, дивлюсь, чтобы такія дѣла были съ твоего дозволенія; по этому, Государь, прикажите, чтобы тому дѣлу (переговорамъ) былъ конецъ учиненъ, по тому что послы Короля и Великаго Князя Александра ни какого дѣла не сдѣлаютъ безъ Ливонскихъ». На это былъ данъ отвѣтъ, что «Государь взялъ перемирье съ Королемъ, но такъ какъ послы говорятъ, чтобы взять перемирье на шесть лѣтъ и съ Ливонскими Нѣмцами, то у Нѣмецкихъ пословъ рѣчи выслушаны и для, свойства съ Александромъ Королемъ, сказано Нѣмцамъ, что Намѣстникамъ Великаго Новгорода и Пскова приказано взять съ ними перемирье по старинѣ. Вы послушайте, что на это говорятъ Нѣмцы: что они пріѣхали не бить челомъ о перемирѣ, а сказываютъ, что просилъ Магистра Александръ Король о томъ, чтобы онъ съ нами пере-

мирье взяли, и теперь они хотятъ взять перемирье съ нами, а не съ нашими Намѣстниками и отчинами. Такъ вотъ вамъ грамоты, какъ прежде присылали Магистръ и вся Ливонская земля бить челомъ о перемирьѣ къ нашимъ Намѣстникамъ и отчинамъ, и вы сами посмотрите, гораздо ли они такъ говорятъ?» Посламы были принесены грамоты, и они ихъ вычли; Нѣмецкіе послы присутствовали при этомъ. Послы сказали, что Нѣмцы вчера говорили не гораздо, и грамотамъ пригоже бытъ такимъ, какія были прежде, и заключать перемирье Нѣмцамъ слѣдуетъ въ Новгородѣ. Послы только и сказали, чтобы велѣли написать образцовый списокъ перемирнымъ грамотамъ съ Нѣмцами. Когда это было исполнено, то послы сказали, что теперь Нѣмецкое дѣло уже въ конецъ положено, и слѣдуетъ самое большое дѣло тоже въ конецъ учинить. На это тоже было дано согласіе.

На сколько выгодно было перемиріе для Литовцевъ, то лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ они сами, и это ихъ сужденіе увидимъ на самомъ дѣлѣ, когда Александръ будетъ утверждать договоръ; теперь же должно сказать о томъ, что обстоятельства соединили Нѣмцевъ съ Литовцами противъ Москвы, которая никогда не хотѣла принять Ливонцевъ подъ свое соблюденіе. Москвичи теперь дозволили Ливонскимъ посламъ пріѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Литовско-Шольскими послами, но только бить челомъ о мирѣ, а до переговоровъ вмѣстѣ съ Литовцами не допустили, и, отдѣляя Нѣмцевъ отъ Литовцевъ, Москвичи, на основаніи старины, заставили представителей всѣхъ Ягайловцевъ подтвердить свои требованія относительно Ливонцевъ. Поляки и Литовцы теперь выдали Нѣмцевъ; скоро увидимъ, что и Нѣмцы будутъ точно также выдавать ихъ Москвѣ. Только тяжелыя обстоятельства, и то въ послѣдствіи, соединять всѣ этѣ Дворянскія страны въ одинъ союзъ для борьбы съ той же мужицкой Москвой.

Нѣмецкое дѣло было для Ягайловскихъ пословъ небольшое дѣло: большимъ дѣломъ они считали утвержденіе своихъ перемирныхъ грамотъ. Послы (по приглашенію Бояръ) привѣсили къ грамотамъ печати, а Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ, Великіе Князья, цѣловали на грамотахъ крестъ. Послѣ рѣчей о Греческомъ Законѣ, которыя выше изложены, посламы подали медь въ золотыхъ сосудахъ, и потомъ Великіе Князья отпустили

ихъ, приказавъ къ ихъ Государямъ поклоны; Угорскому послу, кромѣ того, приказано было отъ Ивана Васильевича сказать его Государю, чтобы «Владиславъ, братъ и свать, по своему родству и дружбѣ, дѣлалъ бы такъ, чтобы послы между нами ходили и здоровье наше видѣли.»

Послы поѣхали съ Москвы 6-го Апрѣля, а 6 Мая ⁹² отира-
вились изъ Москвы послы отъ Ивана Васильевича, Бояринъ Петръ
Плещеевъ съ товарищами, для присутствія при Александровомъ
крестномъ цѣлованіи на договорной грамотѣ. Въ рѣчахъ къ Еле-
нѣ Ивановнѣ послы должны были говорить, что «Божья воля
сталась: матери вашей, а нашей Государыни, Великія Княгини
Софьи, въ животѣ не стало, и она, отходя отъ сего свѣта, прика-
зала тебѣ благословеніе и прощеніе; а только ты поколеблешься
въ Греческомъ Законѣ и похочешь приступить къ Римскому, то
мати твоя приказала тебѣ, что она тебя про то не благословляетъ.»

Послы ѣхали въ Литву медленно: отъ Москвы до Дорогобу-
жя ихъ путешествіе продолжалось слишкомъ три недѣли. Это раз-
сердило Ивана Васильевича, и онъ послалъ къ нимъ грамоты,
чтобы они ѣхали быстрѣе. Когда они вѣхали въ Литву, то
не присылали о себѣ ни какого извѣстія, и вотъ 20 Іюля прислалъ
въ Москву Князь Семень Бѣльскій грамоту, въ которой говори-
лось, что будто Александръ задержалъ Московскихъ пословъ и
отослалъ ихъ въ Троки. Въ слѣдствіе этой вѣсти Иванъ Василье-
вичъ отправилъ (24 Іюля) грамоту къ своимъ посламъ: упрекалъ
ихъ, что они дурно дѣлаютъ, что ни чего не отпишутъ въ Мо-
скву о дѣлахъ, и при этомъ приказывалъ, чтобы посланнаго съ
этой грамотой они отпустили такъ, чтобы онъ воротился въ Мо-
скву къ Успеневу дню (15 Августа), и только онъ не пріѣдетъ
къ этому сроку, «ино послы Угорской, Польскіе и Литовскіе го-
ворили отъ своихъ Государей неправду и намъ лгали, а Князь
Великій Александръ намъ ратень.» Посланный къ назначенному
сроку не явился, а 26 Августа пріѣхалъ челоувѣкъ отъ Алекса-
ндра о томъ, что украиники Московскіе не могли отстать отъ
своего давняго обычая и начали обижать Литовскихъ подданныхъ,

⁹² Въ Ар. З. Р. т. 1, № 192, на стр. 296, по ошибкѣ напечатано 7-го Марта.

по этому пословъ позадержали, чтобы дать подробное извѣстіе о тѣхъ обидахъ. На это былъ отвѣтъ, что обидныхъ дѣлъ со стороны Московскихъ поданныхъ не знаютъ, а знаютъ только обиды со стороны Литовцевъ, да и Литовскій гонецъ не привезъ списка этѣхъ обидъ, но того не слыхано, чтобы, ради обидныхъ пограничныхъ дѣлъ, задерживались послы.» Своимъ же посламъ Иванъ Васильевичъ приказалъ, чтобы они непременно дали знать о себѣ къ Воздвиженеву дню (14 Сентября); если же не будетъ къ этому сроку извѣстія, то значить, Александръ, какъ прежде съ послами, такъ и теперь, приказывалъ неправду и не хочетъ ни котораго добраго дѣла.

Александръ, какъ - видно, тяжело было подтвердить невыгодный для Литвы договоръ; онъ задерживалъ Московскихъ пословъ, и даже, отправляя послѣднюю грамоту къ Ивану Васильевичу, онъ не далъ еще крестнаго цѣлованія на перемирныхъ грамотахъ, а между тѣмъ Московскіе послы жили въ удаленіи отъ двора, въ селѣ. Только 27 Августа Александръ привѣсилъ къ перемирной грамотѣ свои печати и поцѣловалъ крестъ. Отпуская Бояръ, Александръ говорилъ имъ: «Молвите отъ меня брату моему и тестю, что которыя наши земли онъ поималъ за себя, и онъ бы намъ тѣ земли отдалъ, а которыхъ людей поималъ, и онъ ихъ отпустилъ, чтобъ изъ за того между нами братство и любовь не рушились.»

III.

Еще въ то время, какъ Александръ отправлялъ пословъ въ Москву для заключенія договора, то, по дошедшему до насъ Наказу посламъ, Литовцы, въ случаѣ смерти завоевателя, хотѣли увеличить свои требованія. Послѣ заключенія перемирія старый Московскій Государь жилъ не долго: ему уже было 65-ть лѣтъ. Договаривающіяся стороны условились, чтобы въ теченіи перемирія ѣздили послы между Государями для того, чтобы привести ихъ къ миру. Но первая посылка въ Литву изъ Москвы была не объ этомъ. Въ Ноябрь 1503 года поѣхалъ въ Литву Никита Семеновъ Губа-Моклоковъ; посольство къ Александру было о проѣзжей грамотѣ чрезъ его владѣнія для Датскаго

посла и по другимъ дѣламъ. Одновременно съ его отъѣздомъ изъ Москвы пріѣхалъ туда изъ Литвы гонецъ о дѣлахъ пограничныхъ. Получивъ на дорогѣ извѣстіе объ этой присылкѣ, Моклоковъ поѣхалъ къ Александру. Онъ относительно проѣзжей грамоты получилъ отвѣтъ, что Король и Великій Князь Александръ, «помня свое слово и перемирную грамоту, какъ и прежде никогда не выступалъ ни въ чемъ предъ своимъ братомъ», посла Датскаго пропустить чрезъ свои владѣнія и грамоты дать. Моклоковъ привезъ эти грамоты, но въ проѣзжей грамотѣ чрезъ Польскія владѣнія, которая была писана по Латыни, титулъ: «Государь Всея Руси» былъ пропущенъ. Выше мы видѣли, что въ проектѣ Наказа посламъ Правительство Александра хотѣло, чтобы этотъ титулъ, по крайней мѣрѣ, не былъ употребляемъ въ отношеніяхъ къ Польшѣ. Это дѣло не было поднято во время переговоровъ, и его пришлось оставить до другаго времени, но и теперь оно не рѣшилось въ пользу Александра. Моклоковъ воротился въ Москву 7 Февраля, а 26 пріѣхали Александровы послы для переговоровъ о мирѣ (впрочемъ, это было не главною цѣлю посольства). Въ рѣчахъ пословъ говорилось: «Для братства и дружбы, ты бы намъ нашу отчину вернулъ, по тому что самъ можешь разумѣть, что каждому своя отчина мила и каждому своего жаль; мы надѣемся, что ты, братъ нашъ и тестъ, въ чувство придешь, лакомство на наши земли оставишь, лихихъ людей не будешь слушать и вмѣсто насъ непріязнь обратишь на враговъ имени Христа.» Отвѣтомъ на это было обращеніе Польскихъ остротъ на ихъ авторовъ: «Братъ нашъ намъ правду говорить, что каждому своя отчина мила и каждому своего жаль; а брату нашему и зятю вѣдомо, что Русская земля, Кіевъ, Смоленскъ и иные города, изъ старины наша отчина, и намъ нынѣ своей отчины жаль». Но вопросъ о титулѣ повелъ къ дальнѣйшимъ спорамъ, Бояре говорили: «Король Александръ, какъ прежде не правилъ по договорнымъ грамотамъ, такъ и теперь не правитъ: въ проѣзжей Русской грамотѣ чрезъ Литву имя Государя написано по перемирной грамотѣ, а въ проѣзжей Латинской грамотѣ чрезъ Польшу Государево имя писано не какъ слѣдуетъ». Послы на это начали говорить, что ихъ Государь въ dokonчальной грамотѣ написалъ титулъ «Государь всея Руси», свойства ради, по тому, что вашему Государю этотъ титулъ нравится. «Чѣмъ это вашъ Государь даритъ нашего свой-

ства ради?» отвѣчали Бояре и начали показывать докончальныя и посыльныя грамоты другихъ Государей, какъ доказательство настоящаго титула Ивана Васильевича. Александрово Правительство послѣшило поправить дѣло о титулѣ слѣдующимъ образомъ. Въ концѣ 1504 года пріѣхалъ въ Москву отъ Александра гонецъ: онъ привезъ грамоты для пословъ съ требуемымъ титуломъ и объяснялъ отъ имени Александра это дѣло такъ: «Писарь Великаго Княжества Литовскаго знаетъ наши титулы, а Писарь Короны Польской, который мало знакомъ съ докончальными и перемирными нашими грамотами, не удивительно, что ошибся и такъ твое имя написалъ».

Признаніе и Поляками титула «Государя всея Руси» за Московскими Государями было послѣднимъ важнымъ дѣломъ Ивана Васильевича, въ его отношеніяхъ къ Правительству Александра. Сношенія Москвы съ Литвою шли до самой смерти Ивана Васильевича: они были о дѣлахъ пограничныхъ и также объ отъѣзчикахъ.⁹³

Въ концѣ 1505 года, посланный отъ Александра къ тестю о пограничныхъ дѣлахъ пріѣхалъ въ Москву и правилъ посольство Василию Ивановичу, по тому что его отецъ, 27 Октября, 1505 года, скончался.⁹⁴ Вѣсть о смерти завоевателя была получена въ Литвѣ, и Александръ обратился съ этѣмъ извѣстіемъ въ Ливонію. Прежде, когда было заключено перемирие, то Александръ утѣшалъ Магистра тѣмъ, что Татары могутъ напасть на Московскія владѣнія, и этѣмъ обстоятельствомъ можно воспользоваться.⁹⁵ Теперь же Александръ говорилъ Магистру чрезъ посла, что въ такой часъ потребный, когда Московскій Государь умеръ, слѣдуетъ, взявши Бога на помощь, поправить свои дѣла по старому, и что для этой цѣли онъ собираетъ сеймъ въ Вильнѣ.⁹⁶ Александръ

⁹³ Ак. З. Р. т. 1, № 192: этотъ Статейный Списокъ былъ захваченъ Поляками въ смутное время; они его переплели вмѣстѣ съ расходною Московскою книгою и озаглавили «Acta Mag. Duc. Lithu.»

⁹⁴ Д. П. № 2, стр. 78—79.

⁹⁵ Лит. Метр., 5-ая книга записей, лист. 244—246. Посольство безъ года.

⁹⁶ Ак. З. Р. т. 1, № 220.

отправилъ также и посольство въ Москву, по тому что по договорной грамотѣ послы, для приведенія Государей къ миру, должны ѣздить между ними. Послы пріѣхали въ Москву 15 Февраля, 1506 года ⁹⁷ и говорили о прочномъ мирѣ, какъ было прежде сего, а которые города и волости забраны, и тѣмъ бы Великій Князь поступился, людей же ихъ изъ плѣна выпустилъ, а обиды оправилъ. Молодой Государь отвѣчалъ, что доброй смолвы желаетъ, какъ будетъ пригоже, чужихъ же городовъ и волостей не держать, а держать только свои. ⁹⁸ Должно быть, подъ влияніемъ этого неробкаго отвѣта, въ Маѣ 1506 года, Александръ говорилъ Магистровымъ посламъ, что хотя ихъ непріятель никогда своихъ обѣщаній не держалъ, но имъ слѣдуетъ держать перемиріе до конца и безъ великой помощи противъ такого важнаго непріятели дѣла не начинать; особенно нужно смотрѣть и дожидаться какъ молодые Княжата будутъ управлять въ своемъ Панствѣ, и если между ними будутъ какія ни будь ссоры, то тогда можно все поправить по старому; да также Князья пограничные, которые всегда отъ предковъ Короля ласку имѣли, могутъ, вмѣстѣ съ младшими братьями Великаго Князя, обратиться къ Королю, и тогда, съ помощію Бога и Магистра, можно все потерянное вернуть. ⁹⁹

У Александра, кромѣ Магистра, явился болѣе дѣятельный союзникъ: это Магметъ-Аминь Казанскій. Онъ отправилъ въ Литву посольство, въ которомъ извѣщалъ, что захватилъ Москвичей у себя, а посланное войско Великаго Князя, подъ начальствомъ, Князя Дмитрія, разбилъ и тотъ бѣжалъ; въ заключеніе Магметъ-Аминь приглашаетъ Александра къ союзу. Но этѣ послы явились въ Литву уже послѣ смерти Александра и обратились съ рѣчами къ Сигизмунду. ¹⁰⁰ Впрочемъ, Александру невозможно было воспользоваться предложеніями Казанскаго Царя, такъ какъ ему въ концѣ жизни должно было заняться дѣлами со стороны степей, потому что Крымцы дѣлали на владѣнія его набѣги, а въ то же время

⁹⁷ Лѣтопись подъ 1506 годомъ.

⁹⁸ Д. II. № 2, Стр. 79—81.

⁹⁹ Ак. З. Р. т. 1, № 225. Издатели исправили слогъ и произвольно разставили пункты.

¹⁰⁰ Лит. Метр., 5-ая книга записей, л. 13—17; Сбор. Князя Оболенскаго стр. 37—39.

изъ Москвы говорили въ прежнемъ тонѣ. Василій Ивановичъ, извѣщая Александра о своемъ вступленіи на престолъ, говорилъ чрезъ пословъ, чтобы Король правилъ по докончанью: своей жены, а Великаго Князя сестры, къ Римскому Закону не нудилъ. На этѣ старыя рѣчи отвѣчали, что никого къ Римскому Закону не нудятъ.¹⁰¹

Какъ только пришла вѣсть въ Москву о смерти Александра, то Великій Князь послалъ навѣститъ сестру и приказалъ ей говорить: «чтобы она похотѣла и говорила бы Бискупу и Панамъ, всей Радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ похотѣли его Государства служить;» если же начнутъ опасаться за Вѣру, то Государь имъ въ томъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при Королѣ, а жаловать хочеть и свыше того. Да приказалъ Великій Князь Королевѣ челобитье. Ко Князю Войтѣху, Бискупу Виленскому, Пану Радивилу и всей Радѣ приказалъ Великій Князь о томъ же, чтобы они похотѣли его на Государство». Какъ прежде брачная система, такъ теперь избирательная, не приложимыя къ Государствамъ, подобнымъ Московскому, съ перваго раза осталась безъ послѣдствій, и Елена Ивановна дала отвѣтъ, что Король Александръ поступился Государствомъ своимъ брату своему, Королевичу Жигимонду. Сигизмундъ же, еще Королевичъ, прислалъ къ Василю Ивановичу сказать, что хочеть слать къ нему пословъ о многихъ дѣлахъ, а Короля Александра въ животѣ не стало.¹⁰² Этѣ Послы явились въ Москву въ концѣ Марта, 1507 года,¹⁰³ и говорили Василю Ивановичу отъ его свата и брата, что онъ сѣлъ на своихъ отчиныхъ столахъ, Литовскомъ и Польскомъ, и что теперъ слѣдуетъ возстановить вѣчный миръ, а захваченныя земли, отцомъ Василя Ивановича, возвратить. Жалобы на прежнія обиды кончались словами: «Мы имѣемъ упованіе отъ Бога, что судъ и правда Божія не отступятъ отъ того, кто въ правдѣ стоитъ и страхъ Божій въ сердцѣ держитъ». На вызовъ послѣдовалъ вызовъ: Василій Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ держитъ свою отчину, чѣмъ пожаловалъ его и благословилъ отецъ и далъ Богъ отъ прароди-

¹⁰¹ Д. П. № 2, стр. 81.

¹⁰² Тамъ же, стр. 82—84.

¹⁰³ Дѣтописъ подъ этѣмъ годомъ.

телей, да и вся Русская земля наша отчина. Такъ какъ послы жаловались на захваты земель во время перемирія, то на это было сказано, что перемирье было только съ Королемъ Александромъ, и тогда все исправляли, а съ Жигимондомъ Королемъ перемирья не было, впрочемъ, Великій Князь миру съ нимъ хочетъ, какъ пригоже.» Отпуская пословъ Василій Ивановичъ приказалъ имъ передать Королю, чтобы онъ Елену Ивановну держалъ въ чести и къ Римскому Закону не нудилъ.¹⁰⁴

Сношенія между Государствами прекратились.

IV.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что причины успѣховъ Московскаго Государства въ отношеніяхъ къ Литвѣ враги полагали, во первыхъ, въ счастливыхъ обстоятельствахъ, а во вторыхъ, въ личныхъ талантахъ Ивана Васильевича. Александръ, какъ видно, призналъ этѣ таланты и за сыномъ Ивана Васильевича и ждалъ для себя выгодъ отъ перемѣны обстоятельствъ. Сигизмундъ надѣялся на то же, и обстоятельства, по видимому, благоприятствовали ему. Въ Сѣверной Россіи все было спокойно: молодья Княжата жили мирно, служебные Князья тоже не поднимали ни какой смуты. Но со стороны Стенниковъ было совсѣмъ другое. Въ половинѣ лѣта 1503 года Шихъ-Ахматъ кочевалъ съ Мурзами за Медвѣдицами; людей у него было мало. Шихъ-Ахматъ просилъ, чтобы Иванъ Васильевичъ досталъ ему Астрахани, а онъ ему прямымъ другомъ учинился и отъ недруговъ Московскихъ отсталъ, а что онъ отправилъ посла въ Литву, то это за тѣмъ, чтобы оттуда отпустили его пословъ, которые съ прошлаго лѣта тамъ остались.¹⁰⁵ Но въ Литвѣ въ это время разсуждали отпустить, или задержать, Шихъ-Ахматовыхъ и Нагайскихъ пословъ; если задержать, то содержаніе ихъ только лишній расходъ, по тому что они много съѣдятъ, да и

¹⁰⁴ Ак. З. Р. т. 2, № 16. Въ Литовской Метригѣ это посольство записано безъ обозначенія года и мѣсяца.

¹⁰⁵ Ак. З. Р. т. 1, № 192, стр., 310—311.

одежду, что имъ дана, издеруть.¹⁰⁶ Между Степняками была рознь, и Менгли-Гирей требовалъ отъ Мурзъ, чтобы они перевезлись за Волгу, а Шихъ-Ахмата отъ себя отослалъ. Шихъ-Ахмату было дурно такъ жить; Иванъ Васильевичъ обѣщалъ, что когда у него будетъ конь потенъ, то онъ шелъ бы въ Москву, гдѣ его пожалуютъ и мѣсто дадутъ въ своихъ земляхъ. Но Шихъ-Ахматъ пошелъ къ Киеву, потомъ въ Бѣлгородчину, отсюда, гоняемый Бѣлгородчанами, онъ прибѣжалъ въ Кіевъ. Дмитрій Путятичъ схватилъ Царя и отослалъ его къ своему Государю. Здѣсь рѣшили, что прежняго своего союзника слѣдуетъ задержать.

Со времени побѣды надъ Шихъ-Ахматомъ Крымская Орда могла покуда не бояться враговъ. Въ Крымѣ жилъ Московскій посолъ Заболотской; онъ не получалъ изъ Москвы ни какихъ вѣстей и въ то же время не имѣлъ денегъ. Заключивши перемиріе съ Александромъ, Иванъ Васильевичъ, по обычаю, не извѣщалъ объ этомъ Менгли-Гирея. Въ Юлѣ 1503 года пришли изъ Крыма Татары съ грамотами, въ которыхъ Менгли-Гирей изъяслялъ сожалѣніе, что, отправленный въ концѣ прошлаго года къ нему, посолъ изъ Москвы былъ ограбленъ на Полѣ и предлагалъ присылать къ Путивлю своихъ Татаръ для сопровожденія пословъ. Но Иванъ Васильевичъ назначилъ посла въ Крымъ только тогда, когда въ Литвѣ были задержаны Московскіе послы. Августъ (22), въ грамотѣ съ Татарами, Иванъ Васильевичъ писалъ къ Менгли-Гирею: «съ чѣмъ присылали ко мнѣ недруги, Угорской и Литовской, объ томъ я посылалъ къ тебѣ Боярина, и онъ не дошелъ до тебя; самъ знаешь, что съ нимъ случилось на Полѣ. Я къ Литовскому послалъ, что если хочеть онъ со мною мира, то взялъ бы миръ съ братомъ моимъ, Менгли-Гиреемъ, и Литовской до сихъ мѣстъ моихъ пословъ не отпустилъ, а по этому я съ нимъ хочу начать свое дѣло дѣлать, и посылаю на него своихъ дѣтей, да и ты бы послалъ также. Я нынѣ послалъ къ тебѣ своего Боярина Ощерина, и наказалъ ему о всѣхъ дѣлахъ; ему велѣно лежать въ Путивлѣ и ждать отъ тебя вѣсти, кого ты по него пришлешь. А что ты тратилъ на моихъ пословъ, за то я тебѣ челомъ бую и велю уплатить». Татаръ, похавшихъ съ этѣми грамотами, разогнали на Полѣ, и одинъ изъ

нихъ воротился въ Москву только 11-го Октября; Ощеринъ находился въ Путивлѣ; изъ Крыма получили вѣсти въ Москвѣ только въ Августѣ 1504 года. А между тѣмъ въ началѣ осени 1503 года Шемячичъ и Можайскій прислали въ Москву извѣстiе, что пришли къ ихъ землямъ Крымскiе Татары и просили жителей указать имъ путь за Днѣпръ въ Литовскiя земли; при этомъ они обѣщали отдать взятое въ плѣнъ въ Черниговскихъ земляхъ, которыя они грабили по ошибкѣ, думая, что это Литовскiя земли. Жители этому повѣрили, не стали беречься, и Татары произвели грабежъ. Не много спустя послѣ этого Менгли-Гиреевъ сынъ, Бурнашъ, пришелъ на Московскiя украины и тоже началъ грабить. Но изъ этихъ грабителей много было побито и взято въ плѣнъ.

Когда Шихъ-Ахматъ попался въ руки Александра, то послѣднiй писалъ къ Менгли-Гирею, что онъ изловилъ общаго недруга, и съ нимъ нечего дѣлать иного, какъ представить предъ Царя, или его самага, или его и его братьевъ, головы. Александръ при этомъ по прежнему предлагалъ Менгли-Гирею прислать за посломъ, Дмитриемъ Путятичемъ. Уланы и Князья приступали къ Царю, чтобы онъ это сдѣлалъ. Но Менгли-Гирею слова Александровы показались угрозою, и онъ прислалъ (въ Августѣ, 1504 года) Татаръ въ Москву съ грамотами. Въ нихъ, объявляя о своихъ дѣлахъ, Царь писалъ, что прежде посылать въ Москву было нельзя, потому что Поле было не чисто отъ Азовскихъ Казаковъ. Менгли-Гирей также просилъ о выпускѣ попавшихся въ плѣнъ Крымцевъ. Отпуская Татаръ въ Крымъ, Иванъ Васильевичъ писалъ къ Царю: «Александръ хочетъ съ тобою ссылаться и поставить предъ тобою твоихъ недруговъ. Шихъ-Ахмата Литовцы схватили и объявили, что это ему за то, что онъ приходилъ на ихъ украины; по ты самъ вѣдаешь, что Шихъ-Ахматъ приходилъ ради ихъ же и они его звали. Ты самъ теперь посмотри Литовской правды и съ Королемъ не мирись, по тому что ему Шихъ-Ахмата не отпустить, не убить и не стать съ нимъ противъ тебя и меня; да если и поставить Шихъ-Ахмата противъ насъ, то вѣдома намъ Литовская сила и намъ можно противъ Короля стоять». Когда Иванъ Васильевичъ такъ писалъ, онъ въ то же время послу, ѣздившему отъ него въ Литву, наказывалъ говорить, если можно, самому Царю Шихъ-Ахмату, или человѣку, который ему вѣрентъ: «Нынѣ мнѣ ска-

зывали, что ты прѣхалъ въ Литву, и если хочешь къ намъ прямого братства и дружбы, то домыслился бы самъ, какъ тебѣ выгнать изъ Литовской земли; да поѣхалъ бы ты къ намъ, и какъ прѣдешь, то я твою истому подниму и людей твоихъ пожалую, а тебѣ мѣсто въ своихъ земляхъ города дамъ». Но Шихъ-Ахмата Ивану Васильевичу не удалось добыть въ свои руки и приходилось своими средствами управляться съ Крымскою Ордою. Когда наконецъ Ошеринъ отправился въ Крымъ, то главная его забота должна была состоять, по обычаю, въ томъ, чтобы Менгли-Гирей не помирился съ Александромъ, и объявлять Царю, что Великій Князь взялъ съ Литовскимъ перемирьемъ, по тому что послѣдній обѣщался взять перемирье и съ нимъ. Что же касается обѣщанной Литовцами дани по старинѣ, то говорить, что она не такъ велика, чтобы могла удовлетворить всѣхъ Крымцевъ, по тому что когда Крымскіе люди воюютъ Литовскую и Лядскую землю, то они тѣмъ богатыютъ, а встрѣчи имъ въ Литовской и Лядской землѣ нѣтъ, такъ по этому и не для чего мириться съ Королемъ. ¹⁰⁷

Подъ вліяніемъ того, что Крымцамъ не было встрѣчи во владѣніяхъ Александра, они начали дѣлать на нихъ постоянные набѣги. Наконецъ и здѣсь была выставлена встрѣча со стороны Князя Михайла Львовича Глинскаго. Давши отпоръ Крымцамъ, Александръ завелъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ и вскорѣ послѣ этого умеръ. Менгли-Гирей захотѣлъ мириться съ Литовцами; онъ прислалъ къ Александру посольство, но это посольство уже принималъ Сигизмундъ. Менгли-Гирей требовалъ, чтобы Шихъ-Ахмата, его братьевъ, слугъ и Нагайскихъ пословъ въ Литвѣ крѣпко держали и разсажали по разнымъ городамъ. Кромѣ того, Менгли-Гирей просилъ отъ Литвы дани и рассказывалъ, сколько прежде доили ее въ Крымъ. Этому посольству въ Литвѣ обрадовались, тѣмъ болѣе, что Менгли-Гирей обѣщалъ, что теперь, вмѣсто Литвы, онъ будетъ воевать Московскія земли, за то, что Великій Князь Василій безъ его спроса послалъ войско на Казанскаго Царя. Сигизмундъ отвѣчалъ на это посольство, что Александръ забылъ страшныя нападенія Менгли-Гирея и его дѣтей и хотѣлъ съ нимъ жить, какъ было при предкахъ, а онъ, Сигизмундъ, хочетъ того же;

¹⁰⁷ Д. Крым. № 2, стр. 1024—1170; Ак. З. Р. т. 1, № 192, стр. 334.

по этому, общія дань, приглашаетъ къ союзу на общаго врага Московскаго. ¹⁰⁸ Этѣ сношенія Сигизмунда съ Менгли-Гиреемъ повели къ тому, что послѣдній далъ шерть, и въ то же время пожаловалъ Сигизмунда Русскими землями, не только находящимися во владѣніяхъ Сигизмунда, но Псковомъ и Новгородомъ. ¹⁰⁹ Это послѣднее пожалованье случилось позднѣ Августа, 1507 года.

Менгли-Гирей объявлялъ, что заключаетъ союзъ съ Литовскимъ Государемъ на Московскаго по тому, что послѣдній обижаетъ Царя Казанскаго. Въ то время, когда Крымцы дѣлали набѣги на Литовскія владѣнія, Магметъ-Аминь Казанскій сдѣлалъ слѣдующее. Онъ, Московскій посаженникъ на мѣсто своего брата, Абдыллетифа, еще при жизни Ивана Васильевича, весною 1505 года, прислалъ къ Великому Князю о нѣкоторыхъ дѣлахъ, и Великій Князь, по своему крѣпкому слову, послалъ къ нему о тѣхъ дѣлахъ въ Казань своего посла, чтобы онъ тѣмъ рѣчамъ всемъ не потакалъ. Но въ Іюнь мѣсяцѣ Царь Магметъ-Аминь схватилъ Московскаго посла, Михайла Кляника, торговыхъ Русскихъ людей нѣкоторыхъ схватилъ, другихъ перебилъ, а иныхъ сослалъ въ Нагаи. Въ Сентябрѣ онъ приходилъ ратью къ Нижнему Новгороду, но ни чего не сдѣлалъ и Москвичи много его людей побили. Василій Ивановичъ, послѣ смерти своего отца, рѣшился наказать Казанцевъ за измѣну, и въ Апрѣлѣ, 1506 года, Московскія войска пошли подъ Казань. Магметъ-Аминь описываетъ событія этой войны слѣдующимъ преувеличеннымъ образомъ: «Великій Князь Иванъ прислалъ къ намъ свое войско, и мы то войско побили и десять тысячъ въ нашихъ рукахъ померло. Великій Князь Василій послалъ на насъ своего брата, Димитрія, водою съ пятьюдесятью тысячами людей, да другаго брата сухимъ путемъ съ шестьюдесятью тысячами людей. Намъ Богъ помогъ: которое къ намъ войско пришло водою и тѣхъ мы побили, а послѣ того шестьдесятъ тысячъ конной рати вришло на насъ, и мы, побивши челновую рать, вышли противъ конной, бились и побили; главныхъ Князей-Бояръ

¹⁰⁸ Сб. Кн. Оболенскаго, стр. 20—37; Лит. Метр., 7-я книга записей, л. 10—17.

¹⁰⁹ Ак. З. Р. т. 2, № 6. Этотъ ярлыкъ есть отрывокъ изъ многихъ посольствъ; въ Литовской Метрицѣ онъ записанъ безъ года, но послѣ посольствъ отъ 8 Августа, 1507 го да.

поимали, а тотъ братъ Великаго Князя, что на конѣ прѣхалъ, не могъ на томъ конѣ утечь, а утекъ въ челну». Но такъ какъ пасынокъ Менгли-Гирея дѣлалъ этѣ дѣла одновременно съ набѣгами Крымцевъ на Литву, то одновременно же съ своимъ вотчимымъ отправилъ свое посольство къ Александру. Въ немъ говорилось что прежде «пересылокъ съ Литвою не было, по тому что онъ, Царь, съ Московскимъ былъ въ пріязни и присягу имѣлъ; но Великій Князь Иванъ свою присягу забылъ и началъ черезъ мѣру нѣкоторыя дѣла чинить, и мы, его къ давней мѣрѣ приводя, войско его и сына побили; а теперь слыша, что братъ нашъ, Царь Менгли-Гирей, часто обсылается съ тобою и въ пріязнь входитъ, и мы по этому хотимъ съ тобою пріязни, какъ за предковъ бывало». Магметъ-Аминь приглашалъ Александра къ союзу и предлагалъ, чтобы весною 1507 года одновременно напасть на Московскаго Государя. Но это посольство, какъ и первое посольство Менгли-Гирея, не застало Александра въ живыхъ. Сигизмундъ принялъ предложеніе союза и уговаривалъ Магметъ-Аминя мстить Московскому.¹¹⁰

Въ слѣдствіе такихъ своихъ отношеній къ Татарамъ, Сигизмундъ, какъ только завязались этѣ сношенія, отправилъ посольство къ Магистру Ливонскому. Въ посольствѣ говорилось: «По милости Божіей, Царь Перекопской прислалъ къ намъ говорить, что хочетъ съ нами быть на каждаго непріятеля, и особенно на Великаго Князя Московскаго, и думаетъ съ весны двинуться со многими людьми на Московскія украины. Съ послами Царя Перекопскаго были у насъ и послы Царя Казанскаго, который четыре раза побѣдилъ войска Московскія, и теперь постоянно побѣждаетъ нашего непріятеля. Царь Казанскій далъ намъ присягу быть съ нами за одинъ на нашего непріятеля. Въ слѣдствіе этого мы приказали всѣмъ нашимъ подданнымъ быть на готовѣ къ войнѣ къ Свѣтлому Празднику. Лучше теперешняго времени воевать съ Московскимъ Великимъ Княземъ не можетъ быть.»¹¹¹ Сигизмундъ такъ обращался къ Магистру Ливонскому, по тому, что тотъ былъ прежде въ союзѣ съ покойнымъ Королемъ. Но, съ одной стороны, отношенія Прусскихъ Нѣмцевъ въ Польшѣ заста-

¹¹⁰ Лит. Метр., 7-я книга записей, л. 10—17; Сб. Кн. Оболенскаго, стр. 37 и 43.

¹¹¹ Ак. З. Р. т. 2, № 15.

вляли Ливонцевъ устраниваться отъ союза съ Сигизмундомъ, а съ другой стороны они, выданные Ягайловцами при заключеніи послѣдняго перемирія, теперь обратились за ходатайствомъ о своихъ дѣлахъ предъ Московскимъ Государемъ къ Императору Максимилиану и сыну его, Королю Филиппу. Въ Москвѣ отвѣчали на это ходатайство, что если Магистръ и вся Ливонская земля пришьютъ бить челомъ, то ихъ пожалуютъ. Магистръ и Ливонская земля не приняли участія въ предлагаемой Сигизмундомъ войнѣ съ Московскимъ Государемъ, а ко времени истечения перемирія прислали къ Великому Князю бить челомъ за свою вину. Великій Князь пожаловалъ ихъ, велѣлъ своимъ Намѣстникамъ Новгородскимъ и Псковскимъ взять съ ними перемиріе какъ пригоже, а плѣнники Нѣмецкіе изъ поиманья были выпущены.¹¹²

Нѣмцы не помогли Сигизмунду, то же вышло и съ Казанью. Какъ только Магметъ-Аминь учинился Великому Князю ратень, а Великаго Князя Ивана въ животѣ не стало, то послалъ Великій Князь, Василій Ивановичъ, въ Нагаи своихъ Татаръ къ Мурзамъ съ грамотами. Къ одному изъ этѣхъ Мурзъ было писано слѣдующее: «Вѣдаешь самъ, сколько отецъ, да и мы, Царю Магметъ-Аминю дѣлали, и какъ его на Казани учинили, и онъ, забывъ Бога, намъ недругомъ учинился. И пришлетъ къ вамъ Магметъ-Аминь о помочи, и вы бы ему ее не чинили, а были бы съ нами другу другомъ, а недругу недругомъ.» Въ Августѣ 1506 года посланный въ Нагаи вернулся въ Москву и сказалъ, что былъ у одного Мурзы, который его къ другимъ не пустилъ. Этотъ Мурза писалъ къ Великому Князю: «Съ Казанскимъ Царемъ учнешь мириться, и я усердствовать радъ, и тогда въ правомъ братствѣ будемъ.» Но и безъ посредничества Нагайцевъ дѣло съ Казанцами устроилось: Магметъ-Аминь завелъ сношенія не только съ Литвой, но и съ Москвой. Весною 1507 года онъ отправилъ посла къ Великому Князю съ грамотами бить челомъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, проступу его ему отдалъ, а съ нимъ бы взялъ миръ. Сигизмундовы послы, сдѣлавшіе вызовъ Василю Ивановичу, пріѣхали въ Москву 21-го Марта, а 25-го Марта Василій Ивановичъ

¹¹² П. Дин. Сн. т. 1, стр. 126 — 138.

отпустилъ Магметъ-Аминева посла и своего челоѣка и приказалъ говорить Царю, чтобы онъ Михайла Кляпика отпустилъ и тѣхъ, что пойманы, вмѣстѣ съ посломъ. Магметъ-Аминь изъявилъ на это согласіе, только бы Великій Князь взялъ съ нимъ миръ, какъ было при Иванѣ Васильевичѣ. Великій Князь, ради Христіанскихъ душъ, что въ руки Бесерменскія попали, далъ на это согласіе. Все дѣло съ Казанью пошло такъ, что союзъ ея съ Литвою сталъ безвреденъ для Москвы. Союзъ Сигизмунда съ Казанью весьма похожъ на союзъ, почти въ это же время, Московскаго Государя съ Нагайцами противъ Литвы. Въ 1508 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, послалъ Василій Ивановичъ въ Нагаи къ Мурзамъ съ слѣдующими грамотами: «Шихъ-Ахматъ, зять вашъ, понадѣявшись на Литовскую правду, пришелъ въ ихъ земли, Литовскій его поималъ и хочеть убить; и намъ Литовскій учинился недругомъ, и вы бы съ нами были на всякаго недруга за одинъ, а мы ему свою недружбу чинимъ отсюда.» Посланный съ грамотами извѣщалъ съ дороги, что Нагайцевъ нѣтъ на сей сторонѣ Волги, онъ же переезеза на ту сторону, тамъ его взялъ одинъ Царевичъ и хочеть доставить къ дядямъ.¹¹³

Но совѣмъ другія отношенія были у Василя Ивановича къ Крымской Ордѣ. Онъ, послѣ вступленія своего на престолъ, какъ рассказываетъ лѣтопись, посмотря въ шертныя грамоты Царя Менгли-Гирея, что были съ отцомъ его, Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, о дружбѣ и братствѣ, а писано въ нихъ и на дѣтей, приговорилъ, съ своею братією и съ Боярами, и послалъ въ Крымъ ближняго своего челоѣка, Василя Наумова, возвѣстить Царю отца своего преставленіе, да и о дружбѣ и братствѣ по шертнымъ грамотамъ. Василій Наумовъ подвергся въ Крыму разнообразнымъ обидамъ со стороны многочисленныхъ Царевичей: они требовали у посла поминокъ, и когда тотъ давалъ ихъ только по записямъ (т. е., то, что кому назначено), то Царь

¹¹³ Лѣтопись подъ 1507 годомъ; Д. Наг. № 1, л. 35 — 65. Грамота, слова которой сейчасъ приведены, напечатана въ С. Г. Г. и Д. т. 5, № 48. Тѣ, которые печатали этотъ томъ грамотъ, не извѣстно, по чему, отнесли ее къ 1505 году, хотя въ дѣлахъ Нагайскихъ она находится подъ 7016 годомъ, 13 Апрѣля, и потомъ оттуда напечатана она у Карамзина, въ т. 7, прим. 38, подъ тѣмъ же 1508 годомъ.

ревичи грабили самага посла и сопровождавшихъ его. Грабленія и оскорбленія были таковы, что долго послѣ этого ихъ выставляли Крымцамъ, какъ образецъ ихъ обхожденія съ послами. Почти въ то время, какъ послѣ набѣговъ на Литву Крымцы прислали къ Александру посольство, пріѣхалъ въ Москву (1 Августа, 1506 года) Василій Наумовъ изъ Крыма съ посломъ Менгли-Гирея и привезли шертины грамоты, но не таковы, каковы надобны были Великому Князю. Великій Князь велѣлъ написать грамоты, каковы ему надобны, а Царевъ посолъ съ товарищами приложилъ къ грамотамъ руки и шерть дали, что имъ у Царя таковыя грамоты взять. Въ Декабрѣ того же 1506 года отпустилъ Великій Князь Крымскихъ пословъ, да съ ними отпустилъ своего посла, Константина Заболотскаго. Заболотской пробылъ въ Крыму цѣлый годъ; здѣсь онъ подвергся точно такимъ же оскорбленіямъ, какъ и Наумовъ, по тому что точно также не удовлетворялъ жадности Крымцевъ къ поминкамъ. Но въ теченіи этого года совершилось много важныхъ дѣлъ.

Съ начала весны 1507 года Московскія войска должны были готовиться воевать съ Казанью, но Магметъ-Аминъ предупредилъ войну мирными предложеніями. За то пришла вѣсть къ Великому Князю, что идутъ многіе люди Татарове по Полю, и что ожидаютъ ихъ прихода на Украину, на Бѣлевскія, Одоевскія и Козельскія мѣста. Тогда Князь Великій послалъ своихъ Воеводъ и вмѣстѣ съ ними должны были ждать Татаръ Князья служебные: Одоевскій, Воротынскій и Козельскій. Воеводы находились въ Воротынскѣ, какъ пришла къ нимъ вѣсть, что Татаре приходили на Украину и, захвативъ много полону, пошли прочь. Воеводы бросились за ними въ погоню и догнали ихъ на Окѣ: имъ удалось побить Татаръ, иныхъ живыми изловить, а полонъ весь назадъ возвратить; Татаръ гоняли до рѣки Рыбницы. Это событіе было 9-го Августа.

ГЛАВА V.

Бунтъ Глинскаго.

Приготовленія Сигизмунда къ войнѣ и ссора Глинскаго съ Панами.—Сношенія Глинскаго съ Менгли-Гиреемъ и Московскимъ Правительствомъ.—Законы Глинскаго въ Литвѣ.—Сношенія Литовскаго Правительства съ Московскимъ Великимъ Княземъ и Менгли-Гиреемъ по поводу бунта Глинскаго.—Военныя дѣйствія; пребываніе Глинскаго въ Москвѣ въ Августѣ 1508 года.—Вѣчный миръ между Московскимъ Правительствомъ и Польско-Литовскимъ.—Характеристика Глинскаго и клеветы Литовцевъ на него.—Кончина Елены Ивановны; Глинскій объявляетъ, что ее отравили Литовскіе Паны.—Глинскій за измѣну попадаетъ въ Московскія темницы и принимаетъ Православіе.—Личныя объясненія Елены Ивановны, отъ кого именно она терпитъ попреки за свой Греческій Закопъ.—Характеристика Елены Ивановны.

I.

Со стороны Сигизмунда былъ сдѣланъ вызовъ Василю Ивановичу, но война не была объявлена. Для того, чтобы произвести извѣстнаго рода впечатлѣніе на Московскаго Государя, въ Февралѣ 1507 года, на Виленскомъ Сеймѣ, было поставлено, чтобы всѣ владѣльцы переписали въ своихъ имѣніяхъ людей и подали бы списки для того, чтобы знать, какъ кто можетъ служить съ своихъ имѣній. Кромѣ того, владѣльцы имѣній должны выѣхать на войну къ опредѣленному сроку, на назначенное мѣсто; кто не исполнитъ этѣхъ приказаній въ точности, тотъ подвергается штрафу и даже казни. Срокъ былъ назначенъ Свѣтлый Праздникъ, для того такъ скоро, сказано въ постановленіи Сейма, чтобы непріятель Государскій, услышавши то, что Государь хочетъ съ нимъ валку начать и своего подъ нимъ доставать, не предупредилъ бы и не вторгнулся въ Литовскія земли. Кромѣ того, духовенство и всѣ бывшіе на Сеймѣ постановили собрать на войну особую подать, — Серебщизну.¹¹⁴ Этѣ постановленія Сейма не произ-

¹¹⁴ Ак. З. Р. т. 2, № 12.

вели желаемого впечатлѣнія на Василія Ивановича: какъ мы видѣли, на вызовъ Сигизмунда отвѣтъ былъ стараго характера, а, съ другой стороны, Василій Ивановичъ и не начиналъ войны съ Литвою. Но одно дѣло повело къ тому, что во второй половинѣ 1507 года война началась. Это дѣло заключалось въ томъ, что Паны Рада Великаго Княжества Литовскаго перессорились между собою. Когда вступилъ на Литовскій престолъ Сигизмундъ, то, знакомый намъ по участию въ дѣлахъ сватовства Александра Казимировича къ Еленѣ Ивановнѣ, Панъ Янъ Забережскій съ товарищами началъ говорить, что Князь Михайло Львовичъ Глинскій, заправлявшій Литовскими дѣлами при Александрѣ, хочетъ занять Литовскій Велико-Княжескій престолъ. Жалобы Глинскаго на Пановъ по этому поводу Сигизмундъ оставилъ безъ всякаго рѣшенія. Потомъ Король уѣхалъ въ Польшу, Паны Рада разѣхались по своимъ имѣніямъ, дѣло Глинскаго, какъ видно, считали не важнымъ, а Москвичи не начинали войны. Но Глинскій не успокоился; онъ съ своими единомышленниками бросился на имѣніе Яна Забережскаго и убилъ Пана. Послѣ этого Глинскій началъ настоящій бунтъ: онъ направился въ свои имѣнія, находившіяся въ теперешней Малороссіи.¹¹⁵ На дѣло Глинскаго сначала мало обратилъ вниманіе Сигизмундъ, за то въ Москвѣ увидали, что для нихъ оно очень знакомо. И вотъ, еще до Сентября, 1507 года, начали Московскія войска двигаться къ Литовскимъ границамъ, къ сѣверу къ Князьямъ, а потомъ туда же, къ Мстиславлю, 14 Сентября, послалъ Великій Князь Воеводъ своихъ, Князя Василія Даниловича Холмскаго и Якова Захаревича, Литовской земли воевать.¹¹⁶ Не знаемъ, подъ влияніемъ этихъ движеній, или чего ни будь другаго, но Сигизмундъ осенью 1507 года приготовилъ посольство въ Москву, и послалъ туда просить опасной грамоты для проѣзда пословъ, своихъ и Менгли-Гиреевыхъ. Послѣднее было сдѣлано по тому, что Сигизмундъ, передъ тѣмъ всту-

¹¹⁵ Ак. З. Р. т. 1, № 33.

¹¹⁶ Разряды и Лѣтопись подъ 7016 годомъ. Въ Ист. Р. т. 5, въ пр. 313, на основаніи Типографской Лѣтописи говорится, что военныя дѣйствія начались весною 1507 года. Но въ Типографской Лѣтописи событія перепутаны. Составитель Лѣтописи пропустилъ событія 7015 г., а событія 7016 г. одну половинну написалъ подъ 7015, а другую подъ 7016 годомъ.

пивши въ союзъ съ Крымскимъ Царемъ, захотѣлъ, при помощи его посредничества, заставить Москвичей уступить безъ войны все захваченное ими. Просимая опасная грамота была дана, но Сигизмундовы и Менгли-Гиреевы послы не пріѣхали теперь въ Москву.¹¹⁷ Начиная испытывать отъ Глинскаго то, что происходитъ въ Государствѣ въ слѣдствіе бунта, въ Литвѣ хотѣли, чтобы и въ Москвѣ происходило то же. Тамъ, одновременно съ посольствомъ къ Василию Ивановичу, приготовили посольство къ его брату, Юрію Ивановичу. Въ явныхъ рѣчахъ къ послѣднему послы должны были изложить просьбу Сигизмунда къ брату и свату о посредничествѣ въ переговорахъ, а тайно слѣдующее: «Поразумѣли мы о тебѣ отъ многихъ вашихъ и нашихъ людей, что, милостию Божіею, въ своемъ дѣлѣ гораздо управляешься, и что многіе Князья и Бояре, отступивши отъ брата твоего, Великаго Князя Василія Ивановича, къ тебѣ пристали. Мы хотѣли съ твоимъ братомъ, Василіемъ Ивановичемъ, быть въ братствѣ, любви и докончаньѣ, но онъ, обрадовавшись нашимъ граничнымъ городамъ и землямъ, съ нами мириться не захотѣлъ. Мы хотимъ съ тобою быть другу другомъ, а недругу недругомъ, и для того, чтобы за твое дѣло стоять, сами хотимъ сѣсть на конь.»¹¹⁸ Такъ какъ посольство къ Василию Ивановичу теперь не пріѣхало въ Москву, то и не знаемъ, говорено ли когда ни будь посольство и къ Юрію Ивановичу; оно было только проектъ намѣреній Литовцевъ.

Всѣ надежды Сигизмунда на Ливонію и Казань оказались ничтожными. Но когда начался бунтъ Глинскаго, то и надежды на Менгли-Гирея тоже пали. Глинскій, послѣ убійства Яна Забережскаго, бросился на Ковно и хотѣлъ добыть оттуда Шихъ-Ахмата. Это дѣло ему не удалось, но онъ завелъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ и извѣщалъ его (впрочемъ, объ этомъ говоритъ посольство Сигизмунда), что въ его рукахъ находится Шихъ-Ахматъ. Менгли-Гирей принялъ участіе въ дѣлѣ Глинскаго, предлагалъ

¹¹⁷ Д. П. № 2, стр. 87. Посольство, напечатанное въ Ак. З. Р. т. 2, подъ № 18, находится въ Метрикѣ послѣ посольствъ отъ 8 Августа и послѣдующихъ за ними безъ года. Рядомъ съ этѣмъ посольствомъ находится посольство, что напечатано въ Ак. З. Р. т. 2, № 19.

¹¹⁸ Ак. З. Р. т. 2, № 19.

послѣднему поддаться Крыму и обѣщаль посадить его на Кіевъ. Въ то же время Менгли-Гирей началъ ходатайствовать о Глинскомъ передъ Сигизмундомъ, объявляя, что все дѣло произошло отъ того, что Сигизмундъ не далъ Глинскому Маршалства. Изъ Литвы были отправлены нѣсколько посольствъ въ Крымъ по поводу бунта Глинскаго и съ просьбой не только не помогать и не ходатайствовать объ измѣнникѣ Глинскомъ, но и дать помощь на Москву, начавшую помогать послѣднему.¹¹⁹

Прося у Василя Ивановича опасную грамоту на пословъ, Сигизмундъ просилъ также, чтобы, пока его послы прїѣдутъ въ Москву, то въ это бы время военныя дѣйствія не происходили. Но въ то время, какъ Глинскій сносился съ Менгли-Гиреемъ, въ это же время пришелъ къ Глинскимъ отъ Великаго Князя Василя Ивановича Дьякъ Никита Губа Моклоковъ, съ приглашеніемъ вступить въ Московскую службу съ вотчинами. Глинскіе объявили, что они на это не могутъ положительно рѣшиться, по тому что дожидаются отъ Короля отвѣта о своихъ дѣлахъ. Въ Литвѣ, какъ видно, наконецъ обратили вниманіе на то, что дѣйствія Глинскаго похожи на дѣйствія прежнихъ отѣзчиковъ, и по этому, когда Глинскій съ товарищами уѣхалъ въ свои имѣнія, тогда Король прислалъ къ нимъ посла, зова ихъ къ себѣ, чтобы они никуда не отѣзжали. Теперь Король обѣщаль Глинскому съ товарищами дать управу на Пановъ, и это обѣщаніе велѣлъ посланному подтвердить крестнымъ цѣлованіемъ. Глинскіе требовали прямой управы надъ Панами и назначили срокъ прїѣзда къ нимъ Королевскаго посла къ Сборному Воскресенію 1508 года, до этого же времени обѣщали не отѣзжать ни къ которому Королевскому недругу. На назначенный срокъ Королевскій посоль не прїѣхалъ, и по этому Глинскіе отпустили присланнаго изъ Москвы и, вмѣстѣ съ нимъ, своего повѣреннаго съ грамотами, чтобы Великій Князь ихъ пожаловалъ, принялъ бы ихъ въ службу и за ихъ отчины стоялъ. Рѣшившись на это, Глинскіе пошли къ Мозырю и взяли городъ. Сюда прїѣхалъ опять Губа Моклоковъ съ тѣмъ, что Великій Князь хочетъ жаловать Глинскихъ, принимаетъ

¹¹⁹ Лит. Мет. 7 кн. зап., л. 36 и даѣе: два посольства въ Крымъ отъ 21 Февраля 1508 года и 30 Апрѣля. Ак. З. Р. т. 2, № 33.

ихъ въ службу и будетъ беречь ихъ отъ Короля. Великій Князь приказалъ сказать Глинскимъ, что шлетъ имъ на встрѣчу своихъ Князей служебныхъ и многихъ Воеводъ, а они бы дѣлали свое дѣло не мѣшкая.

На основаніи этого обѣщанія Глинскій оставилъ своихъ братьевъ въ Мозырѣ, самъ же съ остальными товарищами пошелъ къ Глушску, чтобы сойтись съ Воеводами Великаго Князя, которые дѣйствительно двинулись съ весны въ Литовскія владѣнія разными дорогами на встрѣчу Глинскому. Ближе всѣхъ къ нему были Князья Можайскій и Шемячичъ съ товарищами; отъ Смоленска долженъ былъ ити Яковъ Захаревичъ, а съ Лукъ Великихъ Князь Данило Щеня. Глинскій пришелъ къ Глушску къ пятой недѣлѣ Великаго Поста. Здѣсь Глинскій долженъ былъ остановиться. Сюда къ нему пришелъ посланный отъ Великаго Князя, Иванъ Юрьевичъ Поджогинъ; онъ говорилъ отъ Государя, чтобы Князь Михайло Львовичъ съ людьми, которыхъ къ нему пришлютъ на помощь, дѣлалъ дѣла только около своихъ городовъ, доколѣ не придутъ къ нему Воеводы Великаго Князя. Это Глинскому было непріятно, по тому что онъ еще прежде писалъ въ Москву, что удобнѣе теперешняго времени для войны не можетъ быть, по тому что въ Литвѣ нѣтъ ни какого собранія воинскихъ людей. Но Воеводы все таки не шли: они имѣли небольшія стычки съ Литовцами, а къ Глинскому явились на помощь только Шемячичъ, Можайскій и другіе мелкіе служебные Князья. Глинскому приказано было дѣйствовать только около своихъ городовъ; онъ нашелъ, что Слуцкъ находится близко его городовъ, и послалъ туда своего брата, а самъ, вмѣстѣ съ Московскими служебными Князьями, пошелъ къ Бобруйску, оттуда къ Минску. У Бобруйска Князья были около Троицына дня, и когда оттуда двинулись, то пустили загоны по Литовской землѣ для того, чтобы замѣшка въ землѣ стала и собранье войска было расторгнуто и испорчено. Отправившимся въ загоны велѣно было собираться къ Минску. Этѣ загоны были, какъ говоритъ Глинскій, въ восьми миляхъ отъ Вильны, нѣкоторые въ четырехъ миляхъ отъ Новогородка, а загоны, пошедшіе отъ Слуцка, были подъ Слонимомъ. Свободно развѣзжали по Литвѣ загонщики, вездѣ жгли, шкоды чинили и полону набрали множество. Божіею милостію и Госу-

дарскимъ здоровьемъ всѣ люди поздорову собрались къ Минску. Скольکو они ни ходили по Литвѣ, но собранья войска не слыжали, а только дошли до нихъ слухи, что Паны Рада были въ Лидѣ, да поѣхали къ Новогородку, а Король изъ Ляховъ выѣхалъ къ Берестью. Загоны ходили по Литвѣ двадцать дней, а когда собрались подъ Минскомъ, то стояли подъ городомъ двѣ недѣли и хотѣли взять городъ, но Княжескія дружины этого сдѣлать не могли. Глинскій, описывая этѣ происшествія, говорилъ, что, когда пришли подъ Минскъ, то захватили нѣкоторыхъ людей, а другіе сами пришли изъ города и сказали, что въ городѣ прибылыхъ людей нѣтъ, но что Князя безъ Государскаго приказа брать городъ не рѣшались. Когда Князя находились подъ Минскомъ, то къ нимъ пріѣхалъ отъ Великаго Князя Юрій Замятинъ, съ приказомъ ити на встрѣчу къ Воеводамъ Великаго Князя и сходитья подъ Оршею. Князя двинулись къ Борисову.

Это послѣднее было около Петрова дня (29 Іюня) 1508 года, и къ этому времени въ Минскъ пришелъ съ войсками самъ Король. Ходить по Литвѣ и грабить ее въ теченіи времени отъ начала Великаго Поста до Петрова дня, при помощи только однихъ служебныхъ Князей, при всѣхъ талантахъ Князя Михайла Львовича, было опасно. Глинскій въ посольствѣ къ Великому Князю описывалъ свои усгѣхи, но кончалъ этотъ рассказъ слѣдующими словами: «Я, Государь, къ Воеводѣ вашему, Якову Захарьевичу, и къ инымъ Воеводамъ, послалъ своего пріятеля, что если есть вашъ приказъ, то они бы къ дѣлу поспѣшили. А Вашей Милости, Государю, низко челомъ бью, учините милость, по своему общанію, защитите насъ; сдѣлайте это не только ради моего челомбитья, но и для своего (т. е., Православнаго) добраго и отъ того погибающаго Христіанства (Глинскій, какъ Католикъ, говоритъ: «вашего Христіанства»),» которые, вмѣстѣ со мною, надежду на Бога и на Вашу Милость положили; прикажите воеводамъ ити на встрѣчу непріятелю, чтобы, видя то братья мои и пріятели и все Христіанство, которые на меня понадѣялись, въ отчаяніе не впали.» Глинскій, руководитель всего возстанія, ободряя товарищей, самъ приходилъ въ отчаяніе, чтобъ его Москвичи, тѣмъ или другимъ образомъ, не выдали ихъ Литовцамъ. Этѣ опасенія могли возбудиться

тѣмъ, что въ это время въ Москвѣ были Литовскіе послы и вели переговоры.¹²⁰

Король, который страдалъ Московскаго Государя войною еще въ началѣ весны 1507 года, приготовился къ ней только къ срединѣ лѣта 1508 года, и теперь угрожалъ, во первыхъ, Глинскому. Даже выше изложенное посольство Глинскаго къ Василию Ивановичу не попало, какъ видно, въ Москву, и его Литовцы перехватили, и по этому мы знаемъ его по Литовскимъ Государственнымъ бумагамъ, въ которыхъ оно записано. Сигизмундъ долго готовился къ войнѣ, но когда осенью Москвичи хотѣли начать войну, то онъ это остановилъ присылкой въ Москву за опасной грамотой. Но такъ какъ Литовскіе послы все таки ни явились, а возстаніе Глинскаго и переговоры съ нимъ обѣщали много выгодъ, то съ ранней весны снова двинулись Московскія войска къ Литовскимъ границамъ; служебные Князья, какъ мы видѣли, явились на помощь Глинскому. Но у Воеводъ не было большихъ военныхъ столкновеній съ Литовцами, должно быть, по тому же, по чему и осенью прошлаго года. Изъ Дорогобужа прислалъ Намѣстникъ въ Москву извѣстіе (ранѣе Іюня мѣсяца), что писалъ къ нему Смоленскій Владыка, Юсифъ, о томъ, что идутъ къ Государю Королевскіе послы по опасной грамотѣ, а съ тѣми послами купцы Литовскіе, и по этому Государь велѣлъ бы дать опасную грамоту на этѣхъ купцовъ. Опасная грамота была дана. Приготовленное съ осени посольство въ Москву наконецъ явилось. Этѣ послы прѣхали вмѣстѣ съ послами Менгли-Гереея и предлагали примиреніе на условіяхъ возвращенія завоеваннаго. Они привезли о томъ же грамоту къ Боярамъ отъ Пановъ Рады. Отвѣтъ на это посольство былъ обыкновенный, что Государь мира хочетъ, а чу-

¹²⁰ Это посольство изъ Литовской Метрики напечатано въ Ак. З. Р. т. 2, подъ № 20, и отнесено издателями къ Апрѣлю 1507 года. Такъ какъ оно схоже, въ разсказѣ событій, почти вполне съ описаніемъ ихъ въ Русской лѣтописи (Рус. Вр. ч. 2., стр. 214—219), въ которой всѣ этѣ событія отнесены къ 1508 году, то и я отношу его къ 1508 году. Съ другой стороны, и по Литовской Метрицѣ, слѣдовало отнести это посольство не къ 1507 году, по тому что хотя оно и безъ года, но записано въ Метрицѣ послѣ посольствъ отъ конца Августа, 1508 года. Последнее всякой можетъ прослѣдить по нумераціи страницъ Метрики подъ посольствами, что обозначено въ. Ак. З. Р.

жихъ городовъ и волостей не держитъ и т. д. Но эти послы не были большіе послы, и черезъ три дня послѣ ихъ пріѣзда пріѣхалъ въ Москву отъ Короля Писарь Юшко съ грамотами, чтобы дань была опасъ на большихъ пословъ. Опасная грамота была дана. Вмѣстѣ съ этѣмъ посломъ пріѣхалъ человекъ Королевы Елены Ивановны. Приказывая Великому Князю челобитье, Елена Ивановна писала, чтобы Государь съ Королемъ Жигимондомъ былъ въ мирѣ и братствѣ.¹²¹ Какъ прежде къ отцу, такъ теперь къ брату, въ письмѣ Елены Ивановны говорилось, что вся размирица происходитъ отъ лихихъ людей, которыми теперь являются Глинскіе, а Князь Михайло Глинскій (какъ прежде Бѣльскій), забывши милости Короля Александра, который его изъ смерда сдѣлалъ Наномъ, посягнулъ на здоровье своего Государя и былъ причиною его смерти.¹²² На это письмо былъ данъ отвѣтъ, въ которомъ сначала излагались причины прежней войны съ Александромъ, т. е., гоненіе на Православныхъ, а теперь, когда Сигизмундъ сѣлъ на мѣсто Александра, то онъ, послѣ присылки своихъ пословъ, «началъ Бесерменство наводить, да посылалъ своихъ Воеводъ на нашихъ Князей, но его Воеводы были отбиты. А что касается Князя Михайла Глинскаго, то присылалъ бить челомъ и проситься въ Московскую службу не одинъ Князь Михайло Глинскій, но многіе Русскіе Князья, которые держатъ Греческій Законъ и называютъ, что пришла великая нужда о Греческомъ Законѣ, и они, не хотя приступить къ Римскому Закону, били намъ челомъ въ службу. Да, кромѣ того намъ кажется, что и тебѣ, сестра, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ твой мужъ, тоже есть неволя, по тому что хотя отъ Жигимонда у насъ не разъ бывали послы, а отъ тебя не бывало ни какой вѣсти. Такъ если на Русь такая нужда пришла, то мы хотимъ ее оборонить, а ты бы, сестра, памятовала Бога, свою душу и наказъ родительскій, не нанесла бы нашему Греческому Закону укоризны и къ Римскому Закону ни чѣмъ не приступала.» Всѣми этѣми переговорами и пересылками Сигизмундъ протянулъ время такъ, что послѣдній отвѣтъ Василія Ивановича

¹²¹ Д. П. № 2, стр. 87—89; Ак. З. Р. т. 2, № 39.

¹²² Ак. З. Р. т. 2, № 49.

былъ отъ Іюня 1508 года.¹²³ Этѣ-то переговоры необходимо должны были наводить страхъ на Глинскаго.

Всѣ указы о сборѣ войскъ мало дѣйствовали въ Литвѣ, а Глинскій этому еще болѣе мѣшалъ. Каково было озлобленіе на него, служить доказательствомъ то, что въ Литвѣ сочинили слѣдующее письмо въ Москву, которое, впрочемъ, не видимъ, чтобы было послано по назначенію. Сигизмундъ въ началѣ писалъ къ Василю Ивановичу то же, что уже было прежде изложено въ письмѣ Елены Ивановны къ брату, что Глинскій былъ виновникъ смерти Александра, и представлялись тому доказательства, показанія будто бы сообщниковъ Глинскаго. Къ этому прибавлялось (впрочемъ, можетъ быть, это было сказано и въ письмѣ Елены Ивановны), что Глинскій, «при жизни брата нашего, Александра, съ отцомъ твоимъ его въ великое нежитѣ ввелъ, невѣсткѣ же нашей, а сестрѣ твоей, много непріятностей сдѣлалъ. о чемъ и посламъ вашимъ, которые у брата нашего бывали, хорошо извѣстно. А теперь, убивши Пана Забережскаго, началъ бунтовать, объявляя, что ты посылаешь ему въ послугу Князя Данила Щеня и Якова Захаревича; да прежде къ нему приходили Шемячичъ и другіе твои Воеводы». Этѣ рѣчи кончаются слѣдующими словами: «Намъ конечно, нѣтъ ни какого дѣла, какъ ты чувствуешь своихъ Князей и Воеводъ, что нашимъ смердамъ, паробкамъ и измѣнникамъ въ послугу даешь, а мы будемъ защищать отчины наши.»¹²⁴ Для того чтобы высказать эту свою досаду, Сигизмундъ хотѣлъ воспользоваться тѣмъ случаемъ, что его послы и купцы еще во второй половинѣ Іюня не возвращались назадъ. Наконецъ послы пріѣхали: Сигиз-

¹²³ Ак. З. Р. т. 2, № 22. Издатели это письмо Василя Ивановича къ сестрѣ отнесли на цѣлый годъ назадъ. По Голицынской выпискѣ изъ Польскихъ дѣлъ оно относится 7016 году. Но кромѣ того хотя издатели и напечатали, что будто въ Литовской Метрицѣ написано подъ письмомъ «7015 годъ Іюнь,»—но я видѣлъ 7 и 8 книги записей Литовской Метрики, откуда печатали это письмо издатели Актовъ, и тамъ написано совсѣмъ не то, а слѣдующее: въ 7 книгѣ, «лѣта 7^е Іюня», а въ 8 книгѣ «лѣта 7^з Іюня». И такъ это показываетъ, съ одной стороны, какъ записывались Государственные бумаги въ Литовской Метрицѣ, а съ другой, какъ произвольно обозначали года издатели Актовъ.

¹²⁴ Ак. З. Р. т. 2, № 36.

мундъ долженъ былъ прочесть отвѣтъ на письмо Елены Ивановны и остановиться посылкой своего письма; однако, онъ отправилъ еще гонца въ Москву (5 Августа) о томъ, что опасная грамота на большихъ пословъ дана не такая, какую слѣдовало дать, и что купцы, прѣхавшіе, по опасной грамотѣ, задержаны. Въ этомъ состоявшемся посольствѣ о Глинскомъ говорилось такъ: «Ты черезъ свои опасные листы нашихъ пословъ задержалъ въ Москвѣ на долгій срокъ по просьбѣ нашего измѣнника, Глинскаго, а въ тотъ срокъ къ тому измѣннику послалъ на помощь своихъ воеводъ; когда же ты и отпустилъ нашихъ пословъ изъ Москвы, то они еще были, по твоему приказу, задержаны твоими Намѣстниками на Бѣлой.» Въ Москвѣ, давши простой отвѣтъ на этѣ слова Сигизмунда, дали требуемую опасную грамоту.¹²⁵

Получивши опасную грамоту на великихъ пословъ, Сигизмундъ долженъ былъ послать ихъ, но въ Литвѣ рѣшили попытать военнаго счастья, и военныя дѣйствія уже начались. Въ этомъ отношеніи особенно досадно было Литовцамъ на Менгли-Гирея: онъ предлагалъ имъ прислать въ помощь своихъ людей къ Кіеву и Вильнѣ. На это предложеніе Сигизмундъ отвѣчалъ, что въ помощи Царевыхъ людей въ этѣхъ мѣстахъ совсѣмъ не нуждаются и сами ихъ защитятъ, а слалъ бы онъ своихъ людей къ Московскимъ украинамъ. Но помощь Татарская не явилась, а Менгли-Гирей только ходатайствовалъ о Глинскомъ. Здѣсь Сигизмундъ уже не стѣснялся говорить; онъ писалъ къ Царю: «Ты пишешь, что Глинской такой молодець, какого въ Литвѣ не бывало—это правда, что такого измѣнника и злаго челоуѣка въ Литвѣ никогда не бывало. Да не только въ Литвѣ, но и въ Ордѣ извѣстно, что Глинскіе прежде и теперъ у нашихъ слугъ служатъ, а самъ Глинской не по отечеству былъ славенъ, а ласкою нашего милаго брата, которому онъ за это отплатилъ тѣмъ, что помогъ умереть». А объ обѣщанной Менгли-Гиреемъ помощи Сигизмундъ говорилъ такъ: «Ты намъ ярлыки подавалъ на города, что были за нашими предками, то ты самъ посмотри, какой намъ прибытокъ отъ твоихъ ярлыковъ, коли тѣ города и земли Московской держитъ въ своихъ рукахъ и собираетъ съ нихъ дани, а мы откуда

же возьмемъ по этому денегъ и поминки для тебя и твоихъ людей?»¹²⁶

Когда былъ полученъ приказъ Великаго Князя, что Воеводамъ ити въ Литовскую землю и сходиться въ Оршѣ, то Глинскій съ Князьями направился къ Друцку. Князья Друцкіе сдались съ городомъ и цѣловали крестъ, что служить имъ Великому Князю. Отъ Друцка Князья повернули къ Оршѣ, гдѣ и сошлись съ Воеводами Великаго Князя. До прихода Князей пришелъ къ Оршѣ Князь Данило Щеня съ Новгородскими войсками, Князья и Воеводы начали осаду города. Король въ концѣ Іюня находился уже въ Минскѣ, а къ началу Августа въ Смоленскѣ, и оттуда посылалъ въ послѣдній разъ въ Москву за опасною грамотой для великихъ пословъ. Осада Орши была безъ выгодъ для Москвичей, и когда пришла вѣсть, что Король идетъ на помощь къ городу, Московскіе Воеводы и Князья пошли на восточную сторону Днѣпра. Король пришелъ и всталъ противъ Воеводъ на другой сторонѣ рѣки. Но изъ этого ни чего не вышло: Воеводы отошли къ Дубровнѣ, Король пошелъ за ними; здѣсь опять стали другъ противъ друга чрезъ рѣку, и такъ стояли семь дней. Отсюда Воеводы пошли, кто къ Дорогобужу, кто въ Вязьмѣ, иные къ Метиславлю и, такимъ образомъ, все вышли изъ Литовской земли, въ которой, по обычаю, все разоряли. Шемячичъ же пошелъ въ свои города. Король, оставленный Москвичами, воротился къ Смоленску. Въ это время пришли слухи въ Москву, что Король отпускаетъ своихъ людей изъ Смоленска къ Торопцу, Бѣлой и Дорогобужу. Въ слѣдствіе этѣхъ вѣстей, Великій Князь приказалъ Воеводамъ ити къ Вязьмѣ. При этомъ Князю Щенятѣ велѣно было ити къ Торопцу, по тому что изъ Торонца пришли подлинныя вѣсти, что Королевскіе люди туда пришли и приводятъ людей къ крестному цѣлованію на Короля. При появленіи у Торонца Князя Щеняти, цѣловавшіе крестъ на Короля разбѣжались. Не болѣе имѣли успѣха Литовцы и подъ Дорогобужемъ: Станиславъ Кишка его занялъ, но когда услышалъ, что идутъ туда Московскіе Воеводы, то бѣжалъ въ Смоленскъ. Подъ Бѣлой Литовцамъ удалось столько же, — они сожгли городъ.

Въ этѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ прошелъ конецъ Іюля (по тому что съ конца Іюня до конца Іюля Воеводы и Князя безпрятственно со стороны Литовцевъ сходились), Августъ и начало Сентября, 1508 года. Когда Воеводы пошли къ Вязьмѣ, то Князь Михайло Львовичъ Глинскій поѣхалъ на подводахъ въ Москву, куда прибылъ 10 Августа. Въ тотъ же день Глинскій — Нѣмецъ, какъ его назвали въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своими пріятелями, пировалъ у Великаго Князя. Великій Князь Глинскаго съ товарищами дарилъ на пиру, и далъ ему на пріѣздъ два города: Малой Ярославецъ и Медынь. Провеселившись девять дней въ Москвѣ, Глинскій отпратился въ свои города, Мозырь и Туровъ.¹²⁷ Глинскій пріѣхалъ въ Москву не только за тѣмъ, чтобы пировать и лично ударить челомъ Великому Князю, но и за другими дѣлами; такъ онъ говорилъ Великому Князю, что «Максимиліанъ Король мыслить доставать своего отечества, Угорскаго Королевства, по тому что Владиславъ Король болѣнь, а сынъ его малъ. Владиславъ хочеть, чтобы сына его взяли на Угры, а Паны Угорскіе хотять взять на Угры своего же Угрина, Максимиліанъ же хочеть посадить на Угры изъ своей руки, по этому надо помочь ему на Польскаго Короля, чтобы онъ ему не мѣшалъ въ томъ дѣлѣ: и будетъ тебѣ, Государю, для своей чести, пригоже послать къ Максимиліану Цесарю о томъ грамоту, чтобы онъ былъ съ тобою въ братствѣ и любви, и на Польскаго за одинъ, и если нельзя твоему человѣку до него донести, то прикажи мнѣ, и я съ своимъ человѣкомъ доставлю се къ Максимиліану Цезарю; въ тѣхъ земляхъ обычай таковъ, что Великіе Государи ссылаются межъ собою грамотами, и такимъ образомъ ихъ дѣла дѣлаются; а пригоже, или не пригоже, вамъ такъ, Государь, дѣлать, то ты вѣдаешь.» Когда Глинскій уѣхалъ изъ Москвы, то здѣсь нашли, что пригоже къ Максимиліану послать грамоту, по тому что Король Максимиліанъ былъ съ отцомъ Великаго Князя въ любви и братствѣ, а въ договорной грамотѣ написано именно: быть за одинъ на Казимира Короля и на его дѣтей. По этому, въ слѣдъ за Глинскимъ, была послана, вмѣстѣ съ его пріятелемъ, грамота для передачи ея Максимиліану; грамота была о томъ, что Великій

¹²⁷ Русск. Врем. ч. 2, стр. 219 — 220; Разряды.

Князь началъ добывать своей отчины, города Кіева, а Максимилианъ по договору помочь бы ему въ этомъ. Князю Михайлу Львовичу было наказано, чтобы онъ ту грамоту препроводилъ къ Максимилиану, и если самъ хочетъ какую грамоту послать къ Максимилиану, то прислалъ бы съ нея списокъ.¹²⁸ Какъ отношеніями Московскаго Государя къ Императору, такъ точно и его отношеніями къ Даніи, Глинскій тоже пользовался. Отправляясь въ свои владѣнія, гдѣ сидѣли его братья, Глинскій просилъ у Великаго Князя людей въ свои города. Великій Князь исполнилъ просьбу: онъ далъ Глинскимъ людей Русскихъ и Татаръ Городецкихъ (Касимовскихъ). Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла въ Москвѣ, Глинскій теперь очутился у Сигизмунда въ тылу.

Изъ выше изложенныхъ военныхъ дѣйствій мы можемъ видѣть, что хотя Литовцы и наступали, но дѣйствовали не совсѣмъ удачно. Москвичи хотя и отбивали ихъ, но не давали сильнаго отпора, по тому что значительная часть войскъ должна была оберегать украины, вѣроятно, изъ опасеній предъ набѣгомъ Татаръ.¹²⁹ Этѣ обстоятельства, неудачная война, наступленіе осени и появленіе Глинскаго въ Мозырѣ, повели къ тому, что 19 Сентября, по опасной грамотѣ, данной въ Августѣ, пріѣхали въ Москву послы отъ Короля Сигизмунда и говорили объ мирѣ. Сначала они потребовали возвращенія городовъ, которые издавна принадлежали Литвѣ, но, получивъ, обыкновенно даваемый на этѣ требованія, отвѣтъ, объявили, что Король поступаетъ тѣми городами и волостями, что были въ перемирьѣ съ Александромъ Королемъ, но тѣ, которые Великій Князь поималъ послѣ, слѣдуетъ возвратить; да также еще возвратить Черниговъ, Любечъ, Дорогобужъ, Городецъ. Послѣ долгихъ спорныхъ рѣчей послы сказали, что Король поступаетъ и этѣхъ городовъ, но просили, чтобы Великій Князь поступился Смоленскихъ волостей. Послѣ спорныхъ рѣчей, и по этому поводу Великій Князь велѣлъ сдѣлать уступку нѣкоторыхъ волостей, и договаривающіеся на томъ порѣшили, что учинить вѣчный миръ, который былъ утвержденъ 8-го

¹²⁸ Пам. Дни. Сн. т. 1, стр. 151—154.

¹²⁹ Разряды.

Октября. Пѣнныхъ постановлено выпустить съ обоихъ сторонъ.¹³⁰ Владѣнія служебныхъ Князей, Шемячича, Можайскаго, Бѣльскихъ съ товарищами, остались за Москвою. Василій Ивановичъ, принимая Глинскаго въ службу, обѣщаль стоять за его отчины, и по тому дозволялось Глинскому съ братією воевать Литовскую землю, за свою обиду, а которые города они возмутъ, то на нихъ сидѣть Глинскимъ, а Великому Князю въ нихъ не вступаться. Но это обѣщаніе при заключеніи мира не было исполнено: всѣ земли Глинскихъ остались за Литвою, и Глинскимъ съ товарищами отданъ былъ приказъ ѣхать въ Москву. Кромѣ вѣчнаго мира между Государями, заключенъ былъ союзъ на всѣхъ непріятелей и на Татаръ; но въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ исключенъ только одинъ Менгли-Гирей, который такъ мало вредилъ Москвѣ въ послѣднюю войну и такъ плохо помогаль Литвѣ, такъ что въ настоящее время, почти какъ и всегда, оба Государя въ сущности не могли сказать, въ какомъ они отношеніи находятся къ Крыму.

II.

Никто не зналъ такъ хорошо тѣхъ болѣзней, которыми страдало Литовско-Польское Государство, и никто лучше не усвоилъ системы Польскихъ дѣйствій въ отношеніи къ Москвѣ, какъ Князь Михайло Львовичъ Глинскій. Управляя Литвою при Александрѣ, онъ зналъ хорошо ея дѣла, и съ его именемъ связано самое важное дѣло того времени. Когда Иванъ Васильевичъ объявилъ, что начинаетъ войну съ Литвою, по тому что тамъ принуждаютъ Православныхъ принять Римскую Вѣру, то Князь Михайло Львовичъ долженъ былъ ѣхать въ Угрію къ Владиславу Казимировичу и просить помощи на Московскаго Государя. Здѣсь онъ долженъ былъ говорить: «Ваша Королевская Милость оказала бы помощь нашему Государю, не только ради вашего кровнаго связанья, но для святой Вѣры Христіанской, которая водворена трудами дѣда вашего, Короля Владислава (Ягайла). Отъ тѣхъ временъ до нынѣшнихъ Русь хочетъ сдѣлать, чтобы Святая Вѣра исчезла въ Литвѣ. Не только Москва, но и нѣкоторые Княжата

¹³⁰ Д. II. № 2, стр. 90 — 92; Ак. З. Р. т. 2, № 43.

возстали на отца вашего, Короля Казимира, не для иного чего, но только противъ Святой Вѣры, и ради этого же они и теперь возстаютъ на Вашу Милость, сыновей Короля Казимира; братъ вашъ нѣкоторыхъ изъ нихъ казнилъ, а другіе отъ этого убѣжали къ Московскому Государю. Этотъ несправедливый Князь началъ войну по тому, что нѣкоторые Русской Вѣры принуждены были приступить къ Церкви Римской, и объ этой причинѣ войны самъ Московскій Князь гордо приказалъ къ своему зятю.»¹³¹ Мы не имѣемъ права сказать того, что одинъ изъ руководителей дѣла и на котораго возложено было говорить сейчасъ приведенныя слова не сочувствовалъ имъ. Но, съ другой стороны, насъ можетъ поразить то, что гонитель Православныхъ въ то же время поддерживался партіей, состоящей только изъ Русскихъ, съ которыми и началъ свое знаменитое возстаніе. Михайло Львовичъ Глинскій Русской Князь, Католическаго Исповѣданія, Татарскаго происхожденія (какъ это видно изъ его родословной),¹³² получившій образованіе въ Западной Европѣ, въ эпоху Папы Александра VI, принадлежалъ къ числу тѣхъ талантливыхъ Государственныхъ людей, предъ которыми имѣютъ право благоговѣть всѣ поклонники правилъ политики современника Глинскаго, Макіавелли, но по исторіи Глинскаго могутъ они судить, какова бываетъ судьба людей, руководящихся подобными правилами. Лучшей оцѣнкой талантовъ Глинскаго служить то, что о Князѣ Бѣльскомъ и другихъ отбѣзчикахъ въ Литвѣ скоро забыли, но о Князѣ Глинскомъ никто не забывалъ. Пока существовалъ Глинскій, Литовцы не могли думать, что онъ не будетъ имъ мстить за свою обиду. Сигизмундовы послы, заключившіе вѣчный миръ, когда доѣхали до Смоленска, то прислали Королевскаго человѣка съ грамотами о томъ, что прибѣжали слуги Королевскаго измѣнника и говорили, что у него такая мысль: «Только Государь съ Королемъ помирится, то онъ съ своими пойдетъ въ степь и будетъ владѣніемъ обоихъ Государей школы чинить;» по этому Король, обыскавъ это дѣло, приказалъ заставить имъ дорогу въ Полѣ. Василій Ивьяновичъ отвѣчалъ: чтобы Король своихъ людей не посылалъ на Князя

¹³¹ Ак. З. Р. т. 1, № 188.

¹³² Тамъ же пр. 60.

Михайла съ братією, а если послалъ, то воротилъ бы и велѣлъ бы пропустить безъ всякой зацѣпки. Къ Князю же Глинскому была послана грамота, чтобъ ѣхалъ онъ въ Москву, гдѣ его съ братією вознаграждать за потерянное. Когда Глинскій не оправдалъ надеждъ Литовцевъ и поѣхалъ въ Москву, то изъ Литвы была снова прислана грамота, что Князь Михайло только хочеть проводить свою братію въ Москву, а Государю служить не хочеть и пойдетъ въ Поле, и то бы Государю было вѣдомо. Доносамъ не вѣрили, и когда Глинскій уже пріѣхалъ въ Москву, то изъ Литвы начали уже прямо требовать его казни за то, что онъ уморилъ Короля Александра. Этѣ требованія кончались слѣдующими словами: «Если ты, братъ, такъ сдѣлаешь, то мы отъ сего времени со всѣми, которые тебѣ сгрубивши; кто бы они ни были, побѣгутъ къ намъ, будемъ точно такимъ же образомъ поступать.» На это данъ былъ отвѣтъ, что такъ сдѣлать нельзя; по тому что Глинскій билъ челомъ въ службу Государю, когда была вѣлка съ Королемъ. Для того, чтобы добиться своего, Литовцы отыскали и дѣла; на которыя трудно было отвѣчать. Литовскій посолъ говорилъ отъ Короля: «Король Датской прислалъ къ намъ листъ, который прислалъ къ нему нашъ измѣнникъ Глинскій. Мы тебѣ этотъ листъ представляемъ, и ты самъ посмотри, гораздо ли то дѣлается, что нашъ измѣнникъ; а твой слуга; пишетъ на насъ къ Христіянскимъ Государямъ неправые слова? За такіе дѣла ты казни его, чтобы онъ впередъ того не починалъ.» Москвичи на это не отвѣчали.

У Литовцевъ жалобы на Глинскаго были истощены, но для Глинскаго былъ неистощимъ вопросъ объ Еленѣ Ивановнѣ. Еще прежде послѣдней жалобы Литовцевъ на Глинскаго, Василій Ивановичъ обращался къ сестрѣ: «Король изъ докончанья выступаетъ, ее, Государеву сестру, не во чти держить.» На этѣ слова мы не знаемъ отвѣта. Но черезъ нѣсколько времени Василій Ивановичъ опять наказываетъ сестрѣ: «Чтобы она отказала свою мысль, какъ ее прожитокъ, и нѣтъ ли которой нечести отъ Короля и отъ Пановъ, и какъ къ ней впередъ Государю посылать людей своихъ?» Отвѣта на это мы тоже не знаемъ. Кромѣ этого, почти каждый посолъ изъ Москвы въ Литву обращался къ Еленѣ Ивановнѣ съ вопросомъ отъ брата объ ея житьѣ бытѣ. Наконецъ одинъ изъ этѣхъ

пословъ, Константинъ Замыцкой, пріѣхавши изъ Литвы, объявилъ: «Сказывала ему Королева и Великая Княгиня Елена Ивановна: хотѣла она изъ Вильны ѣхать въ свое имѣніе, въ Бреславль, и напередъ себя послала людей своихъ, но Воевода Виленской и Воевода Троцкой съ товарищами ее, Королеву, въ Бреславль не пустили и говорили, что дѣлають это по тому, что она ѣдетъ къ Москвѣ, а напередъ себя казну посылаетъ; да взяли Воеводы Королеву за рукава и изъ Пречистой вывели и, посадя въ сани, повезли въ Троки, а изъ Трокъ отвезли въ ея село, Биршаны, потомъ изъ Биршанъ въ Стекляшки; людей же отъ нея всѣхъ разогнали.» Въ слѣдствіе этого отправилось въ Литву посольство, въ которомъ, изложивъ всѣ выше сказанныя обстоятельства, послы, отъ имени Василя Ивановича, говорили Сигизмунду: «Сколько разъ мы приказывали къ тебѣ съ своими послами и твоими Панами, чтобы нашей сестрѣ отъ тебя и твоихъ Пановъ ни какой нечести не было и къ Римскому Закону ее не нудили бы; а теперь такую нечесть и нужду ей учинили Паны: съ твоего ли это вѣдома, или не съ твоего?» Изъ нашихъ Государственныхъ бумагъ не видно, чтобы Король далъ на этѣ вопросы отвѣтъ, но изъ Литовскихъ узнаемъ, что, по крайней мѣрѣ, былъ приготовленъ такой отвѣтъ: «Намъ хорошо извѣстно, что Паны у нашей невѣстки казны не отнимали, въ Троки и Биршаны не возили, не чести ей ни какой не чинили, но только сказали, съ нашего вѣдома, чтобы Ея Милость въ Бреславль не ѣхала, по небезопасности пограничныхъ мѣстъ, а пребывала бы по другимъ своимъ городамъ и дворамъ. Мы нашу невѣстку никогда къ Римскому Закону не нудили и не будемъ нудить, всегда ее въ чести держали, а къ городамъ, что подавалъ ей нашъ братъ, а ея мужъ, еще придали города, и впередъ хотимъ жаловать. Для большей правды, ѣхалъ бы ты (посоль) къ невѣсткѣ нашей и обо всемъ ее опыталъ; мы же дивимся, что братъ нашъ, не довѣдавшись подлинно, а по извѣстіямъ, полученнымъ отъ лихихъ людей, говорить намъ о такихъ дѣлахъ, которые у насъ и въ мысли не были»¹³³ Этѣ обиды Еленѣ Ивановнѣ были одной изъ причинъ войны, начатой Василюемъ Ивановичемъ съ Сигизмундомъ и стоившей Литвѣ Смо-

¹³³ Д. П. № 2, стр. 91 — 110; Ак. З. Р. т. 2, №№ 49, 57, 80.

ленска. Но Литовцевъ обвиняли не въ однихъ обидахъ сестрѣ Московскаго Государя; въ числѣ неисправленій Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ мы находимъ слѣдующее: что «когда Королевѣ печеть отъ Пановъ учинилась, то она изъ Биршанъ посылала къ Королю жаловаться, но Король ей управы и отвѣта не учинилъ; а Паны, научивши троихъ людей, дали имъ зелье, отправили ихъ къ Королевѣ, и они то зелье дали ей испить въ меду, и какъ она испила; то въ тотъ же день ее и не стало. Съ тою вѣстью пригналъ къ Панамъ въ Вильну ключникъ Королевины: его принялъ Виленскій Воевода, да имѣніе далъ.»¹³⁴ Елена Ивановна скончалась въ 1512 году. Но кто же былъ причиною того, что въ концѣ ея жизни запросы о томъ, нѣтъ ли ей обидъ отъ Короля и Пановъ, такъ учащаются и принимаютъ со всѣмъ другой характеръ, чѣмъ прежде? Отъ кого въ Москвѣ получали подробныя извѣстія о такихъ дѣлахъ, которыя обыкновенно дѣлаются въ глубокой тайнѣ? Глинскаго обвиняли. Литовцы въ смерти Короля Александра, и Глинскій отплатилъ имъ тою же монетою. Изъ описи Царскаго Архива¹³⁵ мы узнаемъ, что была въ немъ записъ, которую подавалъ Князь Михайло Львовичъ Глинскій о томъ, какъ сестрѣ Государевой зелье давали.

Знаменитый Государственный человекъ, изъ школы Цезаря Борджіо, хотѣлъ кончить въ Москвѣ свое дѣло такъ же, какъ кончилъ его въ Литвѣ. Убѣдившись тамъ, что личный талантъ можетъ сдѣлать многое, онъ отчасти на себѣ убѣдился сначала въ томъ же и въ Москвѣ: Глинскій подтолкнулъ дѣло къ тому, что между Государствами произошелъ разрывъ: онъ доставилъ средства взять Смоленскъ. Но дѣло кончилось тѣмъ, что, недовольный порядками, водворившимися въ Сѣверной Россіи, Глинскій задумалъ было измѣну, и попалъ за это въ Московскія темницы. Чтобы вырвать себя изъ такой бѣды, Глинскій объявилъ, что желаетъ принять Вѣру своихъ отцовъ—Православную. Кромѣ того, хода-

¹³⁴ Лит. Мет. № 2, л. 20—29, въ Арх. Мин. Ин. Дѣл. Съ этѣми правительственными извѣстіями поражаетъ сходствомъ лѣтописное извѣстіе о смерти Дмитрія Юрьевича Шемяки, гдѣ говорится: «Умеръ напрасно въ Новгородѣ, а пригонялъ съ тою вѣстію подьячій Василій Бѣда, а оттолѣ бысть Дьякъ.»

¹³⁵ Ар. Арх. Эк. т. 1, № 289, стр. 337.

таемъ за него предъ Московскимъ Государемъ явился Максимиліанъ; его посоль, Герберштейнъ (19-го Ноября, 1517 г.), говорилъ: «Цезарь думаетъ, что Глинскій довольно наказанъ за свою вину заключеніемъ, просить Государя объ немъ, такъ какъ онъ воспитывался съ младыхъ лѣтъ при его Дворѣ, отпустить въ другія страны; при этомъ Цезарь хочетъ Глинскаго присягою связать, чтобы онъ противъ Московскаго Государя никогда не служилъ.» На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Мы Глинскаго жаловали еще когда онъ былъ у Жигимонда Короля, а когда къ намъ пріѣхалъ, то учинили его въ Воеводахъ, и онъ, забывъ наше жалованье, учалъ наводить Жигимондовыхъ людей на нашихъ, и навелъ. За это онъ достоинъ былъ великой казни, и мы велѣли его казнить, но онъ вспомнилъ, что отецъ и мать его были Греческаго Закона, а онъ въ ученѣ, въ Итальянскихъ странахъ, своею молодостію, присталъ къ Римскому Закону, похотѣлъ опять приступить къ Греческому Закону и билъ о томъ челомъ отцу нашему, Варлааму, Митрополиту всея Руси, и тотъ у насъ Глинскаго отъ казни взялъ и пытается его, что онъ не неволею ли приступаетъ къ Вѣрѣ своихъ отцовъ.» Послѣ этого Герберштейнъ попросилъ только, чтобы Глинскаго выпустили на свободу.¹³⁶ Таковъ былъ Глинскій, человѣкъ, для котораго всѣ средства были позволительны, только бы имѣть возможность дѣйствовать и играть важную роль.

Про этого-то человѣка Сигизмундъ говорилъ, что Елена Ивановна было много непріятностей отъ него. На сколько правды въ этѣхъ словахъ, трудно рѣшить. Относительно принужденія въ Вѣрѣ Елены Ивановны мы знаемъ слова Александровыхъ пословъ, которые прямо говорили Ивану Васильевичу, что Александръ никогда не нудилъ своей жены къ Римскому Закону, но Папа постоянно наказывалъ ему чрезъ пословъ, чтобы онъ заставилъ жену быть послушной Апостольскому престолу по осьмому Флорентійскому Собору. Къ этѣмъ словамъ пословъ мы имѣемъ еще средство прибавить слова самой Елены Ивановны, объясняющія, кто не могъ равнодушно видѣть, что супруга Короля Польскаго

¹³⁶ Пам. Дип. Сн. т. 1, стр. 310 — 314.

и Великаго Князя Литовскаго не Католичка. Послѣ того, какъ, передъ заключеніемъ перемирія съ Александромъ, Канцлеръ Елены Ивановны подалъ отъ нея знаменитое письмо, тотъ же Канцлеръ, не правительственнымъ образомъ, говорилъ Ивану Васильевичу отъ его дочери: «Она, по наказу отца, въ Греческомъ Законѣ крѣпко стоитъ, и отъ мужа принужденія въ томъ мало, но чрезвычайно много укоризнѣ терпитъ она за Греческой Законъ отъ Архіепископа Краковскаго, да отъ Бискупа Виленскаго и отъ Пановъ Литовскихъ: говорятъ они прямо ей, что она не крещена и другія многія укоризны Греческому Закону; да они же и къ Папѣ приказывали, чтобы тотъ послалъ къ Великому Князю и приказывалъ бы привести ее въ послушество Римской Церкви и Папѣ.» Къ этому Елена Ивановна еще прибавляла, что «покуда ея мужъ живъ и здоровъ, то она ни какого принужденія въ Греческомъ Законѣ не боится; а если, по грѣхамъ, ея мужа въ животѣ не станеть, то Арцибискупъ, Бискупы и Панове, пожалуй, какое ни будетъ насиліе учинять.» По этому Елена Ивановна просила, чтобы отецъ потребовалъ отъ ея мужа новой утвержденной грамоты о Греческомъ Законѣ, за его печатью, да чтобы къ этой грамотѣ привѣсили свои печати и руку приложили Арцибискупъ Краковскій да Бискупъ Виленскій. Иванъ Васильевичъ похвалилъ свою дочь за то, что она дѣлаеть это гораздо, свою душу бережетъ и наказъ отцовской помнить. Въ слѣдствіе этого извѣщенія Елены Ивановны, Иванъ Васильевичъ приказалъ своимъ посламъ, которые ѣхали въ Литву, присутствовать при присягѣ Александра на перемирной грамотѣ, просить такой грамоты, о какой наказывала Елена Ивановна, и объяснить причину просьбы, что прежняя грамота поотстала. Такъ какъ въ Литвѣ перемирную грамоту, какъ мы видѣли, долго не утверждали, то нельзя полагать, чтобы дали новую грамоту о Греческомъ Законѣ, и въ рассказѣ о томъ, что послы дѣлали въ Литвѣ, нѣтъ и намека на дѣятельность ихъ по этой части. Этѣми указаніями Елены Ивановны, что главные ея враги, какъ Православной, есть Католическое духовенство и Паны, намъ отчасти объясняется то, что со времени пріѣзда Глинскаго въ Москву Василій Ивановичъ началъ спрашивать сестру, нѣтъ ли ей нечести отъ Пановъ. Дѣло, какъ мы видѣли, кончилось тѣмъ, что Елена Ивановна обвинила Пановъ въ обидахъ себѣ, а Глинскій въ томъ, что они отравили вдовствующую Королеву. Но не одни

Паны и Бискупы съ ненавистию смотрѣли на Православіе Елены Ивановны, а были еще и другія лица, о которыхъ она упомянула по слѣдующему поводу: Иванъ Васильевичъ обратился къ Еленѣ Ивановнѣ съ просьбой, чтобы она разузнала о дочеряхъ у различныхъ Государей, а это нужно по тому, что сыновья Ивана Васильевича уже на возрастѣ и ихъ пора женить. Когда Елена Ивановна пересчитала дочерей различныхъ Государей, то Московскій посолъ сказалъ ей: «Ты, Госпоже, пошли опробовать объ нихъ и узнай, гдѣ твоему брату, Великому Князю Василю, пригоже жениться, а я до тѣхъ поръ здѣсь подожду.» Елена Ивановна отвѣчала: «Что ты говоришь? Какъ мнѣ посылать? Если бы отецъ мой съ Королемъ былъ въ миру, тогда бы другое дѣло; да Государь отецъ самъ можетъ лучше разузнать. Да за такого Великаго Государя кто бы не захотѣлъ своей дочери отдать? Только у нихъ въ Латыши такъ крѣпко, что безъ Пашина вѣдома ни кого не отдадутъ въ Греческой Законъ, а насъ постоянно укоряютъ, зовутъ некрестями.» Къ этой общей характеристикѣ Елена Ивановна прибавила: «Да ты Государю отцу молви, что если онъ къ Маргграфю Бранденбургскому будетъ посылать, то тайся бы старой Королевы, по тому что она пуще всѣхъ укоряетъ Греческой Законъ.»

Въ такомъ обществѣ приходилось жить Еленѣ Ивановнѣ, и она, не пускаясь въ дѣла политическаго міра, хлопотала только о своихъ личныхъ. Какъ только выдали ее замужъ, то она начала постоянно переписываться съ Московскими родственниками, и эта переписка держалась въ секретѣ отъ Литовцевъ. Сначала эта переписка велась при помощи Московскихъ Боярѣ, которые жили у Елены Ивановны; при нихъ находился даже Подъячій, по фамиліи Котовъ, обязанность котораго была та, что если Еленѣ Ивановнѣ будетъ нужно писать въ Москву тайную грамоту, то такую грамоту писалъ бы онъ. Иванъ Васильевичъ этѣмъ Боярамъ наказывалъ, «чтобы они писали Государю что пригоже, да иное и словами бы наказывали; да что дочь наша будетъ намъ писать, и того бы никто не зналъ; а то пригоже ли такъ дѣлается: что наша дочь къ намъ пишетъ, что вы пишете и что она съ вами говорить, то у васъ ребята знаютъ; такъ впередъ бы этого не было.» Въ Литвѣ на этѣхъ Боярѣ смотрѣли, какъ на соглядателей и

старались поскорѣй ихъ сбывать съ рукъ. Но не о политическихъ дѣлахъ писала и приказывала въ Москву Елена Иванова. Такъ, когда сказано было Боярамъ, жившимъ у Елены Ивановны, ѣхать въ Москву, то Попу Оомѣ вѣрно было остаться вмѣстѣ съ Крестовыми Дьяками.¹³⁷ Но Елена Ивановна была за что-то недовольна Оомою, и объ этомъ наказывала въ Москву; потомъ жаловалась на старую Боярыню. Иванъ Васильевичъ требовалъ по этому случаю объясненій, и приказывалъ ей жаловать слугъ. На это Елена Ивановна отвѣчала посланному: «Мнѣ отецъ приказываетъ жаловать нашихъ слугъ, но вѣдь онъ мнѣ ни чего не далъ,¹³⁸ чѣмъ ихъ жаловать? Онъ двухъ, трехъ пожаловалъ, а остальныхъ я сама жалую. Попъ Оома не по мнѣ, а со мною есть другой Попъ изъ Вильны, и онъ добре добръ; выбрать же мнѣ Попа изъ Московскихъ нельзя, по тому что самъ ты знаешь, кого я видала въ Москвѣ. А Московскую Боярыню какъ мнѣ держать, какъ ей съ здѣшнимъ сидѣть? Мужъ мой меня жалуетъ, и объ комъ я помяну, того награждаетъ. Вотъ была у меня Боярыня нехорошая, но теперь тишасть.» Иванъ Васильевичъ офиціально и неофиціально твердилъ дочери о Греческомъ Законѣ, даже приказывалъ своимъ посламъ разузнавать, ходитъ ли она къ Церковной службѣ. Елена же Ивановна, вскорѣ же послѣ брака, заговорила не о Греческомъ Законѣ, а о томъ, что за прежними Великими Княгинями Литовскими были имѣнія, а ей они еще не даны, по тому что отецъ съ ея мужемъ ссорится. Наконецъ она получила желанныя имѣнія и начала въ нихъ хозяйничать. А когда объяснила отцу, отъ кого ей идутъ главныя обиды за Греческую Вѣру, то приказывала сказать отцу: «Свекровь моя стара, а въ Лядской землѣ есть города, которые изъ старины находятся за Королевами; такъ отецъ приказалъ бы сказать мужу, что когда свекрови не станетъ, то тѣ бы города были ей отданы». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «Дай Богъ, былъ бы я здоровъ, да сынъ мой, Василій, и мои дѣти, да былъ бы здоровъ твой мужъ и ты, а мы, когда будетъ при-

¹³⁷ Въ Литовской запискѣ о бракѣ Елены Ивановны сказано, что остался при ней Капеланъ Свѣтской съ Дьякономъ и 24 пѣвчими; въ Московскихъ Государственныхъ бумагахъ сказано, что остался Попъ Оома съ двумя крестовыми Дьяками.

¹³⁸ Въ Литовской запискѣ говорится объ огромномъ приданомъ.

гоже, прикажемъ объ этомъ твоему мужу». Этѣмъ хозяйственнымъ наклонностямъ своей дочери Иванъ Васильевичъ вообще очень сочувствовалъ и готовъ былъ обучать ее и своего зятя своимъ приемамъ. Такъ, услышавши, что Ягайловцы хотятъ дать одному неиспомѣщенному своему брату, Сигизмунду, удѣлъ въ Литвѣ, то Иванъ Васильевичъ, среди своихъ враждебныхъ сношеній съ зятемъ, приказывалъ дочери, чтобы она говорила мужу отъ себя, Сигизмунду не давать удѣла, по тому что это ведетъ къ нестроеніямъ. Оставшись вдовой, Елена Ивановна только, какъ видно, тѣмъ и занималась, что въ имѣніяхъ, данныхъ ей Александромъ и Сигизмундомъ, хозяйничала, разъѣзжала изъ одного своего города въ другой, издавала грамоты объ управленіи этѣми имѣніями, копила деньги, которыхъ, видно, имѣла довольно много, по тому что Паны испугались, какъ бы она съ ними не уѣхала въ Москву. Главное содержаніе всѣхъ ея посольствъ въ Москву было то, чтобы ей прислали кречетовъ, рыбы сухой, бѣлки Сибирской, собольихъ мѣховъ; да нельзя ли и такихъ мѣховъ достать, чтобы соболь былъ черный съ ногами передними и задними и съ ногтями и т. д. Среди - то этѣхъ хозяйственныхъ занятій Елена Ивановна скончалась. Долгое время послѣ ея смерти Василии Ивановичъ, такой же хозяинъ, какъ его отецъ и его сестрица, добивался получить казну Елены Ивановны, да также и ея имѣнія.⁴³⁹

Иванъ Васильевичъ прямо высказывалъ, что вся сила, на которую онъ опирается въ борьбѣ съ Литовско-Польскимъ Государствомъ, это то, что онъ Государь Русскій и при томъ Православный. Онъ поддерживалъ Православіе всюду, гдѣ можно, до того, что, на примѣръ, Еленѣ Ивановнѣ онъ наказывалъ заботиться о томъ, чтобы ея Православные люди въ Литвѣ у Латынъ не женились и дочерей своихъ за нихъ не давали. Но Литовцамъ чрезвычайно дорого обошлось Православіе Московскаго Государя: въ ихъ глазахъ, не говоря объ удѣлахъ, по видимому, ради Православія,

⁴³⁹ Д. II. № 1; Ак. З. Р. т., № 192. Различныя грамоты, содержащія распоряженія Елены Ивановны, напечатаны во 2 томѣ Ак. З. Р.

былъ подчиненъ Москвѣ Новгородъ и крѣпко къ ней привинченъ; сама Литва лишилась огромныхъ областей; земли ея были разорены Московскими войсками, разграблены служебными Князьями, внутри Государства явился страшный бунтъ, съ юга всѣ Русско-Литовскія области опустошены и выжжены Татарами, и все это было изъ за Православія Ивана Васильевича. Жалованныя грамоты, огромныя льготы жителямъ разоренныхъ областей, были для Литовцевъ только временнымъ облегченіемъ, — и у нихъ явилась мысль усилиться, для отпора Москвѣ. Но они хотѣли усилиться тѣмъ, что было въ сущности главною причиною всѣхъ ихъ несчастій, а именно: кромѣ обращенія главныхъ союзниковъ Москвы, всѣхъ Православныхъ, въ Католичество, еще болѣе крѣпкимъ политическимъ соединеніемъ Литовскаго Великаго Княжества съ Королевствомъ Польскимъ.....

П О Л О Ж Е Н І Я.

1. Собираніе Руси около Москвы ко времени Ивана III состояло главное въ уничтоженіи крупныхъ Удѣловъ и превращеніи Удѣльныхъ Князей въ служебныхъ. Но такъ какъ служебныхъ Князей было значительное количество на службѣ Московскихъ Государей, а со времени подчиненія Москвѣ остальныхъ Удѣловъ Сѣверной Росіи это количество еще болѣе увеличилось, то необходимо было, для пользы Государства, чтобы руководить этой массой Князей, дать имъ занятіе, соотвѣтственно ихъ наклонностямъ и способностямъ. Иванъ III, заканчивая завѣщанные ему отъ предковъ счеты съ сосѣдями Москвы, счеты, которые можно было рѣшить только войною, даетъ Князьямъ этѣми войнами занятіе, и въ то же время начинаетъ еще новыя Государственныя войны. Такими войнами были войны съ Польско-Литовскимъ Государствомъ.

2. Столкновение Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ исходило изъ того, что всѣ Удѣльные Князья, которые теряли свои владѣнія въ пользу Москвы, обыкновенно были союзниками и искали себѣ защиты и поддержки у представителей старыхъ Средневѣковыхъ порядковъ, Литовско-Польскихъ Государей. Но главное, чего не могли видѣть равнодушно въ Литовско-Польскомъ Государствѣ, это подчиненіе Москвѣ Новгорода.

3. Новгородъ по своей общественной жизни (представителемъ которой въ позднѣйшее время въ Восточной Европѣ остались Казаки), по крайнему развитію въ немъ личной свободы граж-

данъ, по одностороннему направленію ихъ дѣятельности, и при отсутствіи способности къ дальнѣйшему развитію общественнаго устройства, не могъ существовать независимымъ, рядомъ съ развивающимся Московскимъ Государствомъ. Новгороду отъ Московскаго Государства тѣмъ болѣе грозила опасность, что онъ, по старому преданію, искалъ у него себѣ опоры, и въ то же время постоянно затрогивалъ его интересы. Князья Сѣверной Россіи давно приняли на себя обязанность уничтожать порядки, подобные Новгородскимъ, и Иванъ III закончилъ дѣло своихъ предшественниковъ.

4. Князья и Новгородъ искали себѣ защиты у Литовско-Польскаго Государя, и онъ на помощь имъ приводилъ на Московское Государство Степняковъ. Старая роль Степняковъ, какъ самостоятельныхъ бичей Божіихъ для Европейскихъ народовъ, прекращается со времени образованія Государствъ, и они теперь получаютъ значеніе въ борьбѣ Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, какъ орудіе, которымъ хотѣли управлять оба Государства.

5. Такъ какъ Степняками хотѣли управлять оба Государства, то отъ ихъ набѣговъ не выходило ни какого рѣшительнаго послѣдствія, и по этому оба Государства могли рѣшить свою борьбу только собственными средствами.

6. Литовско-Польскій Государь, какъ Государь съ крайне ограниченою властію, не имѣлъ возможности дѣйствовать средствами своихъ народовъ, и хотя выказывалъ свое неудовольствіе на завоеванія Московскаго Государя, но въ то же время, по способности Польскаго народа, которому онъ главное принадлежалъ, готовъ былъ примириться съ этѣми завоеваніями, предполагая, что они, наконецъ, удовлетворятъ завоевателя.

7. Литовско-Польскій Государь, какъ Государь многихъ самостоятельныхъ народовъ, не могъ руководить разнообразными ихъ интересами, по этому предоставлялъ своимъ народамъ самимъ заботиться о себѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что Литовскіе служебные Князья, Русскіе по происхожденію и Вѣрѣ, втянули Литовско-Польское Государство въ борьбу съ Московскимъ.

8. Московскіе Государи, давно взявшіе на себя обязанность быть руководителями Русскаго народа въ Сѣверной Россіи, и имѣя много причинъ считать своими врагами Литовско-Польскихъ Государей, взяли на себя такъ же обязанность быть руководителями и части Русскаго народа, жившаго въ Литовско-Польскихъ владѣніяхъ. Заявленіемъ того, что Московскіе Государи берутъ на себя такую обязанность, отъ которой отказались Литовско-Польскіе Государы, было принятіе Иваномъ III титула «Государь всея Руси».

9. Принятіемъ Иваномъ III такого титула открывается новая исторія политическихъ отношеній Московскаго Государства къ Польско-Литовскому. Но такъ какъ принятіемъ такого титула выказывалось, что Московское Государство рѣшилось начать наступательное движеніе на Польско-Литовское, то отсюда хотѣли остановить наступленіе посредствомъ брачной политики—сватовствомъ Александра Казимировича къ дочери Ивана III.

10. Брачная политика, это Средневѣковое оружіе, главная собственность Австріи и Польши, была неприменима къ Московскому Государству, а Литовцы, въ надеждѣ на нее, согласились на многія невыгодныя для себя условія, изъ коихъ главныя: признаніе за Московскими Государями титула «Государя всея Руси» и права слѣдить за чистотою Православія супруги Литовско-Польскаго Государя.

11. Неисполненіе того и другаго условія со стороны Литовцевъ повело, во первыхъ, къ невыгодно кончившейся для Литовцевъ войнѣ, а во вторыхъ, къ тому, что Московскій Государь, для выраженія полноты обязанностей руководителя Русскаго народа, принялъ на себя роль защитника Православныхъ, которыхъ въ Литвѣ хотѣли обратить въ Католичество, съ тою цѣлю, чтобы лишить Московскаго Государя главныхъ его союзниковъ.

12. Главнымъ источникомъ для изложенія исторіи борьбы Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, за время отъ 1462 по 1508 годъ, служатъ Московскія и Литовскія Государственныя бумаги. Не смотря на то, что въ позднѣйшее время Литовской Метрикѣ въ изданіи оказано предпочтеніе предъ Русскими Государственными дипломатическими бумагами, во всякомъ случаѣ Ли-

товская Метрика, въ сравненіи съ Статейными Списками, не имѣтъ ни какого права равняться съ ними по достоинству: она отличается ничтожностію сообщаемыхъ сею извѣстій и чрезвычайно дурной редакціей. Литовская Метрика, при существованіи Статейныхъ Списковъ, можетъ служить только нѣкоторымъ, но весьма незначительнымъ, дополненіемъ къ нимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

	Стран.
ГЛАВА I. Князья	1
ГЛАВА II. Исторія завоеванія Великаго Новгорода.....	41
ГЛАВА III. Степняки.....	97

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I. Литва.....	1
ГЛАВА II. Передъ войной.....	47
ГЛАВА III. Война.....	67
ГЛАВА IV. Перемиріе.....	100
ГЛАВА V. Бунтъ Глинскаго.....	128
Положенія или Выводы.....	151
